

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования

«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

УДК 340.1

В.И. Павлов

ОТ КЛАССИЧЕСКОГО К НЕКЛАССИЧЕСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ДИСКУРСУ

Очерки общей теории
и философии права

Минск
Академия МВД
2011

Павлов, В.И.

П12 От классического к неклассическому юридическому дискурсу. Очерки общей теории и философии права : [монография] / В.И. Павлов ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2011. – 319 с.

ISBN 978-985-427-691-5.

В монографическом исследовании автором реализуется неклассический подход к анализу правовой действительности, представленный развитием темы человека в праве как возможностью преодоления новоевропейской традиции понимания человека в праве как субъекта; обоснованием необходимости междисциплинаризации юриспруденции, направленной на преодоление ее изоляционистской позиции; включением в юридическое поле внеученных с классической точки зрения моделей описания социальной и антропологической реальности, одной из которых выступает концепция синергийной антропологии.

Адресуется теоретикам и философам права, специалистам отраслевых юридических дисциплин, курсантам, студентам, адъюнктам, аспирантам, а также всем, кто интересуется современными проблемами государственно-правовой действительности.

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (протокол № 2 от 27 декабря 2011 г.)

Р е ц е н з е н т ы:

кафедра теории и истории государства и права юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета;
доктор физико-математических наук, профессор,
почетный профессор ЮНЕСКО *С.С. Хоружий*;
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист
Республики Беларусь *С.Г. Дробязко*;
доктор юридических наук, профессор *А.Г. Тиковенко*;
доктор юридических наук, профессор *И.Л. Честнов*;
доктор философских наук, профессор *М.А. Можейко*;
кандидат философских наук *И.С. Вевюрко*

ISBN 978-985-427-691-5

© УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
1. ДУХОВНОСТЬ И ПРАВО.....	17
1.1. Духовность и ее экспликация в пространстве права и государства.....	17
1.2. Формирование правового сознания в контексте православного мирозерцания в эпоху ультрамодерна.....	37
2. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА В ПОСТСОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И СТРАТЕГИИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ.....	44
2.1. Методологические особенности осмысления отечественной государственно-правовой традиции на пути построения современной модели белорусского государства.....	44
2.2. Метаюриспруденция как условие эффективного развития национальной правовой системы.....	50
2.3. Проблема трансляции правовых смыслов в условиях взаимодействия правовых систем: опыт энергийно-правовой интерпретации.....	53
2.4. Доступность и смысловая восприимчивость законодательства в контексте развития национальной правовой системы.....	66
3. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ОПТИКЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И КОНЦЕПЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА (ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДОКТРИНЫ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА).....	88
4. ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	130
4.1. Инновационные образовательные технологии XXI в. и фундаментальные юридические науки: Болонский процесс и традиционная система знания.....	131
4.2. Стратегия развития и задачи преподавания фундаментальных юридических дисциплин на современном этапе.....	133
4.3. О проведении фундаментальных научных исследований на кафедрах профильных высших учебных заведений (на примере УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»).....	136
4.4. Смысловое задание теоретико-правовых дисциплин в системе дополнительного юридического образования в условиях постмодерна.....	139
5. ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПЕРЕД РЕШЕНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.....	142
5.1. Мироззрение и духовно-нравственная конституция сотрудника органов внутренних дел.....	144
5.1.1. Мироззрение сотрудника органов внутренних дел и его значение в современном мире.....	144
5.1.2. Нравственность в деятельности сотрудника органов внутренних дел.....	147
5.2. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел как предмет философско-правовой рефлексии.....	154
5.2.1. Проблемы уголовно-правовой квалификации и практики ее осуществления в философско-правовом аспекте.....	154
5.2.2. Философия преступления: преступление как следствие нравственного падения человека.....	163
5.2.3. Смертная казнь: между нравственно идеальным и конкретно социальным.....	166
5.2.4. Семейно-бытовой конфликт как типичный криминологический феномен и современная нравственная проблема.....	178
6. ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ КАК НЕКЛАССИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ НАУКИ.....	189
6.1. Юридическая конфликтология как новое научное направление и ее место в системе традиционного юридического знания.....	190
6.2. Методологическая модификация правоприменительной деятельности в контексте разрешения юридических конфликтов.....	202
6.3. Юридический конфликт и правоотношение: теоретико-методологические вопросы соотношения.....	224
6.4. Соотношение правового интереса субъекта юридического конфликта и юридического права, обязанности, законного интереса.....	238
6.5. Альтернативные процедуры разрешения юридических конфликтов в структуре национальной правовой системы: современное состояние и перспективы развития.....	247
7. СИНЕРГИЙНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ НЕКЛАССИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: НА ПУТИ К СИНЕРГИЙНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА.....	270
7.1. Синергийно-антропологическая концепция правового сознания: к постановке проблемы.....	271
7.2. Смерть субъекта права, или О необходимости разработки новой концепции правового человека.....	283
7.3. О взаимодействии богословского и юридического дискурсов, или О возможности синергийно-антропологической концепции права.....	291
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	303
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	305

ПРЕДИСЛОВИЕ

В XXI в. ведущим эпистемологическим компонентом, в радикальную зависимость от которого попадает вся юридическая наука, которым определяется успешность освоения правовой реальности, умение точно, глубоко интеллектуально схватывать реальные процессы в области юридического, становится стратегия юридического мышления. Кардинальное изменение социальной жизни в последней трети XX – начале XXI в., а вместе с ней и правовой реальности стало в мировом масштабе настоящим методологическим испытанием для классической модели мира. Трансформация социальных институтов, изменение поведенческих стратегий, появление ранее неизвестных антропологических практик, направленных на аннигиляцию человеческого существа, симуляция ведущих социокультурных институций, в том числе права и государства, и иные подобные процессы, которые органично могут вписаться в известный концепт Ж. Бодрийера «конец социального», актуализируют необходимость концентрации правовой эпистемологии на парадигмальном уровне анализа разворачивания правовой жизни. Привлечение внимания именно к стратегии юридического мышления в последние десятилетия объясняется не столько появившейся возможностью свободного освоения зарубежного исследовательского опыта, сколько осознанием кризиса классических эпистемологических оснований правовой, а равно всей гуманитарной науки. Становится понятным, что классический методологический ресурс, который еще доминирует сегодня на институциональном уровне (например, в образовании), постепенно себя изживает из-за невозможности адекватно понимать, объяснять, а значит и эффективно воздействовать на правовую реальность. Классический понятийно-категориальный аппарат в условиях постсовременности во многом становится лишь знаковой формой, лишенной означаемого, а значит он становится юридическим симулякром. Демократия, права человека, правовое государство, гражданское общество и прочие концепты классической либеральной доктрины сегодня подвергаются смысловому смещению, в условиях которого эффективная работа с ними применительно к реальным правовым процессам весьма затруднительна. Заглядывание под покров, выяснение того, что кроется за этими юридическими знаками, требует совершенно иной концептуальной работы, не удовлетворяющейся простым использованием этих категорий как готовых к операционализации инструментов. И дело не в том, что при их методологическом проектировании была допущена какая-то ошибка, – просто те условия, в которых они формировались, предзадали именно такую их методологическую

направленность, которая сегодня перестала фактически соответствовать функциям познавательной деятельности ввиду непонимания тех кризисных явлений, которые мы наблюдаем в современном мире. Продолжение использования классического инструментария при избрании тактики игнорирования, необращения внимания на эти вещи, на наш взгляд, сегодня во многом означает фактический отказ от реальной юридико-мыслительной работы и влечет увеличение разрыва между идеально конструируемой картиной правовой реальности и фактическим положением дел.

Обновление юридического смысловосприятия с целью понимания актуальных социокультурных процессов должно происходить путем отправления от логики разворачивания самих этих процессов, самой социальной среды, точнее, тех трансформативных изменений, которые привели к современной ситуации. С момента конституирования новоевропейской рациональности как классической картины мира под ее же воздействием в обществе произошли серьезные парадигмальные сдвиги, затрагивающие систему мировоззренческих, ценностно-культурных и методологических установок. Это напрямую касается и государственно-правового среза социальной действительности.

Традиционно выделяется как минимум одно такое парадигмальное изменение: это переход от классической к неклассической парадигме мышления, при котором неклассическая парадигма вбирает в себя множество различных модификаций – от методологических проектов второй половины XIX в. до современных. Более распространенной является двухэтапная модель парадигмальной эволюции мышления – от классической к неклассической и от неклассической к постнеклассической парадигме. Полагаем, что в отношении русскоязычной юриспруденции более целесообразно использовать все же первую модель парадигмального сдвига, поскольку дореволюционная юридическая мысль за редким исключением работала в классическом эпистемологическом поле, а советское правоведение было, по сути, задано им же при соблюдении правил организации советско-марксистского дискурса. Два последних десятилетия, которые представляют сегодня итог плюральной методологической юридической работы, представлены проектами в большинстве своем начального освоения, как правило, нерасчлененного неклассического и постнеклассического методологического поля. Ввиду этого обстоятельства мы предпочитаем говорить о едином поле неклассического мышления.

Основная особенность неклассической мысли заключается в том, что в отличие от классической картины познания, претендующей на получение истинного знания в субъект-объектной парадигме, она распространяет познавательную работу на внутренние установки и условия существования и деятельности *субъекта познания*, а также на их

взаимосвязь с *ценностно-целевыми структурами* как, по сути, вненаучными комплексами. Как отмечает В.С. Степин, в неклассической парадигме происходит экспликация связи «внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями» [1, с. 634]. Иными словами, в неклассической парадигме происходит своего рода десциентизация познания с одновременным вовлечением в эпистемологическое поле разноплановых научных срезов прочтения познаваемой реальности по принципу дополнительности при условии возможности вовлечения или конструирования вненаучных с классической точки зрения ресурсов. Подобная направленность неклассического познания обуславливает, во-первых, актуализацию междисциплинарных исследований и разрушение изоляционистских дисциплинарных установок в рамках одной области научного знания, во-вторых, соприкосновение между собой дисциплин различных областей научного знания и, что особенно важно, их взаимодействие с нравственными, культурными, религиозными и иными вненаучными комплексами.

Известный российский методолог В.М. Розин в связи с анализом фукольдиданских концептов «дискурс» и «диспозитив» отмечает, что эти неклассические исследовательские инструменты открывают новую страницу в развитии социальных и гуманитарных наук. «Их употребление, – говорит ученый, – позволяет связать в единое целое такие важные планы изучения как: эпистемологический план (дискурсы-знания), дескриптивное и компаративистское описание текстов (дискурсы-правила), анализ деятельностных социальных контекстов и условий (дискурсы-практики и дискурсы-властные отношения). Можно согласиться, что в традиционном членении наук и практик все эти планы и даже их части относятся к разным дисциплинам – теории познания, лингвистике и семиотике, теории деятельности и практической философии, культурологии и социологии. Однако традиционная классификация и организация научных дисциплин уже давно не отвечает потребностям времени. Уже давно наиболее плодотворные исследования и теоретические разработки идут на стыках науки или в междисциплинарных областях. Понятия дискурса и диспозитива – это как раз такие понятия, которые позволяют „переплывать“ с одного берега научной дисциплины на другой, позволяют связывать и стягивать разнородный материал, относящийся к разным предметам» [2]. Итальянский исследователь австрийского происхождения К. Штёкль, в свою очередь, констатирует все большее включение в современную западноевропейскую политико-правовую мысль рефлексии о религии. Это не означает, «что „религия стучится в двери“... нынешняя постметафизическая политическая философия периода позднего модерна сама изнутри открывается к религиозной аргументации» [3]. Эти и многие подобные комментарии свидетельствуют не только о все большем

проникновении неклассических исследовательских практик в узкие специализированные научные сообщества, но и об их внедрении в область предельно широкого поля научной институционализации.

Для юридического познания обращение к неклассической программе исследования означает, во-первых, актуализацию междисциплинарных исследований, что непременно связано с отказом юриспруденции от претензии на исключительно самостоятельное понимание правовой реальности независимо от смежных гуманитарных дисциплин, во-вторых, привлечение в процесс познания правовой реальности иных, вненаучных комплексов, которые также соприкасаются с юридически значимыми компонентами социальной реальности, в частности с человеком и его поведением. Ведущие западноевропейские правовые концепции (феноменология права, герменевтика права, коммуникативная теория права и др.) ясно указывают на вовлечение в правовое познание именно *человекомерных дискурсов* – областей знания, работающих с человеком как в рамках дисциплинарного знания, так и в рамках альтернативных проектов понимания человека (религия, нравственность и пр.). В этой связи решающее значение для развития неклассических подходов имело так называемое событие «антропологического поворота» в гуманитаристике XX в., заключавшееся в перенесении центра философской рефлексии на человека, его сознание, смысл личного присутствия в мире. Человек, понимаемый в классической парадигме как абстрактно-рационалистический индивид, а в государственно-правовом пространстве как рационально действующий, трансцендентально-этический субъект права, на проверку оказался совершенно не тем, за кого его принимали. Следствием этого стало замещение классической субъект-объектной модели познания новой, субъект-субъектной, интересубъективной моделью, вбирающей в себя субъект-объектное познание в качестве органической части. «Антропологический поворот» поставил под сомнение положение о «выключенности» субъективного фактора из правового познания, а также о нейтральности социокультурной и исторической ситуации, в которой оно происходит. Тем самым было привлечено внимание к процессу и условиям производства знания юридическим научным сообществом, в том числе к стратегии воспроизводства и канализации знания главным числом его легитимации – государством.

Парадигмальные изменения, которые раскрываются в рамках неклассического юридического мышления, можно наглядно продемонстрировать на примере вычленения предмета правовой науки в целом и составляющих ее научных дисциплин. В частности, российский правовед И.Л. Честнов отмечает, что в отличие от классической парадигмы формулирования предмета науки как познания объективных законов или закономерностей в той или иной области государственно-правовой действительности неклассическая парадигма рассматривает предмет

науки как «рефлексивное отношение субъекта и объекта, включенное в процесс intersubъективной коммуникации» [4, с. 36]. Поэтому, например, «предмет науки истории учений о государстве и праве не является заданным, но конструируется субъектом в рамках объекта. Определение предмета науки – это активная деятельность субъекта, но отнюдь не произвольная: она обусловлена как объектом, так и историческим и социокультурным контекстом» [4, с. 40]. Подобная логика распространяется и на отраслевые (а за ними и на прикладные) юридические дисциплины, которые формируются под воздействием концептуальных общетеоретических юридических кодов и институционально-правовая структура которых соответственно также определяется этими общими установками. В качестве примера отраслевой проблематизации неклассического типа можно указать на необходимость современного осмысления воздействия социокультурных и цивилизационно-культурных условий на формирование правового поля всех традиционных отраслей национальной системы права, которые, несмотря на обновление законодательства за время суверенной государственности, все же остаются пропитанными и заданными интенциями советского юридического мышления. Сегодня это ощущается по проблемам, которые назрели в отраслевых и прикладных дисциплинах – криминологии (понимание феномена преступления, его причин и условий, трансформации противоправного мышления), уголовно-правовой науке (кризис учения о составе преступления, концепции наказания, аргументация криминализации/декриминализации деяний, обоснование критериев общественной опасности преступления), уголовно-процессуальной науке (телеология уголовного процесса, процессуальное равенство сторон, возможность диспозитивных, договорных начал в уголовном процессе), криминалистике (технология построения криминалистической дисциплины, кризис классических моделей криминалистической методики и тактики) и в других дисциплинах. На подобном анализе проблем юридической практики, включающей в себя в качестве основного компонента правоприменительную практику двухуровневого строения – публичного (формально-правового) и скрытого (реального осуществляемого посредством устоявшихся правоприменительных обыкновений) правоприменительных дискурсов, даже не будем останавливаться, поскольку за практикой стоит не столько правовая норма, ее, эту практику, определяющая, сколько тот разнопланово укорененный контекстуальный социокультурный фон юридического проектирования, который и конституировал традицию вот именно такой юридической практики и к обращению внимания на который и призывает неклассическая эпистемология.

Итак, что же конкретно означает продвижение к неклассическому юридическому дискурсу в нашем понимании, какие перспективы оно в себе содержит и что дает для юридического познания? Чтение материа-

ла, представленного в очерках, должно быть обязательно предварено объяснением основных мотивов и направленности той работы, которую автор проводил несколько последних лет. Выше отчасти мы уже дали пояснения общего, историко-методологического характера, служащие подготовительной платформой к пояснению того замысла, который реализован в представленной работе. Далее следует конкретно наметить контуры понимания неклассически выстраиваемого юридического дискурса сквозь содержательно-тематическую экспликацию очерков.

Неклассическая правовая эпистемология, как мы уже отмечали выше, сосредоточивается на междисциплинарном анализе правовой реальности, что непременно связано с размыканием юриспруденции по отношению к иным, неюридическим областям научного знания, а также привлекает в процесс правового познания вненаучные комплексы, которые в своем особом ракурсе также рассматривают значимые для юриспруденции, общие с ней темы. При этом особое место в неклассической мысли занимает проблема человека и его экзистенции, что как применительно к области юридического может быть охарактеризовано государственно-правовое бытие правового человека (использование термина «правовой человек» призвано подчеркнуть отмежевание понимания такого модуса правового бытия от классического субъекта права). Из всей палитры неклассического тематизирования в настоящей работе мы как раз и сосредоточились именно на проблеме антропологизации юридического дискурса: *представленное в работе понимание неклассичности юридического дискурса имеет именно антропологический, человекомерный оттенок.*

Причина повышенного интеллектуального внимания к проблеме действующего в государственно-правовом поле человека кроется в простом факте: классическая юридическая эпистемология не работала с темой правового человека, а современная юридическая практика все больше и больше актуализирует необходимость именно такой модальности исследования человека в государственно-правовом пространстве – рассмотрения человека не как субъекта права, а как правового человека. Очевидно, что такой способ измерения человеческого как юридически значимого является неклассическим, поскольку, повторимся, он отсутствует в классической методологии, а главное, он обращает внимание на такие факторы правового бытия, которые направлены на его максимально полное и целостное и, что особенно актуально для современного положения дел, реальное описание.

Известный российский исследователь С.С. Хоружий, характеризуя кризис классической картины человека, в качестве главной его причины указывает абстрактность, нормативность, субстанциальность и эссенциальность ядра субъект-объектной парадигмы познания. «Как постепенно выявлялось, доказывалось, – отмечает ученый, – все понятия и положения, что выражали эти черты [классического дискурса], были

не более чем неоправданными постулатами и искусственными конструкциями, которые входили в противоречие с реальностью человеческого бытия и существования, практики... смерть эпистемологического субъекта влекла отбрасывание всех субстанциалистских позиций, тогда как смерть этического субъекта вела в конечном итоге к необходимости отбрасывания всех эссенциалистских позиций, включая и такие фундаментальные принципы, как этическая норма (и все прочие нормы) и сущность человека. Лишившись своих классических и аристотелианских оснований и находясь в поиске новых принципов и моделей, как в этике, так и в антропологии, – философия с необходимостью должна обратиться к неклассическому дискурсу» [5, с. 87–88]. Отечественный философ М.А. Можейко, констатируя современную ситуацию антропологического кризиса, в качестве основной причины такового называет «кризис идентификации», приводящий к дестабилизации сознания современного человека, разрушению «условий возможности целостного восприятия субъектом себя как аутоидентифицированной личности» [6, с. 22–23]. В такой ситуации человек «оказывается неспособным четко зафиксировать свою позицию по отношению к плюральным аксиологиям и, следовательно, собственную персональную самоидентифицированность» [6, с. 22]. Это напрямую относится и к современному правовому человеку, который в такой ситуации девальвирует систему правовых ценностей и социальную значимость правового регулирования в целом. Современная культура, заданная интеллектуальным проектом Нового времени, порождает нехарактерные для традиционных установок культурные компоненты в виде феномена аксиологического ацентризма, микшированности культурных традиций, коллажа и плюральности мировоззренческих парадигм, что в итоге приводит к смерти классического субъекта и рождению нового человека, в отношении которого и должны разрабатываться новые познавательные стратегии неклассического типа.

В государственно-правовом поле взамен классических описаний человека как субъекта права соответственно должна быть предложена более целостная картина человека юридического, что предполагает:

во-первых, смещение методологических акцентов в структуре самой юридической науки – с проблем сущности государства, права, концепций прав человека, правового государства, гражданского общества и т. д. на проблему правового человека;

во-вторых, разработку методологической картины этого самого правового человека, в которой бы ясно произошло дополнение эссенциалистских и субстанциалистских характеристик классического субъекта права (правоспособность, дееспособность, правовой статус, правовое положение, субъективные и объективные элементы структуры правомерного поведения и состава правонарушения и т. д.) некими элементами и характеристиками, более содержательно описывающими

актуальное правовое бытие (правовой (юридически значимый) смысл, правовая энергия, юридические практики, юридико-антропологические проявления и т. д.);

наконец, в-третьих, встраивание новой модели правового человека в систему юридического знания с последующим переосмыслением всего поля правовой проблематики с неклассической антропологической позиции.

Эта колоссальная работа, конечно, не является делом одного дня, а предполагает синхронную проработку обозначенной проблемы по различным темам и направлениям правовой науки, прежде всего изначально философско-правового и теоретико-правового уровней обобщения. В принципе с той или иной степенью артикулированности данного положения такая работа и была проделана автором в публикациях, составивших настоящие очерки. В этой связи следует пояснить, что в монографии отсутствует изложение цельной правовой концепции неклассического типа, что имеет место в работах таких современных исследователей, как, например, А.В. Поляков [7], И.Л. Честнов [8], А.И. Овчинников [9], Г.Ч. Синченко [10] и др. Особенность очерков заключается в том, что в них, как мы уже сказали, представлена не законченная разработка, а путь, своего рода методологическое движение, в некоторых случаях даже движение на ощупь от классической к неклассической юридической речи. Для понимания логики авторского продвигания от темы к теме является значимым указание на разновременное написание представленных научных текстов, что при внимательном чтении становится очевидным. Однако все разделы очерков, которые представляют собой исследования по отдельным проблемам, все-таки объединены в рамках одной линии, одного тренда, характеристики которого как юридико-антропологического в своей совокупности и позволяют указывать на его неклассичность по отношению к господствующему юридическому дискурсу. Сама логика размещения материала по разделам призвана подчеркнуть данное обстоятельство. Наглядно это показывает содержание, например, первого, вводного раздела исследования, посвященного теме духовности в праве, и последнего, итогового раздела, в рамках которого намечена попытка парадигмального встраивания антропологических проявлений особого типа в юридический дискурс, причем эти антропологические проявления как раз и представляют собой экспликацию духовных содержаний.

Практически все рассмотренные в монографии темы – будь то проблема духовности в праве, различные аспекты функционирования национальной правовой системы, теории прав человека, вопросы деятельности органов внутренних дел в современном мире, проблемы технологизации юридического образования, становления юридической конфликтологии как неклассического междисциплинарного направления правовой науки и, как завершение, обоснование синергичной ан-

тропологии как неклассической антропологии права – с различной степенью углубления, однако сосредоточены на актуализации темы правовой антропологии неклассического типа. При этом антропологизация юридического дискурса сквозь представленные темы имеет своей целью отмыслить проблемное поле не через привычного нам субъекта права в классическом картезианско-кантианском смысле с атрибутированными субъекту юридическими признаками и свойствами (что было делом классической антропологии права), а от действующего в государственно-правовом пространстве цельного правового человека с его внутренним миром, личностной конституцией и идентичностью с экстраполяцией этих содержаний на цивилизационно-культурный организм с отслеживанием специфики его конституирования, исторического движения и современного состояния.

В связи с этим антропологическая линия в представленной работе разворачивается на двух уровнях. Первый уровень – *чисто антропологический*, на котором происходит обращение к самой феноменальности правового человека и его государственно-правового бытия. В этом случае речь идет о внутренних структурах правового человека либо связанных с ними образованиях – духовности, правовом сознании, правовых интересах, конфликтных мотивах, идентичности, конститутивности, оказывающих воздействие на правовое поведение (эта тема представлена преимущественно в разд. 1, 6, 7). Второй уровень – *цивилизационно-культурный*, который базируется на антропологической почве и представляет собой перенесение неклассического антропологического образа на более широкие социально-правовые явления, в нашем случае – на общество, право и государство. Здесь уже речь идет о национальной государственно-правовой традиции, идентичности национального права, особенностях правового смыслопорождения в условиях транскультуральности, проблемах взаимодействия национального права с нетрадиционными правовыми элементами, сложившимися в ином цивилизационно-культурном пространстве, опять же исходя из уникальности и особенностей представленной неклассической модели правовой антропологии, нового типа правового человека (это преимущественно разд. 2–5).

Неклассический юридический дискурс, развиваемый в настоящей работе через рассмотрение различных правовых проблем, методологически соседствует с иными разрабатываемыми сегодня неклассическими моделями права, представленными достаточно разнообразными методологическими ходами. При этом, однако, есть основания утверждать, что предлагаемый нами методологический путь является самостоятельным.

Одной из первых концептуальных разработок неклассического типа в русскоязычном юридическом пространстве выступила коммуника-

тивно-феноменологическая концепция права А.В. Полякова, оформленная в соответствующий учебник по общей теории права [7]. Антропологизация юридического дискурса осуществлена здесь за счет смещения познавательного акцента на диалогическую природу права как пространства правовой коммуникации субъектов, где под последней понимается прежде всего intersubъективное взаимодействие, для обеспечения которого соответственно необходима актуализация интенциональности как юридически значимой характеристики правового общения. Еще один вариант неклассического прочтения правовой реальности представлен И.Л. Честновым, обосновывающим постмодернистскую концепцию права, в которой черты правового человека хотя также задействуются, однако не так акцентированно – основной упор делается на социолого-антропологическом подходе, основанном на диалогической онтологии и методологии [4, с. 277]. Не менее значима предпринятая А.И. Овчинниковым попытка разработки герменевтической правовой парадигмы, в которой ключевыми моментами прочтения правовой реальности становятся правовое мышление и личностный концепт понимания, рассматриваемые автором в цивилизационно-культурном контексте [9].

Отличительная же особенность предпринимаемой нами антропологизации юридического дискурса заключается не просто в обращении к теме правового человека, но еще и в конструировании иной методологической картины этого человека, позволяющей осваивать глубинные пласты юридически значимых поступков. Данный аспект наиболее явно обнаруживается в последнем разделе монографии, посвященном синергичной антропологии как неклассической антропологии права. Смысл такого обращения состоит в попытке привлечения для понимания правового человека не ведущих философско-антропологических теорий западной науки XX в. (хотя, конечно, отказываться при этом от использования западноевропейского методологического инструментария не имеет смысла), а специфического антропологического опыта, который в контексте традиционных познавательно-юридических практик однозначно квалифицируется как неклассический или даже маргинальный. Речь идет об обращении к процессам личностного и цивилизационно-культурного конституирования на основе опыта совершенно специфического порядка, в котором и через который возникла и доминирующее время формировалась отечественная правогосударственность, а именно об обращении к *духовной, восточнохристианской традиции*, которая в свое время послужила колыбелью государства и права и выступила духовным проспектом для исторического движения всего цивилизационно-культурного организма. Такая исследовательская стратегия влечет непременно соприкосновение правового познания с внеюридическими комплексами, сосредоточивающими основное внимание на проблемах конституирования личностных и социокуль-

турных единиц в парадигме духовных практик. Для нас таким базовым комплексом в настоящем исследовании выступила синергичная антропология.

Конечно, скептик может высказать сомнение в необходимости столь радикальной попытки переосмысления стратегии правового познания – обращения к нетипичным для классического правоведения темам, разрывам дисциплинарных барьеров, нередко так тщательно оберегаемых правоведами. Однако спокойное, взвешенное наблюдение за современной социальной реальностью, в том числе и правовой, а также анализ последних тенденций в развитии юридического знания как за рубежом, так и на постсоветском пространстве указывают на необходимость такой работы. Да, действительно, это непростая исследовательская работа, да, для этого необходим междисциплинарный интеллектуальный ресурс, однако наибольшие прорывы в правоведении были осуществлены именно таким путем как в дореволюционной российской правовой науке (В.С. Соловьев, Н.Н. Трубецкой, С.А. Муромцев, И.А. Ильин, Л.И. Петражицкий и др.), так и на протяжении XX в. и сегодня на Западе (М. Фуко, Н. Луман, Ю. Хабермас, П. Бурдьё и др.). Наша задача заключается не в самодостаточном усложнении юридической речи и методологии правовых исследований, а в обналичивании, выведении на поверхность тех аспектов правового бытия, которые ввиду методологического своеобразия классической юриспруденции были недоступны или, говоря словами М. Фуко, были невидимыми лишь постольку, поскольку находились слишком явно на поверхности вещей.

Более того, такое рассмотрение проблем правовой действительности с учетом исследования особенностей конституирования в парадигме духовных практик, исторически так характерных для нашего цивилизационно-культурного организма, дает отечественной правовой науке в современной ситуации ряд преимуществ, а именно позволяет:

приблизиться к пониманию своей государственно-правовой идентичности и не допустить ее растворения в трансюридическом глобализационном потоке;

понимать и создавать собственные юридические стратегии решения актуальных проблем правовой действительности;

разрабатывать свой юридический язык с адекватным отражением в законодательстве собственных цивилизационно-культурных смыслов;

создавать соответствующие нашей смыслодеятельности правореализационные стратегии;

более ясно понимать и осуществлять дескрипцию того потока юридических замыслов, который импортируется сегодня к нам развитой западноевропейской практикой и который волей-неволей приходится осваивать, по крайней мере, иметь с ним дело.

Для удобства работы с текстом каждый раздел очерков снабжен небольшим введением-комментарием, кратко описывающим суть

изложенного проблемного поля. Несмотря на то что каждый раздел представляет собой отдельную проблемную область, существуют их внутренняя взаимосвязь и смысловые переходы от одной проблемы к другой.

Автор выражает признательность и благодарность рецензентам – кафедре теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (в особенности Елене Владимировне Тимошиной и Андрею Васильевичу Полякову, основным рецензентам от кафедры), Степану Григорьевичу Дробязко, Анатолию Герасимовичу Тиковенко, Илье Львовичу Честнову, Марине Александровне Можейко, Илье Сергеевичу Вевюрко.

Особую признательность и благодарность автор выражает Сергею Сергеевичу Хоружему, директору Института синергичной антропологии (Россия), основателю и главе синергично-антропологической школы, за поддержку и оказанную помощь в популяризации идей синергичной антропологии в праве, которым посвящен последний и самый важный раздел представленной работы.

1. Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М. : Прогресс-Традиция, 2000.
2. Розин В.М. Генезис и современные проблемы права: методологический и культурологический анализ [Электронный ресурс]. М., 2001 // Научный фонд им. Г.П. Шедровицкого. Режим доступа: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/31> (дата обращения: 06.10.2010).
3. Штёкль К. Постсекулярная субъективность в западной философской дискуссии и православное богословие [Электронный ресурс] // Богослов.ru : науч. богослов. портал. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/863182.html> (дата обращения: 09.06.2010).
4. Честнов И.Л. История политических и правовых учений: теоретико-методологическое введение : учеб. пособие. СПб. : ИВЭСЭП, Знание, 2009.
5. Хоружий С.С. Кризис классической европейской этики в антропологической перспективе // Этика науки. М. : ИФРАН, 2007.
6. Можейко М.А. Феномен аксиологического эклектизма в современной культуре: методологические основания идейно-воспитательной работы // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2004. № 2 (8).
7. Поляков А.В. Общая теория права : Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций. СПб. : Изд. дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2004.
8. Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб. : С.-Петербург. юрид. ин-т Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2000.
9. Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме : монография / науч. ред. П.П. Баранов. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 2002.
10. Синченко Г.Ч. Философско-правовые облики человека : монография. Омск : Ом. акад. МВД России, 2001.

1. ДУХОВНОСТЬ И ПРАВО

В данный раздел вошли работы, подготовленные в 2006–2007 гг. и посвященные одной из базовых проблем неклассической теории права – проблеме духовности в праве и ее теоретико-правовому осмыслению. Приступая к раскрытию темы духовности в первом параграфе, мы ставили перед собой как минимум две задачи: 1) постараться, насколько это возможно, подойти к духовности, как она есть на самом деле, т. е. как она живет и проявляется в той области, в которой и происходит ее рождение, – в области религиозного опыта, исключая при этом инструментальное формально-юридическое редуцирование данного явления; 2) попытаться в таком, неурезанном виде ввести тему духовности в юридический дискурс в наиболее, как нам показалось, наглядных местах его государственно-правовой экспликации – в области правового сознания и идеологии государства. Второй параграф представляет вводно-экспериментальную попытку использования православной духовности (православного типа мирозерцания) для преодоления доминирующей сегодня модели потребительского сознания (как потребительского правосознания) на фоне прогрессирующего развития общества постмодерна (ультрамодерна), при этом аргументы привлечения религиозной составляющей для решения сугубо юридической проблемы построены на раскрытии темы духовности в первом параграфе. Следует отметить, что данный параграф имеет политологический уклон и содержит анализ ряда актуальных проблем политико-правовой действительности.

Вошедшие в раздел работы во многом обладают статусом экспериментальных и постановочных, что, разумеется, ввиду важности и актуальности рассматриваемых проблем не лишает их права претендовать на открытие поля неклассических юридических исследований.

1.1. Духовность и ее экспликация в пространстве права и государства

Юридическая наука XXI в. ставит перед сообществом ученых-правоведов все новые и новые задачи, которые получают свою актуализацию в условиях стремительно меняющейся жизни современного общества. Вступление человечества в новое столетие неслучайно характеризуется как свершение качественно новой эпохи в развитии цивилизации, сменившей старую эпоху, так называемую эпоху современности, эпоху модерна. Если в нескольких геополитических тезисах попытаться описать качественную новизну и отличие разворачивающейся эпохи – эпохи постсовременности, или постмодерна, по отношению к модерну, то следует сказать, что постмодерн выдвигает следующие новые базисные положения, или проекты своего осуществления: 1) вместо проекта классических буржуазных государств модерна – проект глобализма, 2) вместо национальной идентичности государств – проект планетарного космополитизма, 3) вместо строгой установки на секу-

лярность общества – проект полного индифферентизма, или индивидуального мифотворчества социальной единицы в контексте неоспиритуализма, 4) вместо гуманистической стратегии прав человека – проект произвольного утверждения абсолютным индивидом своего отношения к «другим» [1, с. 36–37]. Применительно к нашему предмету исследования особенно важны два последних тезиса, осуществление которых как раз и связано с двумя сферами жизни общества – с областью религиозной и областью юридической.

Религиозная область жизни общества и область юридическая взаимосвязаны между собой теснейшим образом. Конечно, рассуждать о религиозных отношениях и отношениях юридических весьма сложно, поскольку в жизни человека эти вещи всегда обнаруживаются как целостный мировоззренческий комплекс. Тем не менее в познавательных целях такое рассмотрение отношений религиозного и юридического характера допустимо и необходимо, тем более когда поставлен вопрос о духовности и ее разворачивании в пространстве права и государства. В настоящем параграфе обозначенную проблему предлагается рассмотреть в следующей логической последовательности: во-первых, определить общие подходы к пониманию духовности при исследовании права и государства, во-вторых, рассмотреть сущность духовности как таковой, исходя из контекста параграфа, и, в-третьих, определить основные положения проявления духовности в государственно-правовом пространстве.

Общие подходы к пониманию духовности. Начиная с конца 80-х гг. XX в. и по настоящее время проблема духовности обсуждается достаточно интенсивно. Тем или иным аспектам духовности посвятили свои работы исследователи различных областей знания. В частности, среди философов это Р.Г. Апресян, Л.П. Буева, В.И. Гараджа, Г.Д. Гриценко, А.Г. Дугин, В.П. Зинченко, Э.В. Ильенков, В.Ж. Келле, А.Д. Косичев, В.А. Лекторский, Г.В. Платонов, В.Н. Сыров, Е.Г. Яковлев и др. Психологические исследования отдельных аспектов духовности представлены работами А.Г. Асмолова, Б.С. Гершунского, И.Г. Дубова, В.В. Знакова, А.Н. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, В.А. Пономаренко, В.Д. Шадрикова и др. К правоведам, исследовавшим те или иные проблемы духовности, следует отнести Г.В. Атаманчука, Р.С. Байниязова, М.И. Байтина, В.А. Бачинина, А.С. Гречина, С.Г. Дробязко, Д.А. Керимова, В.Н. Кудрявцева, Л.Н. Мороза, В.С. Нерсисянца, В.Б. Романовскую, А.Г. Тиковенко, И.Е. Фарбера и др. Помимо научного знания вопросы духовности всегда отражались в богословских источниках. При исследовании духовности этот пласт знания также не должен игнорироваться.

Что представляет собой духовность? Какой смысл заключает в себе это понятие? Существует ли необходимость оперировать им при решении юридических проблем, вообще включать его в исследовательское

поле правоведения? Ответы на эти и многие другие вопросы сегодня весьма актуальны. О духовности, в том числе и в юридической науке, говорится все больше и больше, однако точное описание проблемного поля отсутствует.

Сразу следует сказать, что проблема духовности есть прежде всего проблема мировоззренческого, бытийного характера, а поэтому она должна решаться на философском, общеметодологическом, т. е. базовом, уровне всякого исследования, так или иначе касающегося сферы духовного. С этой точки зрения духовность можно рассматривать в различных исследовательских традициях, однако по своему существу все они объединяются в два общих подхода. Первый подход основан на том, что источником духовности является сам человек (его сознание, созерцание, продукты его творчества). Этот подход принято именовать *научным*. Второй подход – его называют *религиозным* – основан на положении, согласно которому источником духовности является не сам человек как таковой, а Бог, Высшая субстанция, при этом человек служит лишь своего рода транслятором, носителем духовности, но сам по себе ее источником не является [2, с. 104]. Как отмечают Г.В. Платонов и А.Д. Косичев, «есть все основания признать существование не одного, а двух комплементарных (взаимодополняющих) типов духовности человека – сакрально-религиозного и светского научно-синтетического» [3, с. 20]. Поэтому, прежде чем говорить о духовности, изначально следует определиться с базовыми принципами ее понимания и вопросами мировоззрения, а точнее, веры, поскольку всякий разговор о духовности по существу и есть первичное определение того, *верим* мы в Бога или в Человека, все остальное лишь вторичные и производные коннотации понимания духовности. Эту особенность при исследовании духовности верно подметил В.В. Знаков: «У богослова нет сомнений в том, что духовность от Духа Святого, а у ученого-атеиста – от человека и человечества» [2, с. 104]. Отправное положение измерения духовности в государственно-правовом пространстве поэтому должно заключаться в изначальном определении общемировоззренческой позиции, так сказать, в выборе вертикально заданной ценностной оси, в измерении «от низшего к высшему»: в одном случае это «от человека к совершенному Человеку», в другом «от человека к Богу».

Наряду с мировоззренческим уровнем понимания духовности существует более определенный, *более конкретный уровень* объективации духовности и ее познания, низший по отношению к концептуальному и производный от него, поэтому можно сказать, что он разворачивается уже в горизонтально заданной ценностной оси. В рамках данного уровня решаются определенные вопросы *гносеологии, этики и эстетики*, а также раскрывающиеся в них и через них конкретно-прикладные вопросы психологии, политологии, идеологии, социологии и т. д., в том числе проблемы права и государства.

Для того чтобы разобраться с проблемой понимания духовности в том виде, в котором она сформировалась на сегодняшний день, остановимся на характеристике двух общих подходов к пониманию духовности – научного и религиозного.

На круглом столе, посвященном поиску выхода из ситуации бездуховности современного общества и пониманию общей духовной ситуации современной эпохи, В.А. Лекторский в своем докладе «Духовность и рациональность» относительно проблемы понимания духовности высказал следующую мысль: «Существует большая традиция западной культуры и западной философской мысли, для которой проблемы духовного в сущности нет... <...> ...В рамках излагаемой традиции все сферы человеческой жизнедеятельности, которые принято связывать с ее духовным измерением, могут быть поняты без всякого обращения к понятию духовности, а посредством иных понятий, прежде всего индивидуального интереса, пользы и рационального расчета». Ученый особо подчеркнул, что «это не просто влиятельная традиция в западной философии последних трех столетий, *но выражение определенных реальных особенностей той цивилизации, которая получила название технологической*» (курсив наш.– В. П.) [4, с. 31, 33]. Подмеченная В.А. Лекторским геокультурная особенность познавательных истоков проблемы духовности лежит в основе любого серьезного исследования данной проблемы, она же находится в центре понимания сложившихся научного и религиозного подходов к осмыслению духовности.

Научный подход к осмыслению духовности сформировался в Западной Европе в первой половине XIX в., когда на платформе доктрины позитивизма (франц. *positivisme*, от лат. *positivus* – положительный) наука оформилась как особый социальный институт. Предпосылки утверждения постулата о самодостаточности опытного знания обнаруживались уже в более ранних философских доктринах западноевропейской мысли (номинализм, эмпиризм, утилитаризм, механистический детерминизм), а если анализировать эпоху, когда знание концентрировалось не в университетах, а в богословских школах, то существенные различия присутствовали еще в ранних традициях западного и восточного христианства. Научная революция на Западе окончательно завершилась в первой половине XX в. с окончательным утверждением монополии науки на получение истинного знания, причем и сама истина, и само знание обрели в науке свой исключительный смысл, одним из проявлений которого стал принцип верификации. До этого в истории цивилизации, в том числе и в западноевропейской традиции, наука как отдельная система знаний о закономерностях развития природы, общества и мышления фактически не существовала, равно как и не было таких понятий, как «научное знание», «ненаучное знание», «универсальные критерии истины» и т. д. Например, истина трактовалась и

как соответствие знания вещам (Аристотель), и как вечное и неизменное абсолютное свойство идеальных объектов (Платон, Августин), и как соответствие мышления ощущениям субъекта (Д. Юм), и как согласие мышления с самим собой, с его априорными формами (И. Кант) и т. д. В текстах практически любого мыслителя вплоть до XX в. осуществлялось свободное оперирование различными религиозными понятиями (Бог, Дух, духовность и т. д.), причем религиозными по смыслу, а не только по их наименованию. Сегодня, кстати, и мы нередко ссылаемся на эти тексты как на авторитетные научные источники (труды Платона, Аристотеля, Канта, Шеллинга, Гегеля и др.).

Тем не менее наука в том виде, как она сложилась на Западе, во всей системе ее структурных компонентов последовательно пришла к нерелигиозному осмыслению духовности, атеистическому по своей сути. Иначе ввиду специфики самой науки и принципов, на которых она базируется, а точнее, тех подходов, которые были выработаны в эпоху модерна в Западной Европе, быть не могло. Поэтому *нерелигиозное осмысление духовности сегодня как раз и постулируется через научный подход к данной проблеме*, и это очень важный момент понимания современного состояния проблемы духовности.

Западная культурная традиция прошла путь постепенной секуляризации и с падением (Реформация) эпохи традиционного общества, или премодерна, и вступлением в век модерна стремительно девальвировала тему духовности как таковую, противопоставила ей рациональность как универсальный базовый принцип познания мироздания (этот процесс с исторической точки зрения прекрасно показан М. Вебером в его знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма» [5]). Абсолютизовав познавательные возможности науки, западная эпистемологическая традиция перенесла духовность в сферу положительного знания и сделала попытку «прочитать», «измерить» духовность точными средствами науки, но духовность для науки оказалась не то чтобы нечитаемым, но просто невидимым сегментом реальности. Осмысливая проблему духовности путем отрицания источника и формы трансцендентной духовности, цивилизация Запада переместила понимание духовности с вертикальной плоскости в горизонтальную, что, собственно, и привело к исчезновению самой проблемы духовности, точнее, к выпадению ее из познавательного поля. На логико-математическом языке о бесплодности такого рода попыток еще в 1930–1931 гг. заявил известный ученый-математик К. Гедель в своих теоремах о неполноте, согласно которым «для любой непротиворечивой системы аксиом существует утверждение, которое в рамках принятой аксиоматической системы не может быть ни доказано, ни опровергнуто» [6]. Другими словами, К. Гедель доказал, что даже математика как область человеческого научного знания, оперирующая пре-

дельно точными величинами, на самом деле принципиально ограничена в познании бытия и обречена на неудачу, не говоря уже о разрешении вопросов духовности в гуманитарных науках. «Развитие технологической цивилизации, – указывает В.А. Лекторский относительно западной цивилизации, – это процесс рационализации, сопровождаемый, как отметил еще М. Вебер, „расколдовыванием мира“, не нуждающегося больше в духовных измерениях» [4, с. 33]. Это отнюдь не означает компрометацию науки – это означает компрометацию духовности, она как таковая просто выпала из поля зрения западной традиции либо была растворена в других явлениях (образованность, культурность и т. п.). Исследователь В.Ж. Келле, рассматривая науку и духовность в контексте единого понятия культуры, справедливо указывает на собственную уникальность и духовной и научной составляющей культуры, причем предостерегает от смешения особенностей этих ветвей [7, с. 54]. Но ведь мы ведем речь не просто о соотношении параллельных концептов духовности и науки (если говорить шире – религии и науки, веры и разума), мы говорим о проблеме понимания духовности и о том, что наука как изначально западноевропейский концепт пытается поглотить, включить в свое поле тему духовности, подчинить ее своим принципам и законам. Другое дело, когда на более конкретных ступенях объективации одни и те же проблемы науки и духовности начинают активно взаимодействовать (тождественные проблемы нравственности в этике и религиозной аскетике, проблемы мироздания в философии и догматическом богословии, проблемы исчезновения Солнечной системы в физике и христианской эсхатологии и т. д.), но изначальные точки отсчета у них все же существенно различны.

К осмыслению проблемы духовности важно подходить не только философско-теоретически, но и конкретно-исторически, с учетом доминант культурно-мировоззренческих особенностей в развитии того или иного геокультурного пространства, той или иной цивилизации. Можно сказать, что *тема духовности в самых общих основаниях связана с конкретным геокультурным контекстом, что обусловлено прежде всего различными специфическими особенностями развития цивилизаций Востока и Запада*, и в этом смысле опытное, «живое» зарождение духовности и соответствующая традиция ее осмысления связаны именно с цивилизацией христианского Востока. Различный геокультурный контекст понимания духовности неизменно отразился и в структуре самих эпистемологических традиций Востока и Запада. Показателен, например, тот факт, что именно в восточнославянской традиции тенденции максимального взаимопроникновения науки и религии сохранялись значительно дольше, чем в других культурах (В.С. Соловьев, И.А. Ильин, С.Л. Франк, Е.Н. Трубецкой, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский и др.). Религиозное понимание

духовности на концептуальном уровне позволяло исследователям творчески реализовывать прикладные проекты в химии (М.В. Ломоносов), экономике (С.Н. Булгаков), физике (П.А. Флоренский) и т. д.

С учетом такого геокультурного контекста понимания взаимоотношения духовности и науки мы и предлагаем рассматривать проблему духовности. Поскольку строгая дифференциация научного и религиозного подходов возникла лишь в эпоху модерна вследствие секуляризации культурно-исторической парадигмы Запада, то понимание данного обстоятельства должно учитываться и в определении общих подходов к познанию духовности. Если не учитывать условность, историческую и геокультурную ограниченность разделения подходов к пониманию духовности на научный и религиозный и сам факт их противопоставления в рамках обозначенной проблемы, то познание духовности окажется объективно ограниченным рамками либо только научного, либо только религиозного изоляционизма. В то же время когнитивное снятие искусственного разделения позволяет диалектически синтезировать эти два подхода в третьем, где противоречие научности и религиозности снимается через их взаимодействие. Используя фундаментальные основания религиозного понимания духовности на мировоззренческом уровне, на более определенных ступенях познания исследуемого объекта следует внедрять научный инструментарий, который выступит средством проникновения во все более «ощутимую ткань духовности» через ее конкретные проблемные срезы – социологические, политические, психологические, в том числе через проблемы государства и права.

Духовность. Духовность (производное от Дух, Spiritus, Πνεῦμα, Ruah – буквально: дуновение, дыхание, тончайший воздух) уже исходя из семантического значения этого слова указывает на некую нематериальную субстанцию – Дух, которая и является лексическим ядром термина «духовность». Сторонники научного подхода к исследованию духовности, о котором мы упоминали выше, во-первых, склоняются к тому, что духовность ни в коей мере не является прерогативой только религиозного сознания, во-вторых, соответственно стараются раскрыть сущность духовности только в рамках одной рациональности без и вне религиозных понятий. Под духовностью в таком случае понимается «осмысление и выбор идеалов, ценностей, целеполагание не просто на основе усвоения знаний, почерпнутых из учебников, „архивов“ культуры, но осмысления и переживания личного жизненного опыта» [8, с. 5], «субъективное человеческое начало, смысложизненные экзистенциальные проблемы человека... человеческое начало в человеке» [7, с. 51] и т. п. Г.В. Платонов и А.Д. Косичев предлагают и такое определение: «духовность – комплекс существенных качеств человеческой психики (души), выражающий ее нравственное, эстетическое, интеллектуально-

когнитивное и экологическое (природозащитное) содержание, направленный на утверждение подлинно человеческого в людях, т. е. принципов гуманизма, а также на преодоление элементов бездуховности в мировоззрении и культуре, ее квинтэссенцию составляют понятия: Вера, Надежда, Любовь, София (мудрость), Красота, Справедливость, Гармония» [3, с. 17].

Как видим, духовность здесь отождествляется с психикой (в психологической терминологии – душой), смысложизненными концептами, целеполаганием, гуманизмом. Такие представления, конечно, так или иначе приближаются к описанию проявлений духовности, однако, на наш взгляд, самого понятия духовности не раскрывают. Можно сказать, что духовность в таком понимании есть просто одно из свойств человека, комплекс существенных качеств человеческой психики, его гуманистические взгляды на жизнь, его ценности, культурность, образованность, воспитанность и т. д. Однако в таком случае использование термина «духовность» является лишним, иначе необходимо определить, что представляет собой дух в человеке и каковы его характеристики. Но как это возможно, если сам исследовательский подход этого не допускает?

Общеметодологические основания понимания духовности, которые заявлены нами, предполагают на мировоззренческом уровне подходить к духовности религиозно. Надо также оговориться, что духовность мы рассматриваем в русле святоотеческой православной традиции. В отечественной юриспруденции, насколько нам известно, это первая попытка включения в юридический дискурс религиозно понимаемой духовности.

Идеи о невозможности ограничения при исследовании духовности только позитивно-научным, «горизонтальным уровнем связей» уже неоднократно возникали в научном мире. Так, американский философ и психолог Ю. Джендлин предположил, что смысложизненные ориентации человека (а в академической науке, как правило, «духовность – это проблема обретения смысла» [8, с. 4]) не поддаются описанию в принципе, они не могут быть «схвачены», зафиксированы, нормированы, они представляют собой некий «допонятийный» смысл, воплощенный в символических формах: «смысл нельзя вычислить и пересказать. Его надо встретить, открыть, почувствовать, прислушаться к нему и дать ему возможность проявиться» [цит. по: 9, с. 65]. Д.А. Леонтьев при исследовании проблем психологии смысла также столкнулся с методологической трудностью подобного рода. «На уровне самых общих смысловых ориентаций (к нему мы относим такие психологические образования, как потребности, личностные ценности, мировоззрение, смысл жизни и самоотношение), – отмечает исследователь, – смыслообразование невозможно... Процессы смыслообразования... определя-

ются общими смысловыми ориентациями, но не определяют их... На какой основе происходит это выделение?» [9, с. 131]. В.П. Зинченко, критикуя академическую психологию за искусственное «расчленение» души на отдельные функции «в целях их *объективного* изучения», вообще за отказ от исследования сферы души и духа, указывает: «...душу нельзя свести к познанию, чувству, воле. Душа – это таинственный избыток познания, чувства и воли, без которого невозможно их полноценное развитие. Видимо, этот избыток и есть самое главное, что обеспечивает искомую психологами связь психических процессов в единство душевной жизни» [10, с. 126]. Современный исследователь этических проблем Р.Г. Апресян отмечает, что «дух беспределен, не укладывается в пределы разума. В пределах только разума определение духовности негативно. Духовность противостоит природе. И противостоит социальности. В той мере, в какой социальность спонтанна, корыстна, адаптивна, – она бездуховна» [11]. В целом надо отметить, что сегодня в исследованиях мировоззренческого характера, в том числе в исследованиях о духовности, наблюдается тенденция постепенного преодоления разрыва научного и религиозного подходов.

Религиозное понимание духовности в общем сводится к следующим двум основным положениям. Во-первых, для познания духовности человека с методологической точки зрения следует выйти за рамки самого человека и признать бытие Абсолютной духовности в Боге. Бог есть Абсолютное Совершенство, вместилище Абсолютной Истины, Добра и Красоты. Человек есть совершенство относительное, т. е. несовершенство. Жизнь человека получает оправдание лишь в его связи как несовершенства с Абсолютным Совершенством, Богом. Такая связь есть связь совершенствующаяся как духовное восхождение от человека к Богу, в ней и заключается смысл жизни человека как формы – потенциального вместилища совершенства, не удовлетворяющейся, однако, наличным состоянием своего реального несовершенства. Во-вторых, в отличие от научного понимания души как «комплекса существенных качеств человеческой психики» дух не принадлежит человеку онтологически. «Дух есть действие, энергия, дар, качество и не принадлежит человеку, человек не властен над духом», – отмечает современный богослов А. Лоргус [12, с. 188]. Дух – это Божественная энергия, благодать, качество, которое входит в состав человека, но не принадлежит ему. «Дух человека как бы душа души» – так метафорически выразил эту мысль византийский мыслитель XI в., философ и отец Восточной церкви Симеон (Новый Богослов). Если душа как комплекс психических качеств человека является его неотъемлемым свойством и всегда неразрывна со своим телесным носителем, то дух представляется привнесением в человека Творцом «энергий, или Божественных действий, природных сил, неотделимых от сущности, в которых Бог дейст-

вует вовне, Себя проявляя, сообщая, отдавая» [13, с. 94]. Русский мыслитель первой половины XX в. В.Н. Лосский так описывает соединение Святого Духа с человеком: «Он [Святой Дух] таинственно отождествляется с человеческими личностями, хотя и остается несообщимым; Он как бы становится на место нас самих... Следовало бы, скорее, сказать, что Дух Святой как бы отступает как личность перед тварными личностями, которым он присваивает благодать. В Нем воля Божия для нас не внешняя; она подает нам благодать изнутри, проявляясь в самой нашей личности, поскольку наша воля человеческая пребывает в согласии с волей Божественной и соработает с ней, стяжая благодать, соделывая ее благодатью нашей» [13, с. 223–224]. Таковы самые общие догматические положения понимания духовности в религиозном контексте.

Каковы главные отличительные особенности такого религиозного уяснения духовности по сравнению с изложенным ранее и, что наиболее интересно, в чем особенность соприкосновения таким образом осмысливаемой духовности с областью государственно-правовой?

Духовность в нашем понимании требует истинной веры, откровения, внутреннего изменения человека не просто ввиду признания им выгоды, авторитетности, императивности, развитости тех либо иных социальных норм, но ввиду реализации внутренней духовной потребности субъекта оправдать (спасти) свою жизнь. Духовность как такое оправдание жизни заключается в одухотворении, обожении, т. е. в процессе действительного перенесения на себя качеств Совершенного Бога и распространения их на все свои жизненные отношения. При этом, несмотря на осуществление одухотворения в дрящемся состоянии и на наличие задачи достичь конечной цели этого процесса, человек оправдывает свою жизнь уже здесь и сейчас и это оправдание в каждый момент времени делает человека счастливым, оно придает его жизни подлинный смысл. Здесь нет предела совершенству, так как по своему определению Бог беспределен в своем совершенстве, его совершенство абсолютно. Другими словами, духовность – это путь внутреннего преобразования, качественного изменения человека, это не внешнее требование, предписанное человеку социальными институтами и сложившимися в процессе их функционирования нормами, – это внутренняя необходимость, потребность человеческой души. Главное же, что духовность есть дар Бога, Святого Духа человеку, человек воспринимает (стяжает) Божественную энергию, благодать и оказывается в состоянии наивысшего душевного удовлетворения. Это конкретно переживаемый религиозный опыт человека, в принципе не могущий быть передан другому, этот опыт должен быть усвоен человеком непосредственно в процессе осмысления своей жизни. Как точно выразил эту мысль В.С. Соловьев, «добрый смысл жизни, хотя он больше и

перее каждого отдельного человека, не может, однако, быть принят извне по доверию к какому-нибудь внешнему авторитету, как что-то готовое: он должен быть понят и усвоен самим человеком, его верою, разумом и опытом» [14, с. 92]. Духовность в таком понимании одновременно предстает и как реальное состояние человека, и как его фундаментальная и единственная истинная смысловая ориентация, подлинный смысл его жизни. Р.Г. Апресян в связи с этим справедливо указывает, что «без индивидуализации человеком собственной жизни невозможно одухотворение» [11].

Таким образом, в сравнении с нерелигиозным пониманием духовности, в котором она отождествляется с «гуманизмом», «комплексом психических качеств», «человеческим в человеке» и т. п., предлагаемое осмысление духовности включает в себя следующие уникальные компоненты: 1) духовность есть фундаментальная смысловая ориентация и внутренняя онтологическая и психическая потребность человека, а не комплекс воспринятых человеком извне социальных норм и взглядов, функционирующих в той или иной социальной системе; духовность – это не набор операциональных социальных ресурсов человека, это состояние внутреннего душевного удовлетворения и процесс конституирования (обнаружения, идентификации) человеком подлинного себя, своего внутреннего мира; 2) духовность – это не автономное качество самого человека, духовность есть действительный синергичный опыт общения человека с Богом, это процесс одухотворения, обожения, который предстает как осмысленное переживание запредельного опыта богообщения с бесконечно заданными нравственными ориентирами; можно сказать, что христианская нравственность в данном отношении выступает как абсолютная этическая матрица, определяющая перенесение ее норм на все социальные отношения субъекта; 3) духовность есть процесс принципиальной фиксации, отработки, укоренения неизменных мировоззренческих ориентиров и социальных ценностей вместо постоянного приспособления своего мировоззрения к изменчивым нормам общества.

Духовность не достигается одним лишь самосовершенствованием, этическим поведением, образованностью, культурностью и т. п. Духовность – это раскрытие человека, но не через самого себя, а через Бога: в Боге «нравственное обновление наших душ создается в синергии Бога и человека» [15, с. 411]. Что это дает при решении юридических проблем, мы рассмотрим далее.

Духовность в государственно-правовом пространстве. Вообще духовность, как мы ее понимаем, условно может быть рассмотрена через два взаимосвязанных начала – богооткровенное, или мистическое, и нравственное, или этическое. Первое представляет собой религиозный опыт общения человека с Богом, переживание сверхъестест-

венного, опытного осуществления мистического действия в реальном акте богообщения, второе – воздействие этого опытного переживания на внутреннюю, душевную, психическую жизнь человека и распространение его соответственно на внешнюю сторону жизни, т. е. на социальную жизнедеятельность. Когда мы говорим об обнаружении духовности в области права и государства, то, несомненно, следует признать, что таковое происходит именно по второй линии – линии нравственности.

В академической юриспруденции традиционно теме духовности место практически не отводится. Проблема духовности в праве только начинает методологически обозначаться, да и то не в целом виде, а в качестве ее отдельных фрагментов [см., например: 16–18]. Основной вопрос здесь следующий: существует ли вообще необходимость выхода юриспруденции за свои традиционные познавательные границы посредством обращения к теме духовности, а если да, то по какой линии осуществлять взаимодействие духовности и юриспруденции, богословского и юридического дискурсов – приспособляя религиозно-догматический категориальный аппарат к понятийному каркасу юридической науки либо, напротив, дополняя структуру юридического знания методологическим комплексом религиозной догматики? На первый вопрос мы однозначно отвечаем утвердительно: да, существует в тех пределах, в которых таким выходом будет обеспечено более успешное решение основной задачи юридической науки и практики – достижение требуемого качественного состояния правовой действительности, ведь конечная цель правового регулирования как составной части социальной регулятивной системы в целом заключается в достижении социальной гармонии. Как верно отмечает С.А. Жинкин, «...в процессе правового регулирования определяющую роль играет личность... Реализация ее внутреннего потенциала через осознанное использование своих прав и выполнение обязанностей требует наряду с применением юридических средств, предписывающих и ограничивающих образ действия личности, все шире использовать средства, стимулирующие ее социальную активность, диспозитивные формы регулирования, предусматривающие нормативное определение юридических возможностей в пределах социального оправдания свободы выбора» [19, с. 4]. О.В. Мартышин в своей статье «Нравственные основы теории государства и права» также обращается к актуализации проблем духовности в теории государства и права. Вот что он пишет: «Утверждают, что нравственные ценности дарованы человечеству правом, что только право справедливо, что равенства и свободы вне права нет. С этой точки зрения все неправовые области человеческих отношений только из права черпают идеи справедливости, а заодно и равенства и свободы. Поразительная гипертрофия и идеализация роли

права! ...Право, конечно, ценность, но второстепенная, потому что оно служит средством для реализации высших ценностей...» [17, с. 6]. В.И. Лафитский делает следующее заключение: «Право должно быть одухотворенным. Без духовной идеи оно отдается на волю других страстей – властолюбия, корысти и цинизма» [16, с. 56]. Поэтому следует признать, что исследование духовности в контексте юридических проблем обусловлено очевидным фактором существенного влияния духовности на качество правового регулирования. Относительно же методологических вопросов исследования следует сказать, что они еще ждут своего решения. Между тем уже сегодня, не выходя за рамки традиционных разделов юридической науки, интуитивно можно обозначить возможные точки интеграции темы духовности в юридическую проблематику. В общей теории государства тема духовности обнаруживается в проблемах сущности государства, государства в политической системе общества, смежной ей проблеме идеологии государства, политико-правового режима государства. В общей теории права это прежде всего проблемы правового сознания и правовой культуры, правомерного и противоправного поведения, прав человека, права в системе регулирования общественных отношений и некоторые другие. Все эти проблемы ждут своих исследователей. Мы остановимся лишь на некоторых из этих общих положений и рассмотрим вопрос о проявлении духовности в сфере государственной идеологии, а также вопрос об отношении духовности и правового сознания.

Духовность и государственная идеология. Последние несколько десятилетий показали, что уход государства из сферы идеологического моделирования оборачивается неизбежной стагнацией такого государства во всех отношениях. «Идеология как ценностная система – непреходящий атрибут любого государства, даже если оно демонстративно заявляет о свободе от идеологических догм», – справедливо делают вывод А.Г. Хабибулин и Р.А. Рахимов [20, с. 20].

Как было отмечено, глобализация как процесс экспансии общества постмодерна, который сегодня осуществляется в мире с невероятной очевидностью, объективно стремится к замене классических государств глобальными проектами (империями) с абсолютным растворением идентичности отдельных наций в пангосударствах под главенством отдельных сверхдержав. Поэтому актуальнейшей задачей сегодня является сохранение реального государственного суверенитета как верховенства, самостоятельности и независимости государственной власти внутри страны и за ее пределами во всех областях – политике, экономике, образовании, культуре и т. д. Огромное значение в этом деле имеет сохранение цельности государства, его идентичности, основным ядром которой и является его идеология как консолидирующий и самоидентифицирующий фактор. Речь не идет о том, что государственная идеология

должна тотально подавить все иные идеологемы, но о том, что она объективно должна подняться над всем разнообразием корпоративных идеологических систем, выступить интегративной основой общества и «коммуникативным пространством для всего множества существующих в нем „частных“ идеологий» [20, с. 15], не допуская подмены цельной консолидирующей идеологии государства борьбой частных идеологических систем со своими частными интересами.

Главный вопрос формирования идеологии государства заключается в том, какие ценности, идеалы заложены в ее основание. Сегодня стало обычным говорить о включении в идеологию прежде всего традиционных ценностей общества, которые нередко связывают с духовными традициями той или иной нации. В этой связи нас интересует вопрос о соотношении духовности и традиции и месте первой в идеологии государства.

Следует сказать, что сами по себе традиционные ценности общества как система элементов социального и культурного наследия (общественные установления, нормы поведения, ценности, идеи), передающихся от поколения к поколению, сохраняющихся в течение длительного времени и отражающих мировоззренческие основания того или иного социума, не всегда могут включать в себя духовность; другими словами, эти ценности не всегда могут быть духовными. Традиция сама по себе еще не есть истина, и соответственно пренебрежение истинной ради традиции не является оправданным (если, конечно, общество стремится к такому оправданию). Другое дело, если традиция и духовность во многом совпадают, тогда формирование государственной идеологии на базе традиционных ценностей будет гармоничным и действенным при условии, конечно, что такие традиции воспроизводятся в генетической памяти народа и адекватно расшифровываются современным поколением. В связи с этим влияние духовности в ее нравственном проявлении на государственную идеологию мы попытаемся выразить в следующих основных положениях.

Духовность как процесс реального воплощения в индивидуальной жизни свойств Бога как Абсолютного Совершенства предстает действительной фундаментальной смысложизненной ориентацией, поэтому основная задача жизни человека направлена на одухотворение, т. е. нравственное совершенствование в Боге. В свою очередь, эта метафизическая истина в государственно-правовой действительности выражается для верующего человека в чувстве целостности, своего рода братского единения, в том, «чтобы не отделять себя ото всего, а чтобы быть вместе со всем» [14, с. 258], что исключает всякий деструктивизм и антигосударственные настроения по отношению к государству как социальному целому при условии, конечно, что само государство стремится поддерживать в своей политике, в том числе идеологической,

духовные ценности. Духовная жизнь есть, по сути, жизнь в стремлении к Богу, ко Христу, а Бог, как известно, «есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Иоан 4: 16). Нравственный же смысл любви в таком духовном измерении, по замечательному определению В.С. Соловьева, есть «оправдание и спасение индивидуальности чрез жертву эгоизма» [21, с. 505]. Поэтому если общество в качестве ценностной идеологической доминанты определяет духовные ориентиры, то чувство социальной целостности, единства в таких обществах в целом естественно возвышаются над эгоцентризмом, подавляют его; сознание народа воспроизводит и транслирует ценности цельности, в то время как частные эгоцентричные элементы заключаются в подчиненное состояние. И наоборот, бездуховное общество, как правило, эгоцентрично, индивидуалистично, оно деструктивно влияет на государство и его идеологию, старается вытеснить государство, поместить его в тень, сделать его «ночным сторожем», а само (точнее, то частное меньшинство, которое возвысится над обществом) стать полноправным хозяином, поскольку государство по своему определению есть прежде всего публичная форма жизнедеятельности, форма целого.

Императивы православной духовности заключают в себе образ соборности, который, однако, не сводится к социокультурной, тем более государственной целостности. Тем не менее замечено, что православно ориентированный тип мирозерцания в дилемме «публичное – частное» более склоняется к первому, что, в свою очередь, при определенных условиях способствует поддержанию государственного организма как публичной организации. Жертвенность граждан, терпение, толерантность, способность пожертвовать своим частным интересом ради общего блага и т. д. порождают достаточно лояльную модель отношения православной ойкумены к государству. Это вполне можно пояснить и словами апостола Павла: «...противящийся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее; ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. Для сего вы и подати платите, ибо они Божии служители, сим самым постоянно занятые. Итак, отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь» (Рим. 13: 1–7). Это не просто архаичный текст, как это может показаться секулярному сознанию, – это вечная логика христианской нравственности, которая оживает в православном сознании в каждый момент истории. Одновременно апостол Павел в этом фрагменте говорит не о рабской покорности государству.

В программном документе – «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», принятом на юбилейном архиерейском соборе в августе 2000 г., в разд. III «Церковь и государство» говорится: «Если власть принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям, Церковь должна отказать государству в повиновении. Христианин, следуя велению совести, может не исполнить повеления власти, понуждающего к тяжкому греху. В случае невозможности повиновения государственным законам и распоряжениям власти со стороны церковной Полноты, церковное Священноначалие по должном рассмотрении вопроса может предпринять следующие действия: вступить в прямой диалог с властью по возникшей проблеме; призвать народ применить механизмы народовластия для изменения законодательства или пересмотра решения власти; обратиться в международные инстанции и к мировому общественному мнению; обратиться к своим чадам с призывом к мирному гражданскому неповиновению» [22].

Второе положение заключается в том, что ориентация в государственной идеологии на духовные ориентиры практически исключает оформление в общественном сознании инородных идеологием взамен государственной и, таким образом, предотвращает демонтаж государства. Это направление условно можно назвать функцией духовной, в том числе идеологической безопасности государства. Кстати, если под духовностью понимать гуманизм, либерализм, свободу, культурность, права человека и т. п., то основание идеологии на таким образом понимаемой духовности оставит данную функцию нереализованной по следующим причинам: во-первых, данные конструкции в отличие от духовности не являются действительными смысложизненными установками и поэтому остаются для человека лишь преходящими и условными внешними посылками; во-вторых, для восточноправославной цивилизации они не являются базовыми; в-третьих, что самое главное, на их основе может произойти, и в современном мире мы это можем наблюдать, реальная реструктуризация национального сознания и за ним базовой системы ценностей посредством подмены консолидирующей государственной идеологии привнесённой идеологической системой.

Третье выдвигаемое нами положение основано на том, что духовные ориентиры для государственной идеологии являются своего рода гарантом осуществления последней, одним из существующих средств ее реализации. Здесь опять же задействуются механизмы внутреннего целеполагания человека – не от внешнего к внутреннему, а от внутреннего к внешнему. Если в обществе существует мощное духовное мировоззренческое ядро и оно конституируется на смысложизненных ориентациях большинства членов общества, то включение государством в свою идеологическую систему базовых оснований этого ядра имеет два

преимущества: а) сохранение духовных традиций, если таковые имели место в обществе, б) естественность наложения или проникновения государственной идеологии в смысложизненные ориентации нации и каждого отдельного гражданина, т. е. взаимопроникновение, отождествление личного и отечественного.

Таковы самые общие положения проявления духовности в области государственной идеологии.

Духовность и правовое сознание. Современная политическая действительность представляет собой борьбу за власть посредством прежде всего структурного оформления сознания людей, наций. И существование действительно суверенного государства сегодня, как никогда, зависит от идейного оформления сознания его граждан, в том числе его идеологической составляющей. Вопрос о государственной идеологии и духовности мы начали с указания на мировоззренческий характер их взаимной связи. Правосознание в интересующем нас плане также, безусловно, является мировоззренческим концептом.

Духовность непосредственно воздействует на оформление сознания человека через формирование той ее части, которую принято называть нравственным (духовным) сознанием [23]. Как фундаментальная смысложизненная ориентация духовность вбирает в себя сознание как элемент осмысления человеком себя и своего места в мире. Поскольку каждый человек есть, как еще в древности заметил Аристотель, «животное политическое», существенная часть его сознания оформляется как осознание государственно-правовой действительности. Это и есть, по сути, правовое, или, если быть точнее, государственно-правовое, сознание. Не разбирая вопрос о самом правовом сознании, рассмотрим направления воздействия духовности на структурное оформление правового сознания.

Духовность как смысложизненный ориентир в онтологическом измерении представляет собой, в сущности, жизнь не по букве, а по духу. Другими словами, система жизненных отношений гражданина, живущего духовной жизнью, выстраивается в первую очередь на основании соблюдения им духовного нравственного закона, выраженного в Священном Писании, постановлениях Вселенских соборов и Апостольских правилах, а также в Святоотеческом Предании. Закон же юридический для него выполняет, если можно так сказать, вторичную регулятивную функцию, по преимуществу охранительного порядка. Это не означает, конечно, что такой формой отношений духовного и правового последнее здесь игнорируется либо нарушается, напротив, в этом случае реализация правовых предписаний является абсолютной. Общество с сильными духовными традициями в действительности всегда постулирует именно такую системную иерархию регулятивных ценностей – эта иерархия отражается в его нравственном и правовом сознании. Напро-

тив, общество, которое конституируется не на смысложизненном стремлении к одухотворению как совершенству в Боге, а на иных мировоззренческих проектах либо вообще в отсутствие таковых (что, впрочем, вряд ли возможно), в качестве мировоззренческих оснований принимает внешние ценностные регулятивы, в том числе и право, что в США и государствах Западной Европы сегодня нередко связано с проблемой тотальной юридизации всей системы жизненных отношений.

Нравственное сознание и правовое сознание представляются как часть и целое, и соответственно эта часть должна соответствовать принципам целого. Это не означает, конечно, что правовое сознание должно раствориться в нравственном сознании, но осознание государственно-правовой действительности в контексте требований духовного (нравственного) закона должно основываться на понимании того, что задача права состоит «не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царствие Божие, а только в том, чтобы он – *до времени* не превратился в ад» [14, с. 454]. Здесь имеется ввиду снятие ложного противоречия между правом и нравственностью и соответственно между сознанием правовым и сознанием нравственным через утверждение того, что право в сущности представляет собой «минимум нравственности» [14, с. 448]. Поэтому правовое сознание человека, если выражаться условно, накладывается на уже сформированное или формирующееся нравственное, или духовное, сознание, помещается в общую картину осознания субъектом мира и занимает в ней свое положенное место осмысления государственно-правовой действительности. Это прямо позволяет говорить об *обусловленности правового сознания духовностью, опытом духовной жизни посредством формирования нравственного сознания*. Конечно, фактическое несоответствие правовых норм как части системы нравственных норм как своему целому не исключает возникающих фактических ценностных коллизий; этот вопрос требует отдельного рассмотрения, следует лишь сказать, что повышение уровня нравственного сознания и на индивидуальном и на коллективном уровне в той или иной степени эту проблему снимает.

Обусловленность правового сознания духовностью посредством формирования нравственного сознания, в свою очередь, ставит вопрос о том, каким образом происходит духовное оформление правосознания под воздействием нравственного сознания или, если сказать по-другому, каким путем происходит наложение нравственного сознания на сознание правовое. Если рассматривать правосознание с точки зрения его структуры, которая традиционно складывается из правовой идеологии, правовой психологии [24, с. 316–317; 25, с. 266–267] и, у отдельных авторов [26, с. 361–363], правовой морали, то *вместилищем духовности* условно можно назвать именно *правовую нравственность*.

Именно нравственный компонент в осознании государственно-правовой действительности задает цель и направление для реализации

правового сознания и его функций. Ведь ни сама по себе правовая теория (идеология), ни правовые чувства (психология) в своей отдельности не указывают цель, нужное направление оформления правового сознания и его приложения к правовым отношениям. Цель же правового сознания, как отмечает Е.А. Лукашева, «состоит в том, чтобы определенной системе политической организации общества соответствовал определенный порядок общественных отношений» [27, с. 89–90]. Правовая идеология оформляет теоретическую сторону осознания государственно-правовой действительности (понятия, категории, классификации и т. д.), правовая психология определяет природу и особенности эмоционально-психического отношения к праву и государству (настроения, эмоции, переживания и т. д.), но ценностного ядра или направления применения этих структур сознания к правовым отношениям в реальной жизни они сами в себе не содержат. В связи с этим во многом очевидна ошибочность аналитической практики, основывающейся на измерении правового сознания, а что еще хуже, оценки уровня развития общества исходя только из критериев знания правовых положений (правовая идеология) и реакции субъекта на их функционирование (правовая психология). Другое дело, когда и правовая идеология, и правовая психология функционируют в определенной иерархической системе с определяющим ценностным центром правового сознания.

Духовно ориентированное оформление правового сознания не является лишь познавательным абстрактным рассуждением – речь идет о том, что правосознание есть «живая ткань» действия права, его усвоение субъектом и осуществление в реальной жизни, и от того, какой элемент в правосознании будет выступать ценностным центром, ядром, во многом будет зависеть достижение целей и самого правосознания и правового регулирования в целом. По нашему мнению, *правовая идеология и правовая психология должны быть подчинены правовой нравственности, которая, в свою очередь, является правовым срезом отражения в сознании субъекта опыта духовной жизни*. Именно в такой иерархической структуре правового сознания возможны полноценное обращение к нравственному сознанию и реализация через него норм духовной жизни в государственно-правовой действительности.

Подводя итог нашим рассуждениям относительно духовности и ее экспликации в государственно-правовой действительности, сделаем обобщающие выводы:

1. Исследование духовности в контексте государственно-правовой проблематики на мировоззренческом уровне должно осуществляться исходя из ее религиозного понимания, именно в таком контексте имеет смысл обращаться к данному понятию. *Духовность* в данном случае понимается как фундаментальная и единственная подлинная смысло-жизненная ориентация человека и его внутренняя психическая потребность, основанная на вере в Бога и осуществляющаяся в процессе оду-

хотворения, обожения как действительного перенесения качеств Абсолютного Совершенства на себя и на все частные жизненные отношения. В отличие от альтернативных концептов осмысления духовности ее религиозное понимание содержит смысло-жизненный компонент (смысл (запредельный смысл) жизни человека), поэтому она является определяющим ядром конституции личности во всех отношениях, в том числе и правовых.

2. В государственно-правовом пространстве духовность проявляется через свое нравственное начало посредством воздействия на всю совокупность общественных отношений, в том числе и правовых. Актуальны тема выхода юриспруденции за свои классические познавательные границы и рассмотрение проблем государства и права сквозь призму духовности в той мере, в которой это будет способствовать достижению цели правового регулирования – требуемого состояния правовой действительности. Методологические схемы соотношения юриспруденции и религиозного осмысления духовности пока остаются неразрешенными, однако уже сегодня можно наметить ряд юридических проблем, на которые духовность влияет непосредственно. В их числе одними из значимых являются: в общей теории государства – проблема духовности и государственной идеологии, в общей теории права – проблема правосознания и духовности.

3. Идеология государства как один из необходимых компонентов сохранения государственного суверенитета в современном геополитическом и правовом пространстве во многом зависит от духовности общества. Духовность в проекции государственной идеологии в основном постулируется через традиционные ценности общества, однако они не всегда духовно ориентированы. Если же традиционные ценности общества и духовность во многом совпадают (православная культура, например), то последняя в результате ее воздействия на государственную идеологию на базе традиционных ценностных ориентиров оказывает положительное влияние на функционирование самого государства, поскольку, во-первых, духовность представляет собой фундаментальный смысло-жизненный ориентир, утверждающий ценности целостности социума и т. д.; во-вторых, учет духовных ориентиров в государственной идеологии практически исключает оформление в общественном сознании инородных идеологем взамен государственной и, таким образом, предотвращает демонтаж государства; в-третьих, духовность как доминирующая стратегическая ориентация государственной идеологии является своего рода гарантом осуществления последней, одним из существенных средств ее реализации на основании того, что включение государством в идеологию базового духовного ядра позволяет сохранить и укоренить духовные традиции и достичь максимального отождествления государственной идеологии со смысло-жизненными ориентирами нации в целом и каждого гражданина в

отдельности, т. е. осуществить взаимопроникновение, отождествление личного и отечественного.

Духовность также прямо воздействует на оформление человеческого сознания в целом через формирование нравственного сознания. Нравственное и правовое сознание соотносятся как целое и его часть, поэтому правовое сознание обуславливается нравственным сознанием, ввиду чего проблемы с правовым сознанием свидетельствуют о проблемах с нравственным сознанием, а следовательно с духовностью человека. Воздействие духовности на правовое сознание осуществляется путем оформления той части правового сознания, которая условно называется правовой нравственностью. Последняя же в иерархической структуре элементов правового сознания должна быть определяющей, так как является ценностным центром и ориентиром развития и использования и правовой идеологии, и правовой психологии одновременно.

В заключение отметим, что изложенный взгляд на вопрос о понимании духовности и ее проявлении в государственно-правовой сфере является лишь постановочной попыткой актуализации темы духовности в юридических исследованиях. Обращение к духовности для решения проблем юридической теории и практики, на наш взгляд, является необходимым, тем более в современных условиях, когда сама духовность постепенно исчезает под давлением потребительской модели отношения к миру, а исчезновение подлинной духовности неизменно влечет за собой утрату ценностных ориентиров в развитии государства и права. В связи с этим, развивая далее тему духовности в праве, в следующем параграфе мы постараемся подробнее рассмотреть вопросы о том, какова специфика функционирования правового сознания в условиях постсовременного общества и каким путем сегодня можно осуществлять работу по включению духовности в процесс осмысления правовой действительности.

1.2. Формирование правового сознания в контексте православного мирозерцания в эпоху ультрамодерна

Сегодня, как никогда, актуален вопрос о формировании правового сознания, вопрос об оформлении тех идеальных структур, через которые человек познает мир как правовую действительность. Вообще формирование правосознания общества (коллективного правосознания) через формирование правосознания каждого субъекта в отдельности (индивидуальное правосознание) всегда было важной задачей любого политически организованного общества – в государствоведении данная задача или функция обычно именуется идеологической. Однако если в государстве традиционного общества и даже в государстве общества модерна структурирование сознания граждан через создание

определенной идеологии выступало лишь одной из основных функций государства наряду с иными функциями (экономическая, социальная, правоохранительная и т. д.), то государство в условиях постмодерна – фактически в современных условиях – для сохранения своей геополитической самостоятельности (реального суверенитета) в первую очередь обязано, точнее сказать, вынуждено воздействовать на образы восприятия своими гражданами правовой действительности. Не то чтобы государство должно пытаться тотально конструировать единственную модель понимания мировых и в их контексте национальных государственно-правовых процессов (а, учитывая особенности постмодерна, это в большинстве своем становится занятием бесполезным), необходимо добиваться самостоятельного осмысленного понимания людьми реальных процессов глобальной реструктуризации системы ценностей в мире и экспансии той культурной западно-либеральной модели, которая предлагается и навязывается сегодня всем культурам в качестве универсальной. Здесь, в решении вопроса, заключенного в последней приведенной нами фразе, скрывается, по существу, мировоззренческое начало понимания современного мира и должного образа существования в нем, в этом начале заложены исходные элементы развития последующих частных моментов развития цивилизаций, в том числе осмысления их государственно-правовой стороны.

Можно, конечно, по-разному относиться к Западу в его социокультурном измерении, однако существует объективный факт – те ценности, которые в западном сознании являются определяющими и провозглашаются как «неотъемлемые, универсальные и незбылемые» (либерализм, индивидуализм, права человека и т. п.), так, как они понимаются Западом, трудно совместимы, если не сказать, что вообще не совместимы, с православным миропониманием. По сути, они были выработаны в процессе историко-культурного освобождения Запада сначала от восточнохристианской традиции, затем от католической, затем от протестантской и сейчас постепенно освобождаются даже от им же выработанного светского гуманизма. Освобождение же от гуманизма как парадигмы Просвещения, которая окончательно ниспровергла для себя теизм, открывает смутную нравственную перспективу, которую как раз и представляет общество постмодерна. Ввиду этого православное миропонимание, на наш взгляд, является сегодня единственным цементирующим основанием для должного оформления сознания граждан в целом и правового сознания в частности, если, конечно, мы желаем реально сохранить свое геополитическое *credo*, отстоять свое культурное своеобразие в условиях постсовременности.

Если обратиться к современной геополитической теории, то можно обнаружить, что те процессы, которые сегодня происходят в мире, представляют собой не что иное, как разворачивание эпохи постмодерна. Как отмечает геополитик А.Г. Дугин, «смысл понятия „постмо-

дерн“ сводится к обозначению нового состояния цивилизации, культуры, идеологий, политики, экономики в той ситуации, когда основные энергии и стратегии модерна, Нового времени либо представляются исчерпанными, либо измененными до неузнаваемости» [28, с. 285]. Речь идет о том, что модерн, или так называемая эпоха индустриализации, исторически и цивилизационно выступил как пост- и антитрадиционное общество, где наука, опыт, техническое развитие, рационализм, критицизм, индивидуализм и политические технологии заместили собой теологию, коллективность, веру, догматику, интуицию, холизм, онтологичность и собственно прямое управление обществом (реальный политический элемент). Программа модерна питалась энергией отрицания, опрокидывала устои того, что тысячелетиями казалось непререкаемым абсолютом, она ниспровергала очевидности традиционного общества, причем именно этот процесс прогрессирующего ниспровержения очевидностей составлял основную энергию и пафос модерна. Однако модерн, в сущности, как процесс тотального освобождения, процесс последовательной либерализации постепенно дошел в этом до предела, когда все бытие было помещено в эфемерность мгновения. И вот тогда, когда была разрушена традиция, сам модерн как программа отрицания закончился, отрицать больше нечего, начался процесс открытия сущности модерна как абсолютного и пустого отрицания, началось осуществление того, что после модерна, т. е. пост-, а точнее, ультрамодерна [29] (этот термин более точно выражает смысл эпохи модерна, он указывает не на нечто третье, не на то, что после модерна – после модерна, в сущности, ничего нет, – а на модерн сам по себе, который есть не что иное, как отрицание, доведенное до стадии своей крайней реализации, т. е. *ультрамодерна* (лат. *ultra* – крайний, сверх, за пределами).

Относительно оформления структур сознания людей ультрамодерн выступил как система манипуляции образами, или *медиократия*. Что это означает? Сегодня виртуализация бытия достигла такой степени, когда важным становится уже не само бытие, а «знак», через который оно воспринимается. Масс-медиа как абсолютная автономия знака выступают главной политической силой, где важно уже не то, что есть, а то, как, кем, когда, в какой форме оно подано: «„Знак“ настолько отрывается от означаемого, что означаемое просто ликвидируется. Вся политика становится виртуальной, существующей только в пространстве „презентации“, в высказывании, в плоскости „экрана“» [28, с. 289]. Мировые, как правило, транснациональные масс-медиа как субъект виртуализации бытия формируют коллективное и индивидуальное сознание, и самое главное, что эта виртуализация скрыто содержит в себе так называемую «свободу от всего», *тайное удовлетворение человеческого эгоизма* и в своем культивировании она пытается опуститься даже ниже эгоизма. Как данный процесс воздействует на национальные

государство и право? Медиократия однозначно объективно способствует, и не только объективно способствует, но и стремится к переформлению государства и его национальной правовой системы с целью включения их в свое поле, что, впрочем, возможно лишь с утратой государством своего суверенитета. В принципе этот процесс, который нередко называется глобализацией, при всех его «положительных» моментах содержит в себе именно такую историческую перспективу – утрату государством своей правосубъектности, – и осуществляется он, как мы показали, прежде всего посредством изменения коллективного и индивидуального сознания.

В государствах, пытающихся сохранить свою идентичность, в том числе в Республике Беларусь, воздействие медиатехнологий и иных структур ультрамодерна направлено на возникновение соответствующих тенденций в формировании коллективного правового сознания. Например, в качестве стереотипа сознания активно формируются образы развитой правовой культуры за рубежом по сравнению с национальным правопорядком (реальная защита прав человека, отсутствие коррупции, бюрократизма, справедливое правосудие и т. п.), и, надо сказать, это имеет действие, поскольку для потребителя информационного продукта здесь важна уже не столько истина (которой, по существу, обычно оказывается немного), сколько возможность удовлетворить свои имплицитные эгоистичные притязания, вызревание которых стало возможным именно ввиду отсутствия самостоятельного мирозерцания. Вследствие этого в национальных государствах постепенно формируются типиконы индивидуального и коллективного правосознания, которые основываются на принципиальной антигосударственной позиции и вбирают в себя такие черты, как возведение в абсолютную степень идеи о неприкосновенности личности, необоснованная героизация правонарушителей с целью дискредитации государственной власти, постоянная критика властных структур независимо от обоснованности таковой, противопоставление себя государственным органам как бытовой принцип жизни, изначально негативное отношение к правоохранительным структурам только лишь по факту осуществляемой ими функции и т. д., что в конечном счете приводит к имплицитному государственно-правовому нигилизму. Преобладание в общественном сознании таких тенденций приводит не то чтобы к низкому уровню правового сознания – напротив, с позиции знания правовых положений оно может быть весьма высоким, оно приводит к свободному высвобождению нигилистической, а точнее, крайне эгоистической энергии, что влечет за собой постоянную конфликтность общества, бездуховность, пустоту жизни, готовность и желание политических потрясений, революций, что в итоге приводит к демонтажу государства, т. е. к тому, к чему и стремится ультрамодерн.

Таким образом, на наш взгляд, основной проблемой формирования правового сознания, способного обеспечить идейную оппозицию ультрамодерну, является *проблема формирования правового сознания государственно-охранительного типа*. Ведь сегодня даже общества, основывающиеся в своем существовании на традиции (например, если вести речь о Китае, который обладает мощным экономическим потенциалом), вынуждены предпринимать жесткие меры по защите информационной сферы восприятия правовой действительности своими гражданами (реакция китайских властей на восстание в Лхасе в марте 2008 г.).

Как мы уже указали выше, единственным действенным оппозиционным проектом по отношению к глобализационному типу осмысления государственно-правовой действительности сегодня способен выступить *православный образ мышления*. Полагаем, что *таковой является по своей сути государственно-охранительным*. Утверждение о действительности именно православного миропонимания выдвинуто нами не случайно и основывается на ряде соответствующих оснований.

Стержнем и базовым основанием культуры ультрамодерна является *индивидуализм как эгоизм*. «...Индивидуализм, – отмечает французский философ Р. Генон, – можно рассматривать как главную причину настоящего упадка Запада, поскольку он тождественен развитию исключительно низших возможностей человечества, возможностей, не требующих для своей актуализации никакого вмешательства сверхчеловеческого элемента... эти низшие возможности суть полная противоположность всякой духовности и всякому подлинному интеллекту» [30, с. 134]. Индивидуализм в том виде, в котором он выступает основанием «новой» культурной парадигмы человечества, представляет собой эгоизм как прямое обращение к укорененному в природе человека желанию «быть всем отдельно от всех», т. е. к вседозволенности «Я», поэтому *эгоизм противостоит государству как публичной форме жизни по определению*. Обращенный и основывающийся на материальном, эгоизм является не столько сознанием, сколько реальной силой, скрытой в человеческом существе, высвобождаемой посредством культурно-исторического отказа от нравственных элементов, ее сдерживающих. Противопоставить эгоизму можно такую же реальную силу, которая также имеет основание в человеческой природе и обращена уже к идеальному, а точнее, к духовному содержанию жизни человека, к духовности, к духовной жизни. Духовное здесь проявляется как преодоление материального, как его антитеза, как нравственная полнота и выступает как фундаментальная смысложизненная ориентация и внутренняя психическая потребность для человека, смысл его жизни, раскрывающийся в духовной практике. Единственно возможным же путем преобладания духовности над бездуховностью, или эгоизмом, является укоренение в сознании и в личном жизненном опыте народа традиционного религиозного мирозерцания и соответствующего образа жизни,

ни, для нас – православного мирозерцания во всей системе его литургических, мистических и нравственно-аскетических элементов.

Помимо преобладания православия над иными христианскими конфессиями и другими религиями по традиционному фактору существует и множество других аргументов, обсуждение которых выходит за рамки данной работы. Между тем очевидно, что успешное сохранение традиции, своего лица, своей культуры в современных условиях не может осуществляться посредством только внешних форм самоидентичности (национальная идеология, правовое воспитание, правовое просвещение, информационная защита и т. д.). Ультрамодерн выработал субтильные способы управления обществом, которым нельзя противопоставить внешнее препятствие, «железный занавес», – этим, собственно, и характеризуется данная эпоха. Такие попытки постепенно приведут или к внутривнутриполитическому кризису, или к внешнеэкономической изоляции (последнее сегодня мы в некоторой степени можем наблюдать в отношении нашей страны, Венесуэлы, Ирана, Кубы и ряда других государств). Единственным способом противостоять глобализму или, по крайней мере, удержать его в допустимых пределах является оформление сознания, и в особенности правового сознания, на почве православного мирозерцания. Последнее вбирает в себя все антитезы правосознанию общества ультрамодерна: 1) это полнота и абсолютность правовой морали, или тех нравственных норм, на которых всегда и основывается правосознание; 2) возможность раскрытия подлинной индивидуальности в обществе посредством литургического, мистического и аскетического освобождения от эгоизма; 3) сохранение традиции, потребность актуализации духовной жизни и, как следствие, отсутствие политического деструктивизма; 4) неподверженность массмедиа, переключение на внутреннее осмысление и осуществление жизни как возможности обожения, уподобления Богу; 5) и наконец, формирование ценностного отношения к государству как минимальному уровню нравственного порядка, о чем ясно говорит Священное Писание: «...противящийся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых...» (Рим. 13: 2–3).

1. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб. : Амфора, 2007.

2. Знаков В.В. Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры // Вопр. психологии. 1998. № 3.

3. Платонов Г.В., Косичев А.Д. Проблема духовности личности (состав, типы, назначение) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. 1998. № 3.

4. Лекторский В.А. Духовность и рациональность // Духовность, художественное творчество, нравственность : [круглый стол журн. «Вопр. философии»] // Вопр. философии. 1996. № 2.

5. Вебер М. Избранное / пер. с нем.: М.И. Левина, П.П. Гайденко, А.Ф. Филиппов. М. : РОССПЭН, 2006.

6. Музыкантский А. Теория противоречивости бытия: 75 лет теореме Геделя [Электронный ресурс] // В мире науки : электрон. версия журн. 2007. № 3. Режим доступа: <http://www.sciam.ru/2007/3/matematika.shtml> (дата обращения: 10.01.2008).

7. Келле В.Ж. Интеллектуальная и духовная составляющая культуры // Вопр. философии. 2005. № 10.

8. Буева Л.П. Духовность и проблемы нравственной культуры // Духовность, художественное творчество, нравственность : [круглый стол журн. «Вопр. философии»] // Вопр. философии. 1996. № 2.

9. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М. : Смысл, 2007.

10. Зинченко В.П. Размышления о душе и ее воспитании // Вопр. философии. 2002. № 2.

11. Апресян Р.Г. Одухотворенность [Электронный ресурс] // Человек. 1996. № 4. Режим доступа: http://ihnik.lib.ru/philosarticles_21dec2006/philosarticles_21dec2006_794.rar (дата обращения: 01.02.2008).

12. Лоргус А. Душа и дух: природа и бытие // Православное учение о человеке : сб. избр. ст. М. ; Клион : Христиан. жизнь, 2004.

13. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. Киев : Изд-во им. святителя Льва, папы Рим., 2004.

14. Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. 2-е изд. Т. 1 / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Loseva и А. В. Гулыги ; примеч. С.Л. Кравца [и др.]. М. : Мысль, 1990.

15. Чаплин В. Нравственность в церкви и вне ее // Православное учение о человеке : сб. избран. ст. М. ; Клион : Христиан. жизнь, 2004.

16. Лафитский В.И. Принцип верховенства права в этико-правовом измерении // Журн. рос. права. 2007. № 9.

17. Мартышин О.В. Нравственные основы теории государства и права // Государство и право. 2005. № 7.

18. Проблемы права и справедливости в условиях глобализации : 22-й Всемир. конгр. по философии права и социал. философии / подгот. к печати С.И. Максимов // Изв. вузов. Правоведение. 2007. № 1.

19. Жинкин С.А. Некоторые проблемы исследования психологических факторов эффективности норм права // История государства и права. 2007. № 22.

20. Хабибуллин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. 1999. № 3.

21. Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. 2-е изд. Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Loseva ; примеч. С.Л. Кравца [и др.]. М. : Мысль, 1990.

22. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь, Московский Патриархат : сайт. 2007. Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?mid=90> (дата обращения: 31.03.2007).

23. Братусь Б.С. Нравственное сознание личности : (Психологическое исследование). М. : Знание, 1985.

24. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права : учеб. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Спарк, 2000.

25. Дробязко С.Г., Козлов В.С. Общая теория права : учеб. пособие. Минск : НО ООО «БИП-С», 2003.

26. Вишневский А.Ф., Горбаток Н.А., Кучинский В.А. Общая теория государства и права / под общ. ред. В.А. Кучинского. М. : Изд-во деловой и учеб. лит., 2004.

27. Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. М. : Юрид. лит., 1973.

28. Дугин А.Г. Трансформация политических структур и институтов в процессе модернизации традиционных обществ [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. Ростов н/Д, 2004 // Арктогея : философ. портал. 2009. Режим доступа: <http://science.dugin.ru/disser-2.html> (дата обращения: 06.03.2009).

29. Дугин А. Постмодерн или ультрамодерн? // Философия хоз-ва. 2003. № 3.

30. Генон Р. Индивидуализм // Апокалипсис смысла : сб. работ запад. философов XX–XXI вв. М. : Алгоритм, 2007.

---

2. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА В ПОСТСОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И СТРАТЕГИИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Общетеоретические правовые исследования, посвященные национальной правовой системе, несмотря на некоторое падение на них интеллектуального спроса в научной институциональной структуре, тем не менее, сегодня остаются актуальными. Популярными в последнее время прикладные юридические проекты, обслуживающие запросы юридической практики, не покрывают потребностей общетеоретического анализа развития национального права, стратегий его развития в XXI в. Опыт показывает, что игнорирование общетеоретического правового анализа со временем приводит к беспорядочным процессам в развитии правовой системы, непониманию механизмов ее движения и реагирования на вызовы стремительно меняющейся социальной практики.

В данном разделе анализируется развитие ряда актуальных аспектов функционирования национальной правовой системы, определяемых теми проблемами, с которыми сталкивается национальное право сегодня. Во-первых, это ключевая методологическая проблема понимания, идентичности национальной правовой системы, которая представлена через обоснование концепта «государственно-правовая традиция». Цель рассмотрения темы заключается в осмыслении места национального государственно-правового организма в цивилизационно-культурном пространстве и определении стратегических перспектив его развития. Во-вторых, это проблема стратегии концептуального, метаюридического способа работы национального права. Нами предлагается механизм реализации концептуальных правовых положений в юридической практике. В-третьих, это проблема правового смыслопорождения в контексте глобализационных тенденций на уровне правовых систем, рассматриваемая в предложенной нами правовой парадигме. И в-четвертых, это проблема доступности, смысловой восприимчивости и личностного усвоения законодательства гражданами в условиях постсовременности. Данные проблемы рассматриваются в нетрадиционном для классического правоведения междисциплинарном разрезе, ввиду чего в разделе содержатся положения, не охватываемые классическим юридическим дискурсом.

2.1. Методологические особенности осмысления отечественной государственно-правовой традиции на пути построения современной модели белорусского государства

С обретением государственной независимости перед Республикой Беларусь серьезно встала проблема построения национально-государственной модели развития. В сложных условиях 90-х гг. XX в. происходил интуитивный поиск, перебирание адекватных форм государственно-правового развития, одновременно начался процесс самостоятельного

научного осмысления культурно-цивилизационных условий, в которых осуществлялись генезис и развитие белорусской государственности. По существу, впервые была фундаментально осознана главная задача любого народа – задача адекватного понимания собственной аутентичной цивилизационно-культурной, в том числе государственно-правовой традиции.

Уяснение собственной цивилизационно-культурной традиции является, на наш взгляд, базовым принципом определения государственно-правовых перспектив, выбора направления развития страны сегодня. Конечно, можно разрабатывать и осуществлять радикальные программы с чистого листа, не связывая их с историческим прошлым и цивилизационно-культурным наследием, однако, думается, их эффективность в конечном счете окажется неудовлетворительной. Цивилизационно-культурный организм – это не просто историческое описание событий, растворившаяся во времени последовательность фактов, но глубокая система разноплановых структур, уходящих корнями в недра национального, этнического самосознания, передающихся в особенностях национального быта, скрывающихся в неартикулируемых архаических фигурах коллективного бессознательного народа и т. д. Адекватное декодирование цивилизационно-культурных содержаний, которые были положены в основу национальной онтологии, отслеживание их трансляции во времени и пространстве, анализ причин их кардинальных изменений и трансформаций продолжают оставаться актуальнейшей научной задачей. Ее игнорирование сегодня, в период возможных национально-государственных трансформаций, может привести к непониманию собственного лица, национальной идентичности и послужить конъюнктурно-идеологическим инсинуациям, что практически всегда является трагическим моментом национальной истории.

Когда ставится вопрос о постижении смысла национально-государственной истории, уяснении основных этапов ее развития с целью извлечения опыта, дающего возможность определять направления развития страны в будущем, самым важным является выбор методологической платформы такого познания. Методологическая позиция исследователя, научного коллектива является определяющим моментом дескрипции исторической реальности, поскольку фактологическая работа является лишь «вратами» истории, за которыми, собственно, начинается подлинная история – построение метаисторических концептов, объясняющих исторический процесс, на базе избранной методологической программы.

В современной исторической науке обобщенно можно выделить два ведущих методологических направления – *классическое, позитивистско-фактологическое* (социальная, политическая, экономическая история и т. д.) и *[пост]неклассическое, модернистское и постмодернистское* (ис-

тория ментальностей, микроистория, историческая антропология, история ценностных ориентаций и т. д.) [1–6]. Характерным является то, что сегодня наблюдается постепенный переход от первого направления ко второму, от социальной, классической методологии к культурологической, ментальной платформе осмысления исторических явлений. Основным отличием [пост]неклассической школы является отказ от детерминистски обусловленных линейных связей и крупных исторических обобщений (метанарративов) на основании авторской интерпретации изучаемых фактов одного порядка (экономических, политических и т. д.) и перенесение акцента исторического познания на человека или микрогруппу, их психологические, ментальные структуры. Кризис классической истории обусловлен кризисом позитивистской философии в XX в., который в гуманитарном знании окончательно произошел в середине 70-х гг. Основная претензия [пост]неклассических школ к позитивистско-фактологической истории заключалась в абсолютизации последней исторической задачи, по Л. фон Ранке, «описать прошлое, как оно было на самом деле». Исходя из этой методологической установки позитивистской школы, ее исследовательский результат публично всегда претендовал на абсолютную достоверность исторической дескрипции, следовательно очевидно, что при такой позиции он в той или иной степени не мог не быть встроенным в систему господствующих идеологических представлений, из недр которых и осуществлялось историческое исследование. Абсолютизации метанарратива, таким образом, способствовала сама методологическая установка, при которой влияние современности на прочтение и интерпретацию исторических фактов нивелировалось. Новая же историческая школа фактору метаязыка, или господствующей на определенном историческом этапе эпистеме, уделила самое серьезное внимание. Показательны в этом смысле исторические исследования М. Фуко, в которых французский мыслитель делает акцент не на максимально адекватной исторической реконструкции фактологического ряда и представлении его как того, что было на самом деле, а на стратегии его интерпретации, «упаковывания» и презентации общественному сознанию, т. е. на том, как осуществляется производство знания [7–9]. Современный американский историк Д. Ла Капра, в свою очередь, рассуждая о взаимовлиянии среды и исторических текстов, полагает, что «любой значительный текст не просто отражает эмпирическую реальность, но гораздо в большей степени руководит ею. Воздействие текста происходит в результате его прочтений и употреблений. Поэтому такой текст нагружен интерпретациями, действующими на нас. В этом смысле он дополняет существующую реальность и является основанием норм, оценок и ценностей» [6, р. 248].

Указанная особенность имеет непосредственное отношение к национальной историко-правовой науке. С начала 90-х гг. XX в. практически

все историко-правовые исследования строятся фактически в одном методологическом дискурсе, а именно: 1) постулируется правовая самобытность древних княжеств (Полоцкое, Туровское), а за ними в особенности Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского с его развитой институциональной структурой и правовыми кодексами 1529, 1566 и 1588 гг.; 2) утверждается своего рода правопреемство Республики Беларусь, т. е. преемство правовой традиции этого уникального полиэтнического государства; 3) на основании утверждения о правопреемстве уже сегодня происходит прямое, произвольное провозглашение концептов и программ, якобы имеющих в своем основании конкретную историческую почву.

Необходимое сегодня воспроизведение исторической памяти относительно богатого правового наследия нашего народа хотя и является важной задачей, однако не может и не должно стать единственным на пути действительного осмысления отечественной государственно-правовой истории и возможности его включения в предстоящее движение государства. На наш взгляд, выстраивание указанной выше методологической линии, в особенности ее третьего положения, является типичным примером воздействия нормативов современности на исторические события, их подстраивания под актуальные задачи нашего времени. Во многом это имеет место еще и потому, что практически все современные отечественные историко-правовые исследования выполнены на позитивистской платформе, а зарубежные работы (работы польских, литовских, чешских, украинских ученых) в описании общей всем исторической структуры (государственно-правовой структуры ВКЛ) исходят, по Ф. Броделю, из своей конъюнктуры.

На наш взгляд, наряду с фактологической работой сегодня особое внимание следует уделить ментальной отечественной истории, что, безусловно, требует использования специальной методологии. Относительно изучения государства и права для этих целей необходимо не просто ограничиться позитивистским изучением конкретных государственно-правовых институтов, а разработать *специальный историко-правовой дискурс* на [пост]неклассической методологической платформе, который бы позволял, во-первых, учитывать контекст (культурно-цивилизационные условия) бытия самих отечественных государства и права прошлого, во-вторых, измерять не столько позитивно зафиксированные правовые содержания (описывать нормативные тексты), сколько степень их восприятия индивидуальным и коллективным правосознанием как государственно-правовой реальности того времени в этом самом контексте (идеальные, психологические содержания, или смыслы) и, в-третьих, отслеживать трансляцию во времени и пространстве этого идеального смыслового содержания. Такой путь историко-правовых исследований объясняется методологическими открытиями «новой истории» и, на наш

взгляд, является совершенно оправданным, поскольку оценка нормативного массива всегда осуществляется нами на основе интерпретационных образцов современного правосознания. В то же время реальное бытие государства и права прошлого есть бытие идеальное, которое фиксируется не только и не столько в древних актах и институтах, но главным образом в их психическом восприятии нашими предками в условиях аутентичного исторического бытия. Как верно отмечает И.Л. Честнов, «политико-правовая реальность прошлого – это не просто соответствующие тексты определенной эпохи, но и... их включенность (всегда неполная, частичная) в практическую жизнь населения» [5, с. 11].

В качестве центральных понятий такого специфического историко-правового дискурса можно предложить вынесенный нами в название параграфа концепт «*государственно-правовая традиция*», который бы как своего рода процессуальный герменевтический текст показывал нам трансляцию во времени и пространстве государственно-правовых содержаний (понимания и образа восприятия населением сущности политической власти, общих смыслов правовой системы). В качестве же контекста (культурно-цивилизационных условий), в котором разворачивается государственно-правовое содержание, можно выделить концепт «*религиозная традиция*» и как ее сердцевину – *духовную традицию*, определяющую большую часть нашей государственно-правовой судьбы. Последнее положение тем более актуально, что отечественная государственно-правовая история неразрывно связана с конкуренцией на белорусских землях четырех религиозных традиций – православной, католической, униатской и протестантской, которые хотя и в разной степени, однако, без всяких сомнений, оказали серьезное влияние на развитие национальной истории. Интересно проследить, каким образом осуществлялось развитие смысловых государственно-правовых содержаний (особенностей восприятия государственно-правовых институтов различными слоями населения в разное время – магнатами, духовенством, шляхтой, горожанами, крестьянством) в зависимости от синхронного понимания и воспроизведения соответственно религиозных смыслов в своей жизни, а главное – от сохранения личного опыта богообщения как сердцевины и назначения религиозной традиции в целом.

Предложенный способ познания позволит осуществить дескрипцию юрико-антропологической реальности определенного исторического этапа и следовательно характеристику государственно-правовой сферы жизни социума не путем современной интерпретации и оценки нормативных текстов и институтов того времени, а через синхронную фиксацию состояния индивидуального и коллективного сознания в духовной традиции, которая является единственной формой аутентичной, живой личностной (от человека к человеку) исторической трансляции идеальных содержаний сознания в их наложении на восприятие госу-

дарственно-правовой традиции. Это даст возможность исследователю освободиться от жестких рамок формально-юридического метода в исследовании государственно-правовых явлений, который предполагает оценку развития государства и права только лишь исходя из их юридико-технического совершенства вне контекста культурно-цивилизационной реальности, в которой они развивались. Индикатором оценки состояния государственно-правовой традиции в данном случае выступают соотношение и конкретно-историческая иерархизация религиозной традиции (с анализом конкуренции в рамках религиозной традиции четырех указанных выше) и государственно-правовой как культурной традиции, которые в разные исторические эпохи находились в различном соотношении. Например, подчинение религиозной традиции государственно-правовой, или политической, свидетельствует о секуляризации, которая во многом в отечественной истории выступала в форме дипломатического манипулирования элит (магнатов, крупной шляхты) институционально-догматическими структурами религиозной традиции в политических целях, что соответственно понятным образом отражалось на отношении незлитарной части населения к религиозным институтам и догмам в целом.

Изложенные методологические особенности понимания государственно-правовой традиции формулировались исходя из максимальной степени учета цивилизационно-культурного контекста конкретного исторического бытия государственно-правовых явлений. Построение эффективно работающей модели современного белорусского государства не может ограничиваться лишь формально-юридической констатацией отечественных достижений в правовой сфере. Безусловно, нам необходима реальная оценка не только текста, но и контекста историко-правового бытия, выражающегося в цивилизационно-культурных условиях функционирования государственно-правовой традиции, о которых немало может сказать взаимоналожение смысловых содержаний религиозного и правового сознания исследуемой эпохи. Ясно, что для такого рода работы необходим неклассический методологический подход, который не только позволит взвешенно осмыслить состояние отечественной государственно-правовой традиции, но и даст возможность разрабатывать эффективные стратегии развития национальной правовой системы.

Начало исследовательской работы по измерению актуальной государственно-правовой жизни и ее цивилизационно-культурного контекста должно быть связано с осуществлением правовой рефлексии, направленной не на отраслевой и даже не на теоретический, а на метатеоретический уровень функционирования государственно-правового организма. Первоочередной задачей в этом смысле становится определение концептуальных, программно-доктринальных положений развития белорусского права, которое возможно произвести только на уровне метаюридического анализа.

2.2. Метаюриспруденция как условие эффективного развития национальной правовой системы

Нормальное развитие национальной правовой системы невозможно без четкого осмысления концептуальных, общеметодологических, программно-доктринальных положений ее функционирования. Практика правового регулирования общественных отношений, конкретная продуктивность функционирования той или иной отрасли права в целом, правовых институтов, отдельных правовых норм всегда обусловлены степенью их соответствия общим принципам и канонам, на которых базируется и которые на сверх- или метаюридическом уровне реализует правовая система.

Следует понимать, что право не является самообслуживающей институцией, своей целью оно всегда имеет гармонизацию и упорядочивание социальных отношений. Цели и основные критерии эффективности функционирования правовой системы находятся за ее пределами, за пределами юридической формы и техники, своими основаниями они уходят в конкретный субстрат социального бытия (к сожалению, в последнее время данный аспект функционирования права предается забвению). В этом смысле право должно уметь очень чутко наблюдать за состоянием социума и соответствующим образом реагировать на его изменения. Данная функция, безусловно, должна реализовываться в акте теоретической рефлексии и профессионально выполняться юридическим научным сообществом. При этом недостаточно оценивать состояние только какой-то одной сферы (либо нескольких сфер) общественных отношений, регулированием которой занимается та или иная отрасль права (уголовное право, гражданское право и т. д.); необходимо фиксировать состояние общества в целостности, при этом анализируя не только и даже, можно сказать, не столько правовые, сколько *внеправовые* (психологические, духовные, экономические и т. д.) аспекты социального бытия. Данная задача принципиально не может быть решена какой-либо одной либо несколькими отраслевыми научными разработками – объективно отраслевые обобщения не поднимаются до уровня формулирования концептуальных положений. Формулирование концептуальных положений функционирования правовой системы должно осуществляться с привлечением метафизического, междисциплинарного, общетеоретического и отраслевого юридического знания и оформляться в единую метаюридическую правовую программу-проект.

Отсутствие четкого представления об отправных положениях, которые реализуются конкретной правовой системой, а что еще хуже, попытка представить их бесполезность в национальном законодательстве со временем приводят различные элементы системы права и правовой системы к рассогласованию и разнонаправленному развитию. В частности, имплементация новых правовых элементов (норм, институ-

тов) в различные отрасли права утрачивает критерий их соответствия/несоответствия общим принципам и установкам функционирования правовой системы, каждая отрасль права начинает по-своему понимать дух законодательства, что, несомненно, негативно сказывается на регулятивной эффективности права в целом.

Отдельный правовой кодекс, закон, иной нормативный правовой акт, как правило, конкретно не описывает, не отражает положений концептуального характера, положений, подтверждающих соблюдение общего направления развития правовой системы. По крайней мере, это прямо не вытекает из его обычного юридического прочтения. Даже наличие в законодательстве отраслевых принципов права не является таким отражением. В то же время отказ от артикуляции правового фундамента (базовые идеи, принципы, положения, цели развития правовой системы) на уровне законодательства и перемещение его исключительно в область правовой науки также является рискованным предприятием, поскольку тем самым утрачивается практический ориентир, пусть и дремлющий на самых последних этажах нормативности, однако реально существующий в нормативном пространстве и тем самым дающий возможность в любое время обратиться к нему. Кроме того, появляется возможность политического ангажирования в рамках самой юридической доктрины.

Полагаем, что наиболее приемлемым вариантом реализации метаюридического замысла обеспечения эффективного развития правовой системы является следующий: необходимо поместить правовую концептуальность на основании указанных нами выше блоков юридических обобщений (метафизического, междисциплинарного, общетеоретического и отраслевого характера) в нормативную среду специальным способом, который с определенной долей условности можно назвать концептуальным, программным либо, что в данном случае то же самое, метаюридическим.

Что мы имеем в виду? Во-первых, правовой системе необходимы специально созданные акты высокой степени общеправовой концентрации – доктринальные, программные нормативные правовые акты, в которых бы в целом и применительно к каждой сфере регулируемых правом общественных отношений вскрывался дух развития национального права. Вторым шагом является создание механизма операционализации сформулированных в программном нормативном правовом акте концептуальных основ, т. е. их дескрипция, изложение концептов на языке конкретных правовых норм. Третьим шагом является реальное использование в качестве универсального общеправового критерия, концептуального ориентира сформулированных концептуальных положений при создании нового и совершенствовании действующего законодательства, а также в процессе осуществления право-

применительной практики так называемого высокого уровня (судебная практика Верховного суда, Высшего хозяйственного суда и т. д.).

Применительно к правовой системе Беларуси это может выглядеть следующим образом. Первая задача должна решаться на фундаментальном и теоретико-методологическом уровне, в соответствии с которым следует описать состояние и направление развития правовой системы в целом в специальном программном нормативном правовом акте. В Республике Беларусь уже есть опыт создания подобного рода акта (указ Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205 «О Концепции совершенствования законодательства» [10]), и, надо сказать, многие его положения сохраняют свою актуальность и сегодня. Однако существенным недостатком замысла по разработке и принятию указанной концепции явилось отсутствие механизма ее операционализации (указанный нами выше второй шаг) применительно к конкретным отраслям законодательства, т. е. в данном случае проявилось неумение либо нежелание приложить, перевести концептуальные положения на уровень конкретного законодательства. Дескрипция концептуальных положений развития всех отраслей законодательства (в концепции большинство этих положений описано достаточно подробно) не состоялась, доктрина и практика не встретились, ученые и нормотворческие работники не услышали друг друга. Следствием же этого стала невозможность использования концептуальных положений в качестве общеправового ориентира в правотворческой деятельности, в особенности на уровне локального правотворчества. Концепция, по сути, осталась не востребованной.

Решение второй обозначенной выше задачи (создание механизма операционализации сформулированных в программном нормативном правовом акте концептуальных основ) необходимо осуществлять посредством конкретного определения, раскрытия идейного содержания отраслевых правовых начал. Это, пожалуй, самое сложное задание, поскольку именно на данном этапе необходима реальная встреча, конкретное взаимодействие теоретиков и практиков и, что самое главное, понимание, прислушивание друг к другу. Теоретики должны уметь соотносить концептуальные положения с реально сложившейся юридической практикой, практики (прежде всего субъекты правотворчества, в основном юридические службы органов государственной власти) – воспринимать концептуальные положения в качестве практически значимых правовых факторов.

Третья задача соответственно заключается в создании реально действующих механизмов учета и контроля реализации общеправовых критериев, сформулированных концептуальных положений при создании нового и совершенствовании действующего законодательства, а также в правоприменительной практике высших органов судебной вла-

сти. Реализация данного положения, для того чтобы оно не превратилось в обыкновенную формальность, требует определенных государственных затрат и наличия профессиональных кадровых ресурсов для создания разветвленной и четко функционирующей системы, способной ориентироваться на акты концептуального характера.

Заметим, что метаюридический уровень представления национальной правовой системы (наличие актов программно-доктринального характера и действующего механизма их реализации) способствует выявлению цивилизационно-культурного контекста пребывания права, делает возможным выработку продуманной стратегии отношения к еще одной актуальнейшей проблеме, порожденной постсовременным правовым пространством. Речь идет о возрастающем влиянии иностранного элемента на национальные правовые системы. Эта тема, рассмотренная в неклассической, энергийно-правовой парадигме, представлена в следующем параграфе.

2.3. Проблема трансляции правовых смыслов в условиях взаимодействия правовых систем: опыт энергийно-правовой интерпретации

Практика социальной и политической жизни последних лет все больше дает оснований полагать, что государственно-правовая реальность постепенно погружается в сеть транскультурных взаимодействий, лейтмотивом которых является активное включение национальных пространств в крупные образования наднационального типа. С каждым годом становится все очевиднее, что процессы унификации, интеграции и глобализации на политической карте мира интенсифицируются и у национального государства, не обладающего достаточными ресурсами для обеспечения своей автономии, фактически не остается иного варианта, как ориентироваться на то или иное крупное цивилизационно-культурное образование, владеющее статусом доминирующего субъекта современной геополитики. Следует согласиться с мнением, что XXI в. – это время господства крупных цивилизационно-культурных общностей, реальных геополитических игроков, которые в постмодернистском дискурсе нередко именуются империями или имперскими (глобальными) пространствами, работающими на совершенно иных основаниях, нежели классические национальные государства. Как отмечают М. Хардт и А. Негри, «вместе с глобальным рынком и глобальным кругооборотом производства возникает и глобальный порядок – новая логика и структура управления... новый вид суверенитета. Империя становится политическим субъектом, эффективно регулирующим эти глобальные обмены, суверенной властью, которая правит миром» [11, с. 12].

Республика Беларусь, несмотря на ее ключевое в определенном отношении геополитическое положение (в частности, стратегическое транзитное положение), не является решающим геополитическим субъектом на евразийском пространстве в силу территориальных, ландшафтных, природно-ресурсных и иных ограничений, что, однако, не мешает ей сегодня поддерживать статус одной из самых стабильных (прежде всего экономически стабильных) постсоветских республик. Тем не менее общепризнанно, что исторически белорусские земли оказались местом пересечения различных цивилизационно-культурных влияний (Европа – Россия), что навсегда задало геополитический формат международного общения Беларуси и ее соответствующий геополитический статус [12, с. 523–533]. Исследователь властно-правовых аспектов цивилизационно-культурных кроссвзаимодействий О.С. Звонарева не без оснований относит Беларусь к зоне так называемого межцивилизационного пограничья, под которой понимается «определенное географическое пространство и, соответственно, населяющие его народы, находящиеся „между“ локальными цивилизациями» [13, с. 78, 92]. Характерной особенностью государственно-правовых образований, находящихся в зоне межцивилизационного пограничья, если говорить точнее, в зоне примыкающих к глобальным империям малых культурных пространств, является их вынужденное тяготение к доминирующим цивилизационно-культурным ареалам. Для Республики Беларусь в качестве таких ареалов выступают два цивилизационно-культурных образования – Западная Европа и Россия.

Стратегия политического поведения государства в зависимости от различных факторов может быть также весьма различной, от жестко определенной линии поведения до весьма пластичной, однако для нашего анализа это не главное. Важно, что сегодня в силу неумолимой логики развития человеческой цивилизации в направлении гомогенизации цивилизационно-культурного поля обойти стороной проблему активных межцивилизационных взаимодействий и формирования пространства транскультурализма нельзя, поскольку всякое автономное социокультурное, а значит и государственно-правовое существование на самом деле не является таковым, а во многом зависит от этих межцивилизационных взаимодействий. В свою очередь, степень погружения национальной экономики, политики, культуры, государства и права в глобальные процессы обратно пропорциональна степени автономизации государственно-правового организма. Тем не менее сложно не признать, что время национальных государств постепенно уходит и на смену ему приходит время глобальных политических пространств, империй.

Казалось бы, процессы межцивилизационного диалога, совместного решения мировых проблем, взаимодействия по различным каналам государственно-правовой деятельности (унификация торговли, образо-

вания и т. д.) являются естественными и нормальными, а их результаты представляют собой выигрышный вариант для национальных государств и культур, которые в таком случае получают возможность приобщиться к общему мировому наследию, аккумулировавшему в себе обширнейший цивилизационно-культурный опыт. Более того, такое мнение нередко высказывается уже с учетом разрешения политической проблемы сохранения суверенитета национального государства (а это едва ли не главный аргумент против политической глобализации), заключающегося в предоставлении локальным культурам заданного пространства свободы в рамках политического универсума. Однако не все так однозначно. Глобализационные процессы помимо всех тех, казалось бы, положительных изменений, которые поддаются наглядной оценке, несут в себе определенные неочевидные изменения, лежащие на глубинных уровнях бытия локальных цивилизационно-культурных организмов.

Подключение к большому геополитическому пространству имплицитно несет в себе очень тонкие трансформации, прямо не поддающиеся определению на эссенциальном (сущностном) плане анализа (что, как, в какой степени и в каком размере изменилось). Глобализационные процессы, включение государства в иные политические пространства, по какой бы линии они ни осуществлялись – по линии экономики, политики, культуры и особенно по линии права (на уровне сближения правовых систем), несут в себе приобщение не только к импортируемым вещам, глядя на которые, мы просчитываем свои предстоящие выгоды, но и к тому энергично-смысловому полю, или контексту, который неявно «окутывает» эти вещи, «прикреплен» к ним. Применительно к включению в национальную правовую систему различных элементов иностранного права, выражающемуся в восприятии прежде всего субстанциальных правовых образований (прежде всего юридических знаков (текстов), поскольку, например, стили правосознания, образы правосприятия не подлежат экспликации), следует сказать, что это приводит к постепенному и незаметному восприятию реципиентом (правовой системой, получающей новые для нее правовые образования) наряду с правовыми текстами еще и иных, ранее ему неизвестных *правовых (юридически значимых) смыслов*, а за ними, следовательно, и новых моделей правовой мышлительности, новых образов понимания права, нового видения и понимания правовой реальности в целом. Такой процесс восприятия не является простым копированием и представляет собой череду метаморфоз, которые претерпевают транслируемые правовые смыслы.

В изложенном положении мы исходим из неклассической, отсутствующей в классическом методологическом арсенале посылки о том, что правовая реальность определяется не столько институциональной

структурой государственно-правового организма, задающей некоторые сущностные правовые образования (систему правовых отношений, определенный правовой порядок и т. п.), сколько неэссенциальным, энергичным правовым полем, или, используя терминологию М. Фуко, юридической дискурсивной практикой, доминирующей в тот или иной период времени. Дискурсивная практика представляет собой сложную совокупность языковых практик и внешних к ней проявлений (практик языка юридической рациональности и значимого для понимания текста правового поведения), действительно формирующих представление о правовой реальности и саму эту реальность, в то время, как мы уже отметили, классическое представление основано на доминировании субстанциального, нормативно заданного уровня фиксации и отражения государственно-правовой жизни. Если говорить конкретнее, то энергичность, или дискурсивность, государственно-правового бытия следует понимать не как то, что формально задано, легитимировано через публичную юридическую презентацию в нормах, а как то, что имеет место в реальном динамическом поле различных конкретных юридических практик (в юридически значимой речи и сопровождающих ее коннотациях), а также, что особенно важно, в окутывающем эти практики правовом смысловом поле, которое далеко не всегда поддежит артикуляции.

Использование в таком аспекте еще мало разработанной сегодня энергичной парадигмы, близкой по смыслу фукольдианскому концепту «дискурс», дает возможность увидеть и понять реальные, ускользающие из-под власти культурно-рациональной идентификации юридически значимые события, составляющие, тем не менее, подлинную динамику правовой жизни. Акцент в этом случае переносится с нормы на ситуацию ее реальной жизни и воплощения, разворачивания во всей палитре контекстуальных образований.

Немаловажно в этой связи указать на продуктивность познавательных ресурсов структурализма и постструктурализма, дающих возможность осмысления энергичных (эссенциально неструктурированных) образований на фоне структуры. Применительно к нашей теме это дает возможность обновить метатеоретический уровень представления правовой реальности, выстроенной в классическом варианте по принципу «от правовой нормы к правовому отношению». Характерно, что неклассический вариант прочтения правовой реальности, представляемый энергичным или дискурс-анализом, дает возможность не только переместить познавательный акцент на практический уровень разворачивания правовых образований (на правовое отношение) в ситуации его относительной автономности от нормативной заданности, но и переосмыслить значение самой нормативности, подвергнув ее методологической ревизии. В этом смысле норма права должна рассматриваться не как

классический коррелят ее традиционных структурных элементов (гипотеза, диспозиция, санкция), а как юридический знак, призванный как минимум указывать на два интересующих нас элемента: 1) правовой смысл (смысловое значение) и 2) объект правового регулирования (предметное значение). Если объект правового регулирования, или предметное содержание нормы права как юридического знака (знаковой части нормы права), всегда более или менее определен в виде собственно нормативного регулирования как указания на способ динамики отношений (правовых отношений), направление разворачивания правовой коммуникации, то правовой смысл нормы как юридического знака требует интерпретационной работы, поскольку «смысловое значение знака – это то, что понимает под ним пользователь данного знака» [14, с. 165].

В этом отношении заслуга [пост]неклассической традиции как раз и заключается в обращении к смысловому полю осуществления действительности, которое непременно присутствует во всякой материальной деятельности в качестве ее мыслительного удвоения. При этом правовой смысл в таком значении выступает как мысленное содержание юридического (нормативно-правового) тела (знака), или определенной письменно зафиксированной формы правила поведения (статья, глава, раздел нормативного правового акта), которое выражается и усваивается только в процессе актуального понимания (герменевтики) правового знака через придание ему субъектом определенного значения.

А.В. Гиза по поводу смысла отмечает: «Действительное существование есть, прежде всего, осмысленное существование. Таким образом, подлинно существует то, что имеет смысл. Смысл и есть то, что существует поистине. Остальное принимает для подкрепления своего существования превращенную форму смысла, приписывая себе чужой смысл, становясь квазиосмысленным, как бы получая разрешение на вхождение в реальность» [15]. Правовой (юридически значимый) смысл, таким образом, в любом случае является условием подлинности правового бытия, реализации тех заданностей, ради которых и существует право, в чем и заключается его социальная и онтологическая ценность. Вне смыслопорождения и смысловосприятия правовое общение лишается своих аксиологических оснований и перестает выражать онтологические предикаты, вживленные в ткань конкретного общества. Более того, в ситуации непридания значения смысловому уровню правовой жизни высока вероятность спекуляций на знаковом поле права, выражающихся, например, в форме *правовой симуляции* как в создании таких правовых знаков, которые сознательно лишены реального содержания (смысла), поэтому такие «пустые знаки» в любое время можно наполнить произвольным содержанием. В случае неартикулированности процесса смыслонаполнения в правотворческой деятельности также возникает высокая вероятность последующего *злоупотребления правом* путем наделения юридического знака значением, прямо

противоположным либо искажающим ту цель, ради которой этот знак вырабатывался. В любом случае право вне смысла невозможно. Право вне ценности также невозможно, поскольку правопорождение как таковое, правовая коммуникация вне человеческого не может быть и даже там, где в правовом регулировании возникают технические опосредования (например, использование видеокамер для автоматической фиксации нарушителей правил дорожного движения с последующим вынесением протокола об административном правонарушении заочно); они в любом случае обрастают совершенно конкретными смыслами, разворачивающимися в том значении, которое им придается законодателем и правоприменителем, – в других условиях они могут измениться. Сегодня, в период тотальной симулятизации социокультурной среды, производства знаков, подменяющих и заслоняющих смыслы, как раз наступает время обратиться к смысловому уровню разворачивания правовой жизни.

Для постижения смысла через значение нужна его интерпретация сознанием, мыслью, поэтому смысл может быть реализован только в форме его понятости мыслью. При этом модальность самой понятости в интерпретационном акте определяется двумя факторами: во-первых, самим понимающим сознанием, т. е. человеком в целом, и, во-вторых, той конкретной социокультурной средой, ситуацией, в которой этот смысл разворачивается. Нас интересует второй фактор, поскольку речь идет о пространственном аспекте трансляции правовых смыслов, хотя, конечно, этот фактор неизменно связан с первым – антропологическим, поскольку человек в определенном смысле всегда связан с местом, со своей социокультурной средой, так или иначе вживлен в нее.

Предварительно резюмируя изложенные посылки, можно сказать, что правовая реальность во многом является социокультурной манифестацией коллективной юридически значимой мыследеятельности как деятельности по разворачиванию, интерпретации правовых смыслов в процессе правового общения.

Различение юридического тела как институционально оформленного юридического знака (текста закона) и правового смысла, на который этот знак-текст должен указывать, тем самым способствуя адекватному пониманию, а затем и реализации права как такового, является условием адекватного познания энергийно-правового, или дискурсивного, уровня разворачивания правовой реальности. Поскольку, как мы уже отмечали, классический парадигмальный анализ правовой реальности, выражающийся, например, еще длящимися сегодня просоветскими интеллектуально-юридическими практиками, ориентирующимися лишь на познание сущностных структур (законодательство, институциональное строение государства и т. п.), просто не обладает инструментарием для схватывания процессов динамики правовых смыслов (для неэссенциального изучения правовой реальности в классической тра-

диции просто не выработан категориальный аппарат); для качественного исследования межцивилизационных процессов в правовой среде, определяющегося степенью улавливания изменений не на институциональном, а именно на смысловом уровне, необходимо привлечение неклассической и [пост]неклассической юридической методологии, в частности упоминавшихся нами структурализма и постструктурализма.

[Пост]неклассические концепции, сформировавшись в XX в. на Западе и продолжающие еще разрабатываться сегодня, уже вбирают в себя социальный и юридический опыт нашего времени, а следовательно и актуальный опыт правовой глобализации во всей системе ее предикатов. Однако, что немаловажно, работа с этими традициями для нас должна происходить при определенном условии, поскольку сами они сформировались в рамках совершенно определенного цивилизационно-культурного пространства – на Западе, что, разумеется, не могло не сказаться на их содержании. В частности, эти концепции в основном имеют негативистскую ориентацию, обусловленную их строением на основе отказа-освобождения от классической традиции, которой была связана западноевропейская цивилизация в эпоху Нового времени.

Положение об уникальности каждого крупного цивилизационно-культурного пространства и, разумеется, типа его государственно-правовой организации является известной, однако далеко не доминирующей научной позицией. Сегодня все более популярной становится идея наличия гомогенной цивилизационно-культурной почвы для развития любого государственно-правового организма, а глобализация, в свою очередь, дает видимость положительного опыта практического осуществления этой идеи. Но опять же, как мы указывали выше, такая позиция учитывает лишь сущностный, эссенциальный срез происходящих процессов, в то время как познание процессов трансформации несущностных правовых структур, особенно правовых смыслов, не принимается в расчет. Применительно к проблеме трансляции правовых смыслов целесообразно остановится на данном положении более подробно и рассмотреть его с привлечением опыта, пожалуй, самой серьезной и продуктивной методологической разработки советского периода, совершенно, однако, не характерной для него, которая стала своего рода исключением из правил организации советского дискурса. Речь идет о традиции понимания смысла и мыследеятельности в системомыследеятельностной методологии (СМД-методологии)¹, развивавшейся под руководством Г.П. Щедровицкого [16], которая, на наш

¹ Еще и сегодня в отдельных отраслях гуманитарного знания (например, в психологии) СМД-методология считается маргинальной, а в целом в современном постсоветском гуманитарном пространстве СМД-методология не нашла должной реализации, не в последнюю очередь благодаря ее сложности и тому, что не была создана так называемая теория среднего уровня, хотя практика реализации СМД-методологии имела место (Г.П. Щедровицким было проведено 93 организационно-деятельностные игры).

взгляд, хотя и специфически, однако во многом на более высоком уровне дисциплины мышления с мощным практическим элементом ставила и решала те же проблемы, которые анализировались и анализируются сегодня в современной западной философии.

В традиции СМД-методологии главным объяснительным принципом в отношении языковых и семиотических явлений, процессов мышления, коммуникации и понимания рассматривалась идея деятельности, или мыследеятельности. В этом контексте проблема смысла «выступала как проблема объяснения знака как целостного образования в деятельности и одновременно как популятивного объекта, имеющего множественные формы существования в процессах коммуникации и трансляции» [17, с. 622]. Для нас – в приложении к анализу правового смыслопорождения и понимания – здесь особенно важно положение СМД-методологии о конкретно-деятельностном, коммуникативном характере извлечения смыслов, о чем отчасти мы уже упоминали выше. Г.П. Щедровицкий отмечал, что рассмотреть смыслы с деятельностной точки зрения – значит «ввести и изобразить в соответствующих схемах такие *системы деятельности* (или *системы, принадлежащие к деятельности*), относительно которых „смыслы“... являются *элементами и частичными организованностями*... <...> ...Для „смысла“ такой системой, принадлежащей к деятельности, является *система акта коммуникации*» [18, с. 556]. Коммуникативно-ситуативный характер смыслов, обуславливающий их «схватывание» в феноменально-процессуальном акте понимания, ставит успешность их понимания в зависимость не только от нормативных значений, имеющих целью организовать это самое адекватное понимание, но, что немаловажно, и от множества иных факторов: ситуации, с которой связано понимание, самоопределения человека, его установок, ценностей и целей, знаний, структур деятельности и т. д., которые в контексте правовой коммуникации в целом мы склонны относить как к антропологическому, так и к топологическому, пространственному, или *цивилизационно-культурному фактору, разворачивания коммуникативного акта*.

Специфика актов правовой, равно как и любой другой, коммуникации определяется массой конкретных, привязанных к месту ситуативных факторов, порождаемых, как мы сказали, в одном из самых главных своих срезов цивилизационно-культурной уникальностью того или иного правового пространства (им в основном задаются и типы правопонимания, и правовые установки, и правовые ценности, и пр.). Поэтому при восприятии чуждых аутентичной цивилизационно-культурной почве юридических знаков в процессе правовой мыследеятельности всегда происходит своего рода смысловой конфликт как конфликт интерпретаций, имеющий своим следствием усечение исходного смысла, стоящего за инкорпорируемой знаковой формой. Как от-

мечает П.Г. Щедровицкий, сын известного советского методолога, «и понимание, и рефлексия, и любые другие частные интеллектуальные процессы сосуществуют и разворачиваются внутри пространства мыслительной работы», причем последнее может задаваться различными формациями, практиками мышления, одной из которых выступает так называемое рамочное мышление, фрейм (frame). Фрейм представляет собой неявные, нетематизированные структуры, управляющие как коллективными, так и индивидуальными процессами понимания и коммуникации, присутствующие в конкретно данном языковом сообществе [19, с. 38]. Нечто похожее на фрейм, видимо, имел в виду П. Бурдье, когда «принципы, порождающие и формирующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированы к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и непременно овладение необходимыми операциями по ее достижению» определял как габитус [20, с. 103].

Факт цивилизационно-культурной привязки правовых смыслов, однако, при обычных компаративистских процедурах оценки правового материала является скрытым и не рассматривается юристами-экспертами в качестве значимого – для его серьезного учета должна проводиться серьезная интеллектуально-проективная работа. Попытка же перенесения правовых образований в цельности (грубо говоря, правового образования как цельной совокупности юридического знака, правового смысла и его правового значения так, как оно, это образование, работает в исходном месте) с одного правового пространства на другое посредством ориентации, оценки и заимствования лишь нормативно фиксированных правовых содержаний (правовых текстов – норм, институтов и т. д.) серьезно проблематизирует возможность адекватного смыслопорождения и следовательно подлинного понимания, на которое и под которое был выработан и рассчитан исходный заимствованный юридический знак. Это происходит ввиду невозможности цельной правовой трансляции, поскольку актуальная коммуникация, в которой всегда растворены правовые смыслы, перенесена быть не может – она возникает естественно в уникальной цивилизационно-культурной среде. Исходя из этого, следует учитывать, что сами по себе юридические знаки и даже те интерпретативные значения-толкования, которые вырабатываются под них иностранным правовым адресантом для дополнительного обеспечения необходимого понимания (в терминах СМД-методологии это своего рода «вторичные смыслы» [18, с. 567]), в любом случае могут выступать лишь *дополнительными культурными средствами организации понимания*, в конкретных же ситуациях актуальной правовой коммуникации всегда первичен исходный правовой смысл («первичный смысл»), который опять же порождается в топически конкретных, привязанных к месту и естественно разворачиваю-

щихся ситуациях-событиях правового общения и деятельности, или, используя терминологию М. Фуко, в уникальной среде конкретной дискурсивной формации. Нечто похожее в рамках герменевтической концепции права доказывал П. Рикёр, когда обосновывал значимость для адекватного понимания не только идеального, или объективного, смысла, вложенного в текст, но и экзистенциального момента понимания, или присвоения, текста, связанного с личностными, а значит во многом и конкретно историческими, цивилизационно-культурными факторами: «Текст не говорит ни о чем ином, кроме как об объективном смысле; без экзистенциального же присвоения того, что он говорит, невозможно существование живого слова. И задачей теории интерпретации является выражение этих двух моментов понимания как единого процесса» [21, с. 484].

В СМД-методологии смыслы и значения традиционно рассматриваются как разные компоненты знака, и тем самым они придают знаку «разные способы и формы существования, соответственно – в *синтагматике* и в *парадигматике*, в *социальных ситуациях* и в *культуре*, в *реализации* и в *нормах*» [18, с. 570]. Иными словами, если правовые значения, вытекающие, например, из классического юридического толкования знака (правового текста) и как бы подающие себя воспринимаемому их субъекту знаково-текстуально, т. е. через придание субъектом определенного значения в первую очередь субстанциональной форме правового акта (хотя и в этом случае могут происходить процессы ограничения/расширения значений), то правовые смыслы, на которые указывает знак, разворачиваются и всегда привязаны еще и к конкретной ситуации деятельности, задавая тем самым и саму субстанциональную форму существования юридического знака в процессе его актуальной реализации.

Особенно наглядно это проявляется в правотворческой и правоприменительной деятельности, когда синхронное конструирование в двух соседних государствах, казалось бы, одинаковых правовых текстов (например, разработка и принятие нормативных правовых актов по одному и тому же вопросу) и выработка идентичных правовых значений-толкований в процессе последующей реализации содержащихся в них положений под воздействием цивилизационно-культурной среды и всех тех ситуативных факторов, о которых мы говорили выше, претерпевает существенное изменение ввиду уникальности смыслопорождения. Причем здесь прослеживается такая закономерность, что на стадии правотворчества точно предугадать правовой смысл, а следовательно и вложить его в текст не представляется возможным (классический концепт так называемой «воли законодателя»), поскольку правовое смыслопорождение большей своей частью происходит в актуальной коммуникации. Нередко случается так, что так называемый законода-

тель вообще не может предвидеть тот правовой смысл, который впоследствии будет разворачиваться в правореализационной практике коммуникаций. Практическое же смыслонаполнение юридического знака, происходящее уже в процессе реализации закона, не поддается нормативному измерению в степени, достаточной для точного определения способностей этого же текста работать таким же образом в ситуации иной правовой системы.

Разумеется, подобная аналитическая раскладка весьма сложна и обременительна в решении насущных проблем правового регулирования. В отношении регулирования внутрисистемных правовых процессов отчасти с этим можно согласиться, тем более, что национальная правовая система, как правило, всегда работает в рамках одного цивилизационно-культурного образования. Однако когда речь идет о кросс-цивилизационных взаимодействиях, контактах с иным правовыми средами, правовых заимствованиях и включении в иные правовые пространства, данный опыт становится полезным и практичным. В связи с этим есть смысл обратить внимание на правотворческую работу с иностранным правовым элементом, особенно когда речь идет о заимствовании радикального для национального права опыта. Более того, логично может возникнуть настойчивое сомнение в сделанных выше выводах, поскольку правовой опыт все-таки заимствуется и в правовой истории и современности немало тому примеров.

Как мы уже сказали, попытка перенесения правового образования как цельной правовой структуры (знак – смысл – значение) из одной правовой среды в другую посредством одной лишь ориентации на нормативно-правовое закрепление в национальном законодательстве юридического знака неспособно точно транслировать правовой смысл ввиду инаковости исходного коммуникативного поля (уникальности правопонимания, ценностей, установок, правовых привычек и пр.). Однако полностью отказываться от действительно эффективных правовых заимствований, в особенности заимствований инструментального типа, нецелесообразно.

В этом отношении национальное право до настоящего момента, в особенности в отношении правовых заимствований радикального характера, выдерживает достаточно консервативную и разумно охранительную позицию. Тем не менее определенный опыт правовой инкорпорации имеется, и, полагаем, по мере интенсификации глобализационных процессов он будет возрастать. Это в определенной степени неизбежный процесс, вопрос заключается лишь в соблюдении меры разумности, которая определяется уровнем допустимости насыщения собственного цивилизационно-культурного слоя инородным правовым содержанием.

В связи с этим подлежит внимательному рассмотрению вопрос о том, что получает национальное право в случае перенесения иностран-

ного юридического знака, если правовые смыслы ситуативно фундированы. Предполагаем, что в этом случае происходит двойной процесс. С одной стороны, правовые смыслы (точнее, те значения, которыми наделяются импортируемые правовые смыслы отечественным законодателем, экспертами, практиками), на которые изначально делался расчет при принятии решения о заимствовании, смещаются, трансгрессируют, приспособляясь к особенностям правовой деятельности и поведения в среде местной правовой коммуникации с учетом всей ее специфики и уникальности. С другой – сама эта деятельностная среда, поведенческие модели в актах коммуникации, а следовательно и все энергично-правовое поле (в классических терминах – правовой порядок) постепенно изменяются и перестраиваются под влиянием уже не этих изначальных смыслов (так называемых первичных смыслов), которых в данном случае просто нет, а процессов их имитации (возможно, даже симуляции), которые обеспечиваются неточными, во многом стохастичными правовыми значениями, по-своему наполняющими привнесенную знаковую форму. Причем вторая тенденция более сильная, чем первая, что обеспечивается субстанционализацией привнесенной знаковой формы посредством ее нормативного закрепления и одновременно пластичностью ситуации правовой коммуникации, в которой разворачивается смысл.

Один из основных вопросов, который должен решаться в случае принятия решения о правовом заимствовании, – это вопрос о степени конфликтности юридических фреймов, или габитусов, т. е. тех неявных структур, которые определяют коллективные и индивидуальные процессы правопонимания и правовой коммуникации, правовой деятельности, присутствующие в конкретно данном цивилизационно-культурном пространстве. При нарушении предельно допустимого уровня вторжения в национальную правовую почву, признаком чего практически всегда является начало утраты конститутивных признаков государственно-правовой идентичности, происходит постепенное смещение и размывание всего поля национальных правовых смыслов, злоупотребление правом в рамках формального соответствия поведения правовым значениям (причем постепенно такое злоупотребление как злоупотребление восприниматься не будет), а главное, *утрачиваются собственные, аутентичные образцы правовой мыследеятельности, на которых основывается вся правовая система.*

Типичным примером последнего может служить проводимая несколько последних лет европейскими организациями (в частности, Советом Европы) активная кампания по продвижению на постсоветском пространстве, особенно в России, проекта ювенальной юстиции, одним из центральных положений которой является изменение парадигмальных основ институтов семьи, материнства, отцовства и детства. Нет

смысла обсуждать, например, какое значение для восточнохристианского цивилизационно-культурного региона будет иметь введение одного из базовых положений ювенальной юстиции – законодательного запрещения телесного и так называемого психологического наказания детей (такое наказание в терминах ювенальной юстиции именуется насилием)¹. Как бы ни была идеально отточена знаковая форма инкорпорируемых правовых положений о ювенальной юстиции, насколько бы точно она ни была обеспечена соответствующими, выработанными под нее правовыми значениями и как бы юристы-эксперты ни пытались приспособить данный институт к местным правовым условиям, адекватно перенести правовой смысл ювенальной юстиции как западноевропейского правового института не удастся, поскольку, а приведенный пример показывает это особенно наглядно, каждый правовой смысл в своей существенной части органически вживлен и вырастает в местной среде во всей системе имманентных ей факторов (антропологических, религиозных, политических, культурных, психологических и т. д.). Попытка подобной трансляции юридического знака с его значением и смыслом вызовет непременно искажение последнего ввиду возникновения смыслового (интерпретационного) конфликта с факторами местной среды правового, а в целом цивилизационно-культурного коммуникативного поля.

Привлечение СМД-методологии для обоснования проблематичности правовой унификации в глобализационном пространстве, не говоря уже о подрывных возможностях современной философско-правовой (постмодернистской) позиции по отношению к правовому тексту с постулированием презумпции «метафизики отсутствия» («смерть субъекта», «пустой знак» и т. д.) доказывает сложность и неоднозначность вопроса о современных правовых взаимодействиях. Создание единого правового поля и полагание его эффективности на основании лишь отработанности и инструментального совершенства юридических знаков, расчет на адекватную трансляцию иностранного права в его изначальной заданности еще не предрешают вопрос о правовых смыслах, которые (а не юридические знаки (тексты) и сопровождающие их правовые значения) содержат в себе *telos* правовой, а следовательно и социальной онтологии, который, несмотря на свой неявный характер, все же существенно определяет и направляет жизнедеятельность общества. Определение же верного направления разворачивания всего национального энергийно-правового поля, определяемого полнотой сохранения и трансляции аутентичных правовых смыслов, зависит от вос-

¹ В День защиты детей, 1 июня 2010 г., официально стартовала кампания, направленная на отмену наказаний детей. С этой целью Советом Европы была издана специальная брошюра «Искоренение телесных наказаний детей» [22].

производства тех исходных конститутивных цивилизационно-культурных условий, в которых сформировалась и доминирующее время развивалась конкретная правовосударственность. Для Республики Беларусь такой цивилизационно-культурной и онтологической константой выступает восточнохристианская духовная традиция, которая во многом и сегодня имплицитно питает правореализационные практики трансцендентными смыслообразованиями. Это выражается в серьезной конкуренции по отношению к рационализированным, формально-юридическим смысловым образованиям нравственно фундированных, духовных смыслов в актуальной правовой мыслидеятельности.

Сохранение собственных, аутентичных образцов правовой мыслидеятельности, на которых основывается национальная правовая система, является условием избегания конфликтности правовых значений в энергийно-правовом пространстве, а значит и условием продуктивного правового общения. Это возможно лишь при достаточно высоком уровне понимания и смысловой восприимчивости права, в особенности его цивилизационно-культурных смыслов, базовых кодов нашими соотечественниками, в связи с чем сегодня весьма актуальной становится проблема юридического языка, а вместе с ней проблема доступности и смысловой восприимчивости белорусского законодательства, которой и посвящен следующий параграф.

2.4. Доступность и смысловая восприимчивость законодательства в контексте развития национальной правовой системы

Разработка проблемы доступности законодательства в настоящее время весьма важна как для развития юридической теории, так и для практики функционирования национальной правовой системы. В условиях информационного общества, активно оказывающего воздействие на правовую систему, при постоянно увеличивающемся массиве законодательства, возрастании потока правовой информации задача сделать законодательство в действительности доступным, а главное – восприимчивым по смыслу приобретает качественно новое значение. В зависимости от того, насколько успешно будет решена данная задача, будет зависеть перспективное соответствие национальной правовой системы вызовам информационного общества. Постепенное возрастание роли информации и информационных коммуникаций в жизни общества стало одной из характерных тенденций социокультурной ситуации на постсоветском пространстве, обнаруживающейся и по сей день.

Актуальность исследования проблемы доступности законодательства во многом обусловлена также и тем обстоятельством, что сегодня государству в отличие от еще недавнего прошлого приходится сталкиваться с множеством иных субъектов, аккумулирующих и подающих правовую информацию исходя из собственного усмотрения, пусть и в

допустимых пределах. Тем не менее именно на государстве лежит обязанность обеспечения доступности законодательства и правовой информации в целом, именно государство несет ответственность за доступность выраженной в законодательстве государственной воли и в определенной степени за ее верное уяснение субъектами правового общения. Правовая информация становится более гибкой, огромное значение приобретает ее интерпретация, презентация, ее технологическое и идеологическое сопровождение. Значимость изучения вопроса о доступности законодательства определяется еще и той непростой ситуацией, в которой само общество, преюдициально обязанное корреспондировать государству в деле достижения доступности законодательства (посредством самообразования, повышения правовой культуры и т. д.), фактически стремится к освобождению от информационно-идеологической зависимости от государства и в то же время требует от него гарантий полной доступности законодательства и поддержания едва ли не абсолютного уровня правового информирования. Однако если, например, советское общество в определяющей своей части целостно и органично солидаризовалось с информационно-идеологической установками государства, что в конечном счете делало решение задачи доступности законодательства во многом делом общим [23, с. 7], то позиция современного социума в видении общих с государством целей правовой политики по обеспечению доступности законодательства и правовому информированию граждан не является столь очевидной.

Обобщая указанные выше доводы, следует сказать, что проблема доступности законодательства в современных условиях нуждается в постоянном теоретическом и конкретно-аналитическом изучении и мониторинге. На это обратил внимание и отечественный законодатель, когда в Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь недостаточную доступность и понимание всеми слоями населения нормативных правовых актов (п. 9) отнес к отрицательным тенденциям, подлежащим устранению в процессе совершенствования законодательства [10]. Как нам представляется, в связи с этим принципиально важно не только исследовать те аспекты, которые являются традиционными в эпистемологическом проблемном поле доступности законодательства (юридико-техническое совершенствование правовых актов, правовое информирование и т. д.), но и обратить внимание на проявление новых, неклассических граней доступности законодательства, которые до недавнего времени еще не были столь актуальны. К ним следует отнести прежде всего: а) смысловое содержание термина «доступность» и подвижность его границ, т. е. вопрос о том, что сегодня следует понимать под доступностью и достаточно ли такого понимания для адекватного объяснения процессов, происходящих в национальной правовой системе, с акцентом на таком малоисследованном моменте поля доступности

законодательства, как его смысловая восприимчивость, б) междисциплинарный анализ доступности законодательства, т. е. возможность использовать познавательные ресурсы смежных дисциплин (психология, социология), а также ресурсы отдельных междисциплинарных научных направлений (социология права, юридическая конфликтология) при изучении доступности законодательства для разработки комплексных механизмов достижения высокого уровня ее обеспечения, в) определение постсовременного статуса самой проблемы доступности законодательства в национальной правовой системе и его оценка в контексте развития правовых традиций иных культур.

Проблема доступности законодательства в Республике Беларусь исследуется достаточно интенсивно. Вообще надо сказать, что и в советское, и в постсоветское время вопросы доступности подвергались исследованию в самых различных аспектах. В советской юридической науке с 60-х гг. XX в. серьезно изучалась прежде всего возможность воспитательно-информационного и идеологического воздействия права на общество (Ю.А. Агешин, П.П. Баранов, О.А. Гаврилов, А.И. Долгова, А.Б. Козловский, В.Е. Краснянский, Ю.В. Кудрявцев, В.Е. Питерцева, И.В. Гранкин, Л.А. Семенко, Н.Я. Соколов, В.В. Тищенко, Г.М. Ярош и др.), т. е. в проблемном поле доступности законодательства подвергался активному теоретическому исследованию и последующей практической реализации вопрос о так называемом встречном движении общества к праву, своего рода способности социальной рефлексивности советского общества по отношению к праводоступности (правовое самообразование, самовоспитание, народные университеты правовых знаний и т. п.). Со второй половины 90-х гг. XX в. в связи с интенсификацией правокоммуникационных и правоинформационных процессов внимание отечественных исследователей в основном начинает концентрироваться, во-первых, на решении проблемы поддержания должного уровня так называемой внешней доступности законодательства как возможности общества «знать право», приближаться к законодательству и не отчуждаться от него, во-вторых, на разработке конкретных механизмов и предложений по управлению потоками правовой информации в целях обеспечения доступности (банки данных правовой информации, юридические интернет-порталы и т. д.). Последнее, кстати, явилось теоретической предпосылкой образования 1 октября 1997 г. Национального центра правовой информации Республики Беларусь. С 1 октября 1998 г. начал работу интернет-узел данного государственного научно-практического учреждения (<http://ncpi.gov.by>) [24]. Две указанные тенденции в юридической науке в принципе сохраняются до настоящего времени.

Среди специальных теоретических исследований по проблеме доступности законодательства едва ли не первыми стали диссертация (1985) и монографическое исследование (1992) отечественного ученого

И.П. Сидельникова [25; 26], в которых раскрыты практически все актуальные на тот момент аспекты проблемы доступности законодательства. Вопросы об управлении потоками правовой информации, их накоплении, систематизации, создании центрального и регионального правоинформационного обеспечения раскрываются в исследованиях сотрудников Национального центра правовой информации Республики Беларусь (Ю.И. Кашинский, Е.Н. Гутман, С.П. Латушкин, М.Г. Гриневич, С.Г. Михайленко, М.Н. Сатолина, Б.С. Славин и др.), при этом следует сказать, что работы указанных авторов в основном ориентированы на решение практических проблем правового информирования. Отдельные теоретические и практические положения доступности законодательства подвергались анализу в работах А.М. Абрамовича, Г.А. Василевича, Е.П. Гуйды, В.В. Мицкевича, И.И. Пляхимовича, И.П. Сидорчука, С.Н. Чубковец и некоторых других отечественных исследователей. Зарубежная юридическая мысль также представлена разнообразными исследованиями о доступности законодательства, правда, в основном в контексте смежных проблем. Это работы российских авторов Ю.Г. Арзамасова, В.М. Баранова, И.Л. Бачило, Н.А. Власенко, Т.В. Губаевой, Н.А. Климентьевой, С.В. Полениной, А.В. Ильина и др. Как показывает опыт проводимых Национальным центром правовой информации конференций, отдельные аспекты проблемы доступности законодательства интересуют также и коллег из Великобритании, Германии, Китая, Литвы, Молдовы, США, ряда других государств [27]. Вместе с тем следует оговориться, что в юридической традиции дальнего зарубежья сама постановка проблемы доступности законодательства и права имеет принципиально иной аспект по сравнению с отечественной юридической традицией, о чем мы будем говорить ниже.

Когда ставится вопрос о доступности законодательства в контексте развития национальной правовой системы, т. е. когда мы говорим о взаимообусловленности правовой системы и такого сопутствующего ей условия, как доступность законодательства (шире – права), изначально важно верно подойти к пониманию доступности законодательства, чтобы впоследствии максимально точно раскрыть ее влияние на функционирование права. Такая постановка вопроса в нашем случае имеет важнейшее методологическое значение, поскольку она предопределяет пределы и глубину понимания исследуемого предмета – для нас важно не столько обособленное изучение доступности, сколько выявление сущности отношения «доступность законодательства – развитие правовой системы».

Понятие доступности законодательства многосторонне и может вмещать в себя несколько аспектов. И.П. Сидельников в своей монографии рассматривает доступность законодательства как предпосылку знания гражданами права и дает ей следующее определение: «Доступность законодательства – это предпосылка знания гражданами права,

находящая свое выражение в должной юридико-технической отработанности системы законодательства, а также создании всех других необходимых условий сознательного усвоения его содержания» [26, с. 11]. Автор в данном случае в качестве методологического ядра своего исследования постулирует связь «доступности законодательства – знание гражданами права». Такой подход к исследованию доступности является наиболее распространенным, и это понятно, поскольку уже самый первый и непосредственный взгляд на словосочетание «доступность законодательства» указывает, что речь идет о реальной возможности граждан овладеть нормативной правовой информацией. Практически все отечественные исследования доступности законодательства основываются на таком методологическом подходе к пониманию доступности. Вместе с тем такое понимание предмета не является единственно возможным, более того, при иной постановке проблемы и использовании данного методологического подхода можно столкнуться с затруднениями. Например, для правильной оценки влияния таким образом понимаемой доступности на эффективность функционирования правовой системы, т. е. для рассмотрения доступности как условия гармоничного развития правовой системы, констатации удовлетворительного знания гражданами права недостаточно, поскольку предпосылка знания гражданами права и даже сам факт знания права еще не могут свидетельствовать об эффективном функционировании правовой системы. Знание социумом права не является конечной целью правового регулирования – это лишь одна из вероятностных предпосылок или условий его эффективного осуществления. Но конечная цель правового регулирования заключается в поддержании правового, шире – социального порядка, а разве доступность как знание права способна быть пригодным средством для достижения данной цели? Поэтому, как видим, в приведенном варианте постановки проблемы подход «доступность – знание» оказывается вне контекста решения общих задач правового регулирования, а как известно, часть должна быть органической принадлежностью целого. Для примера, если все граждане знают, что противоправное лишение человека жизни является уголовно наказуемым деянием, разве это уже предполагает, что убийства не будут совершаться? Или если все граждане знают, что безбилетный проезд в общественном транспорте является административным правонарушением, разве это предполагает, что нарушителей данной нормы не будет?¹ Естественно, поэтому методологическое сведение доступности законодательства лишь к знанию гражданами права возможно исполь-

¹ Известный древнекитайский мыслитель Лао Цзы, например, вообще полагал, что «управление страной при помощи знаний приносит стране несчастье, а без их помощи приводит страну к счастью» [28, с. 135]. Мы, конечно, не имеем здесь ввиду фактическую аналогию, но просто акцентируем внимание на сходности установок в понимании сущности доступности законодательства.

зовать в ограниченном круге исследований, в частности, когда речь идет прежде всего о юридико-технической стороне обеспечения доступности законодательства. При исследовании же вопросов, касающихся внутренних, содержательных аспектов доступности законодательства (например, вопросов об достижении осмысленно-мотивированного правомерного поведения, обнаружении причин игнорирования гражданами нормы права при условии ее достаточной юридико-технической доступности, взаимосвязи доступности закона и эффективности функционирования права), использование такого подхода может привести к серьезным ошибкам, поскольку при обобщении эмпирических показателей доступности (как знания права) желаемое может быть выдано за действительное. Эти же аргументы являются основанием для поиска иного методологического основания в решении проблемы понимания доступности, которое свое концентрированное выражение находит в пересмотре смыслового содержания термина «доступность» и определении его границ.

Итак, если под доступностью подразумевать предпосылку знания гражданами права, заключающуюся в должной юридико-технической отработанности системы законодательства, то налицо один методологический подход, пригодный для исследования проблем, касающихся формы и техники передачи нормативно-правовой информации гражданам. Это принятая в литературе так называемая *внешняя доступность*, или внешний аспект доступности [26, с. 19]. Однако выделяется еще и *внутренняя доступность*, под которой понимается смысловая понятность правового акта, его интеллектуальная доступность [26, с. 11]. Кстати сказать, И.П. Сидельников во второй части своего определения доступности (приведено выше) указывает на создание «всех других необходимых условий *сознательного усвоения* его [права] содержания» (курсив наш. – В. П.); вместе с тем положение о «сознательном усвоении» в своей работе автор не развивает и скатывается на указанный внутренний аспект доступности как смысловую понятность и интеллектуальную доступность правового акта, что, как мы полагаем, качественно разные вещи. Впрочем, следует отдать должное автору: он предложил весьма удачную, на наш взгляд, теоретическую модель познания доступности законодательства в зависимости от направлений деятельности государства по ее обеспечению [26, с. 20], которую можно взять за основу. И.П. Сидельников выделил два таких направления: работу с законодательством (правотворчество) и работу с населением (информирование и правовое воспитание). Из этих направлений, рассматриваемых как встречные процессы, вытекают три главных фактора доступности законодательства: качество действующего законодательства, эффективное функционирование каналов правового информирования, достижение высокого уровня правовой культуры (рис. 1).

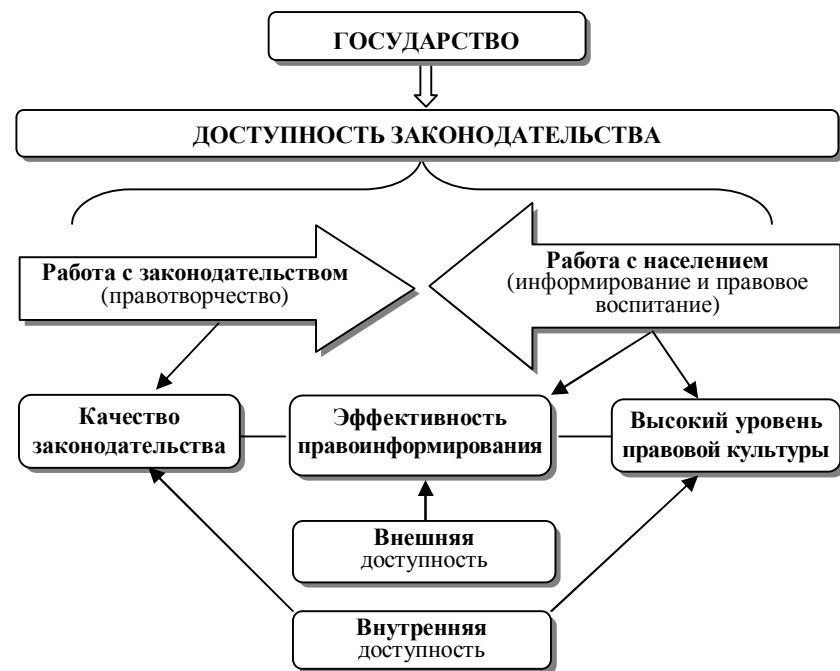

Рис. 1. Традиционная схема доступности законодательства

Что же представляет собой указанная внутренняя доступность законодательства? Как видим из схемы, внутренняя доступность законодательства (как смысловая понятность и интеллектуальная доступность) обеспечивается качеством законодательства, которое обеспечивает объективное требование интеллектуальной доступности для граждан содержания нормативного правового акта – назовем это *интеллектуальным моментом доступности*, – и высоким уровнем правовой культуры (правового образования и воспитания), обеспечивающего требование *смыслового момента доступности* как субъективной возможности граждан уяснить содержание законодательства. Правовое информирование в этом случае выходит за рамки внутреннего и представляет внешний аспект, обеспечивающий *юридико-технический момент доступности*.

Таким образом, в логике представленного подхода доступность законодательства понимается через три момента: *юридико-технический, интеллектуальный и смысловой*. *Внешняя доступность* складывается из юридико-технических средств для удобного отыскания и получения правовой нормы и информации о ней (совершенствование системы законодательства, создание банков данных правовой информации и т. д.).

Внутренняя же доступность заключается в качественном совершенствовании системы права как внутреннего содержания системы законодательства, для того чтобы общество имело объективную возможность интеллектуально воспринять правило поведения, а также в повышении правовой культуры, имеющем целью предоставить каждому гражданину возможность субъективно понять смысл правовых предписаний. Следует, конечно, оговориться, что такое выделение внешних и внутренних аспектов доступности условно. Вообще внутреннее и внешнее как форма и содержание находятся в сложной диалектической взаимосвязи, поэтому в реальной жизни данные факторы переплетаются и с трудом поддаются схематизации и фактической дифференциации. Вместе с тем такой логический и схематический анализ дает возможность увидеть и яснее понять механизм сцепления внешнего и внутреннего аспектов доступности, а также выявить недостатки, обусловленные тем или иным методологическим подходом.

В диалектике внутреннего и внешнего доступности законодательства, ее содержания и формы очень важно зафиксировать содержание как определяющую сторону целого и форму как способ существования и выражения содержания. Рассмотренный выше методологический подход к выявлению внутреннего и внешнего аспектов доступности законодательства («доступность – знание») мы полагаем недостаточным для решения задач, выходящих за рамки прикладных (юридико-технических) вопросов доступности, в том числе и задач, поставленных нами. Рассмотрение доступности законодательства в контексте развития национальной правовой системы как условия ее гармоничного функционирования, выявление причин несрабатывания права на личностном и коллективном уровне в условиях, казалось бы, достаточной доступности и ряд подобных вопросов требуют формулирования иного методологического основания для понимания доступности закона. Основная причина такого положения дел, как мы полагаем, заключается в том, что в представленном подходе *не выявлен действительный внутренний аспект доступности*.

Во-первых, следует отметить, что помимо выделения внешнего и внутреннего аспектов доступности законодательства, проанализированных нами выше, имеет смысл вести речь об узком и широком понимании доступности. *Доступность законодательства в узком смысле* может быть представлена как такое условие *знания* гражданами правовых норм, которое находит свое выражение в юридико-технической отработанности системы законодательства. В сущности, это возможность граждан знать законодательство и знать о законодательстве, которая становится действительностью по мере его юридико-технического совершенствования государством, а также по мере создания иных условий, этому способствующих. *Доступность же законодательства*

в широком смысле рассматривается как условие функционирования правовой системы и представляет собой такое отношение граждан к законодательству, которое обуславливается не только его юридико-технической отработанностью, но и созданием иных, непосредственно не связанных с юридической техникой условий, способствующих *усвоению* гражданами правовых норм. То есть это не просто знание права и знание о праве, это еще и его *смысловая восприимчивость, усвоение, делание его своим субъективным убеждением и ценностным юридическим императивом*, которое не только и не столько зависит от уровня юридико-технического совершенства системы законодательства, сколько от развития иных элементов правовой системы (правовое сознание, правовая культура и т. д.) и совершенствования смежных ей регулятивных систем (уровень духовности общества, его нравственное воспитание и т. д.). В этой связи можно согласиться с В.Н. Протасовым, который для успешного решения вопроса об эффективности функционирования правовой системы предлагает исследовать «все то из мира правовых явлений, что необходимо для нормального процесса правового регулирования» [29, с. 252].

Конечно, здесь следует заметить, что такое расширение объема определения доступности законодательства может показаться неоправданным, и в некоторой степени на это действительно есть основания. Вместе с тем мы полагаем, что ввиду отсутствия в общетеоретической юриспруденции специальной юридической категории, специально отражающей помимо классически понимаемой доступности законодательства процесс смыслового восприятия, укоренения, внутреннего усвоения субъектом права правовых предписаний, данная характеристика содержательно, пусть и в рабочем порядке, однако все-таки может быть охвачена термином «доступность законодательства (права)». В таком случае исследование доступности законодательства как фактора эффективности функционирования правовой системы неизменно встречается с проблемой правового сознания граждан, правовой культуры и иными вопросами, решение которых имеет целью также подбратиться к вопросу об идеальном усвоении людьми правовых предписаний. В связи с этим можно утверждать о включении исследования доступности законодательства в рамки системного подхода.

Во-вторых, в результате логического сопоставления предложенного нами понимания доступности в узком и широком смысле с проанализированными выше внутренним и внешним аспектами доступности законодательства становится очевидным, что не только внешняя, но и внутренняя доступность (охарактеризованная нами выше доступность законодательства во внутреннем аспекте) охватывается пониманием ее в указанном нами узком юридическом смысле. Это, в свою очередь, означает, что *и юридико-технический, и интеллектуальный, и смысло-*

вой моменты доступности находятся в рамках ее узкого юридического понимания. И действительно, возвращаясь к приведенной выше схеме, можно заметить, что и качество законодательства, и уровень правовой культуры, определяемые интеллектуальным и смысловым моментами доступности соответственно, в строгом смысле являются принадлежностями формы, но не содержания доступности. Качество законодательства, о котором идет речь на уровне понимания доступности как знания, обуславливается прежде всего так называемым внешним, техническим качеством нормативного материала (согласованность положений акта, лаконичность, логичность, понятность и однозначность его построений и т. д. (разд. 2 закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [30])); и именно данная сторона качества законодательства должна служить для смыслового уразумения гражданами актов законодательства – именно в этом смысле подразумевается деятельность государства по повышению правовой культуры общества, уровня его правового образования и воспитания. И.П. Сидельников, например, указывает на такие признаки (свойства) качественности системы законодательства, как ее целостность и единство, упорядоченность и логичность, беспробельность, иерархическая взаимосвязь и согласованность элементов, обозримость, стабильность и динамизм, отраслевая структура [26, с. 24–40]. Все эти признаки составляют лишь одну сторону качества. Правда, автор делает оговорку и по поводу необходимости выражения в законодательстве интересов и потребностей граждан, их моральных взглядов, т. е. указывает и на иную сторону качества законодательства, но опять же ограничивается лишь констатацией данного положения и далее его не развивает [26, с. 25]. Однако когда речь идет о качестве законодательства как содержательной стороне доступности, т. е. о том, не как написано, а что написано, тогда и обнаруживается доступность в подлинном внутреннем аспекте ее проявления, т. е. доступность в широком смысле.

Возникает закономерный вопрос: если интеллектуальный и смысловой моменты доступности законодательства (интеллектуально-смысловой момент доступности) представляют собой доступность законодательства во внешнем аспекте, то что тогда является внутренним наполнением, какой элемент следует подвергать исследованию, чтобы приблизиться к познанию процесса усвоения, личностного восприятия гражданами правовых предписаний, процесса перевода их из юридико-технического и интеллектуально-смыслового моментов доступности законодательства, которые обращаются к внешним сторонам доступности и, повторимся еще раз, характеризуют: а) юридико-техническое качество акта законодательства, б) объективную возможность умственной доступности его гражданам, в) субъективную возможность

граждан понимать смысл акта законодательства, следует выделить и третий момент доступности, который будет характеризовать исключительно его внутреннюю сторону. Назовем данный момент *нравственно-психологическим* – он и будет представлять ядро внутренней доступности законодательства, понимаемой в широком смысле.

Отличительной особенностью нравственно-психологического момента доступности законодательства в отличие от двух уже нам известных является присутствие в нем *ценностного компонента*, дающего новую методологическую возможность рассматривать и измерять доступность законодательства *не только посредством знания гражданами законодательства, но и на основании степени смыслового восприятия, усвоения, личностного согласия с содержащимися в нем правовыми предписаниями, включения их в индивидуальную, а также социальную систему ценностей*. Выделение нравственности и психологии в качестве образующих элементов третьего момента доступности законодательства обусловлено тем обстоятельством, что именно данные регулятивные системы играют определяющую роль в процессе усвоения правовых предписаний. Более того, анализ нравственно-психологического момента доступности законодательства вынуждает нас обращаться к категории «правовое сознание», общепринятые структурные элементы которого также представлены правовой психологией, правовой идеологией [31, с. 266–267; 32, с. 315–316] и, по мнению отдельных авторов, правовой моралью [33, с. 363]. Относительно идеологического момента, который в доступности законодательства не выделяется, следует сказать, что имплицитно он присутствует в самой государственной воле, воплощаемой в законодательстве. Государственная же воля, фактически отражаясь в законодательстве, предположительно должна формироваться исходя из интересов и потребностей общества, что, по словам И.П. Сидельникова, и обеспечивает «принципиальную доступность» закона [26, с. 25]. Вместе с тем положение об абсолютной связанности государственной воли потребностями и интересами общества, которое еще недавно казалось очевидным, в современных условиях требует особого прочтения.

Выделение трех моментов доступности, как мы уже отмечали выше, носит идеальный характер, это результат теоретизирования, поэтому при эмпирическом определении уровня ее обеспеченности их следует учитывать одновременно. В реальной жизни они так и проявляются – единым актом ознакомления-познания гражданина с законодательством, в процессе которого доступность определяется и возможностью иметь гражданину физический доступ к правовой информации об акте законодательства и его содержании, и объективной возможностью интеллектуально постигнуть содержание данного акта и субъективно понять его смысл, и, наконец, возможностью одобрить содержащиеся в

нем правовые нормы и лично их воспринять, перевести с формально-правового языка знаков на внутренний язык смыслов, в терминах современного российского философа Ф.И. Гиренка, – на язык дословного [34]. Поэтому государство, определяя для себя задачу сделать законодательство доступным и анализируя результаты ее реализации, *должно учитывать необходимость одновременной разработки и оценки и юридико-технического, и интеллектуально-смыслового, и нравственно-психологического моментов доступности законодательства.* Данная работа должна осуществляться как в процессе разработки законодательства, так и в процессе правового информирования и деятельности по повышению правосознания и правовой культуры населения.

Вообще, как видно из приведенной выше схемы, государство является центральным, определяющим субъектом обеспечения доступности законодательства (однако не единственным). От государства практически полностью зависит обеспечение доступности законодательства во всех трех моментах ее проявления – юридико-техническом, интеллектуально-смысловом и нравственно-психологическом. В отношении первых двух моментов доступности законодательства, т. е. внешней доступности (или доступности сугубо в узком юридическом смысле), деятельность по ее совершенствованию в нашем государстве осуществляется достаточно эффективно – как на уровне теоретических исследований, так и на уровне практических мероприятий (это разработка проблем подготовки проекта нормативного правового акта, его всенародного обсуждения, экспертизы, обнародования, создания банков данных правовой информации, доступа к ним граждан в регионах и т. п.). В отношении же обеспечения нравственно-психологического момента доступности законодательства, т. е. внутренней доступности (доступности в широком смысле), положение дел несколько иное. Конечно, совершенствование внешней доступности законодательства в некоторой степени положительно влияет и на повышение внутренней доступности законодательства как личностного восприятия гражданами содержащихся в нем правовых предписаний. Особенно это касается преодоления проблемы отчуждения граждан от законодательства, изменения «мнения о праве как чужеродной среде с замысловатыми формулировками и конструкциями, далекими от жизни» [35, с. 91]. Однако на каком бы качественно высоком уровне данная работа ни осуществлялась, принципиально она не решает задач, обусловливаемых внутренним аспектом доступности законодательства.

Обеспечение нравственно-психологического момента доступности законодательства требует от государства разработки системы организационно-правовых мер и создания соответствующих условий для ее реализации. Поскольку усвоение, или личностное смысловое восприятие, законодательства гражданами зависит от того, насколько право-

вые предписания соответствуют их ожиданиям, по крайней мере, не вызывают негативной реакции общества, в этом смысле очень важно акцентировать внимание на разработке двух механизмов: 1) *фиксации социальных потребностей и ожиданий;* 2) *оформления правового и нравственного коллективного сознания, а также обеспечения психологически устойчивой, замуренной социальной среды.*

Разработка первого механизма должна основываться на теоретико-методологическом исследовании проблем правообразования, социального механизма действия права, права как социального контроля, правовой социализации, конкретно-социологических исследованиях в праве и т. д. Определенные теоретические наработки в отечественной науке по данным направлениям имеются [36–38], вместе с тем, как верно отмечает А.А. Соколова, следует сосредоточиться на создании «научной модели описания динамических процессов, происходящих в правовой системе, оценки реального функционирования права, предсказания порождаемых им социальных изменений» [37, с. 157]. Особое внимание следует уделить использованию результатов функционирующих на платформе системного подхода современных социологических и политологических теорий, которые занимаются вопросами стабилизации правовых систем в контексте общих социальных процессов. К примеру, ценны отдельные выводы известного немецкого мыслителя Н. Лумана относительно права как средства генерализации и стабилизации ожиданий и моделирования, предугадывания конфликтных правовых ситуаций [39, с. 435–437; 40].

Конкретные организационно-правовые меры, на наш взгляд, должны выражаться в создании отдельного органа (подразделения), специализирующегося исключительно на аккумулировании и фиксации социальных ожиданий, мониторинге их динамики, прогнозировании последствий юридического и социального действия нормативных правовых актов, регламентирующих наиболее важные сферы общественных отношений, измерении обратной социальной реакции на то или иное изменение в законодательстве и использовании ее в прогнозных показателях. В данное подразделение целесообразно было бы включить ученых-правоведов, социологов, социальных психологов, экономистов, политологов, специалистов в нормотворческом процессе, а также сотрудников, занимающихся сугубо статистической и технической работой. В Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь необходимость решения данной проблемы также нашла свое отражение: «определение степени востребованности обществом того или иного акта законодательства, оценка социальной базы будущего акта законодательства и степени охвата правовым регулированием общественных отношений, а также поиск оптимальных вариантов регулирования возникших общественных отношений» указаны в качестве

основных задач нормотворческого процесса (п. 12) [10]. Вместе с тем несложно убедиться, что реальное решение данных задач не может быть осуществлено только в рамках нормотворческого процесса. Хотя функция предлагаемого подразделения по отдельным направлениям и может быть расщеплена по отраслевым государственным органам, вместе с тем, как показывает практика, общий координирующий центр жизненно необходим. Обобщение социологических показателей и статистических данных и сведение их в единую прогнозную модель, многоуровневое измерение восприятия обществом нововведений в законодательстве (через прямое, формальное изучение мнения коллективов субъектов хозяйствования, используя неформальные источники сбора информации, через СМИ и т. д.), анализ и обобщение результатов обсуждений наиболее значимых проектов актов законодательства гражданами и ряд смежных организационно-правовых мероприятий должны, на наш взгляд, осуществляться и координироваться из единого центра.

В Российской Федерации существует аналогичная проблема. В связи с этим российский исследователь Ю.А. Тихомиров применительно к системе законодательства России высказался о необходимости разработки концепции правового мониторинга, которая бы определяла субъекты и объекты правового мониторинга, его показатели и критерии, виды, объем аккумулируемой правовой и иной социальной информации, механизмы связи и обмена информацией (содержательной, статистической, негативной) с отраслевыми государственными органами, каналы информирования руководителей органов и т. д. Но правовой мониторинг согласно данной концепции, как отмечает сам Ю.А. Тихомиров, осуществляется лишь с момента реализации акта законодательства [41, с. 158–159], т. е. он не охватывает этап вызревания общественных потребностей в правовой регламентации, что для решения проблемы внутренней доступности законодательства является принципиальным моментом. В российской законодательной практике существует опыт обсуждения концепций важнейших базовых законов Объединенной комиссией по координации законодательной деятельности, включающей в свой состав представителей органов власти, ведущих ученых и специалистов в области права [42, с. 189]. Однако и здесь речь идет уже об обсуждении готового проекта закона.

Разработка механизма оформления правового и нравственного коллективного сознания, а также обеспечения психологически устойчивой, замкнутой социальной среды представляет собой более сложную задачу. Если выявление и обобщение социальных потребностей и ожиданий может быть сведено к функционированию единой государственной структуры, сосредоточивающейся на выполнении основных функций и координирующей работу отраслевых органов, то второй меха-

низм такой централизации объективно не поддается. Это в определенной мере связано с тем, что эффективность второго механизма в некоторой степени основывается на успешности решения задач первым. Формирование правового и нравственного сознания, а также поддержание психологически устойчивой среды дает возможность более точного прогнозирования, предвидения социальных потребностей и ожиданий, а также социальных реакций на значимые государственно-правовые решения. Следовательно задача оформления правового и нравственного сознания общества и поддержания психологически устойчивой социальной среды является первичной.

Теоретико-методологическим фундаментом второго механизма должны стать междисциплинарные исследования по выявлению картины нравственного состояния белорусского общества, которые бы подтверждались достаточным фактологическим материалом. Психологические исследования должны быть сосредоточены на фиксации современных тенденций в коллективной психологии белорусского общества, которые на сегодняшний день практически не изучены. Теоретическая база данного механизма по самой природе стоящих перед ним задач не должна ограничиваться только юридическими исследованиями, она должна быть сформулирована на междисциплинарной основе.

Среди организационно-правовых мер решающее значение принадлежит деятельности государства (различных государственных органов), а также негосударственных организаций по идеологическому и правовому воспитанию, причем акцент должен быть сделан не на парадигме «доступность – знание», а на подходе «доступность – знание – восприятие». Определяться данная работа должна государством в лице единого координирующего органа или подразделения.

Доступность законодательства, рассмотренная нами через три момента ее проявления, в конечном счете эффективно выполняет свое предназначение тогда, когда обеспечен ее нравственно-психологический момент. Но его обеспечение выходит за рамки правоинформирования и правового просвещения, т. е. знания права, и обнаруживается на уровне смыслового восприятия права, формирующегося *на базе мировоззрения и структур правового сознания*. Поскольку задача обеспечения доступности законодательства концентрируется на государстве, равно как и обязанность обеспечения функционирования правовой системы, полагаем, что для успешного решения проблемы доступности именно государство и должно определять идеологическое направление формирования общественного правосознания. Как отмечал Р. Иеринг, «политическое развитие народа значит разумение тождественности государства и народа, общности их интересов» [43, с. 406]. Верно еще в начале 90-х гг. XX в. подчеркивал Н.В. Сильченко, что «идеология – не прихоть тех или иных законодателей, а объективная, а потому и неизбежная форма осознания социальных процессов и отношения к ним»

[44, с. 46], поэтому «ни одна из существующих в обществе систем идеологии не может подменять собою общегосударственную идеологию. Возможные попытки такой подмены должны быть надежно блокированы различного рода конституционными и иными государственно-правовыми механизмами» [44, с. 47]. В связи с этим, как нам представляется, работу по правовому просвещению и повышению правовой культуры населения сегодня следует объединять с образовательно-идеологической деятельностью государства, заключать их в одну задачу. Сегодня правовое воспитание и просвещение, осуществляемые в рамках решения проблемы доступности законодательства, должны способствовать предупреждению и разрешению юридических и иных социальных конфликтов, снятию социальной напряженности – в этом основная ценность данной деятельности. Поэтому воспитательно-просветительская функция государства должна быть синтезирована с функцией идеологической – правоинформирование не должно быть нейтральным, «знаниевым», напротив, оно должно в себе нести разъяснение гражданам духа закона как выражения государственной воли через законодательство.

Завершая рассмотрение методологических особенностей исследования проблемы доступности законодательства, следует заключить, что *понятие доступности законодательства, которое мы обосновываем в настоящем исследовании (доступность законодательства в широком смысле), представляет собой совокупность юридико-технического, интеллектуально-смыслового и нравственно-психологического моментов ее проявления. Первый* обеспечивает формально-техническую сторону доступности законодательства (выбор нормативного правового акта, его структурирование, правовое информирование и т. д.), *второй* – когнитивную сторону доступности (объективную возможность постичь переведенные законодателем на юридический язык социальные ожидания и потребности и субъективно понять смысл содержащихся в законодательстве правовых норм), *третий* – возможность усвоить, лично воспринять постигнутое смысловое содержание актов законодательства (возможность сделать его императивом своего поведения в сфере юридического) (рис. 2).

Осмысление доступности законодательства в широком смысле с выделением нравственно-психологического момента, системное исследование данного аспекта доступности законодательства, а также осуществление конкретных организационно-правовых мер, направленных на его обеспечение в контексте функционирования национальной правовой системы, дают возможность:

повысить эффективность правового регулирования общественных отношений за счет работы государства над оценочным элементом восприятия гражданами законодательства;

повысить стабильность правового и социального порядка;

нивелировать (спрогнозировать и предотвратить) деструктивные тенденции в общественном сознании по отношению к существующему правовому порядку;

повысить доверие общества к государству;

определить степень адекватности выражения в действующем законодательстве потребностей и ожиданий народа;

посредством реального сопоставления и соизмерения внешнего (юридико-технического и интеллектуально-смыслового) и внутреннего (нравственно-психологического) аспектов доступности законодательства выявлять конкретные проблемы в правовом регулировании общественных отношений.

Рис. 2. Предлагаемая схема доступности законодательства

Несколько слов следует сказать о статусе проблемы доступности и смысловой восприимчивости законодательства в национальной правовой системе и его оценке в контексте развития иных правовых традиций.

Сама постановка проблемы доступности и смысловой восприимчивости законодательства и поиск реальных механизмов ее разрешения в отечественной юридической науке и практике фактически не имеет аналогов в западноевропейских национальных правовых системах. В силу особых исторических, экономических, культурных, религиозных усло-

вий западная правовая традиция, по сути, не знает проблемы доступности законодательства. Установка на непосредственное, прямое сближение права и общества совершенно уникальна, она возникла в условиях зарождения и развития советской правовой системы в 20-х гг. XX в., основным базовым принципом развития которой стало стремление сделать право народным, социалистическим: «полнота государственной власти всего народа характеризует сущность советского права периода развернутого строительства коммунизма, когда оно выражает волю не только рабочего класса, но всего народа. Общенародная воля формируется в право при руководящей роли рабочего класса, поскольку рабочий класс – самая передовая, организующая сила советского общества – осуществляет свою руководящую роль и в период развернутого строительства коммунизма. Этот принцип составляет ту очень важную качественную особенность советского права, которая свидетельствует об изменении самого его внутреннего содержания в процессе развития в единые нормы коммунистического общежития» [45, с. 41]. Можно говорить, что данная установка с преобразованным содержанием в отечественном праве сохранилась до настоящего времени и объективно она представляет собой демократическую ценность достаточно высокого порядка.

Западная же правовая традиция установки на непосредственное сближение общества и права не сформировала. Поскольку на Западе традиционно сложилось так, что между гражданином и правом практически всегда находится посредник – юрист-профессионал, оказывающий свои услуги на коммерческой основе [26, с. 41], то как таковая задача не допустить отчуждения общества от права в западных правовых системах отсутствует: общество и так дистанцировано от законодательства. Особенно это касается систем общего права, характеризующегося сложностью своей структуры. Западная традиция целиком основывается на постулате узкоспециализированного подхода ко всякой, в том числе и юридической деятельности, что наглядно демонстрирует западная модель образования. Юрист-адвокат является совершенно необходимым звеном западноевропейской юридической системы, в частности, когда речь идет о реализации правоотношений частного характера. Практически любая западноевропейская семья постоянно обращается к своему адвокату как единственно возможному проводнику в сфере юридического. Вопрос о самостоятельном познании в юридической сфере даже не ставится, и не потому, что уровень образования не позволяет, но поскольку такова правовая традиция и мировоззрение западноевропейцев. Французский социолог Ж. Карбонье в связи с этим считает неизбежным существование в западноевропейской правовой системе опосредующего звена между правовой нормой и ее реализацией – профессионального юриста, «гида и консультанта», призванного разъяснять гражданам законодательство [46, с. 320].

Если объективно оценивать указанные факты относительно реальной доступности законодательства, а следовательно во многом и его демократичности, то надо сказать, что *западная правовая традиция в данном отношении менее совершенна*. Такие аргументы, как высокий уровень предоставления американцам и западноевропейцам услуг юридического характера специалистами-профессионалами, отсутствие необходимости самостоятельной затраты гражданами энергии и интеллектуальных усилий на изучение основного действующего нормативного правового массива или хотя бы ознакомление с ним, не являются убедительными и не оправдывают отсутствие прямого контакта общества с законодательством. Более того, недопустимо, исходя из такой сложившейся на Западе правовой традиции юридического взаимодействия (право – посредник (юрист) – гражданин), утверждать об ущербности иных, не западных типов связи права и общества. Существует масса аргументов, подтверждающих недостатки такого способа работы граждан с законодательством. Например, типичным следствием развития отмеченной стороны западной правовой традиции является низкая правовая культура американского общества на уровне обыденного знания гражданами основ функционирования права и государства, упоминать о чем на постсоветском пространстве в последние 5–10 лет уже стало общим местом. Однако самыми важными возражениями, которые можно выдвинуть против узкоспециализированного подхода к доступности законодательства и правовому информированию, являются, во-первых, постепенно складывающаяся фактическая неконтролируемость правотворческого процесса и невозможность воздействия на него граждан и, во-вторых, опасность формирования замкнутой корпорации юристов-монополистов на рынке оказания платных юридических услуг с устоявшейся своего рода сервисно-юридической подсистемой, предусматривающей перечень позиций по оказанию юридической помощи исходя из собственных корпоративных интересов, конечной целью которых всегда является получение прибыли (выбор агента, условия соглашения, стоимость оказываемых услуг и т. д.).

Вообще либерализация любой традиционной правовой системы неизменно влечет за собой появление рынка юридических услуг, а следовательно и субъектов, их оказывающих. В этой связи надо сказать, что отечественная правовая система в первой половине 90-х гг. XX в. пробовала пойти по пути формирования значительной свободы частных субъектов по оказанию на коммерческой основе юридических услуг, однако опыт показал, что этот путь по различным причинам не способствует эффективному развитию государства прежде всего как социального патерналистического организма, т. е. государства в прямом смысле этого слова, и сфера деятельности частных субъектов по оказанию юридических услуг была существенно сужена. Строго говоря, *частные*

субъекты, оказывающие юридические услуги на рынке, в конце концов не заинтересованы в доступности законодательства для граждан, особенно с точки зрения уяснения его содержания, поскольку чем большее число клиентов разрешают юридические ситуации напрямую с уполномоченным органом, тем соответственно меньше их число обращаются в частную юридическую фирму. Но, кажется, процесс коммерциализации оказания юридических услуг во всем мире (за исключением некоторых государств) уже является необратимым. На сегодняшний день в Республике Беларусь стоимость услуг, оказываемых на коммерческой основе государственными юридическими консультациями, также заставляет желать реального приведения хотя бы в приблизительное соответствие с доходами большинства граждан страны.

В 1992 г., в период оптимистических надежд и преобразований национальной правовой системы по образцу западных, в своем монографическом исследовании И.П. Сидельников писал: «Беларуси предстоит долгий путь развития, чтобы достигнуть уровня юридической культуры стран с более развитыми правовыми традициями. Но этот путь обязательно должен быть пройден» [26, с. 5]. Однако не прошло и двух десятков лет, как мы переосмыслили ценность и место своих правовых традиций в общемировом правовом пространстве и ценность и место западных правовых особенностей, на которые мы возлагали большие надежды [47, с. 199]. Видимо, сегодня для общества становится все яснее существенная цивилизационно-культурная разница между отечественной и западной правовой и вообще традицией жизни общества. Различия эти основываются не на уровне формально-юридическом, на котором, как раз можно достичь идентичности (что во многом на постсоветском пространстве уже сделано), но на глубочайшем ментальном и духовном уровне, т. е. на том, как общество, народ и каждый человек в отдельности видит жизнь и ее проживает.

Таким образом, определение не только уровня доступности законодательства, но и эффективности функционирования национальной правовой системы в целом на основе критериев, выработанных западной правовой теорией, во многом нуждается в корректировке (когда мы говорим о феномене правового нигилизма, грубом сопоставлении уровней правовой культуры и т. д.). Вместе с тем следует сказать, что осуществление в Республике Беларусь системы мер по обеспечению реальной доступности законодательства является наглядным показателем устремленности отечественной правовой системы не к дифференциации, а к интеграции, встречному движению законодательства и общества, имеющем конечной целью если и не достижение идеального совпадения ожиданий народа и выраженной в законодательстве государственной воли, то, по крайней мере, способность социума адекватно воспринимать и, главное, понимать позицию государства, а государст-

ва, в свою очередь, – воспринимать и выражать на юридическом языке потребности общества. Эта характерная черта отечественной политико-правовой традиции коренится на более глубоком уровне экономического, политического, психологического, культурного, религиозного своеобразия того цивилизационного ареала, в котором сформировалась и развивается Республика Беларусь.

1. Грабски А. Фернан Бродель: вопросы методологии истории цивилизаций // Цивилизации. М. : Наука. 1992. Вып. 1.
2. Гофф Ж. Ле. С небес на землю // Одиссей. Человек в истории. М. : Наука, 1991.
3. Насевіч В.Л. Мўкрагўсторыя: мўнулае ў чалавечым вымярэнні // Беларускі гістарычны агляд. 1999. Т. 6. Сш. 1–2 (10–11).
4. Панарин А.С. Философия истории : учеб. пособие / под ред. А.С. Панарина. М. : Гардарика, 1999.
5. Честнов И.Л. Современное состояние науки истории политических и правовых учений // История государства и права. 2009. № 7.
6. Capra D. La. Rethinking Intellectual History and Reading Texts // History and Theory. 1980. Vol. 19.
7. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб. : Унив. кн., 1997.
8. Фуко М. Рождение клиники. М. : Смысл, 1998.
9. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999.
10. О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь : указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2002. № 46. 1/3636.
11. Хардт М., Негри А. Империя : пер. с англ. / под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетинова. М. : Праксис, 2004.
12. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. Т. 1 : Эпоха Сярэднявечча / В.Б. Евароўскі [і інш.] ; рэдкал.: В.Б. Евароўскі [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. Мінск : Беларус. навука, 2008.
13. Звонарева О.С. Власть и право (цивилизационно-культурный анализ). Минск : Белорус. наука, 2006.
14. Грицанов А.А. Знак // Новейший философский словарь. Постмодернизм / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Минск : Современ. литератор, 2007.
15. Гиза А.В. Интерпретация и смысл : (Структура понимания гуманитарного текста) [Электронный ресурс] : монография. Харьков : Коллегиум, 2005. // Библиотека Гумер : портал. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/gizha/index.php (дата обращения: 24.10.2010).
16. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М. : Шк. культур. политики, 1995.
17. Бабайцев А.Ю. Смысл и значение // Новейший философский словарь. Постмодернизм / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Минск : Современ. литератор, 2007.
18. Щедровицкий Г.П. Смысл и значение // Избранные труды. М. : Шк. культур. политики, 1995.
19. Щедровицкий П.Г. Изменение мышления на рубеже XXI столетия: социокультурные вызовы // Вопр. философии. 2007. № 7.
20. Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко ; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб. : Алетейя ; М. : Ин-т эксперимент. социологии, 2001.
21. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2002.
22. Abolishing corporal punishment of children [Электронный ресурс] // Совет Европы : сайт. Режим доступа: <http://www.coe.int/t/transversalprojects/children> (дата обращения: 04.10.2010).

23. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. М. : Эксмо : Алгоритм, 2004.

24. Кашинский Ю.И. Диалектика правовой информатизации // Современные компьютерные технологии в системах правовой информации : (Правовая информатизация – 2002) [Электронный ресурс] : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21–22 нояб. 2002 г. // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. 2002. Режим доступа: http://www.ncpi.gov.by/conf/Report/r_07.htm (дата обращения: 26.10.2008).

25. Сидельников И.П. Проблемы доступности советского законодательства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 1985.

26. Сидельников И.П. Доступность закона: правовое информирование граждан / под ред. В.А. Круталевича. Минск : Навука і тэхніка, 1992.

27. Программа II Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и право» : (Правовая информатизация – 2004) [Электронный ресурс] // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. 2004. Режим доступа: <http://law.by/work/speakers.nsf/Razdel/35?OpenDocument> (дата обращения: 26.10.2008).

28. Лао Цзы. Дао дэ цзин. СПб. : Азбука, 1999.

29. Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт-М, 2001.

30. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З : ред. закона от 15.07.2008 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

31. Дробязко С.Г., Козлов В.С. Общая теория права : учеб. пособие. Минск : НО ООО «БИП-С», 2003.

32. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права : учеб. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Спарк, 2000.

33. Вишневский А.Ф., Горбаток Н.А., Кучинский В.А. Общая теория государства и права / под общ. ред. В.А. Кучинского. М. : Изд-во деловой и учеб. лит., 2004.

34. Гиренок Ф.И. Удовольствие мыслить иначе. М. : Акад. проект, 2008.

35. Пляхимович И.И. О мерах по обеспечению доступности законодательства в Республике Беларусь // Проблемы правовой информатизации. 2006. № 2.

36. Дробязко С.Г. Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В.Н. Бибило (отв. ред.) [и др.]. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2003. Вып. 14.

37. Соколова А.А. Социальные аспекты правообразования. Минск : Европ. гуманитар. ун-т, 2003.

38. Шиханцов Г.Г. Социальный механизм действия права // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В.Н. Бибило (отв. ред.) [и др.]. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2003. Вып. 14.

39. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И.Д. Газиева ; под ред. Н.А. Головина. СПб. : Наука, 2007.

40. Luhmann N. Konflikt und Recht / N. Luhmann // *Ausdifferenzierung des Rechts: Beiträge zur Rechtssoziologie und Rechtstheorie*. Frankfurt, 1981.

41. Еремينا О.Ю. О правовом мониторинге // Журн. рос. права. 2006. № 3.

42. Нормография: теория и методология нормотворчества : учеб.-метод. пособие / под ред. Ю.Г. Арзамасова. М. : Акад. проект : Трикта, 2007.

43. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб. : Изд. Н.В. Муравьева, 1881.

44. Сильченко Н.В. Проблемы верховенства закона : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 1993.

45. Семенов В.М. Принципы советского социалистического общенародного права [Электронный ресурс] // Изв. вузов. Правоведение : электрон. версия журн. 1964. № 1 // Юрид. Россия : федер. правовой портал. 2009. Режим доступа: <http://law.edu.ru/magazine/article.asp?magID=5&magNum=1&magYear=1964&articleID=1130097> (дата обращения: 09.12.2008).

46. Карбонье Ж. Юридическая социология / пер. и вступ. ст. В.А. Туманова. М. : Прогресс, 1986.

47. Перепелица Е.В. Права человека и ценности восточнославянской цивилизации. Минск : Белорус. наука, 2006.

---

3. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ОПТИКЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И КОНЦЕПЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА (ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДОКТРИНЫ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА)

Раздел посвящен одной из широко обсуждаемых сегодня проблем – проблеме прав человека. Уже стало традиционным, что тема прав человека в основном обсуждается с либеральных позиций, поэтому сказать по существу что-либо новое относительно ее в рамках данного подхода затруднительно. Вместе с тем геополитические события последних лет показывают, что использование на международной арене, казалось бы, столь четко отработанного в либеральном теоретическом аппарате концепта «права человека» становится далеко не бесспорным и политически неоднозначным. Все заметней стала проявляться тенденция, когда критерий соблюдения/несоблюдения прав человека утрачивает свою релевантность и ставится в зависимость не от провозглашенных и закреплённых в международно-правовых актах идейных положений и принципов, а от конкретных интересов тех или иных субъектов международного общения. В этой связи тема прав человека не только как объект интереса теоретико-правового анализа, но и как насущная потребность современной политико-правовой действительности не может быть оставлена без дальнейшей разработки. При этом очевидно, что несрабатывание критерия «права человека» является не только следствием определенных политических интересов, но и результатом теоретической постановки темы прав человека в самой либеральной политико-правовой теории. Следовательно сегодня весьма ценны и аналитически полезны именно те исследования, которые предлагают иной, неклассический (внелиберальный) взгляд на проблему прав человека.

Одним из таких подходов, который содержит завершенную позицию относительно проблемы прав человека, является традиционалистская доктрина, которая ввиду своей маргинальности и одиозной характеристики ее представителей в научных кругах на протяжении практической всего XX в. оставалась недоступной для широкой научной общественности. Традиционалистский подход к исследованию темы прав человека имеет особое значение по той причине, что одним из центральных понятий, интересных именно для современного правового анализа, является понятие традиционного общества, которое традиционалисты связывают с неизменным присутствием в его онтологии стабильных и определяющих элементов трансцендентного типа, важнейшей разновидностью которых выступает религия. Ввиду того что наше государство, равно как государства фактически всего восточнославянского региона, сформировалось и долгое время развивалось в лоне цивилизационно-культурного организма, сформировавшегося под определяющим влиянием христианства, и, разумеется, еще продолжает сохранять в себе элементы этой религиозной традиции, а следовательно и качество традиционности в целом, с познавательной и практической точки зрения имеет смысл посмотреть, как воспринимается и разрешается проблема прав человека в оптике традиционали-

стской мысли. Как завершение исследования темы прав человека уже на автономных, не связанных традиционалистской доктриной началах в конце раздела нами предпринята попытка стратегического обозначения возможностей развития национальной правовой системы, ориентированной на правовую онтологию традиционного типа с сохранением базовых ценностей белорусского народа.

В последнее десятилетие на постсоветском пространстве уже стало традицией говорить и писать о правах человека как универсальной теоретико-правовой доктрине. Концепция прав человека повсеместно стала пониматься как само собой разумеющаяся правовая теория и юридическая практика, выставляемая в качестве идеального критерия для оценки качества функционирования практически любой национальной правовой системы. Современный конституционализм ориентируется на учение о правах человека как на идеальную высоту юридической теории в достижении адекватного правового порядка. Факт так называемого несоблюдения прав человека в мировой политической практике стал достаточным основанием для нарушения суверенитета национальных государств, в том числе с помощью скрытого или явного вмешательства в их внутренние дела вплоть до военной оккупации. Современный мир в своем большинстве живет сегодня такими представлениями и принимает их так, как будто такое положение вещей было всегда.

Тем не менее доктрина прав человека как завершенная юридическая теория и мировоззренческая парадигма в государственно-правовой истории является относительно новым явлением. Современное учение о правах человека в том виде, в котором мы его имеем, – исключительно продукт развития такого социально-политического, а впоследствии общемировоззренческого направления западноевропейской и североамериканской мысли XVII–XVIII вв., как либерализм. На протяжении второй половины XVIII–XIX в. либерализм окончательно оформился как общеметодологическая парадигма, а в XX – начале XXI в. он дал совершенно реальные результаты своего практического осуществления фактически во всех сферах человеческого бытия, начиная от демонстрации своей способности осваивать и понимать глубинные пласты человеческого бытия и заканчивая созданием совершенно уникальной модели культуры (массовой, или поп-культуры), образа потребления и быта современной западной цивилизации. Сегодня либеральные установки доминируют на большей части земного шара практически во всех срезах человеческой действительности.

История так распорядилась, что мировоззренческое пространство постсоциалистических государств, а в особенности бывших республик СССР, на пороге 90-х гг. XX в. оказалось незаполненным, и поэтому

ввиду известных законов природы и определенных жизненных обстоятельств оно в той или иной степени постепенно оказалось занятым наиболее презентабельным, внешне эффективным и привлекательным либеральным мировоззренческим проектом [1; 2, с. 443–573]. Более или менее серьезное осмысление данного факта наступило гораздо позднее и ровно настолько, насколько наша экзистенциальность за это время стала глубоко либеральной. Но вопрос заключается в том, стала ли таковой наша сущность. Если сказать другими словами, перешло ли внешнее восприятие структур либерального общества и образа жизни на внутренний онтологический уровень, укоренился ли либерализм в нас в действительности, не только снаружи, но и внутри.

Надо сказать, что цивилизационно-культурные истоки и сущность либерального учения как такового для постсоветского сознания в основной его массе до настоящего времени остаются неясными, а онтологическое значение фундаментальных преобразований, которые начали осуществляться с перенесением либеральной мировоззренческой модели на нашу почву, представляется весьма неопределенно. Поскольку нас интересует политико-правовой срез либерального учения – доктрина прав человека, и что самое главное, рассматриваемая в соотношении с традиционным обществом и его ценностной структурой, мы осуществим исследование на базе парадигмы традиционализма, к чему нас в некоторой степени обязывает сама постановка проблемы.

Рассмотрение учения о правах человека с позиции либеральной и неолиберальной методологии (Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье, А. де Токвиль, Дж.С. Милль, Б. Констан, Т. Пейн, Т. Джефферсон, Б. Рассел, Ф. фон Хайек, К. Поппер, Х. Арндт, Р. Арон, Ф. Фукуяма и др.) в отечественной и русскоязычной мысли стало уже общим местом, можно даже сказать, классическим (если под последним иметь в виду количественный показатель такого рода работ в массе всех исследований по этой теме за последние 15–20 лет), поэтому следует признать, что основные аспекты учения о правах человека с либеральных позиций раскрыты. Вопрос же о соотношении учения о правах человека с традиционными ценностями той или иной локальной цивилизации, зародившейся и развивающейся в русле системы нелиберальных ценностей, в либерально фундируемых исследованиях практически не затрагивается, а если и затрагивается, то лишь косвенно и с позиции неизбежной обреченности включения всего местного и локального разнообразия в универсальный либеральный континуум.

В связи с этим более интересно и одновременно продуктивно в избранной нами постановке проблемы говорить о правах человека в иной методологической плоскости, нежели в той, в которой было выработано само учение о правах человека. Нередко данная методологическая возможность даже не осмысливается исследователями-правоведами, в

особенности специалистами отраслевых дисциплин (конституционалисты, специалисты в области международного, европейского права), которые изначально рассматривают либеральную парадигму в качестве аксиоматичной и само собой разумеющейся методологической установки. В этом смысле использование доктрины традиционализма с познавательной точки зрения даст нам возможность обратить внимание на те аспекты учения о правах человека, которые, следуя либерально ориентированной методологии, заметить практически невозможно. Конечно, как и всякая исходная научная позиция, традиционализм изначально связан определенными идейными рамками и имеет свои познавательные особенности, ввиду чего он также не лишен некоторой односторонности, обусловленной уже самим этим обстоятельством. Тем не менее исследовательская позиция и научный интерес дают нам основание осуществить такого рода изыскание, а его результаты, их теоретическая и практическая значимость сами будут свидетельствовать о степени продуктивности использования избранного нами подхода, тем более, что по отношению к практически абсолютному большинству отечественных исследований темы прав человека ее традиционалистское прочтение однозначно следует признать неклассическим.

Традиционализм как методологическая доктрина. Вначале следует остановиться на самом традиционализме как доктрине. Как методологическая концепция традиционализм окончательно сформировался на рубеже XIX и XX вв. Истоки традиционализма начали обнаруживаться в определенных интеллектуальных кругах французской, немецкой, итальянской философской, богословской и политико-правовой мысли второй половины XVIII – первой половины XIX в., которая явилась ответной критической «волной» на тотальный успех европейских буржуазных революций, в особенности Французской буржуазной революции. Среди представителей этого направления следует указать Э. Берка, Ж. де Местра, Л. де Бональда, Д. Кортеса, К.Л. Галлера, Ф. де Шатобриана, Ф. де Оливе, которые выступали с критикой идеи классиков либеральной школы. В работах традиционалистов в основном развивается критика европейских буржуазных революций с политических, экономических, религиозных, культурных позиций, причем внимание акцентируется на мировоззренческих основах происшедших изменений. У Ж. де Местра, Л. де Бональда, К.Л. Галлера это критика рассудочного рационализма как универсального метода познания, возведенного в абсолют, неприятие индивидуализма и эгоизма как центральных жизнеутверждающих понятий нового буржуазного миропорядка, защита римско-католических институтов как необходимых связывающих механизмов, защищающих западноевропейское общество от нравственной деградации, и т. д. [3]. Э. Берк известен как серьезный и последовательный критик Французской революции и ее идейных результа-

тов, в том числе и учения о правах человека. Он один из первых подметил серьезные недостатки наступающей новой политической культуры, указав на фактическое равенство, отвлеченную идею свободы (свободу без ответственности), отрицание исторической преемственности и традиции как губительный для европейской (французской) культуры факт. О правах человека как центральной конституирующей категории нового правового порядка мыслитель отзывался как о mine, которая «разом разорвет все древние образцы, все обычаи, хартии, парламентские акты» [4, с. 70]. Э. Берк, как и его единомышленники, противопоставлял революции и просветительским теориям опыт веков и народов, рационализму – традицию, причем основанием, центром и опорной точкой своего проекта философ полагал католицизм как единственный традиционный институт, транслирующий сакральное, священное содержание всей социальной жизни западноевропейцев.

Ценность критики западноевропейских традиционалистов второй половины XVIII – первой половины XIX в. различных аспектов проекта модерна для последующего формирования традиционализма связана с тем, что именно после падения староевропейских феодальных режимов и обеспечиваемой ими функции сакрализации бытия модерн (современное общество) впервые проявился как таковой, стал возможен в истории как факт. В глобальном социально-политическом масштабе появилась возможность реально соотнести старое с новым, традицию с модерном и соответственно по-новому оценить то, чего уже, в сущности, нет. Вместе с тем позиции традиционалистов римско-католического крыла были умеренно-реакционными и, как правило, не затрагивали парадигмальных изменений, происшедших в Новое время. В точном смысле указанная группа западноевропейских традиционалистов является консервативно-политическим (консервативно-революционным) крылом традиционализма, отстаивающим прежде всего необходимость реакции, возвращения к традиционному католическому монархизму, хотя, кажется, и они уже интуитивно чувствовали глубочайший характер онтологической смены, происшедшей в Западной Европе в Новое время на метафизическом уровне, – подмену безусловного условным и относительным, определение в качестве смысловой константы человеческого бытия не Бога, а «свободного человека», несущего ответственность уже только перед самим собой.

Огромный вклад в развитие традиционалистской доктрины внесли русские мыслители XIX – первой половины XX в. Критическому анализу европейский модернизм подвергали с различных позиций А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин, К.С. Аксаков, Ф.М. Достоевский, Н.Н. Алексеев, Л.А. Тихомиров, К.Н. Леонтьев, И.А. Ильин, Н.С. Трубецкой, К.Я. Данилевский, К.П. Победоносцев, Л.П. Карсавин, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, Л.Н. Гумилев, А.Ф. Лосев и многие

другие русские писатели, при этом основной акцент в их исследованиях (в особенности у славянофилов и евразийцев) делался на идее уникальности и самобытности православной Руси и ее социальных структур (особый хозяйственный уклад, специфичность правовой системы и ее соотношение с православной нравственностью, специфика русского быта и культуры и т. д.) по сравнению с западноевропейской цивилизацией. Социально-политический контраст (демократическая буржуазная Европа – самодержавная традиционная Россия) сам собой давал предпосылки для подобного рода сравнений. Однако история распорядилась так, что огромный исследовательский потенциал, накопленный русскими мыслителями – критиками нового европейского социального порядка, – не был сведен в цельную доктрину и после 1917 г. практически был предан забвению на достаточно продолжительный период. В советской же России, хотя также предпринимались попытки критики «буржуазного эксплуататорского порядка», тем не менее, ввиду того, что советской мыслью преемственность была фактически утрачена, эта критика, как правило, была в точном смысле слова беспочвенной и осуществлялась, в сущности, пусть и на специфической, но все той же западной (марксистской) почве. Советский проект, основанный в своей исходной точке на марксистской идеологии, – это тоже пусть и своеобразная, но модернизация, при этом вскрытие дихотомии «традиция – модерн» в рамках советской цивилизационной модели уже не представлялось возможным, поскольку сама традиция как категория из советского обихода была изъята. В таких условиях обращение к аксиологии структур русской традиции (православие, общинное хозяйство, геополитический опыт царской России, особенность функционирования правовой системы и т. д.) стало практически невозможным и просто опасным, а если и осуществлялось, то скрыто, в недрах историко-культурологических, этнографических исследований (А.Ф. Лосев, Л.Н. Гумилев и др.).

В таких условиях в первой половине XX в. наиболее благоприятная ситуация для цельной интеллектуальной критической оценки модерна как тотального проекта, развивавшегося в западноевропейской цивилизации и стремительно распространявшегося на остальные регионы мира, созрела именно в недрах самой Западной Европы. Отцом традиционализма по праву считается французский мыслитель Р. Генон, который начал публиковать свои работы в 1920-х гг. Несмотря на колоссальные научные открытия, значительное ускорение темпов развития промышленного производства и всеохватывающую европейскую веру в прогресс, Р. Генон вопреки всему уже в тот период начинает писать о «подлинных перспективах развития Запада и пропагандируемой им культуры» – мыслитель акцентирует внимание на бездуховности западной цивилизации, переворачивании ценностей и начале нравствен-

ной, а за ней и общей деградации западного мира (первые работы по этой теме «Восток и Запад» (1924) [5] и «Кризис современного мира» (1927) [6]). Показателен тот факт, что указанные работы, написанные еще в то время, когда развитие западноевропейской культуры во внешних своих признаках еще ничего не предвещало (это явно начинает проявляться только с 60-х гг. XX в.), парадигмально описывают сущность уже нашей современности так, как будто она уже свершилась. Сегодня работы Р. Генона ввиду их очень высокого уровня методологического обобщения и универсального описания современной цивилизации начинают становиться востребованными (создается впечатление, что они написаны в XXI в.).

Р. Генон создал школу классического традиционализма и оказал влияние на целый ряд мыслителей традиционалистской направленности XX – начала XXI в., среди которых следует указать Г. де Джорджио, Ю. Эволу, М. Элиаде, К.Г. Юнга, К. Шмитта, Ф. Шуона, Т. Бурхардта, Г. Дебора, А. де Бенуа, К. Мутти. На постсоветском пространстве проблемы традиционализма освещаются в работах А.Г. Дугина, Г.Д. Джемаля, С.Ю. Ключникова, Ю.Н. Стефанова, Т.М. Фадеевой, М.М. Федоровой и других мыслителей [7; 8, с. 6–9].

Традиционное и современное общества в традиционалистском прочтении. Доктрина традиционализма, которую разработал Р. Генон, представляет особую ценность по той причине, что в ее рамках французскому мыслителю удалось обобщить все методологические языки и заключить их в один универсальный метаязык (метаязык-код), которым оперирует современность (в традиционализме понятия «традиция», «современность», «постсовременность» рассматриваются как самостоятельные парадигмально-цивилизационные образования с присущими им исключительными признаками), и, что самое важное, выделить парадигмы, которые предопределяют как метаязык современности, так и все существующие метаязыки. Под метаязыком здесь понимается своего рода исходный общеметодологический фундамент различных областей человеческого знания, который предопределяет как различные методологии и концепции, так и множественные научные дискурсы в рамках одной онтологической цельности, одной цивилизации, бытие которой целиком обуславливается этим метаязыком [9, с. 15–21]. Все гносеологические парадигмы, предопределившие более конкретные познавательные языки, разнообразные методологические комплексы и социально-культурные структуры современности Р. Генону удалось включить в одно целое, заключив его в ясно определенные границы, тем самым принципиально зафиксировав, охватив и обнаружив сущность современности как таковой, которой мы привыкли оперировать, не осознавая даже, что это лишь один из возможных парадигмальных языков наряду с возможными другими. Как отмечает А.Г. Дугин, Р. Ге-

нон «сделал реальность, претендовавшую на статус универсального языка – лишь набором речей, выстроенных по определенной логике и по строго конкретным правилам, показав, что существуют и иные полноценные модели, гораздо более универсальные... он резко понизил онтологический градус, онтологическую степень того, что предопределяет всю нашу цивилизацию и все реальности нашего мира» [9, с. 23–24].

Современность, по Р. Генону, представляет собой своего рода операционную систему, парадигматический протомеханизм, определяющий, как устроен наш мир. Мы пользуемся ей так, как будто эта система есть для нас «все», неизбежная данность, причем реальные процессы, благодаря которым работает данная оболочка, скрыты, перенесены в область фоновых реальностей. Показательна в этом случае следующая аналогия. В начале массового распространения компьютерной техники человек, чтобы стать компьютерным пользователем, обязательно должен был хотя бы в минимальной степени быть программистом и знать основы языка программирования (Basic, Paskal и т. д.), и в школах эти основы в 90-х гг. XX в. пытались преподавать. По мере развития компьютерных технологий стали появляться вторичные, третичные языки, обращающиеся к базовому языку, но скрывающие его, помещающие его в фоновую среду. Затем стали появляться внешне презентабельные и простые в использовании операционные системы, скрывающие эти последние языки, но также работающие и обращающиеся к базовому. Одновременно с уходом базового языка в фоновую среду стали появляться пользователи (users), которые вообще не имели представления о существовании этого базового языка [9, с. 24]. Сегодня многие люди, несмотря на весьма раннее знакомство с компьютером, нередко не имеют представления даже о базовых основах работы операционной системы. Но базовый язык нигде не исчез, он как был, так и остался. Сравнивая таким образом метаязык современного мира во всех его проявлениях с развитием компьютерных технологий, можно сказать, что современность представляет собой не факт-данность, не наше «все», а лишь технически удобную и внешне привлекательную операционную систему, симулякр, артефакт, принципиально искажающий и от нас скрывающий сущностные основы бытия. При этом характерно, что современный мир Р. Генон однозначно отождествляет с западной цивилизацией, называя ее «настоящей аномалией, развивающейся в чисто материальном направлении» [5, с. 35].

Современному миру в традиционализме противопоставляется другой метаязык, или парадигма, – «парадигма традиции». Это самый важный момент учения классического традиционализма. Все современные концепты, как полагал Р. Генон, работают на языке «операционной системы» современности, даже если они и предпринимают тотальную критику последней (например, даже марксизм, который ради-

кально поставил под сомнение саму адекватность либеральной экономической модели современного общества, представив его всего лишь как «игру капитала»). Многие философские направления также используют такие понятия, как «традиция», «модерн», «современность» и т. д., но, как правило, на самом высоком уровне обобщения – в своем отношении ко времени, пространству, содержанию иных базовых категорий – все они, в конечном счете, остаются в рамках парадигмы современности, ее метаязыка. Р. Генону же удалось не только выделить особую реальность – метаязык традиции, но и в общих чертах выявить, описать и структурировать универсальную основу, предшествующую формулировке конкретной исторической традиции [6, с. 14–27].

Еще одной важной особенностью классического традиционализма является то, что выявление и описание языка традиции объективно стало возможным приблизительно в тот момент, в который это и произошло. Как предполагает А.Г. Дугин, «Генон сделал тот шаг, который, может быть, в самой Традиции вообще невозможен, ибо только в современном мире (язык которого является как раз полным нигилистическим отрицанием языка Традиции в его парадигматическом ядре) язык Традиции как нечто единое, законченное и цельное становится окончательно схватываемым в его чистой форме идеальным кристаллом» [9, с. 28]. То, что мы говорили выше об особенностях критики модерна западноевропейскими традиционалистами второй половины XVIII – первой половины XIX в., проявилось и здесь – именно в первой половине XX в. созрели предпосылки выявления подлинного места традиции как уже исторически свершившегося факта и ее отношения к модерну, приближавшемуся к тому времени к апогею своего развития. Классический традиционализм и сегодня остается уникальной возможностью раскрытия подлинного значения традиции для человечества, поскольку из трех крупных социально-политических проектов модерна XX в. (национал-большевизм, коммунизм и либерализм) именно либерализм продолжает свое существование, тем самым в очередной раз доказывая свою аутентичность и абсолютное право быть монополярной матрицей современного мира.

Парадигмальные различия традиционного и современного общества (время и пространство). Итак, что же такое традиция как метаязык, как универсальная методологическая парадигма, способная вскрыть подлинную сущность языка современности? Для краткого пояснения этого момента мы вынуждены хотя бы в общих чертах остановиться на таких фундаментальных методологических постулатах, определяющих качество и направление познания в любой парадигме, как время и пространство.

С точки зрения традиционализма *время* в современности представляется как односторонний процесс и главная определяющая реаль-

ность. Время течет в одну сторону, во времени заключено все бытие, вне времени нет ничего сущностного, бытийного. Движение цивилизации определяется однонаправленными, бесконечно раздробленными отрезками времени, и для такой цивилизации вечности как таковой не существует. Бытие оказывается тождественным времени, поэтому для вечности как самодостаточной онтологической категории в метаязыке современности места не остается. Поскольку бытие всегда положительно, а само время и есть бытие, следовательно в современности развитие, движение вперед представляет собой исключительно количественное разворачивание бытия от худшего к лучшему. Язык современности «структурируется вокруг названной онтологической оси» [9, с. 33], поэтому все социальное в современной цивилизации пропитывается этим постулатом, даже если конкретный человек, общество этого не замечают и не осознают. Существование современного человека выстраивается по логике такого однонаправленного понимания времени, соответственно все структуры традиционного общества, в особенности религия, ориентированная на понятие вечности, вечной жизни и деградации истории, утрачивают в современном мире свой онтологический статус.

В традиции же, как полагает Р. Генон, основной модус бытия – это вечность. Подлинное бытие не определяется количественным осуществлением временных отрезков, – напротив, бытие интактно, оно никуда не пристекает, остается цельным, качественным и не затрагивается никакими процессами. Время, следовательно, на фоне качественной вечности представляет собой процесс количественного онтологического убывания, однако оно не является однонаправленным. Поскольку время абсолютно обусловлено вечностью, оно онтологически зависит от нее, так сказать, вращается вокруг вечности, проистекая из изначальной и неизменной, надвременной инстанции и поглощаясь ею [9, с. 36]. Историк-медиевист А.Я. Гуревич, характеризуя представления о времени в традиционном христианском обществе Европы периода Средних веков, на этот счет говорит следующее: «При всей своей „векторности“ время в христианстве не избавилось от циклизма; коренным образом изменилось лишь его понимание... поскольку время было отделено от вечности, то при рассмотрении отрезков земной истории оно предстает перед человеком в виде линейной последовательности, – но та же земная история, взятая в целом, в рамках образуемых сотворением мира и концом его, представляет собой *завершенный цикл: человек и мир возвращаются к Творцу, время возвращается в вечность*» (курсив наш. – В. П.) [10, с. 99].

Р. Генон наряду с идеей «количественного времени» вводит понятие «качественное время»: «время не есть нечто разворачивающееся единообразно, и следовательно, его геометрическое представление в

виде прямой линии, как его обычно рассматривают современные математики, дает полностью ложную его идею из-за крайнего упрощения... Истинное представление времени... это, разумеется, по существу, концепция „качественного времени“» [11, с. 472]. «Качественность» времени определяется здесь в зависимости от *существа наполняющих хронологию событий*, а также от удаленности от «принципа», т. е. самой вечности (или, по-другому, в зависимости от фазы временного цикла). Причем не только существо, но и скорость, темп разворачивания событий определяют качественность времени (чем менее качественнее, тем более количественнее, т. е. быстрее). «Именно поэтому, – говорит Р. Генон, – события в настоящее время разворачиваются со скоростью, которая непрестанно увеличивается...» [11, с. 474].

Византинист К.В. Хвостова, исследуя парадигмальные основы традиционного общества Византии, относительно проблемы времени отмечает: «Христианская интерпретация античных идей циклического времени, трактуемого в рамках христианского учения о вечном характере творения и добродетелях, что придавало этому толкованию характер этических представлений, составляли одну из существенных особенностей византийского мирозерцания» [12, с. 85]. Исследуя византийское законодательство, актовый (правоприменительный) материал афонских монастырей XI–XIV вв., а также труды византийских историков, мыслителей, К.В. Хвостова пришла к выводу, что византийцы традиционно понимали цикличность исторического времени через его подчинение этическому, или линейному библейскому, времени, ритм которого определялся не фактором количественного разворачивания линейных отрезков, а реализацией или нереализацией добродетелей и соответственно Божественным даром или возмездием не только на отвлеченном уровне, но и на уровне конкретного политического сознания [12, с. 85]. А.Я. Гуревич относительно представления о времени в дохристианских и христианских западноевропейских обществах периода раннего и высокого Средневековья также приходит к аналогичным выводам: «Наряду с земным, мирским временем существовало сакральное время, и только оно и обладало истинной реальностью. Категория божественного архетипа, определявшая поведение и сознание людей в архаических обществах, остается центральной в мировосприятии и средневекового христианства» [10, с. 98].

Как видим, представление о времени в традиционном обществе традиционализм небезосновательно принципиально отличает от понимания времени в метаязыке современности. Методологически понимание процесса времени как деградации, количественного ускорения и качественного убывания *дает абсолютно иное представление о реальности, иную систему координат, иное измерение социальности (государства, политики, науки, культуры, искусства и т. д.)*. Как верно в

связи с этим отмечается, «нетрудно представить себе, в какой степени столь фундаментальное языковое парадигмальное различие влияет на все остальные формы существования тех существ, которые действуют по правилам столь отличных друг от друга „операционных систем“» [11, с. 38].

Понимание *пространства* также имеет принципиальное значение при сопоставлении языков традиции и современности. В языке современности пространство не обладает качеством, оно однородно и является собой чистое количество. В пространственном мире современности все предметы взаимозаменяемы, поскольку само пространство представляется однородной средой, телесной протяженностью, оно совершенно гомогенно [11, с. 464]. Относительно непротиворечивое представление о гомогенности пространства логически возможно лишь в единственном случае – когда телесная протяженность (т. е. пространство в гомогенном смысле) представляется единственно возможной формой бытия. Говоря по-другому, «количественное пространство» возможно лишь при абсолютном отрицании вечности, Бога (у Р. Генона – «Принципа») как формы совершенного бытия. Из этого можно представить, насколько глубоко в современном сознании заложено количественное понимание пространства, а оно имплицитно несет в себе идею отрицания вечности, Бога. Право и лево, верх и низ, Запад и Восток на метаязыке современности не имеют никакого различия, отсюда логически вытекает современная идея единого мира, «мондиализма», идея объединения всех стран, государств и народов в единое содружество [9, с. 40], из такого представления о пространстве возникает идея глобализма и единственно верной цивилизационно-культурной модели (так называемого «западного пути развития»), парадигмально основывающейся на количественно представляемом пространстве.

Язык традиции оперирует совершенно иным представлением пространства – это концепт «качественное пространство». Ввиду того что время разворачивается на фоне вечности, из нее проявляется и ею поглощается, соответственно в каждый момент своего движения (цикла) мир находится разноудаленным от принципа (вечности), поэтому пространство находится в определенном качественном отношении к вечности. Р. Генон утверждал, что качественность пространства определяется через целый «ансамбль направлений» и именно направление определяет качественность пространства [11, с. 467]. Как величина является количественным элементом, так направление – качественным. Относительно гомогенно представляемого пространства Генон говорил, что оно «вовсе не имеет никакого существования в собственном смысле слова, так как оно есть не более чем полная виртуальность» [11, с. 467]. Именно такое пространство мы имеем сегодня в компьютерных играх – оно полностью виртуализовано, т. е. совершенно лише-

но своего качества. В качественно же понимаемом пространстве любой предмет, любая форма, любая конфигурация малых и больших предметов, с которыми мы имеем дело, границ государства, континентов, приобретает дополнительное качественное значение [9, с. 41]. Современная политическая география (геополитика) целиком основана на представлении о качественном пространстве. А.Я. Гуревич так характеризует топографические представления в традиционном западноевропейском обществе (раннее и высокое Средневековье): «Пространство средневекового человека не абстрактно и не однородно, но индивидуально и качественно разнородно... Пространство средневекового мира представляет собой замкнутую систему со священными центрами и мирской периферией...» [10, с. 86]. И только «с переходом к Возрождению, – продолжает ученый, – в Западной Европе начинает постепенно складываться новая „модель мира“... видное место занимает в ней однородное и по-новому организованное пространство» [10, с. 86].

Таким образом, принципиальное различие в осмыслении пространства в метаязыке современности и метаязыке традиции дает совершенно различное отношение к социальным процессам и эталонам их развития. Если парадигма современности не знает понятия «качества» пространства и не делает различий в «месторазвитии» (П.Н. Савицкий) той или иной территории, страны, континента, полагая возможным применять шаблонность к любому сегменту пространственной однородности (в частности, распространение по всему миру западной цивилизационно-культурной модели на основании утверждения о ее наибольшем материально-техническом совершенстве независимо от особенностей конкретного народа и его традиции), то качественное представление о пространстве в традиционализме всегда содержит в себе описание конкретного пространства, включая всю его структуру, ландшафт, особенности ведения хозяйства, быта, обусловленные географией места, символические особенности «места», где зародилась государственность или культура того или иного народа, и те области, где эта государственность и культура развивались в дальнейшем, изменение изначального качества пространства государства после вступления его в диалог с окружающими пространствами и т. д. Традиционалисты считают, что качество пространства в отличие от социально-исторической событийной хронологии того или иного государства представляет собой скрытый фон, который, тем не менее, диктует глубинную логику того, что происходит с данным государством, с его политикой, экономикой, международными отношениями, верованиями, системой ценностей и т. д. Известный немецкий правовед XX в. К. Шмитт в своих работах осуществил наиболее глубокий анализ качественности пространства применительно к процессу эволюции европейского права [13].

Итак, описание основных характеристик традиционалистской парадигмы, выявление ее методологической сущности на уровне постулатов пространства и времени позволили установить принципиальные различия метаязыка традиции и метаязыка современности. Перейдем к изложению учения о правах человека в его соотношении с ценностями традиционного общества, понимаемого в контексте рассмотренной традиционалистской методологии. Для этого следует прежде всего перенести методологические принципы традиционалистской доктрины на социально-политический уровень.

Историософия метаязыка современности и метаязыка традиции. Как мы показали, понимание пространства и времени с позиции традиционализма является необходимым фактором выявления метаязыка традиции и метаязыка современности. Перенос пониманием рассмотренного нами качественного пространства и времени в традиции и количественного времени и пространства в современности на исследование нашего предмета – концепцию прав человека, – сначала рассмотрим, *в какой системе пространственно-временных координат, т. е. в какой историософской парадигме, сформировалось учение о правах человека и либерализм в принципе.*

На метаязыке современности, исходя из количественно понимаемого ею времени, история представляет процесс количественного времени как развертывание исключительно положительного содержания (бытия), поэтому история движется от худшего к лучшему, от несовершенного и примитивного к совершенному и развитому (эта концепция получила название «прогрессистского историзма»). Мы свыклись с такой установкой, установкой современности до такой степени, что считаем ее само собой разумеющейся. Тем не менее историческая идея прогресса, или прогрессизм, является относительно новой. Появилась и получила свое распространение она только в середине XVIII в. у философов-просветителей в Западной Европе (Ж. Тюрго, Ж.-А. Кондорсе, Ш.-Л. Монтескьё, К.А. Гельвеций, П.А. Гольбах и др.), при этом показательно, что сам термин «философия истории» впервые был введен Вольтером в 1765 г.

В теории прогресса пространство, представленное как однородная среда, исключая понятие вечности, является равнокачественным, или чисто количественным, материалом. Отсюда начиная приблизительно с XIV в. постепенно вырабатывается такая важная часть метаязыка современности, как либеральная философия истории, которая целиком основывалась на тех постулатах времени и пространства, о которых мы сказали выше применительно к метаязыку современности в целом. Реформация, идейное движение Просвещения, буржуазные революции с параллельной выработкой современностью собственной методологии (Р. Декарт – рационализм / Ф. Бэкон – эмпиризм) после-

довательно определили картину современного мира, а точнее, тот метаязык, которым этот мир оперирует. Соответственно этому в современности и была выработана парадигма истории, определяемая идеями эволюции и прогресса, – «от худшего к лучшему». В исторической хронологии эта парадигма представлена такими вариантами трансформации общества, как «теологическое общество – метафизическое общество – научное общество» (О. Конт), «военное общество – промышленное общество» (Г. Спенсер), «аграрное общество – индустриальное общество – сверхиндустриальное, или информационное, общество» (О. Тоффлер), «тоталитарное (закрытое) общество – либеральное/свободное (открытое) общество» (К. Поппер, Х. Арндт, Ф. Фукуяма и др.) и т. д.

Традиционализм, исходя из тех закономерностей, в соответствии с которыми он представляет бытие мира, основываясь на качественно понимаемом времени и пространстве и проистекающих из этого социально-исторических следствиях, выработал свою парадигму истории, осуществляющуюся по линии «традиция (премодерн) – современность (модерн) – постсовременность (постмодерн)». В основу данной парадигмы положен критерий соответствия того или иного общества основополагающим структурам метаязыка традиции, которые как раз и выявил Р. Генон и которые мы попытаемся показать ниже применительно к базовой структуре традиционного общества. Характерно, что все три типа традиционалистских общественных укладов хронологически полностью прослеживаются в истории Западной Европы и Северной Америки (для последней только второй и третий типы), что уже само показательно с точки зрения верного отождествления Р. Геноном в начале XX в. (т. е. еще до эпохи постмодерна) современности с цивилизацией Запада, а США – с «Дальним Западом». Он имел в виду те «успехи», которых достигли американцы «в продвижении ценностей современного общества» [5, с. 37]. Здесь надо сказать, что разработка парадигм истории на основании сходных критериев уже предпринималась. Известный британский историк А.Д. Тойнби, например, разработал свою философию истории (теорию локальных цивилизаций), основываясь, в сущности, на антипрогрессистском (религиозном) критерии («Божественный вызов – человеческий ответ»), весьма приближающемся к традиционалистскому. Однако, как верно замечает А.А. Ивин, «когда Тойнби переходит к современной западной цивилизации, в развитии которой религия не играет заметной роли, он не может ясно охарактеризовать данную цивилизацию... он неоднократно обращается к ее анализу, и в его рассуждениях чувствуется, что она явно не вписывается в его концепцию локальных цивилизаций и их функций в истории» [14, с. 22–23]. А.Д. Тойнби не задействовал парадигмальный уровень обобщения и, несмотря на проделанную колоссальную историко-фактологическую и обобщающую работу, не смог подняться до выяв-

ления метаязыка современности. Традиционализм же, говоря о историсофской линии «традиция – модерн – постмодерн», прежде всего следует основному парадигмальному критерию (как он его полагает) – это удаление от Бога (трансцендентного «Принципа», или вечности), который является источником проявленного, тварного мира, поэтому постепенно усиливающееся в мире доминирование количества над качеством, материальности над духовностью, внешнего над внутренним и т. д. является показателем упадка мира или его движения «от лучшего к худшему». «Истина, – говорит Р. Генон, – напротив, состоит в том, что он [золотой век], конечно же, реально был в прошлом, поскольку он есть не что иное, как само „первоначальное состояние“» [11, с. 688–689]. Для традиционализма данное положение аксиоматично – мир неизменно деградирует, однако эта деградация есть прежде всего умаление духовности и ее вытеснение материальностью, и поэтому на метаязыке современности в соответствии с теми принципами, на которых мы останавливались выше, деградация представляется ей прогрессом.

Традиционное и современное общества в их базовой структуре. Основываясь на историсофской доктрине традиционализма, перейдем к описанию базовой структуры традиционного общества, существование которого соответственно было возможно лишь на фазе премодерна, или собственно традиции. Здесь следует отметить особенность, на которой мы уже останавливались частично, – классический, или интегральный, традиционализм (в линии Р. Генона) во вскрытии метаязыка современности настаивает на строгой последовательности, поэтому традиционное общество должно соответствовать традиции на всех уровнях ее структуры, начиная от парадигмальных и заканчивая бытовыми. Простое обращение к таким понятиям, как «традиции народа», «культурное наследие», «историческая память», «базовые ценности», «цивилизационно-культурные истоки» и т. д., без апелляции к тем концептуальным вещам, о которых мы говорили выше, для традиционализма не имеет существенного значения – метаязык современности все это легко включает в свой контекст. Опасность в таком случае заключается в том, что сегодня уже постсовременность, или постмодерн, выработала уникальные подражательно-пародийные способности, которые позволяют имитировать, подделывать те или иные фрагменты традиции и в таком виде переносить, встраивать их в актуальный формат в качестве репрезентации, тем самым как бы придавая постсовременности сакральный, традиционный характер. Основную нагрузку по симуляции воспроизводства смыслов традиции в обществе постмодерна выполняют средства массовой информации, в результате воздействия которых люди уже «мир видят таким, каким его подает образная коммуникация» [15, с. 324]. Как отмечает относительно этого Ф.И. Гиренок, «средства массовой информации стали способом производства

реальности. Они переводят реальное в режим представления, репрезентации. Представление перестает сопоставляться с реальностью и само становится реальностью. Виртуальной» [16]. Ввиду этого сама возможность отличить тот или иной фрагмент традиции от симулякров постсовременности становится весьма проблематичной.

Для описания традиционного общества имеет смысл прибегнуть к выявлению его базовых структур, или идентичностей, на основании которых можно отличить традиционное общество от иных типов обществ. В самом общем виде учеными-традиционалистами выделяются, как правило, следующие четыре идентичности традиционного общества: империя, этнос, религия, иерархия (каста, сословие) [17, с. 32].

Все традиционные общества онтологически основывались на сакральной идее-принципе, наиболее типичным носителем которой была *империя*. Империя объединяет в себя несколько этнических групп и универсализирует определенный культурный тип, который ложится в основу выработки системы особой имперской рациональности, всегда подчиненной высшей, сверхрациональной, трансцендентной цели (*imperium sacrum*) в традиционном обществе. Культурный имперский механизм является надэтническим, он всегда открыт для ассимиляции определенных культурных элементов различных этносов для последующего их включения в «общую судьбу империи», в единый универсальный имперский проект (Персидская, Римская, Византийская, Монгольская империи, кочевые империи гуннов, тюрков, Российская империя). Человек в империи возвышается над своим этносом прежде всего политически, поскольку сама политика в империи имеет сакральный характер. «Сам Бог даровал императорам право творить и толковать законы», – так византист А.А. Васильев характеризует позицию византийского императора Юстиниана Великого относительно права законодательства в империи [18, с. 206]. Политическое в империи соединено с сакральным в едином имперском проекте, и каждый человек является своего рода частью этого единого проекта, который предстоит выполнить.

Этнос в традиционном обществе представляет собой локализацию культурной, языковой, психологической, родовой, кровной и социальной природы человека. В традиционном обществе человек рождается в этническом пространстве и с ним себя социально идентифицирует. Язык, обычаи, психологические и культурные установки, жизненную программу человек заимствует из своего этноса. Этнос также имеет свою рациональность, но в империи она носит локальный характер и иерархически распространяется только на ту или иную этническую группу. Огромное значение в этническом мышлении традиционного общества играет язык – через язык человек определяет свою идентичность, свое место в мире, обусловленное локальной этнической социокультурной про-

граммой. Этническая идентичность в традиционном обществе является публичной, коллективной и антииндивидуалистичной по преимуществу, поскольку человек определяет свое место в мире, отталкиваясь не столько от своего «Я», сколько от коллективного «Мы».

Религия является неотъемлемым атрибутом традиционного общества. В одних случаях она может быть принадлежностью одного этноса (иудаизм), в других – совпадать с империей (римское язычество, христианство в Византии), в третьих – сама оформлять империю (исламский халифат), в четвертых – формировать общую надэтническую идентичность в отрыве и от этноса, и от империи (буддизм в Китае, Японии, Индии и т. д.). В отличие от силовых политических императивов империи и этнической среды религия обращается к индивиду непосредственно, включая его в особый духовный процесс, структурируя и оформляя сознание в направлении сакрализации священной роли империи.

Иерархия характерна для большинства традиционных обществ. Принадлежность к тому или иному иерархическому уровню (касте, сословию) определяется сакрально-политическим критерием, или местом человека в реализации имперского проекта исходя из предрасположенности каждого. «Человек премодерна отождествляет себя со своей кастой, которая дает ему обоснование для социальной жизни и самопозиционирования» [17, с. 34]. Иерархичность традиционного общества позволяла рационально распределять общественные функции.

Таким образом, традиционное общество имеет следующую базовую структуру: оно основывается на имперском принципе (его бытие пронизано имперской идеей), оно не замыкается на узкой этнической исключительности, а предполагает локальное включение этнического своеобразия в единый универсальный имперский проект. Империя не подавляет вобранные в себя народы, можно сказать, она берет их под свое крыло, защищает и оберегает их самобытность. Религия является обязательным структурным компонентом традиционного общества – религиозность не только определяет онтологический статус человека в империи, но и освящает сам имперский проект, делает империю сакральным образованием. Иерархичность традиционного общества не вызывает социального протеста – принцип «каждому свое место» по принципу Божественной и космической иерархии осознается как естественный, справедливый и само собой разумеющийся.

На смену традиционному обществу приходит современное общество, которое интенсивно начинает оформляться на территории Западной Европы уже с XIV в. Как мы уже говорили, вершиной свершения современности явились западноевропейские буржуазные революции XVIII в. Общество модерна постепенно выработало свою систему идентичностей, которая оказалась несовместима с базовыми постулатами традиции, более того, которая утверждалась исключительно на

отрицании базовых традиционных структур: 1) вместо империи – государство как суверенное национальное политическое образование, 2) вместо этноса – нация, 3) вместо религии – светское общество, 4) вместо качественной иерархичности – формальное равенство граждан.

Традиционное общество, наиболее типично представленное в империи, как политическое целое с точки зрения организации власти было основано на идее сакральности, некоем едином проекте, всегда базировавшимся на сверхрациональной телеологии. Император являлся проводником трансцендентного смысла бытия граждан в империи. Пришедшее на смену империи национальное государство (*état-nation*) организовывалось на совершенно иных основаниях. Его задача уже не заключалась в реализации некоего универсального проекта – национальное государство просто призвано быть рациональным механизмом разрешения социальных конфликтов (недопустить «войны всех против всех») и сдерживания эгоистичных притязаний автономных (атомарных) индивидов. Учение о государстве (правовом государстве), разработанное в трудах Ж. Бодена, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш.-Л. Монтескье и иных мыслителей Просвещения, приходится именно на этот момент. *И именно здесь – а это очень важное обстоятельство, – на сломе, отрицании политико-правовых структур традиционного общества, и зарождается западноевропейская концепция прав человека, которая в своей принципиальной основе эволюционировала до наших дней.*

В современном обществе нация приходит на смену этносу. Если этнос являлся органической матрицей культурной, языковой, психологической, родовой, кровной и социальной природы определенного сообщества людей, то нация представляет собой простую совокупность граждан государства с формализованным набором гражданских прав и обязанностей. Этничность как социокультурное единство растворяется в нациях и постепенно начинает распадаться.

Религия в обществе модерна заменяется принципом светскости, секуляризма. Из действенного фактора организации коллективной идентичности религия становится периферийным социальным институтом современного общества, она перестает влиять на структуру общественного целого – быть религиозным или нет становится делом каждого. Религиозное сознание вытесняется лаицизмом, модерн осуществляет десакрализацию традиционного общества.

Вместо иерархической структуры традиционного общества в современности устанавливается формально-правовое равенство граждан независимо от их предрасположенности, качеств и способностей в реализации задач государства: «правители и простые граждане ставятся на одну онтологическую и антропологическую плоскость, демократия релятивизирует системы власти – теоретически каждый индивидум может занимать в обществе и государстве любой пост» [17, с. 35].

Таким образом, современное общество формирует собственные базовые структуры, которые прямо противоположны структурам традиционного общества. Общество модерна оформляется государством как рационально организованным властным механизмом, смысл бытия которого десакрализован – государство не имеет никакой сверхцели, придающей существованию его граждан трансцендентный смысл, государство – это просто механизм, предназначенный для поддержания правового порядка. Организовываясь по национальному признаку, государство как политическое территориальное образование включает граждан по принципу их территориальной принадлежности. Этническое своеобразие совершенно не учитывается, человек теряет свою этническую коллективную самоидентификацию, что создает предпосылки для освоения мира гражданином, отталкиваясь от своего «Я». Религия постепенно вытесняется светскостью, одновременно современное общество утрачивает способность воспроизводить духовные смысло-жизненные ориентации, которые заменяются материальными и прагматичными интересами. Традиционный принцип иерархичности заменяется принципом формального равенства граждан, происходит качественное смешение-уравнение граждан независимо от их онтологической предрасположенности к определенному виду и способу участия в бытии политического организма. Однако, «поскольку неравенство – сущностная характеристика человеческого коллективного бытия, будучи искорененным в одной области, непременно возникает в другой» [19], в современном обществе объективно возникает имплицитное неравенство.

Постепенно современное общество – цивилизационно-культурная модель западноевропейского и североамериканского обществ (обществ модерна) – становится доминирующим типиком и манифестируется во всем мире как идеальная модель. Мы не будем касаться изменений, происшедших при переходе от модерна к постмодерну, для нас важно констатировать, что в традиционалистском прочтении *идея прав человека в том виде, в котором мы ее имеем, является исключительно продуктом проекта общества модерна и возникла она на почве отрицания структур традиционного общества.*

Исходные предпосылки возникновения концепции прав человека. Римское имперское право и христианство, их эволюция на Западе и на Востоке. То обстоятельство, что концепция прав человека окончательно утвердилась именно на Западе в XVIII в., не является случайным и вытекает из социокультурных и религиозных предпосылок становления западной цивилизации, которые и предопределили сущность западной традиции права. В создании правовых систем Запада и мировых правовых систем в целом решающую роль сыграла правовая модель, принятая в Римской империи, поэтому именно здесь следует ис-

кать правовые истоки западноевропейской идеи прав человека. Для их характеристики необходимо хотя бы бегло обратиться к формированию и эволюции правовой системы Древнего Рима.

Именно в Римской империи была предпринята первая попытка создания универсальной правовой системы. Как известно, в римском праве эпохи империи существовало два типа права: *jus civile* (гражданское право) и *jus gentium* (право народов). *Jus civile* регулировало отношения только между римскими гражданами, *jus gentium* – отношения между негражданами зависимых территорий. Именно в *jus gentium* была впервые преодолена качественная граница всякого традиционного правового уложения, поскольку международное право, или право народов, представляло собой попытку создания универсальной международной правовой системы.

Постепенно с дарованием свободному населению Римской империи римского гражданства *jus civile* и *jus gentium* слились в единую правовую систему (эдикт Каракаллы 212 г.). Данный факт сделал возможным понимать институт гражданства в совершенно новом качестве. Если ранее в древних правовых системах (том же *jus civile*, греческом полисном праве и т. д.) гражданство определялось единицей конкретного общественного целого с обязательным социокультурным прошлым (например, старший представитель семьи мужского пола, отдельные коллективы), то римское право, объединив в империи огромные территории, на определенном этапе своего существования для удобства правового регулирования вынуждено было предложить различным самобытным обществам и сформированным ими правовым системам единообразную модель римского гражданства. Так зародилась идея гражданина как такового в современном понимании. После 212 г. гражданином Рима назывался любой человек, проживавший на территории Римской империи.

Дальнейшее развитие римского права связано с христианизацией Римской империи (Медиоланский эдикт 313 г.). Поскольку христианство не давало описания правовой структуры христианского общества, то за основу было принято в основном римское имперское право. *В дальнейшем распространение христианства среди народов Европы соответственно влекло за собой и распространение римского права.* Христианская Церковь, как отмечает богослов В. Цыпин, выразила положительное отношение относительно совместимости римского права с основными началами христианства [20, с. 391]. Христианские общества соотнесли правовой статус римского гражданина с христианским учением о личном спасении, объединив их в учении о личности, ее свободе и ответственности, получившем свое развитие как в религиозно-нравственной сфере, так и в правовой. «И империя, и церковь обращались в качестве субъекта к личности, независимо от того этнического,

культурного, исторического и хозяйственного контекста, в котором она пребывала» [21, с. 199–200] («нести иудей, ни эллин» (Гал. 3: 28)). Таким образом, у Римской империи и христианской Церкви была общность представлений о субъекте в своих измерениях. В империи это было выражение правовой концепции римского гражданства, в Церкви – христианской концепции личного спасения и свободной воли человека.

Несмотря на то что слияние христианских религиозных ценностей с правовой структурой империи первоначально происходило одинаково и на Западе и на Востоке, уже с IV в. начинается постепенное расхождение в развитии христианства и права в восточной и западной частях империи. Западная Римская империя вследствие утраты имперского политического единства (476) сохранила только одно объединяющее начало – церковную власть Римской церкви, власть папы Римского. Именно католицизм, как это показали многие западные исследователи (Г. Дж. Берман [22], Ж. Ле Гофф [23] и др.), мог скреплять народы в период политической раздробленности, одновременно в этой же ситуации на отдельные национальные государства продолжало распространяться римское право, в том числе и институт гражданства. Однако в этих условиях статус гражданина постепенно стал применяться не в рамках единой империи, а в узких политических организациях – отдельных национальных государствах. В результате оказалось, что исконное римское право с его институтом гражданства, выработанным в формате Римской империи и рассчитанным на империю, было оторвано от своего онтологического основания. После же Вормского конкордата 1122 г., как это обосновал в своем исследовании Г. Дж. Берман, на Западе «право стало рассматриваться как путь реализации миссии западного христианского мира, состоявшей в начале строительства царства Божия на земле», и при этом «система права была необходима Западной церкви для поддержания ее нового, зримого, корпоративного единства под управлением папы» [22, с. 501–502]. Ввиду указанных историко-политических особенностей на Западе постепенно *стали формироваться основания правового общества, где субъектом выступал уже не гражданин в соборной целостности священного имперского пространства, а автономный гражданин, гражданин сам по себе, не связанный имперским принципом.* Впоследствии римское право в своем западном варианте (со специфическим пониманием гражданства, частной собственности и т. д.) легло в основу национальных правовых систем современных западноевропейских государств-наций, а в результате произошедшей западноевропейской колонизации в XVI–XIX вв. и осуществляющейся по сей день глобализации XX – начала XXI в. распространилось и распространяется на весь остальной мир.

В Византийской же империи, равно как и в старой единой Римской империи, изначальный смысловой статус института гражданства со-

хранялся и был не свойством отдельного человека, а «функцией от империи» – именно империя своим сакральным проектом придавала смысл гражданственности и наделяла ее имперским статусом (не просто гражданин сам по себе, а «гражданин Рима»). В целом на христианском востоке развитие римского права шло совершенно иным путем – там сохранялась исконно имперская логика развития правовой системы. Главное, что сумела сохранить Восточная Римская империя, – это самобытность этнических и культурных укладов тех обществ, которые оказались в орбите влияния «Нового Рима», принимая православие или входя в состав империи (это, в частности, проявилось в переводе церковной службы на разные языки в отличие от католиков, которые настаивали на едином богослужебном языке – латыни). Статус гражданина в Византии сохранял имперскую нагрузку и не отрывался от единой империи, включающей в себя множество этносов («ромей», «гражданин Рима»). Следствием сохранения имперской логики в развитии римской правовой системы в Византии явилось сохранение самобытности правового регулирования общественных отношений практически во всех православных странах: «правовые нормы практически во всех православных странах, начиная с Византии, сохранили местные самобытные черты, что нашло свое отражение в консервативном подходе к хозяйственной сфере и в устойчивости общинного способа производства, где понятие частной собственности имело значение лишь для упорядочивания сбора налогов (дани, десятины и т. д.)» [21, с. 202]. Таким образом, исконное римское имперское право, распространявшееся через византийское имперское право и православие на народы, принявшие его от Царьграда, в отличие от католического Запада, с одной стороны, транслировало единую идею правового уклада жизни типичного традиционного общества, обусловленного сакральной имперской стороной его бытия, с другой – допускало наряду с этим широкое своеобразие самобытных архетипических правовых укладов.

Таким образом, как показал проведенный анализ, *социокультурные и религиозные предпосылки формирования права на Западе уже в самом начале своего развития заложили основу для проявления новоевропейских либеральных тенденций и выработки концепции прав человека. Самодостаточность и атомарность гражданина-индивида на Западе и, как следствие этого, абсолютизация права гражданина («свобода от») были предопределены исторически, религиозно и культурно и стали возможными вследствие постепенной утраты западноевропейским обществом онтологических оснований традиции.* Из этого следует заключить, что *появление концепции прав человека в новоевропейском понимании в традиционном обществе в принципе было невозможно изначально. И это является важнейшим обстоятельством в выяснении вопроса о соотношении ценностей традиционного*

общества и идеи прав человека сегодня. Возникновение концепции прав человека на самом Западе стало возможным лишь после того, как традиционные структуры западноевропейского общества были исчерпаны и вытеснены модерном. Сравнив идентичности традиционного общества и общества модерна, мы это показали выше. Соответственно можно прийти к выводу, что те общества, которые сегодня еще продолжают сохранять традиционалистскую онтологию либо в значительной степени продолжают транслировать структуры традиции на уровне архетипов, органически не могут полноценно воспринять идею прав человека в ее новоевропейском понимании. Это вытекает не только из несовместимости парадигмальных различий традиционного и современного обществ, но еще и из самого места права в структуре традиционного общества.

Право в традиционном обществе. В традиционалистском понимании право в традиционном и не только в традиционном, но и в любом обществе не является автономным образованием. Каждый народ закладывает в основание права свою общественную философию, которая зависит от исторической, этнической, религиозной, географической и иной специфики конкретного общества. «Право практически нигде не является автономной областью, построенной по собственной логике, присущей только ему, – во всех случаях право отражает более общие идейные, социальные, политические и экономические установки, предопределяющие конкретное общество и описывающие его закономерности» [21, с. 190]. Право изменяется вместе с переосмыслением обществом своего отношения к фундаментальным проблемам, стоящим перед ним (место и роль личности, смысловое основание общества, определение принципов добра и т. д.). Очень точно подмечено, что «область права представляет собой краткий конспект общественного сознания, воплощенного в свод законов, правил, норм и институтов» [21, с. 190]. В византийском законодательстве IX–X вв., например в новеллах императора Льва VI, явно прослеживается общая тенденция приверженности византийцев традиционным ценностям. В 24-й новелле утверждается, что старые времена во многом превосходят нынешние и только в некоторых случаях приоритет отдается новому времени [12, с. 138]. Надо сказать, что и современные ученые все чаще настаивают на полной обусловленности права социокультурным контекстом, подчинении его внешнему и более общему по отношению к нему критерию общественного бытия того или иного народа. Так, А.В. Поляков, например, отмечает: «Право есть явление культуры и всегда отражает в себе существующие культурные ценности, которые, „преломляясь“ сквозь структуру права, становятся правовыми ценностями. Социокультурные правовые ценности – это те ценности, содержание которых отражает особенности социокультурного развития конкретного общества» [24, с. 348].

В традиционном обществе, если вернуться к его базовой структуре, право производно от религии, можно сказать, что право является минимумом религиозной нравственности, а правовое сознание является производным от религиозного сознания. Поэтому в традиционном обществе правовое сознание сакрально и не является автономной ментальной и психической структурой. Поскольку все структуры традиционного общества пронизываются имперским проектом, который фундируется на священном, Божественном, сверхчеловеческом авторитете, постольку юридические запреты определяются не прагматическими соображениями, как это имеет место в современном обществе (общественная вредность, общественная опасность и т. п.), а тем, что запрещенные деяния онтологически относятся к области «зла», «греха». Правонарушение и грех в традиционном правосознании синкретичны. Как показал в своей докторской диссертации А.Г. Дугин, право (правовая система) наряду с властью, политическим проектом, иерархичностью, коллективной идентификацией, коллективной безопасностью, ценностной системой составляет всего лишь один из однопорядковых элементов традиционного общества, причем право всегда производно от «Политического», своего рода целостного общественного проекта, под которым мыслитель предлагает понимать целостную онтологическую реальность, неотделимую от общефилософских, религиозных и мифологических парадигм, свойственных конкретной разновидности традиционного общества [19]. На основании использования концепта «Политическое» можно проанализировать и сравнить положение права в структуре традиционного и современного обществ.

В традиционной цивилизации право никогда не обладает автономией от «Политического», оно всегда зависит от него. К. Шмитт, эксплицируя закономерности проявления политической власти в традиционном обществе на современность, аргументированно обосновал, что в любом обществе рано или поздно наступает такой момент, когда власть (монарх, класс, народ, партия, группа людей) сталкивается с неправовой ситуацией (чрезвычайной ситуацией), т. е. таким обстоятельством в развитии политически организованного общества, которое не регламентировано правом. Причем не то чтобы неправовая ситуация была упущена из поля правового регулирования (пробел в праве), но принципиально в силу самой производности природы права от «Политического» она изначально не могла быть регламентирована в точке становления данного правового порядка (так называемой «точке вменения») [25]. В «чрезвычайной ситуации», по словам К. Шмитта, «авторитет доказывает, что ему, чтобы создать право, нет нужды иметь право», «вменение происходит не с помощью нормы; напротив, лишь исходя из некоторой точки вменения, определяется, что есть норма и какова нормативная правильность» [25]. Власть в такой ситуации при-

нимает решение (Dezision) исходя из чистой политической воли, и в этом решении «концентрированно и суверенно выражаются фундаментальные принципы политической „онтологии“» [19]. В направлении и существе принятого решения вскрывается состоятельность ткани традиции в том или ином обществе, выявляется его качественная ментальность, обнаруживается телеологическая проекция дальнейшего бытия народа. Это очень важный момент в последующем развитии общества, поскольку здесь выявляются его онтологический потенциал и способность в дальнейшем либо воспроизводить фундаментальные структуры традиции, либо, удаляясь от них, склоняться в сторону модернизации.

В решении, в «точке вменения» и берут свое начало правовая система и конкретный правопорядок: «политическое доказывает суверенность своего бытия именно тогда, когда право либо безмолвствует, либо позволяет предпринять с равной обоснованностью прямо противоположные шаги» [19]. Специфические способы смены политической власти в современной постсоветской политической истории (так называемые «цветные революции») во многом подтверждают верность данного положения. Основополагающие (конституционные) правовые нормы, определяющие направление развития правовой системы, таким образом, всегда возникают *post factum* волевого политического решения и оформляют те фундаментальные положения, которые свернуто уже присутствовали в момент принятия решения.

Несмотря на вторичность и производность права от «Политического», *право выполняет важнейшую роль в трансляции и воспроизводстве структур традиционного общества, или основных составляющих «Политического»*. Право переводит черты «Политического» в эксплицитное состояние (в правовые нормы) и через присущий ему инструментарий *фиксирует цивилизационные, религиозные, экономические, этические и иные тенденции развития общества*. Это очень важная социальная функция права, поскольку посредством ее в совершенно специфической – государственно-властной – форме осуществляется структурирование множества содержаний, наполняющих общественное бытие (религиозного, политического, экономического, культурного и т. д.). Византийцы, например, традиционно испытывали пиетет к старым римским законам, включаемым ими в свои кодификации. Как отмечает К.В. Хвостова, «в соответствии с римской политико-правовой доктриной, переосмысленной с христианских позиций, римские законы рассматривались [византийцами] как основанные на божественных принципах справедливости, содержащихся в ниспосылаемых в мир божественных энергиях» [12, с. 138]. Исходя из этого *византийское (римское) право своего рода редуцировало православный образ освоения мира и имплицитно встраивало его в нормативно-правовой фор-*

мат. Поэтому, когда в середине XIV в. принципиально встал богословский, а в целом важнейший онтологический для византийского общества и всего православного мира вопрос об исихазме (от греч. hesychia – спокойствие, тишина, уединение) как не- или сверхрациональном способе познания Бога и отделении его от рационального (рассудочного) познания, которое активно навязывалось византийцам светскими гуманистами, Константинопольские соборы 1341–1360-х гг. подтвердили православность учения знаменитого византийского богослова-исихаста св. Григория Паламы и осудили рационалистическое учение философа Варлаама, которое последний после этого успешно осваивал в возрожденческой Италии, преподавая Ф. Петрарке, оказывая влияние на Дж. Боккаччо и иных деятелей Ренессанса, зарождавшегося общества западноевропейского модерна [26, с. 49–81]. В сущности, в исихастском споре XIV в. на самом глубочайшем уровне социальной онтологии – по отношению общества к трансцендентной телеологии – выявилось фундаментальнейшее различие традиции и модерна, определился дальнейший вектор развития Востока и Запада.

Вместе с тем следует еще раз подчеркнуть, что в традиционном обществе объем права всегда заведомо уже объема «Политического», в праве не может содержаться чего-либо сверх того, что есть в «Политическом».

Право в современном обществе. Концепция прав человека как новоевропейская правовая онтология. В современном обществе имеет место прямо противоположная тенденция, выражающаяся в претензии права оторваться от «Политического» и его стремлении стать, возвыситься над ним. Вместо целостной онтологической реальности, обусловленной комплексом общефилософских, религиозных, экономических, этических и иных парадигм, свойственных конкретной разновидности традиционного общества, современное общество постепенно переходит, в терминологии К. Шмитта, к *номократическому* (от греч. nomos – закон и kratos – сила, власть) представлению социального бытия, где право как система норм возводится в абсолютный критерий измерения всех социально-политических процессов. Будучи в представлении традиционализма продуктом стихии «Политического», право становится выше самой этой стихии, его породившей. Все социально-политические процессы должны быть подчинены исключительно нормативно-правовому регулированию с минимальным вовлечением политических, религиозных, ментальных, духовных и иных факторов развития общества. Онтологическая целостность «Политического» заменяется легализмом самим по себе («норма ради нормы», «ценность нормы определяется юридической силой самой этой нормы»), однако закономерности осуществления власти, связанные с неизбежным возникновением неправовых ситуаций, никуда не исчезают, и последние уже разреша-

ются иным способом. Если в традиционном обществе «Политическое» осмысливалось проводником сакрального и этим самым осуществлялась своего рода легитимация, освящение правовой системы, то в современном обществе, постулирующем абсолютный номократизм, данная функция должна извлекаться уже не из целостного онтологического проекта общества, но из его производной и обусловленной части – из самого права, которое представляется отныне аутопойетической системой.

В западноевропейской цивилизации уже в период высокого Средневековья интуитивно начинается поиск альтернативного традиционному исходного основания, точки отсчета наступающего общества модерна, и этому основанию суждено было стать именно правовым. Этому вполне способствовала и деятельность западноевропейских юристов (глоссаторов) по возрождению интереса к римскому праву классического периода, и открытие и постепенная активизация первых западноевропейских университетов (XI–XII вв.), породившие процесс десакрализации религиозного сознания, и серьезное влияние на западноевропейскую мысль рационалистически ориентированной еврейской и арабской философии на фоне сложных отношений с Византией в этот период, и утверждение концепции Ансельма Кентерберийского (*fides quaerens intellectum*) по рациональному доказательству бытия Бога, что, в свою очередь, повлекло стремительное развитие схоластики, и множество иных социокультурных предпосылок, которые в XII в., по меткому выражению Ж. Ле Гоффа, привели к «эпохе великого бурления Запада» [23, с. 130].

Процесс бурления, поиска исходной онтологической позиции западноевропейского общества в рамках самого права как системы рационального знания, которое очень быстро скомпрометировало и вытеснило религиозную онтологию, исторически должен был окончиться «закипанием», обнаружением и формулированием нового, по существу антитрадиционного онтологического критерия в рамках права. Данная исходная позиция и должна была выступить основанием, «точкой вменения» легитимации нового социального порядка. В XVIII в., в эпоху буржуазных революций в Западной Европе, такой «точкой вменения» стало обоснование и манифестация *либеральной доктрины прав человека*, которая впервые была формально закреплена во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Практически одновременно американские мыслители разработали учение о правах человека в США, что нашло отражение в Конституции США 1787 г. и Билле о правах 1791 г. В XIX–XX вв. концепция прав человека в Западной Европе постепенно закрепляется и становится центральной правообразующей идеей, после Второй мировой войны Генеральной Ассамблеей ООН принимается Всеобщая декларация прав человека, (10 декабря

1948 г.), вырабатывается теория «поколений прав человека», позже принимается ряд основополагающих международных документов в сфере прав человека. Во второй половине XX – начале XXI в. концепция прав человека претендует на статус доминирующей правовой онтологической установки современного общества, заместившей традиционную холистскую онтологию.

Таким образом, *традиционалистская доктрина согласно тем закономерностям возникновения и развития современного общества (западноевропейского), которые мы проанализировали выше, рассматривает концепцию прав человека как антитрадиционный концепт, который концентрированно включает в себе инерцию отхода человеческого общества от основополагающих постулатов бытия человека в традиционном обществе. Центральным постулатом этого бытия являлось доминирование религиозной онтологии традиционного общества как центрального смысложизненного ориентира каждого человека, которая в обществе модерна была подменена светским принципом прав и свобод.* Возникнув в одном цивилизационно-культурном ареале и в совершенно исключительных условиях западноевропейского хронотопа на базе конкретных религиозных, политических, экономических, культурных и иных предпосылок, постепенно в XIX и особенно в XX в. концепция прав человека пытается утвердиться в качестве универсальной онтологической реальности. Вместе с тем после распада Восточного блока, и в особенности СССР, которому совершенно уникальным образом удавалось транслировать глубинные архетипы на уровне коллективного бессознательного (через коллективизм, государственность, патриотизм, справедливость, жертвенность, долг и т. д.), что влекло за собой сохранение цивилизационного паритета «модерн – традиция» в мире, все более и более становятся очевидными не только антитрадиционность и искусственность приложения доктрины прав человека в качестве универсальной онтологической «начинки» всех локальных цивилизаций, но и спекулятивность использования концепции прав человека государствами Западной Европы и США, произвольное толкование и применение ее положений (объективно позволяющих это сделать) исключительно в политических целях для реализации уже упоминавшейся нами идеи мондиализма, или однополярного глобализированного мира. Духовно-нравственная деградация западноевропейского общества, попытка обоснования и конституционного закрепления четвертого поколения прав человека (так называемых соматических прав человека – права на смерть, изменение пола, гомосексуальные контакты и официальный брак, трансплантацию молодых органов и тканей с целью продления жизни, употребление наркотиков или психотропных средств, искусственное репродуктивное, стерилизацию, аборт и (в уже зримой перспективе) на клонирование, а затем –

и на виртуальное моделирование, в смысле полного утверждения (дублирования) себя в неметрической форме объективного существования) [27, с. 43; 28] поставили цивилизации, изначально так или иначе транслирующие традиционные структуры, в положение очевидной недопустимости и абсурдности действительной реализации таких либеральных идей. «Вера в права человека» (в ч. 5 преамбулы Всеобщей декларации прав человека утверждается, что «народы Объединенных Наций подтвердили в Уставе свою веру в основные права человека» (курсив наш. – В. П.) [29]), которая встала на место традиционной святости, веры в Бога, постепенно исчерпывает и свое собственное содержание. В обществе постмодерна, т. е. в ситуации, когда инерция отрицания структур традиционного общества (в нашем случае отрицания религиозного принципа веры человека в святость, в Бога) достигла своего предела и отрицать в общем-то осталось нечего, начинается процесс «отрицания отрицания». На место прав человека приходит произвольность утверждения абсолютным индивидом своего отношения к «другим». Показательно следующее описание этого процесса: «Индивидуализм достигает своего логического предела. Человек настолько автономизируется, освобождается от общества и любых форм коллективной идентичности, что постепенно вообще теряет из виду „другого“. Все больше проводя времени в виртуальных мирах компьютера, в сети Интернет или компьютерных играх, перемещая постепенно туда и труд, и досуг, люди постмодерна привыкают к обладанию игровой идентичностью, выбирая себе маски, ники, роли, стратегии. Мало-помалу их „я“ эвапоризируется, растворяется в смутных импульсах полностью фрагментарного существования, что усиливается постоянно расширяющимся пристрастием к наркотикам, весьма способствующим экзистенциальному стилю. В конечном счете стратегия социальной интеграции – иерархической или гражданской – подменяется стратегией индивидуальной галлюцинации» [17, с. 37].

В процессе метафизического осмысления концепции прав человека в ее сопоставлении с традиционным обществом мы не ставили себе задачу разобрать учение о правах человека в юридико-догматическом смысле, это не являлось предметом нашего исследования. Традиционалистская методология предполагает вскрытие сущности всех социальных явлений, в том числе и правовых, в контексте анализа общих парадигмальных оснований, или метаязыков, которыми оперирует то или иное общество, та или иная локальная цивилизация, в частности метаязыков традиции и современности. Как мы смогли убедиться, с позиции традиционалистской доктрины новоевропейское учение о правах человека является по своему существу антитрадиционным, равно как и общество, в недрах которого оно возникло. Историсофия традиционализма рассматривает явление исторического прогресса как неизменную

деградацию цивилизаций. Если в основу исследования развития государственности, политической и правовой мысли Западной Европы положить традиционалистскую методологическую модель, то общая картина системной трансформации политической, правовой, религиозной, экономической, культурной, нравственной и других сфер западноевропейского общества четко прояснит причину пиетета общества модерна к праву, правовому государству, правам человека. Утверждение прав человека, абсолютных прав своего «Я» неизменно влечет фундаментальные изменения в индивидуальном и коллективном мирозерцании на фоне отрицания сердцевины традиционности – религии. Онтология традиционного общества утверждает закон вытеснения в связке «Я» и «Бог» (кажется, в этом отношении традиционалистская онтология является универсальной), поэтому западноевропейское сознание, несколько столетий отмысливающее действительность от своего «Я», прав и свобод, конечно, практически утратило живой опыт богообщения и все, следующее из него. Права, свободы и тому подобное постмодерн превращает в полный абсурд, в растворение «Я», тотальную аннигиляцию человека в потоке беспорядочных соматических правовых претензий европейцев.

Для государств же, которые пока полноценно не интегрировались в либеральное пространство и сумели сохранить традиционные структуры, в контексте рассматриваемой проблемы актуальным остается вопрос о том, какую цивилизационную стратегию использовать в дальнейшем. Традиционализм прекрасно вскрывает онтологию современности, он является на сегодняшний день, пожалуй, наилучшей интеллектуальной критической программой современного общества, однако вопрос о том, насколько традиционализм как учение и как интеллектуальное движение способен предложить положительный альтернативный вариант развития незападным цивилизациям, и особенно государствам, принадлежащим к восточнохристианской цивилизации, является проблематичным.

Подводя итог традиционалистскому анализу новоевропейской концепции прав человека, необходимо сделать следующие выводы.

1. Традиционализм как доктрина, возникшая в эпоху буржуазных революций XVIII в. в качестве критического импульса, впервые сознательно обращается к исследованию традиционного общества западноевропейской цивилизации, которое оказалось вытесненным новоевропейским обществом модерна. Наиболее полноценный анализ традиционного общества один из первых осуществил французский мыслитель-традиционалист Р. Генон, которому удалось выявить и описать метаязык, или парадигмальные особенности, традиционного общества (традиции) и современного общества (современности) на базе выявления специфического понимания времени, пространства и иных парадигмальных постулатов.

2. Согласно традиционалистской доктрине все частные различия традиционного и современного обществ предопределены фундаментально отличным пониманием таких парадигмальных постулатов, как время и пространство. В традиционном обществе основной модус бытия – это вечность. Бытие в традиционной цивилизации не определяется количественным осуществлением временных отрезков – напротив, бытие интактно, оно никуда не проистекает, остается цельным и качественным. Время же на фоне вечности представляет собой процесс количественного онтологического убывания, однако оно не является однонаправленным и представляет собой качественную категорию. Качественность времени определяется в зависимости от существа наполняющих хронологию событий, а также от удаленности от самой вечности (или, по-другому, в зависимости от фазы временного цикла). На примере традиционных христианских представлений о хронологии (раннее и высокое западноевропейское Средневековье, Византия), например, можно увидеть, что линейное время накладывается на циклическое представление бытия, что выражается и в христианской эсхатологии, возвращении мира к своему Творцу, и в одновременной возможности вневременного достижения Царства Божиего во временном континууме. В современности же время представляется как однонаправленный процесс и главная определяющая реальность. Движение современной цивилизации определяется однонаправленными, бесконечно раздробленными отрезками времени, и для такой цивилизации вечности как таковой не существует. Бытие оказывается тождественным времени, поэтому для Бога, вечности как самодостаточной онтологической категории в метаязыке современности места не остается. Существование современного человека выстраивается по логике такого однонаправленного понимания времени, соответственно все структуры традиционного общества, в особенности религия, ориентированная на понятие вечности, вечной жизни и деградации истории, утрачивают в современном мире свой онтологический статус.

Пространство в традиционном обществе обладает качеством. Поскольку время разворачивается на фоне вечности, из нее проявляется и ею поглощается, соответственно в каждый момент своего развития мир находится разноудаленным от вечности, поэтому пространство находится в определенном качественном отношении к вечности. В соответствии с такими представлениями любой предмет, любая форма, любая конфигурация малых и больших предметов, с которыми мы имеем дело, границ государства, континентов приобретают дополнительное качественное значение. В современности же пространство не обладает качеством, оно однородно и является собой чистое количество. В пространственном мире современности все предметы взаимозаменяемы, поскольку само пространство представляется однородной средой, те-

лесной протяженностью, оно совершенно гомогенно. Относительно непротиворечивое представление о гомогенности пространства логически возможно лишь в единственном случае – когда телесная протяженность представляется единственно возможной формой бытия, поэтому количественное пространство возможно лишь при абсолютном отрицании вечности, Бога как формы совершенного бытия. Из такого представления пространства в современном мире возникает идея глобализма и единственно верной цивилизационно-культурной модели (так называемого «западного пути развития»), парадигмально основывающейся на количественно представляемом пространстве.

3. На основе количественно понимаемого времени и пространства в метаязыке современности к XVIII в. в Западной Европе окончательно складывается историософская доктрина «прогрессистского историзма», в соответствии с которой история движется от несовершенного и примитивного к совершенному и развитому. В исторической хронологии эта парадигма представлена такими вариантами трансформации общества, как «теологическое общество – метафизическое общество – научное общество» (О. Конт), «военное общество – промышленное общество» (Г. Спенсер), «аграрное общество – индустриальное общество – сверхиндустриальное, или информационное, общество» (О. Тоффлер), «тоталитарное (закрытое) общество – либеральное/свободное (открытое) общество» (К. Поппер, Х. Арндт, Ф. Фукуяма и др.) и т. д.

Традиционализм же, исходя из тех закономерностей, в соответствии с которыми он представляет бытие мира, основываясь на качественно понимаемом времени и пространстве и проистекающих из этого социально-исторических следствиях, выработал свою парадигму истории, осуществляющуюся по линии «традиция (премодерн) – современность (модерн) – постсовременность (постмодерн)». В основу данной парадигмы положен критерий соответствия того или иного общества основополагающим структурам традиционного общества, а главное – удалению от вечности, или Бога, который является источником проявленного, тварного мира, поэтому постепенно усиливающееся в мире доминирование количества над качеством, материальности над духовностью, внешнего над внутренним и т. д. свидетельствует о неизменной деградации мира; однако эта деградация есть прежде всего умаление духовности и ее вытеснение материальностью, и поэтому на метаязыке современности такая деградация представляется ей прогрессом.

4. Возникновение концепции прав человека неизменно связано с выработкой метаязыка современности, с возникновением общества модерна. Современное общество выработало собственные особые структуры, которые оказались прямо противоположными структурам традиционного общества. Общество модерна оформляется государством как рационально организованным властным механизмом, смысл бытия

которого десакрализован – государство не имеет никакой сверхцели, придающей жизни его граждан трансцендентный смысл, государство – это просто механизм, предназначенный для поддержания правового порядка. Организовываясь по национальному признаку, государство как политическое территориальное образование включает граждан по принципу их территориальной принадлежности. Этническое своеобразие совершенно не учитывается, человек теряет свою этническую коллективную самоидентификацию, что создает предпосылки для освоения мира гражданином, отталкиваясь от своего «Я». Религия постепенно вытесняется светскостью, одновременно современное общество утрачивает способность воспроизводить духовные смысло-ориентации, которые заменяются материальными и прагматичными интересами. Традиционный принцип иерархичности заменяется принципом формального равенства граждан, происходит качественное смещение-уравнение граждан независимо от их онтологической предрасположенности к определенному виду и способу участия в бытии политического организма. Постепенно современное общество – цивилизационно-культурная модель западноевропейского и североамериканского обществ – становится доминирующим типиконем и манифестируется во всем мире как идеальная модель.

5. Исходные предпосылки формирования новоевропейской концепции прав человека связаны с особенностями развития римского права после христианизации Римской империи в ее западной части. Христианство, с IV в. постепенно становясь доминирующей онтологической системой, включило в свою онтологию римскую правовую концепцию, что выразилось в общности представлений о субъекте в империи и Церкви: в империи это было выражение правовой концепции римского гражданства, в Церкви – христианской концепции личного спасения и свободной воли человека. Однако в Западной Римской империи с 476 г. имперский фундамент был утрачен, а единственным объединяющим началом империи осталась власть папы Римского. В таких условиях статус гражданина Рима постепенно стал применяться не в рамках единой империи, а в узких политических организациях – отдельных национальных государствах. В результате оказалось, что исконное римское право с его институтом гражданства, выработанным в формате Римской империи и рассчитанным на империю, было оторвано от своего онтологического основания. Ввиду данной историко-политической особенности на Западе постепенно стали формироваться основания правового общества, где субъектом выступал уже не гражданин в соборной целостности священного имперского пространства, а автономный гражданин, гражданин сам по себе, не связанный имперским принципом, в самом положении которого уже потенциально содержалась секулярная идея прав человека.

Таким образом, социокультурные и религиозные предпосылки формирования права на Западе уже в самом начале своего развития заложили основы для проявления новоевропейских либеральных тенденций и выработки концепции прав человека. Самодостаточность и атомарность гражданина-индивида на Западе и, как следствие этого, абсолютизация права гражданина («свобода от») были предопределены исторически, религиозно и культурно и стали возможными вследствие постепенной утраты западноевропейским обществом онтологических оснований традиции.

6. Анализ положения права в традиционном обществе показал, что право не является автономным образованием в структуре традиционных ценностей, оно всегда подчинено и обусловлено целостностью общественного проекта, слитно заключающего в себе общеправовые, религиозные и мифологические парадигмы конкретной разновидности традиционного общества. Каждый народ закладывает в основание права свою общественную философию, которая зависит от исторической, этнической, религиозной, географической и иной специфики конкретного общества. Существенной особенностью права в традиции является его производность от религии, поэтому в традиционном обществе правовое сознание сакрально и не является автономной ментальной и психической структурой. Более того, в традиционном смысле правовой запрет исходит из онтологического проекта общества, поэтому правонарушение является таковым, поскольку оно относится к области «зла», «греха». Правонарушение и грех в традиционном правосознании синкретичны.

Несмотря на вторичность и производность права от общественного проекта, тем не менее, право выполняет важнейшую роль в трансляции и воспроизводстве структур традиционного общества. Право через присущий ему инструментальный фиксирует цивилизационные, религиозные, экономические, этические и иные тенденции развития общества и придает им нормативно-правовое выражение.

В современном обществе, напротив, право претендует оторваться от целостной онтологической реальности общества и трансформировать последнее в номократическое образование, где право как система норм возводится в абсолютный критерий измерения всех социально-политических процессов. Все социально-политические процессы должны быть подчинены исключительно нормативно-правовому регулированию с минимальным вовлечением политических, религиозных, ментальных, духовных и иных факторов развития общества. Если в традиционном обществе холистский онтологический проект осуществлял своего рода легитимацию правовой системы, то в современном обществе, постулирующем абсолютный номократизм, данная функция должна извлекаться уже не из целостного онтологического проекта

общества, но из его производной и обусловленной части – из самого права, которое представляется отныне аутопойетической системой. В истории западноевропейской цивилизации вершиной этого процесса стал период буржуазных революций. Именно в XVIII в. произошло окончательное обоснование и политическая манифестация *либеральной доктрины прав человека*, которая впервые была формально закреплена во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. В последующие столетия был выработан ряд иных правовых актов в сфере прав человека, сформулирована концепция «поколений прав человека», а со второй половины XX в. вплоть до настоящего момента концепция прав человека претендует на статус доминирующей правовой онтологической установки современного общества.

7. Традиционалистская доктрина, таким образом, согласно проанализированным выше закономерностям возникновения и развития современного западноевропейского общества рассматривает концепцию прав человека как антитрадиционный концепт, который концентрированно включает в себе инерцию отхода человеческого общества от основополагающих постулатов бытия человека в традиционном обществе. Центральным постулатом этого бытия являлось доминирование религиозной онтологии традиционного общества как центрального смысложизненного ориентира каждого человека, которая в обществе модерна была подменена светским принципом прав и свобод. Возникнув в одном цивилизационно-культурном ареале и в совершенно исключительных условиях западноевропейского хронотопа на базе конкретных религиозных, политических, экономических, культурных и иных предпосылок, постепенно в XIX и особенно в XX в. концепция прав человека пытается утвердиться в качестве универсальной онтологической реальности. После распада Восточного блока, и в особенности СССР, который обеспечивал сохранение цивилизационного паритета «модерн – традиция» в мире, все более и более становятся очевидными не только антитрадиционность и искусственность приложения доктрины прав человека в качестве универсальной онтологической «начинки» всех локальных цивилизаций, но и спекулятивность использования концепции прав человека государствами Западной Европы и США, произвольное толкование и применение ее положений исключительно в политических целях для реализации идеи однополярного глобализованного мира.

В завершение хотелось бы в нескольких словах сказать о стратегии государств, которые пока полностью не интегрировались в либеральное пространство. Как мы уже отметили, традиционализм является эффективной «критической программой» по анализу структур современности для традиционалистски ориентированных обществ, однако его «положительная программа», которая не представляет собой чего-

либо цельного, вряд ли применима к незападным государствам, в особенности принадлежащим к восточнохристианской цивилизации. Следует констатировать тот факт, что бывшие советские республики эксплицитно приняли либеральную правовую модель, что отражается в конституционных нормах, общей направленности развития национальных правовых систем и т. д. На формально-правовом уровне демократичность реализована, право, права человека, правовое государство представлены «точкой вменения» общественного бытия, которая замещает целостную общественную онтологию в традиционалистском понимании. Однако в системной совокупности религиозных, ментальных, психологических, экономических и иных характеристик одной лишь формально-правовой сменой общественная онтология объективно вытеснена быть не может. Определенные парадоксы политико-правовой реальности постсоветского пространства, что, в частности, можно проследить на примере Республики Беларусь, – народное одобрение тенденций государственного централизма, отдавание народного предпочтения реальному онтологическому интересу, складывающемуся из религиозных, нравственных, психологических и иных социальных установок, перед принципом формального юрицизма, в том числе выражающегося в абсолютизации таких правовых ценностей, как права человека (изменение норм Конституции, народное одобрение смертной казни в качестве уголовно-правового наказания), негативное отношение к западным правовым институтам и иные подобные факты – говорят сами за себя. И, пожалуй, стоит задуматься над вопросом о том, насколько либеральная правовая доктрина соответствует указанным структурным элементам общественного бытия. В связи с этим хотелось бы указать на актуальность для Беларуси, в целом для государств восточнохристианской цивилизации, которые в значительной степени пока сохраняют заложенный православием онтологический потенциал традиционного общества, постановки и рассмотрения вопроса *о возможности придания праву статуса элемента структуры традиционной общественной онтологии, которое будет осмысливаться не как демократическое образование, определяющее все параметры социального бытия, но как производный, однако вместе с тем важнейший инструмент нормативно-правовой объективации цивилизационных, религиозных, нравственных, психологических, ментальных, экономических и иных тенденций развития общества.*

Если вести речь о путях возвращения праву положенного места в социальной онтологии традиционалистского типа, то здесь возможно рассматривать различные варианты. Очевидно, что прямая реакция невозможна как таковая ввиду достаточно глубокого проникновения либеральной парадигмы в отечественную правовую традицию. Вместе с тем для освобождения правовой системы от нетрадиционного цивилизационного влияния, возможно, имеет смысл, не лишая право его

номократического статуса, не выводя его из занимаемого им положения, включать в него наиболее значимые внеюридические срезы настоящей онтологической реальности, тем самым расширяя границы правовой системы и превращая ее в своего рода особую нормативную целостность, позволяющую в себе абсолютно доминировать не юридическому формализму, но важнейшим потребностям и запросам социального бытия. Такой путь позволит осуществить социальную онтологизацию правовой системы, приблизить ее к реальности общественно-го бытия традиционного типа. При этом, как мы полагаем, здесь не следует опасаться проблемы размывания правовой системы, поскольку изначально предложенный вариант представляет собой возвращение праву подлинного статуса в структуре социальной онтологии. Вместе с тем следует иметь в виду, что наиболее значимые структуры (религиозные, нравственные, ментальные и психологические), которые оказывают определяющее влияние на социальное бытие, ввиду их фактической неподдаваемости объективации не могут быть формализованы в правовую материю, по крайней мере гипотетически.

Реализация данного варианта решения обозначенного вопроса затрудняется еще и тем обстоятельством, что для имплементации онтологических содержаний в национальную правовую систему необходим аутентичный источник традиции, своего рода ценностный социальный ориентир. Дело в том, что наиболее развитые современные социологические и иные аналитические обобщения способны лишь выявить и замерить только определенную часть ценностных социальных ориентиров, причем они обнаруживают, во-первых, вербально отрефлексированный, во-вторых, фактически модернизированный уровень отношения к общественному бытию, который во многом сформировался под влиянием тех же либеральных мировоззренческих установок в течение нескольких последних десятилетий. В то же время неотрефлексированные структуры освоения, «проживания» социального бытия, которые, безусловно, имплицитно оказывают существенное воздействие на жизнь общества сегодня, а также пред- или домодернизационные социальные установки, которые, будучи внешне вытесненными в актуальности, потенциально выполняют роль смыслов, «дословного», архетипов и являются своего рода базовой «начинкой» неотрефлексированных мотивов социального поведения, для аналитических обобщений в основной массе остаются недостижимыми. Эта традиционалистская по существу позиция отношения к социологическим обобщениям в принципе отличается от модернистских проектов по социализации права, которые целиком основаны на идее приближения права к все новым и новым образцам поведения в социальной практике. Так, например, отечественный исследователь А.А. Соколова в своей социальной концепции правообразования, основываясь на западной социологической методологической платформе (Т. Парсонс и др.), предлагает

рассматривать право с позиции циклического характера его воспроизводства, который, в свою очередь, должен определяться социологическими и статистическими измерениями «всех параметров функционирования права» в социуме [30, с. 157–158]. Однако это, казалось бы, продуктивное (в нормальных условиях, т. е. при наличии иерархически верной онтологической социальной структуры) предложение по приближению права к общественным ожиданиям в традиционалистском прочтении становится фактором бесконечного конвульсирования правовой системы вслед за тотально количественно увеличивающимся деструктивным изменением социального бытия под влиянием постсовременных тенденций, и право вместо традиционной созидательной и стабилизирующей социальной функции с присущими ему государственно-властными возможностями становится легальным средством подрыва того, что еще вчера оно само устанавливало в качестве нормы. Это свидетельствует о том, насколько исходная методологическая установка, осознание метаязыка, на котором мы описываем настоящую реальность, важна для выработки стратегических решений по совершенствованию правовой системы.

Итак, традиционалистский подход требует отыскания аутентичного источника традиции. С точки зрения конкретной стратегии и методики извлечения традиционных ценностей можно, по крайней мере, использовать *идею синтеза актуальных социологических временных обобщений высокой степени валидности с вневременными, цивилизационно-культурологически обусловленными и традиционно социально значимыми ценностными структурами*. В качестве одной из таких ценностных структур вполне может выступить православие на правах, во-первых, существенно преобладающей в Беларуси религии, во-вторых, полноценного традиционного мировоззренческого комплекса, включающего в себя не только религиозную, но и завершенную нравственную, эстетическую, культурную, экономическую, психологическую, политическую, а главное – универсальную онтологическую целостность отношения к действительности, конкретно раскрывающуюся в основном в Святоотеческом Предании. Русская Православная Церковь, осознавая важность сохранения и утверждения традиционных ценностей в современном мире, в особенности в последнее десятилетие, приняла ряд специальных документов, посвященных вопросу соотношения традиционных православных ценностей и ценностей современного общества (Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, 2000 г. [31], Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека, 2008 г. [32]). В этом смысле интересным является предложение отечественного ученого С.А. Калинина [33], основная идея которого заключается в наполнении теории прав человека православным содержанием, своего рода традиционалистский поворот концепции прав человека к идее изначального сосуществования римско-правовых концептов и хри-

стианского учения о свободной воле человека, которое мы описали выше. Возвращение в политико-правовое учение о правах человека изначального традиционного (дономократического) смысла, интеграция в этой теории основополагающих положений христианского учения о личности, ее внутренней свободе и ответственности, получившем свое развитие как в религиозно-нравственной, так и в правовой сфере, может послужить новой трактовке идеи прав человека и ее соответствующей реализации в национальной правовой системе. При этом относительно нередко возникающих протестов в связи с проблемой поликонфессиональности Беларуси следует сказать, что в данном случае имеется в виду использование положений православной нравственности как аутентичного источника традиционных отечественных ценностей без претензии на догматический вероисповедательный монополизм. Вместе с тем такая преобразованная теория прав человека не будет иметь ничего общего с теорией прав человека в новоевропейском смысле, поскольку, как мы показали выше, последняя возникла исключительно на антитрадиционной (антирелигиозной) почве.

Отдельные наработки по возможности интеграции в учение о правах человека в структуре национальной правовой системы традиционных православных ценностей представлены в работах профессора С.С. Хоружего, который, разработав концепцию синергичной антропологии, также предлагает пути реанимации духовной традиции и традиции вообще в современном восточнохристианском мире [34; 35] (осуществленное нами непосредственное развитие отдельных положений синергичной антропологии в правовой сфере представлено в разд. 7 настоящих очерков).

Альтернативным вариантом постепенного восстановления традиционного соотношения между правом и иными элементами социальной онтологии является последовательное постулирование приоритета самобытного национального интереса локальной цивилизации перед так называемыми универсальными (общечеловеческими) ценностями, в том числе перед идеей прав человека [36–38]. Последовательное осуществление в национальной правовой системе такой меры приведет к замещению права в формате существующей либерально-правовой доктрины в качестве главного онтологического основания национальным интересом, т. е. реальным онтологическим срезом социального бытия (приоритетом конкретных экономических, культурно-исторических, нравственных, политических и иных интересов Республики Беларусь) при сохранении статуса права как важнейшего регулятора общественных отношений во всей системе его формальных принципов. Однако здесь должна иметь место консолидация всех государственных и общественных усилий и четкая магистрализация единого вектора развития. При этом ценностный аутентичный ориентир-источник в любом случае должен быть найден за пределами правовой системы.

Конечно, опыт нашего осмысления традиционного общества и концепции прав человека, несмотря на его осуществление в рамках традиционалистской методологии, является личностным и глубоко индивидуальным. В целом же, наверное, весьма сложно давать отвлеченную оценку традиционализму и оценивать значение для человечества концепции прав человека. Многое зависит от того, к чему, к какой конечной цели стремится общество, что положено во главу угла, как измеряется и осмысливается жизнь. Одно остается очевидным: если ценности общества трансцендентны, если жизнь социума еще всецело не поглощена культом потребления, то тогда есть смысл на коллективном уровне говорить о традиции серьезно, о возврате традиционных ценностей. Однако если общество окончательно встроилось в современность, имеется ли возможность и есть ли смысл осуществлять восстановление перевернутых ценностей? По крайней мере, ясно, что каждый человек лично проживает и через себя несет в мир или «свою традицию», или «свой модерн», этим измеряется и определяется его жизнь, а из совокупности таких жизней складывается мир, конкретное общество и государство.

1. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М. : Эксмо, 2001.
2. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. М. : Эксмо : Алгоритм, 2004.
3. Фадеева Т.М. Социальные революции и традиции: точка зрения консерваторов // Социолог. исследования. 1991. № 12.
4. Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М. : Рудомино, 1993.
5. Генон Р. Восток и Запад / пер. с фр. Т.Б. Любимова. М. : Беловодье, 2005.
6. Генон Р. Кризис современного мира // Кризис современного мира. М. : Эксмо, 2008.
7. Аверьянов В.В. Традиция и традиционализм в научной и общественной мысли России (60–90-е гг. XX века) // Обществ. науки и современность. 2000. № 1.
8. Сугрей Л.А. Традиционализм в контексте социально-философского анализа : дис. ... д-ра философ. наук : 09.00.11. Ставрополь, 2003.
9. Дугин А.Г. Философия традиционализма. М. : Арктогея-Центр, 2002.
10. Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.
11. Генон Р. Царство количества и знамения времени // Кризис современного мира. М. : Эксмо, 2008.
12. Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб. : Алетей, 2009.
13. Шмитт К. Номос Земли и право народов *Jus publicum eurpaeum*. СПб. : Владимир Даль, 2008.
14. Ивин А.А. Философия истории : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. специальностям и направлениям. М. : Гардарики, 2000.
15. Марков Б.В. Культура повседневности : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2008.
16. Гиренко Ф.И. Почему мысль приводит слова в замешательство? [Электронный ресурс] // Федор Иванович Гиренко : сайт 2009. Режим доступа: <http://www.fedorgirenok.narod.ru/warum.htm> (дата обращения: 14.03.2009).
17. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб : Амфора, 2007.
18. Васильев А.А. История Византийской империи (время до Крестовых походов). СПб. : АЛЕТЕЙ, 1998.

19. Дугин А.Г. Трансформация политических структур и институтов в процессе модернизации традиционных обществ [Электронный ресурс] : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. Ростов н/Д, 2004 // Арктогея : философ. портал. 2009. Режим доступа: <http://science.dugin.ru/disser-2.html> (дата обращения: 06.03.2009).
20. Цыпин В. Концепция права в свете христианской антропологии // Православное учение о человеке : избран. ст. М. ; Клин : Христиан. жизнь, 2004.
21. Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М. : Евраз. движение, 2007.
22. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. М. : Изд-во МГУ, 1994.
23. Гофф Ж. Ле Рождение Европы / пер. с фр. А.И. Поповой ; предисл. А.О. Чубарьяна. СПб. : Александрия, 2007. (Становление Европы).
24. Поляков А.В. Общая теория права : Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций. СПб. : Издат. дом С.-Петербурга, гос. ун-та, 2004.
25. Шмитт К. Политическая теология [Электронный ресурс]. М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000 // Славянская библиотека. 2009. Режим доступа: <http://slav.olegern.net/search.php?type=d> (дата обращения: 06.03.2009).
26. Мейендорф И. Жизнь и труды св. Григория Паламы. Введение в изучение / пер. Г.Н. Начинкина ; под ред. И.П. Медведева и В.М. Лурье. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Византинороссика, 1997.
27. Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10.
28. Лаврик М.А. К теории соматических прав человека // Сибир. юрид. вестн. 2005. № 3. // Юрид. Россия : федерал. правовой портал. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1229707> (дата обращения: 30.03.2009).
29. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. 2009. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/declarat/declhr.htm> (дата обращения: 14.03.2009).
30. Соколова А.А. Социальные аспекты правообразования. Минск : ЕГУ, 2003.
31. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Московский Патриархат Русской Православной Церкви : сайт. Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?mid=90> (дата обращения: 06.04.2009).
32. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека [Электронный ресурс] // Московский Патриархат Русской Православной Церкви : сайт. Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?mid=463> (дата обращения: 06.04.2009).
33. Калинин С.А. О православном понимании идеи прав человека // Всеобщей декларации прав человека 60 лет: генезис, эволюция и проблемы современного прочтения : сб. науч. тр. / под ред. А.Ф. Вишневого (отв. ред.), В.А. Кучинского и С.Е. Данилюка ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД, Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009.
34. Хоружий С.С. Опыты из русской духовной традиции. М. : Парад, 2005.
35. Хоружий С.С. Очерки синергичной антропологии. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
36. Василевич Г.А. Современное белорусское государство и право и процессы глобализации // Юстиция Беларуси. 2004. № 1.
37. Воздействие глобализации на правовую систему России / С.В. Поленина [и др.] // Государство и право. 2004. № 3.
38. Яхно В.Н. Возможные варианты развития белорусского общества в геополитических условиях XXI века // Беларуская грамадства ў геапалітычных умовах пачатку XXI стагоддзя: прававыя, эканамічныя і сацыякультурныя праблемы : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. праф.-выкладчыц. саставу, аспірантаў, магістрантаў і спецыялістаў-практыкаў, Мінск, 10 снеж. 2004 г. / пад рэд. С.Ф. Сокала. Мінск : БПС Плюс, 2004.

---

4. ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Настоящий раздел в основном посвящен одному вопросу, который в целом для постсоветского образовательного пространства является главным: какой должна быть система образования в XXI в. и в каком отношении в ее структуре должны находиться традиция и инновация. На примере высшего юридического образования фундаментального типа рассмотрены основные проблемы встречи традиционного и инновационного образовательных элементов. В первом параграфе представлена авторская позиция относительно активного разворачивания инновационных образовательных технологий, авангардом которых выступает сегодня болонская реформа, а также тезисно обозначены проблемные моменты восприятия центральных положений данной образовательной стратегии применительно к фундаментальному юридическому образованию. Специфике развития фундаментальных юридических дисциплин (философия права, общая теория права, история государства и права, история политических и правовых учений и др.) в современном образовательном пространстве с учетом доминирующих сегодня образовательных технологий (инновационных технологий) посвящен второй параграф. В третьем параграфе на примере образовательного процесса в УО «Академия Министров внутренних дел Республики Беларусь» анализируется место и специфика проведения фундаментальных научных исследований в структуре вузовского компонента, а также формулируются конкретные предложения по усилению фундаментальной составляющей юридической науки в вузе. Заключительный, четвертый параграф посвящен проблеме качества юридического образования в системе дополнительного образования в ситуации постмодерна, которая в образовательной среде выражается в значительной коммерциализации и прагматизации образовательной сферы.

Представленный в разделе материал в форме научных сообщений апробировался на ежегодных международных научно-методических конференциях, проходивших в Академии МВД начиная с 2007 г. Несмотря на некоторое логическое несоответствие нахождения раздела, посвященного теме образования, в структуре настоящего исследования, тем не менее полагаем, что сегодня вопрос дальнейшего развития юридического образования, как никогда, имеет особое значение и для перспектив развития самой юридической науки. В зависимости от того, как он будет решаться, будет развиваться и юридическое знание. Кроме того, при рассмотрении проблемы фундаментального юридического образования в современном образовательном пространстве мы старались обнаруживать и вскрывать постсоветские тенденции, которые, обладая явным нетрадиционным характером в отношении классической модели образования, сегодня активно привносятся в процесс обучения.

4.1. Инновационные образовательные технологии XXI в. и фундаментальные юридические науки: Болонский процесс и традиционная система знания

Образование в целом и юридическое образование в частности не является автономным процессом, оно всегда неразрывно связано с изменением экономической, политической, культурной среды конкретного общества. Можно сказать, что образование постоянно реагирует на изменения в той сфере, которую оно обслуживает, причем данная зависимость с усложнением отношений в обслуживаемых сферах (так называемые экономический, культурный и другие виды прогресса) становится все более ощутимой. Количественная гонка в развитии общества обуславливает аналогичные процессы в образовании – они существенно ускоряются, постоянно требуя от образования подстраивания под свои запросы. Инновация в образовании (равно как и инновация вообще) сегодня как раз и выступает своеобразным средством преодоления разрыва между темпами социальной динамики и возможностью выработать у обучаемого потенциальные способности соответствия данным темпам. Однако способна ли инновация принципиально решить данную проблему и существует ли вообще в сфере образования необходимость ее решать именно таким способом? Эти вопросы остаются открытыми.

Исторически инновация является продуктом научно-технического прогресса. Традиционные общества, даже отдельные общества XX в. (например, советское общество) сталкивались с инновацией лишь фрагментарно – основное место в образовании занимала классическая традиция обучения, при которой содержательная сторона учебного процесса превалировала над формальной и служила главным критерием оценки уровня обучения. Однако за последние 20 лет в мире произошло существенное смещение приоритетов в образовании под воздействием прежде всего геополитических изменений, вызванных глобальным распространением западной культурной модели на регионы, традиционно к ней не относящиеся. Следует также учитывать, что образование Запада является жестко привязанным к конъюнктуре глобального рынка, в особенности эта зависимость проявила себя с интенсификацией интеграционных процессов в Западной Европе. 19 июня 1999 г. в г. Болонья (Италия) подписанием министрами образования 29 европейских государств так называемой Болонской декларации начался процесс системного реагирования образовательной модели Запада на экономическую глобализацию посредством создания единых стандартов в сфере образования. Основная цель Болонского процесса – создание единых условий признания дипломов, трудоустройства и мо-

бильности граждан западноевропейского региона, распространение данных условий на Восток, и в конечном счете обслуживание интересов глобальной экономики. Конечно, Болонская реформа предоставляет широкие возможности обмена образовательными технологиями, объединения стандартов в образовании и пр., однако, на наш взгляд, экономический подтекст болонского процесса очевиден. Учебная схема «3 + 2» (бакалавр + магистр) ориентирована на удовлетворение спроса европейского/американского рынка труда посредством оперативного создания молодых кадров, практически лишенных фундаментальных знаний. Мобильность образования, в частности бакалавриата (три года), на который в основном и ориентирован глобальный рынок, здесь как раз и обеспечивается повсеместным внедрением инноваций, выступающих как система упрощенного набора готовых алгоритмов, где передача смыслов заменяется передачей информации как знания, лишённого смысла. Многие эксперты полагают, что Болонские реформы по унификации и упрощению образования несут в себе структурное ядро системы американского высшего образования, где тестирование и иные алгоритмизированные формы оценки знаний являются доминирующими (своего рода «педагогический макдональдс»), а дискурсивно-рефлексивный элемент образования практически нивелирован. И вот здесь возникает основная проблема – в какой степени и при каких условиях отечественной системе высшего образования, которая по существу еще остается системой образования классического типа, следует приспособливаться под европейские стандарты образования, которые и являются законодателем и проводником мод инновационного элемента образовательной системы?

Фундаментальные дисциплины в отечественном гуманитарном образовании пока занимают весомые позиции. Если говорить о юриспруденции, то по специальности «Правоведение» блок фундаментальных дисциплин (и социально-гуманитарного, и общепрофессионального блока) занимает примерно 20–30 %, причем эта доля распределяется на первые два-три года обучения. В частности, в Академии МВД Республики Беларусь учебным планом по специальности правоведение (1-24 01 02) на изучение фундаментальных дисциплин в 2010/11 учебном году было отведено 22,7 % часов учебных занятий. Очевидно, что юридическое образование в таком виде остается фундаментальным, классическим и принципиально не совпадает с болонской моделью.

Особенность же фундаментальных юридических дисциплин (общая теория права, история государства и права, история политических и правовых учений и др.) заключается в том, что инновационные технологии обучения здесь содержательно практически не влияют на процесс обучения. В какой бы форме ни подавалось знание, основная задача заключается в его личностном усвоении. Фундаментальный уро-

вень знания означает основополагающий, мировоззренческий, структурообразующий, причем формирование, измерение и оценка данного уровня должны основываться на таком необходимом критерии, как *доминирование непосредственности обучения* («обучающий – обучаемый»), так сказать, прямая проверка знания и умения им распоряжаться. Это значит, что педагог является центром процесса обучения и опосредование обучения либо, что еще хуже, замена педагога инструментарием, пусть даже самым технически совершенным, повлечет дефундаментализацию и, как следствие, поверхностность и фрагментарность усвоения последующего отраслевого и прикладного знания. Конечно, в данном случае должны быть предъявлены высокие требования к педагогу, но это и есть классическая модель образования, так было всегда, по существу, ничего не изменилось от Академии Платона до наших дней. Инновация как усовершенствование формы необходима, но при диктатуре формы вытесняется содержание, педагог обезличивается. Поэтому очень важно не поддаваться слепо модному духу времени, а продумывать, как, когда и где стоит внедрять инновацию, насколько успешно и эффективно (а не только эффектно) она будет решать задачи образования, соответствовать его традиционно фундаментальному характеру. В связи с этим, если говорить сегодня о юриспруденции, то необходимо весьма тщательно продумывать стратегию преподавания тех юридических дисциплин, которые ввиду специфичности своего предмета и метода наименее подвержены инновационному обыгрыванию и одновременно в наибольшей степени обеспечивают трансляцию традиционного дискурсивно-рефлексивного элемента. Речь идет о фундаментальных юридических дисциплинах и проблемах их преподавания в условиях образовательной реформы.

4.2. Стратегия развития и задачи преподавания фундаментальных юридических дисциплин на современном этапе

Фундаментальные юридические дисциплины (философия права, общая теория права, история политических и правовых учений и др.) в современном образовательном пространстве становятся непопулярными: их преподавание требует наличия подготовленных педагогических кадров, затраты на обеспечение преподавания фундаментального блока ощутимы, а материальная отдача практически всегда находится под большим вопросом. Одним словом, в обществе постмодерна, в обществе больших скоростей с присущим ему фрагментарно-клиповым коллективным сознанием, с ориентацией исключительно на получение наличного экономического эффекта в максимально сжатом темпоральном диапазоне традиционное, книжное, отвлеченно-догматическое

знание становится немодным, выглядит экономической обузой и тормозом на пути прогресса. В начале XXI в. однозначно стало понятно, что мы находимся на пороге глобальной революции в сфере образования, в точном смысле слова, на пороге создания новой модели социокультурного оформления, образования человека.

Отдание приоритета прикладным дисциплинам, виртуализация образования и отказ от классической работы с текстами, тотальная технологичность обучения, несмотря на кажущиеся плюсы, на самом деле постепенно приводят к получению выпускника нового типа, «человека разумного, но не мыслящего» (Ф.И. Гиренок). Молодой специалист может прекрасно владеть профессиональным инструментарием, быть энергичным и напористым, внешне производить впечатление, однако у него может не оказаться самого главного – образования. За симулятивными педагогическими играми, слайдами, схемами, шаблонами, компьютерными программами, баллами, рейтингами и т. д. он может не успеть сформироваться, а хуже всего – он может полагать, что получил образование. Но что есть образование, разве оно сводится только к симулятивному обучению, простому алгоритмированному воспроизведению шаблонов? Позволим себе утверждать, что *образование, в особенности высшее образование, – это прежде всего открытие человеку возможности и необходимости самостоятельного совершения творческого акта положительного содержания в соответствующей области знания*. Если говорить коротко, образование – это надделение ценностными смыслами. Но как понимать творческий акт в данном контексте и что необходимо для того, чтобы научить его совершать? Творческий акт есть автономное, самостоятельное прибавление, приращение созидательной энергии, это не столько способность рационально повторять, воспроизводить шаблоны, но способность мыслить, осмысливать реальность, т. е. смотреть на эти шаблоны со стороны, с некой автономной позиции, для чего, в свою очередь, человек должен встретиться с собой, он должен обрести идентичность. И вот здесь дело заключается в том, что технологии, какими бы развитыми они ни были, принципиально не способны обучить человека мыслить, равно как машина не способна к совершению творческих актов: указанные нами творческие возможности непосредственно являются результатом сформированности у обучаемого *цельного внутреннего мира, или осмысленного опыта обращения к своему сознанию. В системе вузовского образования последнее как раз и осуществляется блоком фундаментальных дисциплин*. Развитие идейного поля науки, а за ним и сферы приложения научных результатов всегда осуществляется творческим актом.

В юридическом образовании фундаментальные юридические дисциплины, преподаваемые обычно на первом – втором курсах, призваны

научить человека мыслить. Изучение истории права и государства, истории политико-правовой мысли, общей теории и философии права имеет целью даже не столько дать курсанту базовый юридический инструментарий, сколько создать смысловой задел в сознании обучающегося, а для этого курсанту нужно через кропотливое чтение текстов научиться осмысливать идеи, понимать и усваивать их. Так постепенно происходит формирование смыслового поля в сознании обучающегося, дающего возможность на последующих курсах усваивать более простой материал осмысленно, с пониманием того, что есть суть, а что есть постоянно меняющийся и развивающийся инструментарий. Именно поэтому курсанты, хорошо успевающие по фундаментальным дисциплинам, не имеют проблем на следующих курсах, да и в целом, как показывает анализ успеваемости на примере Академии МВД Республики Беларусь, средний балл к старшим курсам всегда повышается. Однако особенность нашего времени заключается в том, что современная культура, в особенности молодежная культура, не способствует выработке самостоятельного мышления, она сама работает по принципу симулятивного действия. Именно поэтому первокурсники в основном не хотят учиться мыслить, т. е. работать со своим сознанием, культура дала им онтологическую модель утилитарного подражания и работы с внешними и эффектными вещами (компьютер, мобильный телефон и т. д.), не требующими творческого мышления, предлагающими терабайты информации, но не дающими смыслов. Все чаще встречаешь мнение о ненужности фундаментальных юридических дисциплин при подготовке следователя, сотрудника уголовного розыска, участкового инспектора милиции, причем мнение не только курсантов, но нередко и преподавателей. Но даже поверхностный взгляд на работу следователя, например, указывает на необходимость формирования внутреннего мира для оценки доказательств («внутреннего убеждения», ст. 19 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь), который является мировоззренческим вместилищем, дающим возможность не просто знать, но и мыслить и адекватно оценивать нормы и факты. Надо понимать, что право не является технологией, в нем всегда есть смысловые зазоры (оценочные понятия, коллизии), которые правоприменителю – следователю, дознавателю, участковому инспектору – и надо заполнять, но владение технологиями для этого непригодно, для этого наряду со знанием закона необходим свой внутренний мир и духовно-нравственный стержень, который и должен формироваться в вузе фундаментальным знанием. Учитывая современные тенденции вытеснения общетеоретического знания, полагаем, что стратегия развития фундаментальных дисциплин в вузе не должна определяться влиянием технологической моды, поскольку задачи этих предметов сугубо нетехнологичны, изменить им – значит утратить свойство фундаментальности.

Во многом стратегия развития фундаментальных юридических дисциплин зависит от осуществляемых вузами научных исследований, их общей направленности и ориентации. Высшее учебное заведение (факультет) помимо того, что осуществляет подготовку квалифицированных кадров, традиционно выступает и научным центром, субъектом, формирующим научную (в нашем случае юридическую) рациональность, поэтому сохранение данного традиционного статуса вуза зависит от проведения фундаментальных научных исследований кафедрами. Вместе с тем увеличение доли инновации в образовательном процессе по своей логике сопровождается вытеснением традиционного элемента, представленного в вузе в основном непластичными фундаментальными дисциплинами, в связи с чем возникает не менее важная проблема адекватного поддержания уровня фундаментальности вуза в процессе его технологизации. Возможные варианты решения данной проблемы рассмотрим на примере УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

4.3. О проведении фундаментальных научных исследований на кафедрах профильных высших учебных заведений (на примере УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»)

Научно-исследовательская работа профессорско-преподавательского состава является одним из главных факторов развития учебного заведения, определения его престижа в образовательной сфере, влияния на процесс развития государства. Со времен возникновения первых европейских университетов, которые постепенно заменили собой богословские школы, данные светские учебные заведения практически сразу начали формироваться в качестве крупных научных центров и в мировой системе образования, по сути, остаются таковыми по настоящее время.

В бывших республиках СССР высшие учебные заведения продолжают оставаться крупными научно-исследовательскими центрами. Это относится и к отечественным учебным заведениям, в том числе и заведениям так называемого закрытого типа, в частности военным учебным заведениям, учебным заведениям органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям и к самому крупному в республике высшему учебному заведению системы органов внутренних дел – Академии МВД Республики Беларусь (далее – Академия).

Несмотря на конкретно-прикладной характер учебного процесса Академии, обусловленного необходимостью подготовки выпускников для системы органов внутренних дел, научно-исследовательская работа профессорско-преподавательского состава не должна ограничиваться разработкой прикладных проблем, связанных исключительно с пра-

воохранительной практикой. Согласно п. 2 ст. 207 Кодекса Республики Беларусь об образовании Академия по типу учебных заведений относится к профильному университету (академии). В п. 4 данной статьи указывается, что «профильный университет (академия, консерватория)... выполняет *фундаментальные* и прикладные научные исследования...» (курсив наш. – В. П.). Следовательно помимо осуществления в Академии функции подготовки специалистов и функции научно-методического центра по соответствующему профилю одной из основных задач юридического вуза системы органов внутренних дел является проведение фундаментальных исследований. Фундаментальные исследования в Академии преимущественно должны выполняться кафедрами, на которых преподаваемые дисциплины наиболее соответствуют общеметодологическому характеру познания. В Академии к таким кафедрам можно отнести кафедру теории и истории государства и права и кафедру философии и идеологической работы.

Несмотря на общую тенденцию постепенного снижения доли фундаментальных, и в особенности общетеоретических исследований в последнее время, фундаментальная наука не должна быть замещена наукой прикладной, ориентированной на конкретный результат по принципу «здесь и сейчас». Это касается и профильных учебных заведений, в том числе и Академии. Однако сегодня существует ряд естественных препятствий в качественном росте вузовской фундаментальной науки. Если осуществление прикладных исследований практически полностью обеспечивается интересом профильного ведомства – Министерства внутренних дел (на подготовку специалистов, на характер тем научных исследований и т. д.) и соответственно такая заинтересованность обуславливает инициативность обеих сторон, то фундаментальные работы для практических органов внутренних дел непосредственно востребованы быть не могут, хотя, конечно, от такой невостребованности своего значения они не утрачивают. Но речь идет не об этом, а о том, каким образом сегодня организовать проведение данных исследований.

Следует отметить, что для верного представления и разрешения сложившейся ситуации необходимо четкое понимание развития науки как системы знания в целом и системы гуманитарного знания в частности. Очевидно, что сегодня развитие прикладных научных проектов (в юриспруденции это практический результат отраслевых исследований – разработка новых нормативных правовых актов, внесение изменений и дополнений, даже разработка в конце XX в. серии кодифицированных актов и т. д.) еще основывается на советском общеметодологическом запасе. Советская научная школа фундаментальной науке отводила первое место, и сегодня отраслевые дисциплины используют методологию, выработанную советской научной школой общетеоретических методологических исследований. В настоящее же время юридическая

практика ставит перед нами задачи, под которые необходимо уже сейчас разрабатывать адекватный постсовременным условиям фундаментальный методологический инструментарий. Результат же эффективности развития (либо отсутствия такового) общеметодологической базы проявляется не сразу, в отличие, например, от прикладных проектов, а через определенный период. Поэтому нам кажется очевидным, что фундаментальные общетеоретические исследования должны осуществляться постоянно, в том числе и в профильных учебных заведениях.

В связи с указанными выше отличительными особенностями фундаментальных исследований от конкретных научных работ, а также обусловленным этими особенностями процессом их проведения в Академии предлагаем ряд учебно-методических и организационно-методических рекомендаций, направленных на совершенствование данного направления работы.

1. При утверждении плана научно-исследовательской работы соответствующим кафедрам наряду с профильной правоохранительной темой следует предлагать к утверждению общую кафедральную тему фундаментального характера.

2. При проведении общетеоретических исследований кафедрам необходимо активно сотрудничать с отечественными и зарубежными научно-исследовательскими учреждениями в целях отслеживания приоритетных направлений развития фундаментальной науки (НАН Беларуси, НЦЗиПИ Республики Беларусь и др.).

3. По окончании разработки конкретной фундаментальной темы предлагать кафедрам, обеспечивающим преподавание отраслевых дисциплин, полученные общетеоретические результаты для их конкретной апробации в рамках межкафедрального семинара либо конференции.

4. Инициировать организацию и проведение республиканских и международных научных конференций по отдельным фундаментальным проблемам в целях обеспечения Академии статуса научного центра.

5. Обеспечивать проведение повышения квалификации сотрудникам кафедр в научно-исследовательских учреждениях республики.

Можно привести здесь и ряд иных мероприятий подобного рода, их смысл заключается в одном – сохранять и повышать уровень и престиж Академии не только как вуза, обеспечивающего подготовку узких специалистов, но и как учебного заведения университетского типа, по традиции позиционирующего себя не только как научно-исследовательскую школу правоохранительной направленности, но и как научно-исследовательский центр фундаментального типа.

Еще одним признаком инновационной образовательной стратегии является значительное перенесение акцента с основного на дополнительное образование, что, в свою очередь, снова же обусловлено рыночными потребностями в мобильности кадров, а с ней и легкой воз-

возможностью для работника получить пусть и не глубокий, однако формально широкий профессиональный статус, а для нанимателя – возможностью выгодных вариаций и кадровых предпочтений. Практика реальной работы кадровых служб различных субъектов хозяйствования, конечно, вскрывает этот скрытый дискурс инновации, обналичивает его требованием у кандидатов дипломов только определенных учреждений образования, только по определенной (как правило, дневной) форме обучения и т. д. Однако данная проблема – это действительно наша данность; узкое и оперативное дополнительное образование сегодня становится весьма практичной и популярной формой обучения, более того, в значительной степени действительно вынужденной для человека. Решение же этой проблемы связано все с той же сквозной в данном разделе линией, образуемой триадой «традиция – /постсовременная ситуация/ – инновация», в зависимости от отношения к которой и определяется современная образовательная стратегия.

4.4. Смысловое задание теоретико-правовых дисциплин в системе дополнительного юридического образования в условиях постмодерна

Получение сегодня дополнительного образования для экономической системы общества является возможностью насыщения рынка труда в условиях неопределенности его конъюнктуры. Дополнительное образование выполняет функцию быстрой смены познавательных возможностей человека через его профессиональную переориентацию. Главный мотив в этом случае, как правило, ограничивается экономическим интересом, который представляет собой возможность быстрого поиска заработка по пластичной схеме. Однако не следует забывать, что специфика преподавания в системе дополнительного образования (особенно на вузовском и послевузовском уровнях) должна определяться *смыслом получения образования* вообще. В подп. 1.6 ч. 1 ст. 1 Кодекса Республики Беларусь об образовании определено, что образование представляет собой «обучение и воспитание в интересах личности, общества и государства, направленные на усвоение знаний, умений, навыков, формирование гармоничной, разносторонне развитой личности обучающегося». Обратим внимание на то, что в кодексе законодатель по отношению к ранее действовавшему закону «Об образовании» сформулировал новую дефиницию образования, из которой исключены экономическая направленность образования – «на подготовку квалифицированных кадров для отраслей экономики» (ст. 2 закона «Об образовании»). В новой дефиниции первичное внимание уделено обучению и воспитанию как таковым, формированию гармоничной личности. Вместе с тем в Кодексе Республики Беларусь об образовании не раскрыт смысл дополнительного образования. Законодатель в

ст. 13 ограничивается лишь указанием на то, что дополнительное образование представляет собой «обучение и воспитание обучающихся посредством реализации образовательных программ дополнительного образования». В законе «Об образовании» в ст. 8 было определено, что «дополнительное образование направлено на расширение возможностей в интеллектуальном, эстетическом, нравственном и физическом развитии личности при получении основного образования, углублении профессиональной компетентности, а также на решение задач кадрового обеспечения всех сфер социально-экономической деятельности». Инструментальный характер дополнительного образования в этой редакции в отличие от формулировки кодекса помещался на второй план по отношению к задаче интеллектуального, эстетического, нравственного и физического развития личности.

Огромное значение при анализе процессов в образовательной сфере, в том числе в системе дополнительного образования, имеет понимание ситуации постмодерна, которая сегодня все больше охватывает социальную среду. Главной особенностью постмодерна применительно к рассматриваемой теме является коммерциализация и прагматизация образовательной сферы с одновременным рассеиванием смысла образования как такового. Прагматизм в образовании приводит к потере качества образования и дополнительного образования в особенности, соответственно к инфляции тех функций, которые должны осуществляться специалистами. Однако от этого выигрывает рынок, оперативно получающий требующиеся ему кадры, хотя в целом национальная система хозяйства проигрывает ввиду жертвы качественным показателем взамен количественного.

В системе юридического дополнительного образования послевузовского уровня сегодня налицо серьезная проблема – проблема качества такого образования, которое во многом определяется задачами и ориентирами преподавания на факультетах повышения квалификации и переподготовки кадров. Вообще надо сказать, что раньше любое первичное вузовское образование независимо от специальности традиционно давало базовую возможность гармоничного развития личности. Блок социально-гуманитарных дисциплин, серьезно вычитываемый во всех советских вузах, давал ориентиры в виде смысложизненных позиций (мы не обсуждаем здесь их содержание). Однако сегодня появляется возможность быстро (четыре – шесть сессий) получить диплом о получении новой квалификации и (или) специальности на базе уже существующей. Педагог, инженер, химик и др. на базе дополнительного образования становятся юристами, однако смысловое наполнение именно юридического образования, суть юридической профессии в такой форме образования и за такой срок схвачена быть не может (разумеется, мы ведем речь о тенденции, а не об исключениях из правила). Причем, парадоксально, но именно общетеоретические юридиче-

ские дисциплины, наиболее дистанцированные от конкретной юридической практики, закладывают основные смысловые структуры юридического мышления и особенности совершения творческого юридического акта, так необходимого в юридической практике. Студент, погруженный в первые годы обучения в цикл этих дисциплин, к третьему-четвертому курсу во многом уже приходит сформированным в профессионально-смысловом отношении человеком, которому только остается наложить отраслевое знание на сформированный юридико-смысловой стержень. Молодой офицер, выпускник Академии МВД Республики Беларусь среднего уровня, например, по уровню своей подготовки для практического органа внутренних дел всегда более предпочтителен, чем кандидат на службу, пусть и имеющий несколько высших образований, однако высшее юридическое образование получивший на факультете заочного обучения либо повышения квалификации и переподготовки кадров. В связи с этим возникают вопросы: каким должно быть смысловое задание общеправовых дисциплин в дополнительном образовании в постсовременной ситуации и как сегодня читать эти курсы?

В Академии МВД Республики Беларусь, например, такой дисциплиной для слушателей переподготовки является «Юридическая терминология» (аналог дисциплины «Общая теория права»), автор имеет опыт ее преподавания. Учитывая указанные выше тенденции в образовании в целом, а также специфику юридического дополнительного образования, в отношении стратегии вуза и педагогической практики преподавателей предлагаем преподавание в системе дополнительного образования выстраивать по *методике максимального приближения и реального описания профессиональной (в нашем случае юридической) ситуации с максимальным вытеснением школьного дискурса*, что даст возможность:

не допустить симуляции получения знаний, передаваемых в идеальном (нереальном) языке, с формированием виртуальных юридических смыслов;

добиться участия (диалогичной связи) преподавателя с обучаемыми с привлечением внимания, доверия и уважения слушателей;

в определенной степени компенсировать фрагментарность оперативного обучения (в рамках нескольких сессий) и добиться хотя бы отчасти единства, многомерности и гармоничной целостности восприятия права и социальной жизни;

одновременно жестко лимитировать использование опосредованных технологий обучения (компьютерные программы и т. д.), поскольку они исключают участие преподавателя и коммуникативный контакт.

Вместе с тем есть все основания полагать, что предлагаемая линия смысловой заданности дополнительного образования не станет доминирующей по причине ее несоответствия современной глобальной образовательной стратегии, которая практически полностью задается ситуацией постмодерна.

---

5. ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПЕРЕД РЕШЕНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Решение современных проблем юридической теории и практики, связанных с правоохранительной деятельностью органов внутренних дел, является едва ли не первоочередной задачей каждого государства. Защита жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов граждан, обеспечение их личной и имущественной безопасности и ряд иных задач, определяемых законом «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», придают деятельности органов внутренних дел статус одного из важнейших структурообразующих элементов в поддержании правового порядка. Полицейская (милицейская) функция государства на протяжении столетий остается неизменной, с общетеоретической позиции она обычно квалифицируется как правоохранительная функция, занимающая почетное место в более широкой задаче по поддержанию правового порядка, т. е. надлежащему функционированию всего государственно-правового организма.

Вместе с тем, очевидно, что постсовременный контекст многоплановой, сложной, высокодинамичной юридической практики, равно как и вообще всей социальной жизни сегодня, ставит перед органами внутренних дел свои задачи, которые требуют эффективного и своевременного решения. В отличие от предшествующих периодов функционирования правоохранительных структур, когда от столетия к столетию функция защиты и поддержания порядка в своем Отечестве носила ясный характер и существенно не менялась, сегодня наблюдается своего рода трансгрессия государственно-образующих смыслов: само государство, его природа претерпевают изменения, за ним меняется и коллективное осознание государственной деятельности, меняется отношение к ней. Поэтому актуальные проблемы деятельности органов внутренних дел, которые в настоящее время выдвигаются на первый план, относятся не только и даже не столько к внешней деятельности органов внутренних дел по борьбе с преступностью, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, сколько к внутренним проблемам функционирования самого правоохранительного ведомства. Стоит только вспомнить резкое падение престижа милицейской службы в первой половине 90-х гг. XX в., уход с исторической сцены советской милиции, массовое изменение общественного сознания в отношении профессии милиционера, проблему подбора высококвалифицированных и преданных своему делу кадров и иные проблемы, с которыми столкнулись органы внутренних дел в постсоветские десятилетия. А эти внутренние проблемы, в свою очередь, серьезно отражаются на эффективности реализации основных задач органов внутренних дел. Поэтому интеллектуальные усилия в исследуемой области должны быть сосредоточены на этих ключевых проблемах.

Профессиональный интерес к заявленной в названии раздела теме обусловил проведение нами на протяжении нескольких последних лет ряда локальных научных разработок, сосредоточенных в основном на двух проблемах, связанных с правоохранительной деятельностью органов внутренних дел, – формировании мировоззрения и духовно-нравственной конституции сотруд-

ника органов внутренних дел на современном этапе и философско-правовом и междисциплинарном осмыслении отдельных традиционных проблем правоохранительной практики органов внутренних дел. Две указанные проблемы и определили соответственно два параграфа, которые составили содержание настоящего раздела.

В первом подпараграфе первого параграфа рассматриваются особенности формирования мировоззрения сотрудника органов внутренних дел в современных условиях, факторы, определяющие сложность формирования мировоззрения государственного типа, обозначаются перспективные направления кадровой политики в органах внутренних дел по преодолению данной проблемы. Второй подпараграф посвящен духовно-нравственной конструкции сотрудника органов внутренних дел и ее значению для правоохранительной практики. С позиции рассмотрения нравственности не как социального феномена, а как неизменно присутствующей структуры личностной конституции обосновывается необходимость придания фактору нравственной состоятельности сотрудника органов внутренних дел при подборе кадров определяющего значения. Данная позиция обосновывается не только профессионально-этическими требованиями, но и непосредственным содержанием законодательства, возлагающим на любого правоприменителя бремя адекватного (справедливого) заполнения нормативного оценочного пространства, которое по объективным причинам всегда предоставляется законом. При этом качество извлечения правоприменителем нравственных содержаний, которое происходит из ресурсов его личностной духовно-нравственной конституции, позволяет говорить не только о необходимости соблюдения требования объективности при рассмотрении любого юридического дела, но и о наличии нравственно состоятельной субъективности.

Второй параграф охватывает философско-правовые аспекты осмысления отдельных проблем правоохранительной милицейской практики. В первом подпараграфе освещаются философско-правовые и теоретико-правовые особенности теории квалификации преступлений и ее практической реализации. Помимо проблем, обусловленных догматическими сложностями и объективными противоречиями самой теории квалификации, рассматриваются личностно-профессиональные, организационно-управленческие и тактические факторы, способствующие совершению ошибок в квалификации, предлагаются меры по их устранению. Во втором подпараграфе в соответствии с представленной философско-правовой характеристикой феномена преступления обосновывается недостаточность классического криминологического описания преступления на основе формально-правовых, биологических и социальных признаков. На первое место ставится внутренний мир человека, под которым понимаются личностные духовно-нравственные содержания, окончательно не связанные никакими иными факторами. Третий подпараграф раскрывает философско-правовое содержание проблемы смертной казни. Рассматривая наказание человека смертью в контексте нравственной теории и сопоставляя ее с этико-социальными проблемами применения смертной казни на практике, автор решает вопросы темы о допустимости/недопустимости применения смертной казни в качестве современного уголовно-правового наказания. Четвертый подпараграф посвящен семейно-бытовому конфликту как фактору, способствующему совершению административных правонарушений и преступлений в сфере семьи и быта, а также как современной нравственной проблеме, обусловленной резким падением подлинных нравственно-содержательных оснований семейной жизни в последние десятилетия.

5.1. Мировоззрение и духовно-нравственная конституция сотрудника органов внутренних дел

5.1.1. Мировоззрение сотрудника органов внутренних дел и его значение в современном мире

Сложность обеспечения высококвалифицированными кадрами органов внутренних дел, кадровый дефицит, излишне высокая динамичность смены личного состава, утрата преемственности и служебных традиций не являются исключительно внутрисистемными проблемами правоохранительного ведомства, они вытекают из общей культурной ситуации, сложившейся на постсоветском пространстве к началу XXI в. Еще буквально несколько десятков лет назад на службу в органы внутренних дел приходили люди с принципиально иным мировоззрением, чем у большинства современной молодежи. Советская цивилизация была особым социокультурным явлением; несмотря на непродолжительное время существования, она сумела выработать свои принципиально отличные от других цивилизаций социальные и ментальные структуры, которые позволяли идентифицировать включенного в них человека именно как советского. Не претендуя на всесторонний анализ феномена советизма во всех его проявлениях, попытаемся осмыслить опыт функционирования мировоззренческих оснований на уровне советской государственной службы с целью его сопоставления с современными тенденциями формирования мировоззрения сотрудника органов внутренних дел.

Вообще под мировоззрением принято понимать систему взглядов, принципов, оценок и убеждений, определяющих отношение к окружающей действительности и характеризующих видение мира в целом и место человека в этом мире. Благодаря мировоззрению жизненные позиции человека становятся осмысленными, а сама деятельность целенаправленной. По сути дела, мировоззрение выполняет роль смыслообразующей константы в жизни человека – в зависимости от того, как он видит мир и себя в этом мире, так он его и проживает.

В советском государстве для большинства людей мировоззрение было фундаментальной личностно- и государственно-образующей категорией; люди не просто говорили, что есть вот такое мировоззрение (по преимуществу данный факт ими даже не осознавался) – они просто этим советским мировоззрением проживали и не представляли себя вне его. Строгого осознания мировоззренческой основы своего бытия большинство советских людей не имели, чем в принципе и объясняется массовая растерянность и глубочайший кризис мировоззрения сразу после распада СССР. Вместе с тем своего рода властно-публичный характер советского мировоззрения с его основополагающими положениями – коллективизм, общественная мораль, народная собствен-

ность и др. (не беремся разбирать само их содержание) – позволял воссоздавать определенную социокультурную и ментальную картину советского общества. С нравственной точки зрения наиболее значимой характеристикой, воспроизводимой советским мировоззрением, было *доминирование публичного начала*, которое выполняло функцию сдерживания индивидуалистических и эгоистических тенденций, уже достаточно развившихся к тому времени в западной цивилизации.

Указанные характеристики советской мировоззренческой парадигмы играли определяющую роль в решении кадрового вопроса. Например, кандидат на должность сотрудника органов внутренних дел фактически был уже мировоззренчески оформлен – из какой бы структуры советского общества он ни приходил (завод, колхоз, учреждение и т. д.), в главных своих чертах типологические особенности его личного мировоззрения совпадали с профессиональным мировоззрением сотрудника советской милиции. Характеристики такого – жертвование личным ради публичного, патриотизм, государственность, органическое понятие долга и т. д. – нуждались лишь в переведении их на более высокий качественный уровень.

Однако с утратой советской мировоззренческой парадигмы в начале 90-х гг. XX в. большинство молодых государств постсоветского пространства восприняли западную мировоззренческую модель, что отразилось практически на всех социальных сферах – экономике, политике, праве, культуре. Деидеологизация, уход государства в тень как константы западной мировоззренческой парадигмы скрыто внесли в коллективное и индивидуальное советское сознание свои этические составляющие – индивидуализм и эгоизм взамен публичности и коллективизма. Будет ошибкой, конечно, утверждать, что индивидуалистические (эгоистические) тенденции в мировоззрении советских людей не проявлялись, но они, во-первых, в большинстве своем были вторичными, а во-вторых, и это самое главное, осуждались и подавлялись на уровне провозглашенного народного государства, которое реально не было таковым, но его соответствующий образ укоренился в массовом сознании либо имплицитно обнаруживался в коллективном бессознательном народа.

Для понимания принципиального отличия советской мировоззренческой модели от того, что мы наблюдаем сегодня, надо сказать еще об одной немаловажной детали. В отличие от мировоззренческой системы западного общества, основывающегося на материалистическом, прогрессистском, потребительском осмыслении бытия и только за таким признающего действительную сущность и существование, советское мировоззрение представляло собой следствие реализации проекта, в котором были воспроизведены отдельные архетипы предшествующих традиционных политических формаций, основанных на сакраль-

ном осмыслении государства, права, политики, т. е. на осмыслении их как целостных онтологических реальностей, неотделимых от общефилософских, религиозных и мифологических парадигм. Основную функцию ресакрализации как воспроизведения сакрального элемента в советском мировоззрении выполняла *вера/у-вере-нность* в основные постулаты коммунистического общества, которая до определенного момента и исполняла роль общественной и государственной скрепы. С ее утратой возникла необходимость поиска достойной замены.

Сегодня государство может оказывать влияние на формирование мировоззрения своих граждан лишь ограниченно, посредством оформления только ему доступных социальных структур, однако все дело в том, что большая часть процессов оформления мировоззрения приходится на культуру постсовременного общества (так называемую поп-культуру), которая фактически не подлежит нормативной регламентации. В своих основных чертах поп-культура имплицитно, а порой и открыто воспроизводит негативное отношение к традиции, которая как раз концентрированно и воспроизводится в классическом типе государства и его органах. В такой ситуации государство и его органы, в том числе органы внутренних дел, вполне закономерно сталкиваются с кадровой проблемой.

Факт нетождественности формируемого культурой индивидуалистического мировоззрения и требуемого для чиновника государственного взгляда на вещи, на наш взгляд, должен быть учтен государственными структурами в кадровой политике в первую очередь. Одна из основных задач кадровых аппаратов сегодня заключается в качественном измерении мировоззрения кандидата на должность сотрудника органов внутренних дел, что требует пересмотра коренным образом механизмов подбора кадров. Например, психологическое тестирование, практикуемое при приеме на службу в органы внутренних дел, не является, на наш взгляд, достаточным инструментом фильтрации контингента, намеревающегося поступить на службу в органы внутренних дел лишь с целью извлечь выгоду материального характера. Индивидуальное собеседование с кандидатом хотя и является более эффективным средством по сравнению с предыдущим, однако также имеет определенные недостатки, в особенности когда на службу поступает гражданин не из государственного сектора. Положительным и, как мы намерены утверждать, едва ли не единственно эффективным в сложившихся социокультурных условиях опытом является возвращение личного состава и его методичная мировоззренческая привязка к системе, начиная от профильных классов в общеобразовательных школах и заканчивая последним курсом учреждения образования МВД. Чем раньше произойдет подбор молодежи, тем больше возможностей сформировать правильные мировоззренческие основания службы в

органах внутренних дел. Впрочем, и в этом случае достаточных гарантий, что эти основания останутся неизменными, никто дать не может.

В постсовременных условиях, несмотря на активную работу Министерства внутренних дел по формированию профессионального правосознания и выработке адекватной мировоззренческой ориентации сотрудников, последнее слово все-таки принадлежит тому образу бытия, который доминирует в современном мире. Поэтому сегодня едва ли не единственным ресурсом, который может быть серьезно использован в противостоянии мировоззренческой деструкции сотрудника органов внутренних дел, является обращение к его духовно-нравственной конституции. Причем речь идет не о блоке профессионального порядка (профессиональная культура и этика сотрудника органов внутренних дел), который в данном отношении, несмотря на всю его важность, является всего лишь производной коннотацией, а о нравственности как глубинной смысловой ориентации человека. Именно в таком смысле ниже и пойдет речь о нравственности в деятельности сотрудника органов внутренних дел.

5.1.2. Нравственность в деятельности сотрудника органов внутренних дел

В своей жизни человек сознательно или бессознательно руководствуется всей системой доступных ему социальных знаков, начиная от норм, реализация которых обеспечивается принудительной силой государства, заканчивая привычками и обычаями, которые на первый взгляд не оказывают существенного влияния на образ действий лица. Каждый из нас при этом может сказать, какие из норм для него являются определяющими, главными, возвышающимися над всеми иными нормами, а какие являются дремлющими и фактически не воздействуют на его поступки. Человек всегда обладает возможностью самоопределения, свободного выбора в системе ценностных нормативов – поступить ли ему по букве, по духу, по обычаю, по дружбе, по совести, по выгоде или по какому-либо иному основанию. Но основной вопрос заключается не в том, чтобы в признании только возможности самого акта самоопределения человека, которым он действительно наделен по праву и по своей природе, но в том, существует ли абсолютная иерархия ценностей, так сказать, закон их расположения относительно друг друга с точки зрения обуславливающего и обуславливаемого, с позиции абсолютной ценности и ценности относительной и соответствует ли свободный человеческий поступок этому самому закону.

Решение данного вопроса напрямую связано с темой нравственности в деятельности сотрудника органов внутренних дел, поскольку выяснение действительного места нравственности в системе ценностных

регулятивов и ее отношения к иным нормам, в частности правовым, позволит определить ее значение в правоохранительной деятельности сотрудника органов внутренних дел и охарактеризовать те желаемые нравственные требования, которые должны предъявляться к сотруднику и самим сотрудником к соответствующим условиям его службы. Таким образом, нашей задачей является, во-первых, определить природу нравственности и ее место в целом регулятивном комплексе социальных норм, во-вторых, установить, каким образом нравственный фактор оказывает воздействие на деятельность сотрудника органов внутренних дел, и в связи с этим в самом общем виде указать основные нравственные требования и условия, при которых, на наш взгляд, возможна качественная и эффективная работа органов внутренних дел. При рассмотрении последнего положения за основу нами взята деятельность следователя органов внутренних дел.

В современной научной литературе понятие нравственности не является устоявшимся. Наиболее распространенной точкой зрения является та, согласно которой нравственность отождествляется с моралью (от лат. *moralis* – нравственный) и понимается как «система исторически определенных взглядов, норм, принципов, оценок, убеждений, выражающихся в поступках людей, регулирующих их отношения друг к другу, к обществу, определенному классу, государству и поддерживаемых личным убеждением, традицией, воспитанием, силой общественного мнения всего общества, определенного класса или социальной группы» [1, с. 205]. Такое понимание нравственности (морали) представляет ее как комплекс социокультурных ценностей, определенных историческими условиями развития общества и принадлежащих ему институтам. Сразу же следует сказать, что на основании такого осмысления нравственности осуществить ее истинное соизмерение с иными социальными нормами, в том числе и с правовыми, по существу, не представляется возможным, поскольку нравственность здесь выводится из внешнего элемента – общества, хотя в действительности, о чем и следует говорить при соотнесении ее с правом, она изначально должна быть определена в своем первоначале – в системе внутренних духовных ценностей человека.

Коренное отличие нравственности от права заключается в том, что если право представляет собой формальное равенства, имеющую целью лишь придать разнообразным интересам, выражаясь словами Н.М. Коркунова, «гармоническую форму» их внешнего выражения [2, с. 53], то нравственность требует гармонии не только внешней, но и внутренней, она требует в первую очередь *добро*-вольного самоопределения личности в себе. Это отнюдь не означает необходимого противоречия и тем более столкновения права и нравственности – напротив, нравственность и право в идеале должны рассматриваться как

взаимопроникающие и внутренне солидарные системы. Но допустимо ли такое внесоциальное понимание нравственности, откуда, как не из общественных отношений и не из исторического процесса формируются основания для построения нравственно должного? Хотя социальное выражение нравственности главным образом и выступает показателем уровня нравственного совершенства человека, но эти самые показатели являются уже следствием осуществившегося в человеке процесса нравственного движения, выражаясь картографически, вверх к добру или вниз к злу по вертикальной оси нравственного совершенствования. В.С. Соловьев в свое время очень точно подметил, что действительное развитие человеческой нравственности может произойти лишь в обществе через взаимодействие его членов, хотя сама нравственность, или идея добра, не есть только следствие социальных отношений [3, с. 284].

Итак, право на основании принципа справедливости требует внешнего осуществления формального равенства и этим вполне удовлетворяется, нравственность же требует первоначально внутреннего процесса нравственного совершенствования и уже затем его внешнего выражения. Принципом, которым обусловлена необходимость нравственного совершенствования, является так называемый объективный закон добра, как его сформулировал В.С. Соловьев [4, с. 309], а поэтому его осуществление и начинается с системы внутренних духовных координат человека. По словам В. Соловьева, этот принцип представляет собой «*изнутри* идущее расположение к добру, или внутреннюю восприимчивость к истине» [3, с. 455], на основании чего и устанавливается сущностное отличие нравственности от права: нравственность есть первоначально акт свободного расположения нашей воли к добру самому по себе и внутреннего согласия нашего ума с истиной как таковой с последующим выражением этого акта вовне, в то время как право есть лишь объективное выражение нашей воли в требуемых законодателем пределах. При этом существо предписания законодателя о внешнем выражении воли должно всегда быть подчинено нравственной цели – осуществлению добра как такового, иначе, лишившись своих оснований и истоков, которые, несомненно, заключены в нравственной необходимости для человеческого существа, право, в какие бы изощренные юридические одежды оно ни облакалось, неизменно вырождается в несправие. Нравственность как неограниченное стремление к совершенству, не обусловленное никакими внешними проявлениями и осуществляемое по доброй воле, для права как вполне определенного требования известных проявлений внешней свободы воли с возможностью государственного принуждения в целом выступает как цель для средства. И если всякая правовая норма может быть подвергнута нравственной оценке, то далеко не всякая норма нравственности измеряет-

ся нормой правовой. Поэтому нравственные нормы для права и иных социальных систем в общем являются обуславливающими, или абсолютными, хотя сама эта абсолютность основана лишь *на вере* в объективный закон добра, что само по себе является очень важным обстоятельством.

Несмотря на то что критики излагаемого здесь взгляда постоянно указывают на невозможность строгого доказательства закона добра как внутренней восприимчивости к истине и его обуславливающего характера в бытии людей, его иллюзорность и относительность, сама жизнь постоянно подтверждает непреложность этого закона. Внутреннее расположение человека к добру как фактор достижения наивысшего духовного благополучия, возможности обнаружения действительного смысла жизни и ее оправдания есть должный порядок вещей, хотя, конечно, это не означает непереносимое наличие такового в действительности. Незрелым нравственным сознанием и ложным представлением о нравственности как об исключительно внешнем социально обусловленном строе сложившихся моральных предписаний (нравов), крайне низким уровнем нравственного развития современного общества можно «обосновывать» нормальность постоянной относительности и изменчивости норм нравственности, как и норм права, однако это лишь подтверждает не отсутствие абсолютного закона добра, а наше чрезвычайно далекое положение от его действительного уяснения на пути нравственного совершенствования.

В жизни влияние нравственных императивов на правовую действительность чрезвычайно велико. Особенно это ощущается в процессе применения правовых норм, когда адресат, в отношении которого применяется норма, соизмеряет оказываемое на него воздействие со своей внутренней духовно-нравственной конституцией и когда лицо, фактически принимающее правоприменительное решение (выносящее постановление, приговор по делу), накладывает на это решение свой нравственный отпечаток, что, смеем надеяться, не подлежит сомнению. Следователь, который только что и должен в конечном счете, как применить норму права – квалифицировать общественно опасное деяние, в процессе расследования гипотетически стремится к так называемой объективности, что напрямую предполагает максимальное нравственное безразличие – законодатель требует от него «принять все предусмотренные законом меры по всестороннему, полному и *объективному* исследованию обстоятельств уголовного дела» (курсив наш. – В. П.) (ч. 1 ст. 18 УПК Республики Беларусь) [5]. Но как понимать такого рода предписанную объективность, а главное, каким образом ее достичь в действительности? Ясно: истина есть, и она одна, но познать ее возможно лишь через *субъекта*, в том числе его внутреннюю духовную систему ценностей, ведь, несмотря на уязвимость утверждения

теоретика уголовного права Б.А. Куринова (в используемом им контексте) о том, что «с точки зрения лица, производящего расследование и осуществляющего квалификацию преступления, эта квалификация должна носить характер *абсолютной истины*, т. е. правовая оценка должна быть единственно правильной, исключающей какую-либо иную альтернативу» (курсив наш. – В. П.) [6, с. 9], он оказывается прав – абсолютность истины, предполагающая всестороннее, полное и объективное расследование, определяется именно «с точки зрения лица», т. е. самим следователем и не иначе. Сам законодатель в скрытой форме указывает на это: «суд, орган уголовного преследования оценивают доказательства, руководствуясь законом и *своим внутренним убеждением*, основанным на всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств уголовного дела в их совокупности» (курсив наш. – В. П.) (ч. 1 ст. 19 УПК). Получается парадокс: *требование объективности предполагает субъективный способ его осуществления*. В этом весь секрет, ведь с точки зрения формальной логики иного быть не может. Поэтому-то и конструкция «внутреннее убеждение», которую использует законодатель в действующем уголовно-процессуальном законе, и термин «социалистическое правосознание», употреблявшийся в предыдущем УПК (от 29 декабря 1960 г.), по сути, выражают одно и то же: *уголовно-правовая квалификация и решение по делу в целом основываются на законе и на внутренней системе ценностей – общем оценивающем взгляде следователя на факт деяния и отражении этого взгляда в материалах уголовного дела*. А обуславливающей регулятивной системой среди прочих правил поведения, как мы уже смогли убедиться, является нравственность с имманентно присущим ей законом. В.Г. Шумихин, например, в данной связи справедливо отождествляет внутреннее убеждение с нравственным понятием «совесть»: «...оценка доказательств по делу и процесс квалификации представляют собой единую мыслительную деятельность правоприменителя по своему внутреннему убеждению, руководством которой являются закон и *совесть*» (курсив наш. – В. П.) [7, с. 123].

Таким образом, объективность как нравственное безразличие есть своего рода фикция, поскольку объективность реализуется через субъекта, следователя, а последний, как и всякий вменяемый человек, не может быть нравственно безразличен – такова уж природа нравственности. Закон добра требует от него или принять, или отказаться от нравственно должного – третьего здесь логически быть не может: остаться нейтральным относительно нравственного долга в принципе невозможно, поскольку, как в свое время весьма точно заметил Л.М. Лопатин, для такой «нравственно-невозможной середины» в нашей речи нет даже и названия [8, с. 317]. Поэтому в некотором смысле нравственный закон беспощаден – он требует от человека дихотомического

выбора между добром и злом, предоставляя ему возможность свободно определиться самому. Так вот этот акт самоопределения с точки зрения требований, предъявляемых к сотрудникам следственных подразделений, в действительности должен представлять собой не голую и холодную объективность, а *нравственно совершенную субъективность*, иными словами, следователь должен представлять собой лицо с укорененными духовными ценностями, именно укорененными, а не просто знающее о существовании таковых, поскольку в противном случае, несмотря на установленные законодателем правовые пределы, при формальном соблюдении уголовно-процессуальных требований всесторонности, полноты и объективности его деятельность в конечном итоге может привести к крайне печальным результатам. Так часто и получается, что неразвитое нравственное сознание подвергается отклонению не в ту сторону под воздействием различного рода соблазнов и одновременно откровенно сложных условий следственной работы, в результате чего наблюдается не просто некачественное расследование уголовных дел, но и совершение различных служебных проступков вплоть до преступлений против правосудия, интересов службы. При этом такие следователи без учета уровня их нравственного состояния нередко вроде бы представляют собой лучшие образцы правоохранителей и уровень их правового сознания оценивается как весьма высокий. Но в том то и дело, что сама категория «правовое сознание», которой руководствуются правоведа для обозначения системы взглядов, идей, теорий, представлений, оценок, чувств индивида по отношению к правовой действительности, оказывается пустой и бесцельной, если она не основывается на нравственном сознании, ее обуславливающим. Правы те исследователи, которые хотя и ограничиваются категорией правового сознания в определении качественных показателей деятельности сотрудников органов внутренних дел, однако в структуре правосознания определяющую роль отводят такому элементу, как правовая мораль, который в действительности есть не что иное, как нравственное сознание субъекта.

Какие же нравственные требования должны быть предъявлены к следователю и самим следователем к условиям его службы? Мы уже сказали, что однозначно следователь наряду с тем, что должен обладать профессиональной компетентностью, должен представлять собой нравственно состоятельную личность, личность с укорененной конституцией духовно-нравственных ценностей. Сегодня, конечно, не только для юридической практики, но и для юридической науки это положение представляет собой проблему: отсутствие разработки данной темы в исследованиях правоведов очевидно, однако теоретическая рефлексия относительно реализации данного требования неизбежна. В пользу этого требования о духовно-нравственной состоятельности можно

привести многие аргументы: это и обуславливающий характер нравственности по отношению к правовым нормам, и гарантия недопущения профессиональной деформации, и возможность чувствовать правоприменительную ситуацию и определять тот вариант разрешения дела, который действительно снимает конфликтную жизненную ситуацию, в конце концов, умение соизмерять правоприменительное решение с нравственно должным положением вещей и той конечной целью, к которой стремится законодатель, что и предписывает нам в оценочной форме сам уголовно-процессуальный закон, определяя в качестве одной из своих задач утверждение справедливости (ч. 2 ст. 2 УПК). Это, конечно, не означает бездумной идеализации, некоего прощения всем и всего во имя любви, ибо само такое прощение и любовь будут ложными, безнравственными и несправедливыми, но требует стремления к вынесению эффективного правоприменительного решения на основании действительного уяснения существа разрешаемого дела во всей системе его характеристик. И не важно то, кто находится перед следователем, – нравственный долг требует своего исполнения. Как заметил Л.М. Лопатин, «для истинной этики *каждый* имеет такую же цену, как и *все*; в ее глазах нравственное право самого ничтожного и незаметного человека бесконечно выше наиболее осязательных выгод самой огромной толпы» [8, с. 184]. Более того, можно сказать, что только в этом нравственно развитый следователь может найти действительное душевное благополучие, только такой подход к работе является надлежащим и только такое отношение к правоприменению способно приблизить право еще на один шаг к бесконечной нравственной цели.

Что касается нравственных требований к условиям службы, то это также немаловажное обстоятельство для эффективной реализации нравственных норм в следственной практике. Во-первых, сам уголовный (материальный и процессуальный) закон должен быть обращен пусть в некоторой степени и обусловленной уровнем современного развития общества, но все же к нравственной цели, иначе это может вызвать диссонанс между духовно-нравственными ценностями следователя и требованиями законодательства. Во-вторых, правоприменительная практика в конкретном подразделении должна развиваться в направлении действительной реализации стоящих перед уголовным процессом задач (ст. 7 УПК), причем не только по букве, но и по духу и смыслу. В-третьих, должное нравственное состояние коллектива, в первую очередь руководящего звена, также является своего рода гарантом максимальной реализации нравственных целей.

В заключение еще раз отметим, что в контексте деятельности сотрудника органов внутренних дел имеет смысл рассматривать нравственность как акт свободного расположения нашей воли к добру самому по себе и внутреннего согласия нашего ума с истиной как таковой с

последующим выражением этого акта вовне. Нравственный принцип, который заключен в человеческой природе, представляет собой изнутри идущее расположение к добру, или внутреннюю восприимчивость к истине (объективный закон добра), что, однако, исходя из сущности нравственности как акта свободного самоопределения не исключает нарушения этого принципа и отпадения человека в лоно безнравственности. Поскольку же по отношению к праву, как требуемому законодателем внешнему выражению воли в установленных правовой нормой пределах, равно как и иным социальным нормам, нравственность является обуславливающим элементом, неременным требованием к сотрудникам органов внутренних дел и условиям их службы является нравственная состоятельность.

Нравственная состоятельность помимо своего личного, профессионально-антропологического измерения является определяющим фактором и во всех срезях правоохранительной деятельности органов внутренних дел, начиная с профилактической деятельности по предотвращению семейно-бытовых конфликтов и заканчивая квалификацией преступлений. Значение и состоятельность внутреннего, духовно-нравственного содержания субъекта здесь становится фактором состоятельности уже всей правоохранительной деятельности.

5.2. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел как предмет философско-правовой рефлексии

5.2.1. Проблемы уголовно-правовой квалификации и практики ее осуществления в философско-правовом аспекте

Квалификация преступлений, несмотря на ее разностороннюю разработку специалистами в области уголовного права, продолжает оставаться одним из самых проблемных вопросов в практической деятельности органов уголовного преследования. Согласно своему юридико-прикладному назначению вопросы квалификации преступлений разрабатываются в основном специалистами уголовного права, и с этой точки зрения данный институт исследован достаточно обстоятельно. Работы Л.Д. Гаухмана, А.А. Герцензона, В.Т. Калмыкова, В.Н. Кудрявцева, Г.А. Левицкого, А.В. Наумова, А.С. Новиченко, В.Г. Шумихина, В.М. Хомича и ряда других авторов содержат ценный материал относительно теории квалификации и практики ее применения. Однако интересно взглянуть на проблему квалификации под иным углом зрения – посмотреть на квалификацию глазами теоретика, если угодно – философа права, абстрагировавшегося от уголовно-правовой науки субъекта, при этом имеющего в виду эту самую науку как конечную сферу единственно возможного приложения полученного теоретического результата. Предлагаем рассмотреть квалификацию на двух уровнях –

как самостоятельное правовое явление вне субъекта уголовно-правового познания и в связи с познавательной деятельностью правоприменителя. Согласно такой установке процесс познания следует условно разделить на изучение квалификации как *объекта*, т. е. на познание ее как таковой вне связи с субъектом осуществления, можно сказать с догматической точки зрения, и на изучение квалификации в связи с *субъектом* ее осуществления, в процессе ее реализации, т. е. преимущественно с практической точки зрения. Краткое теоретическое исследование с элементами философско-правового анализа позволит выявить некоторые проблемы уголовно-правовой квалификации и в общей форме обозначить пути их разрешения.

Должное догматическое изучение уголовно-правовой квалификации невозможно осуществить без выхода за рамки самой теории квалификации. В связи с этим первым проблемным положением, которое мы предлагаем рассмотреть в выделенном нами объективном блоке исследования, является *теоретическая сложность и многоаспектность самой теории квалификации*.

Квалификацию преступлений, представляющую собой процесс, имеющий в своей сущности конечной целью всегда конкретный результат, можно рассматривать через соответствующие философские категории как процедуру отыскания проявленному в наличном бытии некоторому фактическому *содержанию* соответствующей юридической *формы*. На языке уголовного права это означает определение юридической сущности преступления, проявляющееся как «соотносимое с уголовным законом суждение об определенных фактах объективной действительности» [9, с. 4]. При этом квалификация будет должной только в том случае, когда конечный результат выразится в адекватном соответствии фактического содержания юридической форме, по-другому – в соответствии признаков фактически совершенного деяния (содержания) признакам состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой или их определенной совокупностью (форме). А.И. Рарог по этому поводу верно отмечает, что сам смысл слова «квалификация» (от лат. *qualitas* – качество, *facio* – делаю) уже заключается в установлении качественной характеристики определяемого объекта [10, с. 14].

Исходя из такого элементарного представления о квалификации преступлений, очевидно, что последняя является сложной процедурой, которая уже по своему характеру содержит в себе некоторое внутреннее противоречие. Дело в том, что определенный факт наличного бытия (деяние), который для субъекта квалификации представляет собой факт-данность – нечто объективно данное и предстоящее перед ним объективно независимо от того, что и совершен определенным лицом во времени ранее, он должен квалифицировать – соотносить с субъек-

тивно наличествующим правом, должен вложить это проявленное фактическое содержание в установленную законодателем правовую форму. Но такое соотнесение *естественного* содержания с *искусственной* формой уже само по себе затруднительно, ибо форма в этом случае является не чем иным, как субъективным установлением законодателем посредством юридических средств определенных правовых норм, их совокупных конструкций и правил применения (квалификации), юридического улавливания фактического содержания. При этом следует иметь в виду, что законодатель способен оформить лишь уже некоторое существующее содержание, т. е. он всегда запаздывает в таком оформлении. Поэтому квалификация того или иного деяния может быть неверна не только с формально-юридической, но и с фактической стороны, поскольку сама эта норма в действительности может, так сказать, не оформлять проявленное содержание, недооформлять либо переоформлять его.

Данная проблема юридической науке известна давно, и связана она с вполне естественным свойством постоянной подвижности, сложности и многоаспектности оформляемых правовыми нормами социальных отношений, их развитием, смещением, видоизменением и иными присущими им качественными и количественными характеристиками. Более того, эта на первый взгляд несущественная с практической точки зрения проблема, обусловленная якобы чрезмерной идеализацией взглядов на квалификацию преступлений, является на самом деле одной из основных причин фактической неразрешимости проблемы адекватного правового регулирования общественных отношений в целом. Но если в области регулятивного права невозможность адекватного помещения фактического содержания в юридическую форму ощущается не так остро, то для охранительного правового регулирования последствия гораздо тяжелее, в том числе в ситуации с квалификацией преступлений. В этой связи следует обратить внимание на мнение В.Н. Кудрявцева, который считает, что квалификация преступлений «...в действительности имеет глубокий социально-политический смысл... поскольку правильно квалифицировать преступление – это значит применить тот закон, который точно соответствует содеянному, дает верную оценку действиям обвиняемого, отражает интересы общества и ограждает права и свободы личности» [11, с. 6]. В данном высказывании, на наш взгляд, речь идет лишь о *формально-юридической* правильности квалификации и не иначе, рассчитанной на адекватный уголовно-правовой закон, который сам по себе способен *точно* оформить любое фактическое содержание, что, как известно, бывает далеко не всегда, и, пожалуй, именно в таком высказывании можно усмотреть излишнюю идеализацию. Приведенные выше соображения не позволяют согласиться по данному вопросу с позицией Б.А. Куринова, кото-

рый отмечает буквально следующее: «С точки зрения лица, производящего расследование и осуществляющего квалификацию преступления, эта квалификация должна носить характер *абсолютной истины*, т. е. правовая оценка должна быть единственно правильной, исключаящей какую-либо иную альтернативу» [6, с. 9]. Здесь автор хотя и делает оговорку «с точки зрения лица», но и она полностью не устраняет очевидную противоречивость такого утверждения, если исходить из самой онтологической сущности квалификации преступлений.

Таким образом, одним из существенных затруднений, с которыми сталкивается квалификация преступлений еще на стадии ее догматического становления, является противоречие, выражающееся в предположительной проблематичности адекватного отражения объективного факта наличного бытия в нормативно-правовом установлении законодателя.

Еще одной проблемой уголовно-правовой квалификации, вытекающей из существа уголовно-правовой охраны общественных отношений, является *ее процессуальный и комплексный характер*. В научной литературе понятие квалификации нередко разделяется на процесс и результат этого процесса [11, с. 5]. В аналитическо-познавательных целях выделение самого процесса квалификации и его результата, видимо, можно производить, однако по своей сущности квалификация, равно как и иной любой процесс, представляет собой некую единую протяженность, которая имеет начальный, промежуточный и конечный результат, причем применительно к квалификации преступлений каждый из этих этапов можно в той или иной степени обнаружить и зафиксировать.

Свойство протяженности (процессуальности) квалификации определяется сущностью единого процесса уголовно-правовой охраны общественных отношений, что, в свою очередь, и обусловило объективное становление двух отраслей уголовного права – материальной и процессуальной. Если уголовное материальное право определяет, выражаясь используемыми нами здесь терминами, саму юридическую форму, или, по-иному, пытается создать адекватную правовую матрицу наличному фактическому содержанию в статичном состоянии, то нормы уголовно-процессуального права имеют своим функциональным назначением помещение проявленного содержания в созданную материальным правом юридическую форму, что и можно осуществить лишь посредством определенных действий в некоем протяженном во времени процессе. С этой позиции квалификация преступлений в действительности должна быть отнесена к отрасли процессуального права, хотя основания для начала квалификации и ее завершения всегда содержатся в материально-правовом законе. Из этого совершенно не должно следовать заключение, что проблема квалификации преступле-

ний является проблемой только материального или только процессуального права. Такого рода деление при рассмотрении вопроса о квалификации преступлений вообще несостоятельно, поскольку функция уголовно-правовой охраны в каждом случае нарушения закона может осуществиться лишь посредством применения материально-правовой нормы к конкретному факту, что, однако, возможно сделать лишь посредством процессуально-правовых норм. Прав В.Г. Шумихин, когда говорит о постоянной связанности квалификации процессом уголовно-процессуального познания: «...ни законодательство, ни практика не определяют и не могут определить, когда заканчивается одна мыслительная деятельность – по оценке доказательств и начинается другая – по уголовно-правовой оценке совершенного деяния. Квалификация преступлений включена в процесс уголовно-процессуального познания...» [7, с. 123]. Поэтому квалификация преступлений в данном отношении всегда *двуедина* – она есть придание материальному праву состояния определенности и конкретности посредством норм процессуального права. Хотим мы того или нет, каждый случай нарушения уголовно-правового запрета влечет сложную комплексную и в то же время единую материально-процессуальную деятельность конкретного лица (следователя, дознавателя, прокурорского работника и т. д.) по отысканию соответствующей формы для проявленного содержания. Некоторые исследователи на основании аналогичных выводов небезосновательно предлагают выделять особую разновидность правовых отношений – правоприменительные отношения, которые как раз и представляют собой комплексное единство на основании материально-процессуальных правовых норм [12].

Но в чем же заключается объективная сложность материально-процессуального и по существу двуединого статуса квалификации? На наш взгляд, комплексность квалификации с точки зрения необходимого функционирования материального и процессуального законов в процессе ее осуществления, а равно следующий из этого процессуальный характер самого квалификационного механизма не позволяют говорить о точном и единообразном приложении последнего к каждому жизненному случаю (общественно опасному деянию). Причина этого наглядно проявляется в процессе реализации квалификации через рассмотрение ее в связи с субъектом осуществления.

Фактор субъекта, несмотря на наличие системы объективного права, которое, казалось бы, нужно только применить к конкретному жизненному случаю, тем не менее, продолжает оставаться если не первым, то отнюдь не последним по значимости при квалификации преступлений. Не является открытием положение о том, что «успех в решении юридического дела обеспечивается во многом субъективным стремлением правоприменителя к истине» [13, с. 56]. Конкретный дознаватель,

следователь, прокурор – именно эти субъекты уголовного процесса и призваны фактически осуществлять квалификацию деяний. Квалификация эта носит, как мы уже отмечали, протяженный, процессуальный характер, она отнюдь не похожа на одномоментное теоретическое решение задачи по уголовному праву с заранее известными составляющими. Процесс квалификации есть, в сущности, процесс собирания, проверки и оценки доказательств, причем оценки «по закону и своему внутреннему убеждению» (ч. 1 ст. 19 УПК). Уже само формально-юридическое признание законодателем *внутреннего убеждения* в качестве критерия оценки доказательств – конкретных оснований для уголовно-правовой квалификации – указывает на субъективную сложность осуществления последней. Ведь именно внутреннее убеждение, как мы уже отмечали, выражающееся, по сути, в общем оценивающем взгляде правоприменителя на факт деяния и отражении этого взгляда, как правило, в материалах уголовного дела, выступает источником для квалификации содеянного по той или иной норме закона.

Каков может быть выход в разрешении вопроса о субъективном внутреннем убеждении каждого правоприменителя? Вся система подготовки лиц с высшим юридическим образованием по соответствующей специализации должна быть направлена на некую унификацию этого свойства субъекта. Конечно, сделать из человека механизм, способный единообразно оценивать обстоятельства и их квалифицировать, невозможно и не нужно, однако повышать уровень подготовки, в частности, в связи с познанием сущности уголовно-правовой квалификации (квалификации преступлений) с учетом описанных нами выше особенностей представляется необходимым. Здесь мы имеем в виду прежде всего максимальное сближение в учебном процессе преподаваемых курсов материального и процессуального права, причем это должно иметь место после должного усвоения обучаемыми положений каждой отрасли отдельно – материальной и процессуальной. Но даже не в этом сама цель. Можно прекрасно владеть теоретическими знаниями по одной и второй отрасли права, но быть неспособным связывать их воедино в процессе расследования уголовных дел, квалификации преступлений. К моменту окончания обучения слушатель должен прежде всего иметь системное представление о взаимодействии права и процесса, верно понимать функциональное назначение в охранительном правовом регулировании каждой отрасли, представлять себе их значение при квалификации. Если материально-правовой закон, по существу, обнаруживает себя лишь на стадии окончания процесса (при окончательной уголовно-правовой оценке деяния судом), хотя на стадии возбуждения уголовного дела и в процессе расследования он также предварительно реализуется (так называемая первоначальная и промежуточная квалификация), то с этой точки зрения *именно в процессу-*

ально-правовых нормах и через них происходит наполнение процесса квалификации ее основаниями. Справедливо, видимо, даже говорить здесь о приоритете процессуального закона над материальным, поскольку именно процесс есть форма отражения, которая и является единственным основанием сказать, что имело место в действительности. Например, если нас попросят квалифицировать то или иное деяние, мы спросим об условиях, обстоятельствах его совершения и прочих подробностях и дадим затем свой ответ, однако он может существенно измениться после того, как мы ознакомимся с материалами уголовного дела. Приблизительно то же и здесь – как отражено и оформлено, так и разрешается, тот закон и применяется. Но ведь само отражение оснований в соответствующей процессуальной форме не есть данность, оно всегда осуществляется не кем иным, как лицом, применяющим закон. И вот здесь главное – *все в итоге замыкается на конкретном правоприменителе, на его способности адекватного отражения материального содержания в процессуальной форме.*

Эти вещи должны быть очевидны для начинающего специалиста, поскольку они обуславливают действительное усвоение им навыков его профессии. Вопрос же относительно того, как выработать способность этого самого максимально адекватного отражения содержания в форме, на наш взгляд, в некоторой части выходит за рамки юридического образования и касается прежде всего духовно-нравственных, а также социально-психологических особенностей лица, применяющего закон, о которых мы уже вели речь в соответствующих параграфах настоящего исследования.

Среди проблем практического осуществления уголовно-правовой квалификации продолжает оставаться едва ли не самой насущной проблема ошибок, совершаемых органом уголовного преследования, судом при квалификации содеянного. Известно, что правильная квалификация с точки зрения выражения государственной воли позволяет говорить о точечном воздействии на того или иного преступника, причем не только о превентивном и карательном воздействии, но и нравственном и социально-политическом осуждении лица либо, напротив, его оправдании [11, с. 22]. Пленум Верховного суда Республики Беларусь в своих правовых актах постоянно указывает на необходимость правильной оценки обстоятельств при квалификации деяний, разъясняет применение отдельных положений уголовного закона, формулирует общие принципы квалификации [14–16]. Тем не менее существует ряд негативных причин, не связанных непосредственно с незнанием теории квалификации, но в целом существенно влияющих на становление практики неправильной квалификации, приобретающей, к сожалению, обычный характер. Речь идет о так называемых *обыкновенных правоприменительной практики*, которые знакомы каждому, кто по

роду своей профессии сталкивался с уголовно-правовой квалификацией. Здесь можно указать ряд причин, способствующих становлению практики неправильной квалификации. Остановимся на так называемых организационно-управленческих и тактических причинах.

Организационно-управленческие причины основаны в большинстве случаев на таких обстоятельствах, как неверное представление контролирующих, надзирающих должностных лиц о сущности уголовно-процессуального статуса следователя и его должного обеспечения (ст. 36 УПК), ядром которого является его фактическая процессуальная самостоятельность, в том числе в оценке деяния, его окончательной квалификации и полной юридической ответственности за это; порой излишние ведомственные нормативные и ненормативные правовые акты, указания различных должностных лиц вышестоящих служб (служб зонально-линейного контроля и т. д.) с непосредственным вмешательством в процесс расследования вплоть до квалификации содеянного; нежелание опытных сотрудников, в том числе руководителей органов, в отдельных случаях менять сложившуюся практику по квалификации того или иного деяния под предлогом обыкновенной нормальности такого варианта окончания расследования и успешности для органа уголовного преследования рассмотрения уголовного дела судом (вынесения обвинительного приговора) и т. п.

Тактические причины в основе своей всегда имеют расчет на недопущение негативных, прежде всего дисциплинарных, последствий для органа уголовного преследования в результате рассмотрения дела конечной инстанцией, являются своего рода перестраховкой лишь с одной целью – обезопасить себя в указанном смысле. Такой подход, к сожалению в последнее время нередко преобладающий в системе органов уголовного преследования, представляет собой не что иное, как подмену принципа законности целесообразностью, по-другому – подмену «законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела» (ст. 102 УПК) удобным и безопасным его разрешением для органа уголовного преследования. Хорошо, когда первое и второе, законность и такого рода целесообразность, совпадают. А если нет? К подобным случаям относится сложившаяся практика квалификации деяния по принципу последующего исключения, т. е. вменения обвиняемому максимального количества («с запасом») уголовно наказуемых деяний с учетом последующего исключения отдельных эпизодов обвинения в судебном заседании (это позволяют делать ч. 4, 5 ст. 301 УПК). Следует, конечно, сказать, что и сам государственный обвинитель, да и суд в процессе судебного разбирательства нечасто применяют указанную норму, что в конечном счете влечет существенное ухудшение правового положения обвиняемого, а затем и осужденного в результате такой квалификации «с запасом».

Теми же тактическими соображениями обосновывается порядок квалификации преступлений органами уголовного преследования, отражаемый в окончательном постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого (ст. 240, 241 УПК). В отношении несложных (простых) единичных преступлений, как правило, трудностей не возникает, однако они появляются при необходимости правильно квалифицировать множественность преступлений – преступления по признаку повторности, совокупности, а также сложные единичные преступления – и, что немаловажно, установить в каждом конкретном случае именно тот вид преступления, который имеет место в действительности. Здесь, конечно, необходимо иметь в виду вопросы, которые были рассмотрены нами выше при анализе объективных проблем уголовно-правовой квалификации. Это и неоднозначность правил квалификации в рамках самой теории, обусловленная ее сложностью и многоаспектностью применения, и разворачивание ее в динамическом аспекте с постоянно изменяющимся фактическим содержанием в ходе расследования уголовного дела, и ряд иных объективных факторов. Но помимо такого рода объективных причин в большей степени практика неправильной квалификации обуславливается все же субъективным фактором – незнанием теории и нежеланием правоприменителя квалифицировать правильно. Правильная квалификация возможна лишь при неплохом, вернее, отличном знании теории квалификации, но и этого недостаточно. Разнообразие фактических жизненных ситуаций, всегда опережающих формальные правила, следующие отсюда сложности самой теории, соединенные с организационно-управленческими и тактическими проблемами правоприменительной деятельности, создают благодатную почву для уклонения от должной квалификационной деятельности.

Выявленные проблемы должны учитываться на всех уровнях единого процесса совершенствования квалификационной деятельности. На концептуальном уровне необходимо представлять теорию квалификации во всей системе объективно присущих ей онтологических противоречий и использовать установленные пределы уголовно-правового познания при разработке и совершенствовании теоретических положений и законодательных конструкций; на практическом уровне – совершенствовать процесс обучения квалификационной работе, а также реально обеспечивать должный правовой статус сотрудников органов уголовного преследования, в случае возникновения ошибок в квалификации тщательно изучать причины таких в учетом всех выявленных положений.

Во многом, если не во всем, высокий уровень уголовно-правовой квалификации, отсутствие ошибок в вынесении постановлений о привлечении лица в качестве обвиняемого обеспечиваются должным качеством самого уголовного закона, в особенности в части изложения конкретных составов преступлений. Это, в свою очередь, зависит не

только от юридико-технического качества и отработанности Уголовного кодекса, но и от концептуального, метаюридического уровня осмысления, выработки подходов прежде всего научной юридической ответственностью, а затем, как следствие, и законодателем к самому феномену преступления как таковому, его социальным основаниям. Не секрет, что высокая подвижность и качественная трансформация общественных отношений сегодня вынуждают законодателя постоянно использовать такой инструмент, как криминализация/декриминализация деяний, постоянно принимать, изменять, дополнять, отменять уголовно-правовые нормы, соответственно сужать или расширять понятие общественной опасности, смещать барьеры между уголовно-правовым, административно-правовым и гражданско-правовым регулированием и т. д., что не самым благоприятным образом сказывается на правовом регулировании. В данных условиях необходим научный анализ предельно высокого уровня с выходом на выработку уголовной политики и стратегии, которые бы позволили определить концептуальный статус феномена преступления, наказания и иных структурообразующих уголовно-правовых категорий. Только это и может обеспечить эффективность уголовного закона в условиях социальной транзактивности. Ниже представлен философско-правовой срез феномена преступления.

5.2.2. Философия преступления:

преступление как следствие нравственного падения человека

Известный германский криминолог конца XIX – начала XX в. Ф. фон Лист предлагал всякое преступление рассматривать с двух точек зрения – с технико-юридической, в соответствии с которой преступление анализируется как факт нарушения правового запрета, и с естественно-исторической, когда факт преступного нарушения закона познается через систему биологических и социологических предпосылок девиантного поведения. Такой взгляд на сущность преступления, на его истоки стал популярным с развитием позитивистской методологии, которая во многом определяет исследовательские границы преступности и сегодня. Познание преступления, определение его генезиса предлагается осуществлять, во-первых, посредством анализа юридической формы опасного для общества деяния, во-вторых, путем изучения биологических детерминантов преступности, которые, по сути, сводятся к психологической мотивации преступления, и, в-третьих, на основе исследования условий жизни общества и той непосредственной социальной среды, в которой сформировался преступник. Самое интересное, что можно заметить в таком подходе, так это то, что та составляющая человеческой природы, которая на базовом уровне отвечает за акт самоопределения человека по отношению не только к правовому, но и к любому иному дозволению или запрету, т. е. к тому, что допустимо, а что

недопустимо, – нравственность (этичность, моральная конституция, уровень культурности и т. д. – используются различные термины, хотя не все из них в литературе употребляются верно) – вообще не затрагивается. Между тем несложно убедиться, что всякое преступление является в целом таковым лишь постольку, поскольку общество воспринимает его как противное, недопустимое и опасное для него деяние. Но вопросы «допустимо или недопустимо?», «можно или нельзя?», «опасно или безопасно?» всегда в конечном счете обуславливаются определением «хорошо или плохо», а это и есть прерогатива нравственного сознания.

Разумеется, и формально-правовые характеристики преступления, и биологические, психологические предпосылки развития преступника, и та социальная среда, в которой он сформировался, в каждом конкретном случае помогают уяснить причины совершения преступления. Более того, учетно-регистрационная дисциплина в правоохранительной деятельности обязывает соответствующие органы устанавливать причину преступления с известной точностью. Однако корыстные побуждения состоятельного с финансовой точки зрения лица, например при получении взятки, с одной стороны, и честная жизнь человека на грани нищеты, под любым предлогом отказывающегося нарушать закон, – с другой, решительным образом ничего не объясняют. Мотив совершения преступления в первом случае вроде бы понятен – корысть. Но где истоки этой гипертрофированной, как объясняет толковый словарь В. Даля это слово, «страсти к приобретению, наживе, жадности, любостыжанию» у такого человека и почему в другом случае нищий всю жизнь просит милостыню, а закон не нарушает? На основе одних лишь биологических и социальных факторов (не говоря уже о формально-юридических) совершения преступления непротиворечиво вскрыть его природу невозможно.

Доказательства недостаточности формально-правовых, биологических и социальных признаков – по сути, внешних признаков, характеризующих преступника и совершенное им деяние, мы приводить не будем. Наша задача заключается в том, чтобы *показать значение внутреннего духовно-нравственного мира человека и обосновать абсолютную связь между состоянием этого мира и совершаемыми человеком противоправными деяниями.*

Взаимосвязь между нравственным состоянием человека и совершаемыми им поступками абсолютна, т. е. не зависит ни от каких внешних обстоятельств и условий. Безусловность данной связи доказывается наличием у человека такого свойства, которое не присуще ни одному другому существу в мироздании, – речь идет о свободе человека. Там, где нет свободы, нет и ответственности и не может быть ни права, ни нравственности – таков общий вывод И. Канта в его учении о свободе. Но что есть человеческая свобода? Наиболее верно сущность свободы в интересующем нас аспекте вскрывает Ф.В. Шеллинг: «Реальное и живое

понятие свободы заключается в том, что она есть способность к добру и злу» [17, с. 102]. Итак, в приложении к преступлению свобода представляет собой возможность поступать правомерно либо противоправно, исходя из внутреннего самоопределения человека. Это не значит, конечно, что внешние причины и обстоятельства вообще не влияют на факт совершения преступного посягательства. Но если мы будем утверждать, что только в них и через них человек совершает противоправный поступок, то мы лишим человека свободы, поставим его в один ряд с природным миром, тем самым сделаем человека слепым орудием природного процесса, как говорил В.С. Соловьев, «слепым орудием вещества». А там, где нет свободы, нет и ответственности, поскольку вину за совершенное деяние следует возлагать уже не на человека, а на те условия и обстоятельства, которые совершенно абсолютно детерминировали совершение преступления.

Очевидно, что теория социальных факторов совершения преступления, психологизм, биологизм и им подобные концепции в принципе не могут претендовать на исключительность в объяснении природы преступности. *Преступление всегда и прежде всего есть факт нравственного падения человека, т. е. склонения его воли в условиях совершенной свободы (а такая присутствует у субъекта преступления всегда) к злу.* Это первичное и базовое основание всякого преступления, социальные же причины преступности, наследственная предрасположенность и иные внешние факторы лишь создают благоприятную (или неблагоприятную) среду для совершения человеком своего нравственного выбора.

В связи с вышеуказанными выводами становится актуальным вопрос о методологических подходах к исследованию преступности и законодательном отношении к ее проявлениям. В советской юриспруденции существовала методологическая установка на полное искоренение преступности, а в последнее десятилетие развилась другая крайность – методология, в некоторой степени оправдывающая существование так называемого контролируемого уровня преступности. В частности, в законодательных конструкциях эта особенность проявилась в замене термина «борьба с преступностью» термином «противодействие преступности», что рядом исследователей трактуется как признание принципиальной невозможности искоренения преступлений и в то же время автоматическое санкционирование допустимости существования определенного (так называемого нормального) уровня преступности государством. Более того, речь идет даже о якобы некоторой полезности существования такого определенного уровня преступности. Но если невозможность искоренения преступности является практически достоверным историческим фактом, следствием повсеместного падения нравственного сознания, то санкционирование определенного уровня преступности, по сути, может привести к оправданию преступления, т. е. к сознательному

искажению сущности человеческого самоопределения в свободном волевом акте. Вряд ли кто-то выскажет сомнение, в том что в пространстве свободы человеку всегда следует склоняться к добру. Поэтому формально-юридическое отношение законодателя к преступности должно все же состоять в стремлении однозначного устранения преступности и сознательном выражении данного стремления через уголовную политику государства, пусть даже и при гипотетическом признании невозможности достижения конечного результата. Всякое сомнение в этом деле на уровне государственной политики может привести к опасности появления договорных отношений с преступным миром и искажению нравственных представлений самих правоохранителей.

Таким образом, очевидно, что конкретный уголовно-правовой анализ преступного поведения учеными-правоведами, законодателем при работе с уголовным законом должен базироваться на метаюридическом понимании релевантных сдвигов духовно-нравственных содержаний при работе с конкретным составом преступления. Исходя из этого всякая криминализация/декриминализация деяний обязательно должна быть сопоставлена с традиционной онтологической моделью того общества, в котором действует и на которое рассчитан уголовный закон, поскольку эти самые духовно-нравственные содержания рождаются не в области юридического, а в области нравственно-социального, однако они встроены в право, в нем они обнаруживают свое незримое на первый взгляд присутствие, которое и обеспечивает социальную ценность конкретной правовой системы. В этом сегодня весьма показательной является проблема самого тяжкого уголовно-правового наказания – смертной казни, которое сегодня исчезает с уголовно-правовой карты Европы. В связи с задействованием в самом уголовно-правовом запрете смертной казни глубоких онтологических содержаний каждого народа, нации допустимость/недопустимость наказания смертью остается не только уголовно-правовой, но и серьезной социальной проблемой. Возможные направления ее решения в междисциплинарном горизонте рассматриваются ниже.

5.2.3. Смертная казнь: между нравственно идеальным и конкретно социальным

Вопрос о смертной казни, равно как и ряд иных активно обсуждаемых сегодня вопросов в области философской и юридической антропологии (так называемое право на смерть, право на жизнь, эвтаназия и т. д.), не перестает быть интересным как для научного сообщества, так и для более широкого круга общественности. Изучением данной проблемы уже достаточно серьезно занимались дореволюционные ученые, в частности А.Ф. Кистяковский, М.Н. Гернет, Н.С. Таганцев, Н.Д. Сергеевский, А.А. Пионтковский, В.А. Жуковский и др. В последние годы вопросу о смертной казни посвятили свои работы В.Е. Ква-

шис, Г.-Й. Альбрехт, А.В. Малько, И.Л. Петрухин, А.С. Михлин и ряд других специалистов. Смертная казнь широко обсуждается в средствах массовой информации, в различных политических кругах, общественных объединениях. По интенсивности исследований более обсуждаемой юридическую проблему, чем эта, вряд ли найти.

Тем не менее проблема смертной казни по сей день не нашла удовлетворительного разрешения. Из-за завесы кажущейся на первый взгляд простоты ее решения постоянно выглядывает некая неразрешимая загадка, тайна, которая грозит всякое наше решение сегодня опрокинуть реальностью завтрашнего дня. Мы чувствуем, что здесь что-то не так. И дело не в том, что при применении такой процедуры, как смертная казнь, в правовых системах различных государств возникают различные формально-правовые сложности, отнюдь нет. Дело в том, что общество осознанно или неосознанно постоянно сталкивается с некоторым нравственным неудовлетворением в этом вопросе независимо от того, применяется ли смертная казнь либо, напротив, в отношении применения данного уголовно-правового наказания введен мораторий. И в том и в другом случае имеется диссонирующая социальная и нравственная неуверенность, которая совершенно не снимается легитимностью юридических процедур «за» или «против».

Причина подобного заключается в том, что, несмотря на всестороннее стремление разрешить проблему смертной казни, этот загадочный ребус «казнить нельзя помиловать» относится к ряду так называемых вечных проблем, однозначно верного решения которых для познающего субъекта, по всей видимости, быть не может. Более того, положение еще более усугубляется тем, что нередко исследователи приступают к решению частного вопроса, оставляя неразрешенным вопрос общий, принципиальный, обуславливающий и включающий в себя всякий частный. В данной связи спор по поводу смертной казни нередко становится малоинтересным и бесперспективным, поскольку оценка качественных характеристик аргументов как одной, так и другой стороны становится практически невозможной ввиду отсутствия исходной принципиальной постановки проблемы исходя из некоего цельного мировидения субъектов относительно ее и, более того, утверждения о ненужности и бесполезности такового. Комплексное и в то же время единое системное рассмотрение вопроса имеется крайне редко, а если и появляется, то открыто игнорируется, унижается великим множеством аргументов и контраргументов. В этой связи попытка в первую очередь правильно поставить и верно взглянуть на проблему смертной казни, основываясь на целостном ее восприятии, представляется нам заслуживающей должного внимания.

В качестве основания в такой постановке проблемы используем систему нравственной философии одного из великих русских мысли-

телей В.С. Соловьева. Следует сказать, что нравственная философия последнего в общих чертах отражает взгляд большинства этических учений по вопросу о смертной казни в русскоязычной философско-правовой традиции. Более того, учение положительного всеединства В.С. Соловьева представляет собой фактически первую досконально разработанную этическую систему в русской философии [18, с. 449–450], которая в настоящее время переживает, можно сказать, свое второе рождение. Но стоит, однако, оговориться: использование опыта нравственной философии не носит для нас аксиоматического характера и не является самой целью в предрешении вопроса о смертной казни – нравственное используется здесь в качестве некоего общеметодологического ориентира во взгляде на проблему смертной казни, в том числе, как будет показано ниже, с элементами критического осмысления.

В философской системе В.С. Соловьева (равно как и в большинстве нравственных учений) уголовно-правовое наказание в виде смертной казни традиционно категорически осуждается исходя из утверждения о том, что личная свобода всякого человека при любых условиях может быть лишь ограничена, но ни в коем случае не упразднена вовсе. *Теоретическое доказательство* данного утверждения в рамках нравственной философии не составляет затруднений. Поскольку абсолютное нравственное совершенство (Добро¹) является полным, т. е. обуславливающим собой все и всех, то упразднение отдельных (преступников), пусть даже и определенно падающих по оси нравственного совершенствования вниз от Добра (для условно-картографического описания-представления обозначим его на указанной оси как «+») к злу (обозначим соответственно как «-»), абсолютное снятие их с этого пути государством отрицает указанное свойство Добра и делает его «добром большинства», что то же, – злом, поскольку в этом случае оно утрачивает качество своей полноты и безусловности. В этом случае у человека абсолютно отнимается личная свобода, как и абсолютно отнимается возможность совершенствования. По мнению В.С. Соловьева, основополагающий принцип права, заключающийся во взаимоположении общественного и частного интереса, допускает лишь ограничение второго первым, но никак не полное упразднение его, что имеет место в случае со смертной казнью, «ибо тогда, очевидно, равновесие было бы нарушено или исчезло бы чрез уничтожение одного из его терминов» [3, с. 457].

В нравственной философии (с теоретической точки зрения), таким образом, вопрос ясен и решен однозначно в пользу осуждения и недо-

---

¹ «Добро» в нравственной философии В.С. Соловьева представляет собой концепт, в соответствии с которым оно понимается как безусловное начало нравственности, обладающее самодостаточными внутренними свойствами, которое все собой обуславливает и через все осуществляется. В этической системе мыслителя всякая жизнь и всякое бытие связаны с Добром и только в этой связи имеют свой смысл.

пустимости лишения человека личной свободы как свободы нравственного совершенствования (причем не только наказанием смертью, но и иными формами «пожизненного отнятия свободы у человека» – бессрочной каторгой, бессрочным заключением, что в рассматриваемом аспекте не имеет различия). Однако так ли однозначно и просто вопрос о смертной казни решается с *практической стороны* в той же нравственной области? Как такового, практического решения вопроса о допустимости или недопустимости наказания человека смертью в нравственной философии В.С. Соловьева мы не находим. Вместе с тем очевидно, что при, казалось бы, легком теоретическом решении в рамках нравственной системы он при реальном, практическом возникновении для конкретного человека нередко вызывает ряд затруднений. Неслучайно другой русский дореволюционный философ И.А. Ильин свои размышления о необходимости сопротивления явным проявлениям зла силой изложил в отдельном известном философском трактате [19].

Сегодня уже привычной как дань европейской юридической моде стала позиция, когда вопрос о допустимости или недопустимости применения смертной казни в качестве уголовно-правового наказания с нравственной точки зрения однозначно решается отрицательно. При этом, будучи, по сути, принадлежностью области внешней – государственно-правовой, в своей первопричине отрицание смертной казни основывается здесь именно на области внутренней – нравственной. Сама логика такого основания верна, однако в правильности такого обоснования можно усомниться.

Нравственная философия (в общих чертах изложенное нами учение В.С. Соловьева), исходя из свойств абсолютного Добра, определяет необходимость для всех и каждого предоставления личной свободы совершенствования (пусть ничтожно минимальной) на пути движения от «–» к «+» по нравственной оси. При этом, повторимся еще раз, с *теоретической точки зрения* абсолютное лишение человека возможности такого движения посредством принудительного изъятия его с оси нравственного совершенствования само по себе недопустимо. Но возможно ли *практическое* наличие ситуации, когда принудительное абсолютное лишение человека личной свободы может быть оправдано самими *нравственными средствами*? Ведь XX в. знал немало случаев, в особенности имевших место нечеловеческих злодеяний, которые, казалось бы, не могут ни при каких условиях быть оправданы разумом и волей человека.

Действительное решение данного вопроса во многом зависит от того, какой критерий будет здесь использован. В рамках теоретической области нравственной философии, как было указано выше, проблема смертной казни решается, в сущности, *внесоциально* исходя из свойств самого концепта «Добро», где он представляет собой некое всеединое

целое – абсолютное Добро-начало, которое связывает и обуславливает все его части, в том числе и относительные право и государство. Но дилемма «казнить нельзя помиловать» возникает как раз в области внешней, условной, относительной – государственно-правовой, причем проявляется она всегда *конкретно социально*. В этом и заключается вся сложность практического обоснования отказа от смертной казни с нравственной точки зрения. Вопрос о наличии уголовно-правового института смертной казни, как и каждый частный случай ее применения, по существу своему всегда конкретно социален, равно какowymi являются право и государство в их положительном значении, о чем в нравственной философии фактически не упоминается. Государство и право же в рамках изложенной нравственной теории рассматриваются, в сущности, *внесоциально* на основании отвлеченного внеценностного (внесоциального) нравственного критерия – абсолютного Добра.

Каким же способом все-таки следует решать указанный вопрос – отвлеченно, как уже было продемонстрировано теоретическими средствами нравственной философии, либо конкретно социально, ценностно? Говоря по-другому, действительное решение вопроса о смертной казни следует осуществлять исходя из признания некоего Абсолютного начала, первопричины, обнимающей все составные части (в том числе право и государство), которые, будучи связаны с этим единым Великим целым-началом, только и могут обрести свой смысл через эти связи либо, совершенно отбросив в сторону идею об Абсолюте, броситься искать ответ хотя и по принципу «здесь и сейчас», но конкретно-жизненным, хорошо наглядным и понятным способом? Выбор такого рода всегда затруднителен – каждый исследователь всегда осознанно или неосознанно делает его при решении подобного рода проблем. Мы не будем делать акцент на строгом осуществлении такого выбора. Важнее, считаем, во-первых, показать саму необходимость первоначального осмысления такого положения каждым, кто соприкасается с анализируемой нами проблемой, независимо от сферы ее разрешения, во-вторых, указать на опасность всякого рода методологической редукции, сковывания окончательным выбором одной из указанных позиций или какой-либо еще, в-третьих, отметить необходимость обнаружения базовых элементов в решении проблемы именно на стыке полярных (на первый взгляд) положений.

Решение вопроса о смертной казни с позиции признания Абсолюта (абсолютного Добра) мы фактически имеем – этот вопрос, по существу, в пределах нравственной системы В.С. Соловьева теоретически уже решен. Попытаемся разобраться в исследуемом предмете конкретно практически в рамках социально-ценностной системы.

Что же представляет собой социально-ценностный подход и вообще что такое ценность? Ценность всегда представляет собой некий значи-

мый для человека объект (материальный или духовный). Ценность не есть природное свойство внешнего предмета, события, явления: в ценности отражается отношение индивида к внешнему предмету, событию, явлению. Сама по себе ценность всегда предполагает наличие субъекта оценки – того, кто оценивает, – человека единичного или собирательного, поэтому *ценность является критерием социальным*. В широком смысле ценностями, по мнению Р.Г. Апресяна, выступают «обобщенные, устойчивые представления о чем-то как о предпочитаемом, как о благе, т. е. о том, что отвечает каким-то потребностям, интересам, намерениям, целям, планам человека (или группы людей, общества)» [20, с. 143]. Ценности можно классифицировать по различным критериям, но практически все они преломляются в том значении, соответствует ли оцениваемое потребностям и интересам конкретного единичного или собирательного человека в определенно заданном пространстве и времени. С этой позиции ценности *субъект-ивны*, производны от оценки, характеристики конкретного субъекта в определенных пространственно-временных координатах. Может и должна ли такая оценка быть критерием для решения вопроса о допустимости лишения человека жизни, или, что то же самое, идентификации чего-то как проявленного зла, которое не может быть извинительным?

С момента возникновения государства ответ на этот вопрос лежит в области условной, внешней, в области встречи личной свободы и общего блага, основанной на принципе справедливого равенства, т. е. в области права. Существование различных оценок и вытекающее из этого наличие разнообразных систем ценностей у различных людей, групп, коллективов, народов объективно обусловили создание различных равновесных механизмов между этими оценками, одним из которых и выступил механизм правового регулирования. *Справедливость* выступила основополагающим принципом функционирования такого механизма (равно как и всех иных социальных механизмов) и во все времена использовалась людьми в качестве критерия добродетельной оценки чего-либо человеком, т. е. в качестве социальной добродетели. Однако следует иметь в виду, что справедливость, представляющая собой именно добродетель социальную, предполагает очень высокую степень относительности ее содержания, или конкретно-социальной изменчивости предполагаемых ею критериев. В литературе верно отмечается, что «справедливость предполагает некоторый уровень согласия между членами сообщества относительно принципов, по которым они живут» [21, с. 169]. И действительно, конкретное понимание справедливости зависит от того, какие правила, нравы в том или ином обществе установлены, и даже если они установились как не соответствующие объективно-должному, нарушение этих правил все равно будет восприниматься как несправедливость, пусть даже и во имя долж-

ного порядка вещей. Показателен в данном случае пример со смертной казнью древнегреческого философа Сократа, явно демонстрирующий высокую степень относительности содержания принципа справедливости. Афинский демос, веками вырабатывавший традицию, определявший устои, критерии справедливости, осудил по таким критериям Сократа, как человека, пошатнувшего эти социальные ценности, показавшего иной путь, открывшего новый принцип – принцип индивидуального самосознания и постижения жизни, в основе которого лежит абсолютное право индивидуального сознания на постижение внешнего внутренним [22, с. 205–300]. Вскоре же после казни Сократа демос раскаялся в содеянном, обвинители философа сами были обвинены в вынесении несправедливого приговора. Произошла трансформация социальных ценностей, изменилось содержание справедливости, а главное – произошло изменение содержания традиционного мировоззрения в движении к разработке новой универсальной ценности, называемой собственно моралью. Не зря Ф. Ницше, восхищаясь величием Сократа и называя его «деспотическим логиком» и «загадочнейшим явлением древности», говорил о сократическом повороте от инстинктивного начала жизни человечества к началу «добраго человека» с оптимистической верой в рациональность, что дало начало, по его словам, «морали толпы».

Однако что же все-таки является ядром, сущностью справедливости как ценности? Можно предположить, что образующим ядром справедливости как ценности является должное равенство, должное распределение благ между людьми. Такое значение справедливости как социального блага одним из первых выражается уже в известном принципе талиона, который находит отражение во многих древних памятниках права. Со временем содержание справедливости изменяется, под воздействием развивающегося индивидуального и общественного сознания вносятся новые смыслы в представление о справедливости как о должном равенстве. Появляется «золотое правило нравственности», которое вытесняет принцип талиона, однако последний в качестве должного равенства в справедливости сохраняется на уровне индивидуального (а иногда и общественного) сознания, причем в определенных формах сохраняется вплоть до настоящего времени. Должное равенство действительно является ядром справедливости как ценности, однако открытым остается вопрос о возможности достижения такового в приложении к социальному, где в общем-то справедливость и признана осуществляться.

В конкретной жизненной ситуации узаконенная смерть убийцы, казалось бы, обеспечивает реализацию должного равенства, или восстановленной справедливости, однако такое равенство вряд ли является действительным. Справедливость здесь есть, в сущности, отмщение,

отрицательная реакция на отрицательное действие, причем такая реакция имеет мало общего с должным, действительным равенством, поскольку в случае со смертью человека таковое вряд ли вообще возможно в наличном бытии. Отмщение не восстанавливает должное равенство – это очевидно хотя бы с внешней, формально-логической стороны. *Но данный факт отнюдь не означает, что справедливость как ценностный критерий в данной социальной ситуации неприменим.* «Ну и пусть не должное, однако неужели это является достаточным доводом в пользу того, что убийца многих неповинных людей, детей не должен быть *справедливо* наказан тем же за содеянное?» – услышим мы многие постигнутые горем гибели своих близких голоса.

Следует ли прислушиваться к этим голосам, оправдывать их, в конечном счете удовлетворять их притязания? С точки зрения так называемой социальной справедливости, видимо, да. Оправдание такого рода притязаний¹, а также их удовлетворение со стороны социального – государства при должной степени анализа и заключении об отсутствии всяких перспектив нравственного совершенствования убийцы, его неизменном падении вниз от «+» к «-» и есть прямая задача государства, этого собирательного человека, в осуществлении пусть относительной, пусть формально-недолжной, однако социальной справедливости. Многие современные государства отказались от такой логики и на основании принятой с *формальной, внешней стороны* морали жизни провозгласили «чрезвычайную степень гуманизма», «человечности» полным упразднением или введением моратория на смертную казнь. Но вряд ли такое решение необходимо называть действительным гуманизмом, ибо внешнее провозглашение таким действием права человека на жизнь священнейшим и неотъемлемым (причем в нашем случае на физическую жизнь) само по себе не превращает такую декларацию во внутреннее моральное свойство каждого человека и во внешнюю, фактическую «священную и неприкосновенную» защиту всех и каждого теми, кто продекларировал. Ссылки на международно-правовые акты, в которых якобы выражена воля народов многих государств, обвинения иных государств в узаконенном убийстве и тому подобные аргументы являются, по меньшей мере, несостоятельными.

Во-первых, не только формально-логический, но и всякий иной критерий должного равенства в данной ситуации вообще не имеет места. Всякая справедливость как социальный критерий в конкретной ситуации фактически не используется, хотя в действительности остается общим руководящим началом любого юридического процесса. Во-вторых, думается, таким актом указанные государства не провозгла-

¹ Разумеется, речь здесь идет не о всех случаях, а об известных случаях проявления чрезвычайной бесчеловечности отдельными представителями человеческого рода.

шают, а, как минимум, не видят и не принимают *человеческое, социальное*, поскольку произведенная ими формальная попытка представляет собой, если образно возвратиться к используемой нами нравственной оси с «-» и «+», не констатацию и фиксацию внутреннего духовного восхождения человека от «-» к «+», что и должно осуществлять государство посредством права, а попытку формального, внешне-го возвышения механистическими фиксирующими средствами внутреннего, духовного существа всех и каждого, что, безусловно, является ошибочным и противоестественным человеку. Такой ошибки вроде бы на первый взгляд нет, она невидима, однако она обязательно ощущается каждым при наступлении в его жизни печального случая утраты близкого человека, погибшего от руки убийцы, каждым соответственно, кто по своему внутреннему духовному уровню (опыту) оказывается ниже точки, зафиксированной государственным механизмом на указанной оси. Инстинкт существа человека и его духовное диссонирует с внешнеправовым установлением государства, что практически во всех случаях обуславливает восприятие этого как явной и очевидной несправедливости. Немногие могут принять в себе этот факт по-другому.

Как мы смогли убедиться, должное решение проблемы смертной казни посредством социальных ценностей (оценок) также затруднительно, более того – едва ли возможно. Видимо, здесь можно признать правильным мнение о том, что вопрос о различении высших и низших ценностей – это вопрос в первую очередь духовного содержания жизни человека [20, с. 146], следовательно социальные критерии в решении вопроса о высших и низших ценностях неприменимы. Вопрос же о жизни и смерти человека, безусловно, является вопросом высшей ценности. Следует посмотреть, может ли положительно решиться исследуемый вопрос посредством введения ценностей более высокого уровня – ценностей трансцендентного порядка, основывающихся на внесоциальном, духовном усилении.

Высшие ценности являются внесоциальными критериями оценки и не являются социальными ценностями в собственном смысле слова. Социологизаторский подход к иерархии ценностей в этом случае не может быть приемлемым, поскольку он определяет высшие и низшие ценности по пользе и благу единичного (так называемые низшие ценности) в пользу социального целого (высшие ценности), что обуславливает представление о должной морали как о подчинении личных интересов интересам общественным, преимущественно незнающему большинству над знаниям меньшинством. Внесоциальный же подход связан с отысканием и принятием неких универсальных стандартов, которые не зависят от изменяющегося множества внешних фактов и их оценок индивидуально каждым, это путь определения идеала – «мерила того, что в своем роде совершенно» [23, с. 205]. Идеал можно рас-

сма­три­вать в трех аспек­тах: во-пер­вых, как наи­бо­лее об­щее, уни­вер­саль­ное, аб­со­лют­ное нрав­ствен­ное пред­став­ле­ние о бла­гом и дол­жном, во-вто­рых, как об­раз со­вер­шен­ства в от­но­ше­нии ме­жду лю­дь­ми в фор­ме об­щес­твен­но­го иде­ала, в-тре­ть­их, как без­ус­лов­ный выс­ший об­разец нрав­ствен­ной лич­но­сти [20, с. 147]. Иде­ал все­гда ав­то­но­мен, он не под­вер­жен из­ме­не­нию в про­стран­стве и вре­мени, су­щес­т­вует не­за­ви­симо по от­но­ше­нию к дей­стви­тель­но­сти во всем ее мно­же­стве. В су­щности, это и есть ос­но­ва­ние нрав­ствен­но­сти, пред­ло­жен­ное В.С. Со­ловьевым, – аб­со­лют­ное без­ус­лов­ное Добро. Что же, мы снова воз­вра­ти­лись к от­влечен­но­му ре­ше­нию во­про­са о смерт­ной казни? Дей­стви­тель­но да, од­на­ко из это­го не сле­дует, что по­ло­жи­тель­ное от­влечен­ное ре­ше­ние это­го во­про­са в рам­ках уже из­вест­ной нам нрав­ствен­ной сис­те­мы яв­ля­ется не­про­ти­во­речивым при­менитель­но к прак­ти­ческой сфе­ре. Мы уви­де­ли ряд дей­стви­тель­ных про­ти­во­речий ме­жду от­влечен­ным кри­те­рием, с одной сто­ро­ны, и кон­крет­но-прак­ти­ческим, соци­аль­ным – с дру­гой, в ре­ше­нии про­бле­мы смерт­ной казни с нрав­ствен­ной точки зре­ния, ко­то­рые дол­жны быть под­вер­гнуты об­об­ще­нию.

По­пыт­ка про­ана­ли­зиро­вать во­прос о смерт­ной казни в нрав­ствен­ном аспек­те по­зво­ляет сде­лать не­ко­то­рые вы­во­ды.

1. Нрав­ствен­ный кри­те­рий в во­про­се о смерт­ной казни яв­ля­ется пер­вич­ным базовым ос­но­ва­нием для его ре­ше­ния. Не­смот­ря на тот факт, что об­ъек­тивация, или кон­крет­ное осу­щес­т­в­ле­ние, нрав­ствен­ной про­ек­ции до­пус­ти­мо­сти или не­до­пус­ти­мо­сти на­ка­за­ния че­ло­ве­ка смер­тью осу­щес­т­в­ля­ется в ито­ге в сфе­ре го­су­дар­ствен­но-пра­во­вой, соци­аль­ной, су­щности ее мо­де­ли­ро­ва­ния все­гда про­ис­хо­дит или, по край­ней ме­ре, дол­жно про­ис­хо­дить в сфе­ре нрав­ствен­но дол­жно­го. Та­кое по­ло­же­ние вещей, к со­жа­ле­нию, имеет ме­сто не все­гда, по­сколь­ку степ­ень ци­ви­ли­зо­ван­ности со­вре­мен­но­го го­су­дар­ства оце­ни­ва­ется се­го­дня в за­ви­симо­сти от его со­от­вет­ствия или не­со­от­вет­ствия так на­зы­ва­е­мым об­щече­ло­веческим цен­ностям-дек­ла­ра­циям, ко­то­рые, будучи вос­при­ня­ты­ми кон­крет­ным го­су­дар­ством ме­ха­ни­стично, часто ока­зы­ва­ются в дей­стви­тель­ности да­леко от сфе­ры нрав­ствен­но­го дол­жен­ства.

2. Нрав­ствен­ный кри­те­рий, до­влею­щий над ре­ше­нием во­про­са о смерт­ной казни, по су­щности своей яв­ля­ется, как мы смо­гли убе­диться, кри­те­рием вне­со­ци­аль­ным. Од­на­ко это не озна­чает, что его осу­щес­т­в­ле­ние имеет вне­со­ци­аль­ное из­ме­ре­ние. Нрав­ствен­ность яв­ля­ется ду­хов­ным фе­но­меном, од­на­ко она раз­во­ра­чи­ва­ется не толь­ко (и не толь­ко) в ду­хов­ной, но и в кон­крет­но-соци­аль­ной и лич­ной жизни че­ло­ве­ка. Иг­но­ри­ро­ва­ние соци­аль­но­го и лич­но­ст­но­го из­ме­ре­ния нрав­ствен­ности по­это­му может по­влечь глу­бо­кое про­ти­во­речие ме­жду уровнем ду­хов­но­го раз­ви­тия об­щес­тва и че­ло­ве­ка и ис­кус­твенно ус­та­но­в­лен­ными аб­со­лют­но вы­со­кими тре­бо­ва­ния­ми го­су­дар­ства, в том числе и в слу­чае фак­ти­ческой от­ме­ны смерт­ной казни без лич­но­ст­но-соци­аль­но­го

соиз­ме­ре­ния та­кого ре­ше­ния и в то же время аб­стракт­но­го при­зна­ния жизни че­ло­ве­ка неотъем­ле­мым пра­вом. Та­кое иг­но­ри­ро­ва­ние в наи­бо­лее об­ъем­ных мас­шта­бах, в част­ности на об­щегосудар­ствен­ном уровне, спо­собно раз­ор­вать це­лост­ность че­ло­веческого бы­тия, скреп­лен­но­го нрав­ствен­ным дол­жен­ством, может по­ро­дить от­чуж­де­ние че­ло­ве­ка, соз­дать базу для кри­ти­ческого от­но­ше­ния к нрав­ствен­ности как ду­хов­но­му и соци­аль­но­му ре­гу­ля­тору в целом, при­вести к пол­но­му аморализ­му и раз­ру­ши­тель­ным соци­аль­ным, а глав­ное – ду­хов­ным по­след­ствиям. Лю­бой нрав­ствен­ный им­пе­ра­тив, даже в его дол­жной по­став­ке, сле­дует апро­би­ро­вать в кон­крет­ной соци­аль­ной сре­де: в слу­чае не­воз­мож­ности его ес­тес­твен­но­го вос­при­я­тия соци­аль­ным он может при­чи­нить зло.

3. Рас­смот­рен­ная пара кри­те­риев в ре­ше­нии во­про­са о смерт­ной казни (вне­со­ци­аль­ный, от­влечен­ный сверхцен­ност­ный кри­те­рий и соци­аль­ный, кон­крет­но-прак­ти­ческий цен­ност­ный кри­те­рий) на пер­вый взгляд под­твер­ждает су­щес­твен­ные раз­ли­чия ме­жду ними. Од­на­ко *по своей су­щности и пер­вый и вто­рой под­хо­ды при ре­ше­нии во­про­са о смерт­ной казни ос­но­вы­ва­ются на идее нрав­ствен­но дол­жно­го*, ко­то­рое в ко­неч­ном сче­те дол­жно за­к­лю­чать­ся в не­до­пус­ти­мо­сти аб­со­лют­но­го ли­ше­ния че­ло­ве­ка воз­мож­ности нрав­ствен­но­го со­вер­шен­ства. Тем не ме­нее с нрав­ствен­но-тео­ре­ти­ческой точки зре­ния, с по­зи­ции аб­со­лют­но­го До­бра та­кие нрав­ствен­ные ус­ло­вия дол­жны при­ме­няться все­гда и все­ду­де без ис­клю­че­ния, ибо их не­при­ме­не­ние не­за­ви­симо от ос­но­ва­ний на­ру­ша­ет ка­че­ство пол­ноты и без­ус­лов­ности До­бра, а сле­до­ва­тельно транс­фор­ми­рует его во зло. Смерт­ная ка­знь здесь аб­со­лют­но не­при­ем­ле­ма. С нрав­ствен­но-прак­ти­ческой же точки зре­ния, с по­зи­ции соци­аль­ной цен­ности ис­хо­дя из про­стран­ствен­но-вре­мен­ных ус­ло­вий, из лич­но­го, соци­аль­но­го, а глав­ное – ду­хов­но­го опы­та то­го или ино­го на­ро­да не­до­пус­ти­мость на­ка­за­ния че­ло­ве­ка смер­тью имеет ха­рак­тер ус­лов­ный, презумп­ци­аль­ный, что ги­по­тетиче­ски до­пус­кает воз­мож­ность при­ме­не­ния смерт­ной казни.

Рас­смот­рен­ная про­бле­ма, не­смот­ря на ее, ка­залось бы, от­влечен­ное, фи­ло­со­фско-пра­во­вое из­ло­же­ние, в про­цес­се вы­работ­ки уго­лов­ной по­ли­тики яв­ля­ется од­ним из важ­ных фак­то­ров аде­кват­но­го вы­бо­ра ме­жду нрав­ствен­но-иде­аль­ным, от­влечен­ным уровнем про­воз­гла­ше­ния пра­во­вых идей (в на­шем слу­чае за­пре­та смерт­ной казни) за­пад­но­евро­пейскими го­су­дар­ствами и кон­крет­но-соци­аль­ными осо­бен­но­стями кол­лек­тив­но­го вос­при­я­тия пра­во­вых транс­фор­ма­ций, не яв­ляю­щихся в струк­туре отечес­твен­ной соци­аль­ной он­то­логии тра­ди­ци­он­ными. При этом пра­виль­ность ва­ри­анта ре­ше­ния дан­ной про­бле­мы ис­хо­дя из пред­ло­жен­ных нами кри­те­риев дол­жна оце­ни­вать­ся не толь­ко по са­мо­му фак­ту ин­те­гра­ции Рес­пуб­лики Бе­ла­русь в еди­ное евро­пей­ское пра­во­вое про­стран­ство, но и по эф­фек­тив­ности ре­али­за­ции уго­лов­но­го

закона при сохранении соответствия его содержания духовно-нравственным ожиданиям населения. Включение в транснациональные правовые пространства ради моды, «во что бы то ни стало» не является лучшим вариантом повышения эффективности уголовного законодательства, тем более когда мы видим, что социальность, откуда правовая система фактически извлекает нравственные содержания, на Западе и наше положение дел существенно разнятся. Особенно это заметно при реформировании правовых институтов, тесно связанных с этими самыми нравственными содержаниями, которые в каждом обществе имеют ценностное своеобразие и ярко выраженную конкретику. Наглядным примером в этой связи является правовое регулирование частноправовых – брачно-семейных отношений, отношений материнства, отцовства и детства, которые в последнее время на просторах бывшего СССР подвергаются активному воздействию со стороны западноевропейских правовых инноваций наподобие ювенальной юстиции, ультра-активного навязывания детского правового просвещения, легализации однополых браков и т. п. Но ведь юридическое решение различных социальных вопросов основывается не на формальных, юридико-технических моментах, которые, по сути, являются только хорошим средством, а на социальных (нравственных) ценностях, уходящих своими корнями в более глубокие, трансцендентные источники базовых ценностей, самым главным из которых для восточнославянского региона явились христианство и его система ценностей. Поэтому первичное цивилизационно-культурное определение того, что для нас является социальной ценностью, что для нас представляет семья, материнство, отцовство, детство и т. д., должно быть основанием уже для вторичного определения механизмов защиты этих социальных институтов как правовых.

В этой связи еще одной важной для нашего общества проблемой является криминогенность семейно-бытовых отношений, нередко приводящая к совершению административных правонарушений и преступлений, которая связана не с несовершенством законодательства (что, однако, также не исключено), а с нарушением традиционно сложившегося нравственного должного порядка отношений в этой области. Исходя из этого средства правовой защиты семейно-бытовых отношений соответственно не должны быть только охранительно-правовыми, напротив, государство должно видеть и понимать пределы правового регулирования, восполнять его внеправовыми элементами, что, несомненно, уже представляет собой сугубо традиционный элемент государственной политики, в принципе не поддающийся адекватным иностранным экспертно-правовым оценкам. Как наиболее эффективно это сделать и что по существу представляет собой семейно-бытовая конфликтность, мы рассмотрим далее.

5.2.4. Семейно-бытовой конфликт как типичный криминологический феномен и современная нравственная проблема¹

Административные правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений традиционно имеют существенный удельный вес в общей массе административной деликтности. На сегодняшний день в Республике Беларусь их доля не только не сокращается, но и имеет устойчивую тенденцию к росту. Не лучшая ситуация обнаруживается и при анализе совершенных преступлений в сфере семьи и быта. По данным МВД Республики Беларусь, в 2010 г. совершено 3111 таких преступлений, из которых убийства с покушениями составили 4,5 % (140), причинение тяжких телесных повреждений – 11,3 % (351), менее тяжких телесных повреждений – 4 % (127), умышленное причинение легких телесных повреждений – 12,5 % (419), истязания – 16,9 % (526), угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений – 48 % (1493), прочие – 1,8 % (55).

Практически ежегодно правоохранительные органы получают аналогичные статистические данные о совершенных административных правонарушениях и преступлениях в сфере семейно-бытовых отношений, констатируют этот факт и, отчитавшись о количестве раскрытых и расследованных преступлений и в установленном порядке разобранных административных правонарушений, приступают к выполнению правоохранительной функции в очередном календарном году. Удовлетворительна ли подобная ситуация? Возможно. Однако необходимо сказать, что снятие негативного результата, пусть и должным образом оформленного установленной правоприменительной процедурой, не является самой целью правового регулирования общественных отношений. Нарушение правовой нормы само по себе уже есть собой, препятствие в функционировании механизма правового регулирования, которое и влечет за собой включение механизма защиты – правовой охраны. Сущностная же цель правового оформления отношений между людьми заключается в осуществлении их нормального возникновения, функционирования и развития, и если мы обнаруживаем случаи срывов такого порядка, а тем более устанавливаем их закономерный характер, что применительно к семейно-бытовому конфликту очевидно, обязательно следует обратиться к причинам и условиям, которые порождают и способствуют подобным нарушениям правовых норм. Попытаемся проанализировать неизменную причину большинства правовых нарушений в сфере семейно-бытовых отношений, в качестве кото-

¹ Данный подпараграф подготовлен совместно с преподавателем кафедры административного права и управления органами внутренних дел Академии МВД Республики Беларусь И.Л. Федчуком.

рой выступает семейно-бытовой конфликт, а также укажем меры, направленные на их предупреждение.

Не нуждается в доказывании положение о том, что в большинстве случаев в основе правонарушений в сфере семьи и быта находится семейно-бытовой конфликт. Для разработки мер административно- и уголовно-правового воздействия на правонарушения в семейно-бытовой сфере существенное значение имеет изучение явления семейно-бытового конфликта. Что представляет собой семейно-бытовой конфликт, каковы его сущность, признаки, какие факторы вызывают возникновение конфликта в семье и быту? Ответы на данные вопросы предполагают обращение к философской, социологической и юридико-конфликтологической литературе.

Сложность определения понятия «конфликт» обнаружилась уже в начале становления конфликтологической теории. Ее разработчики К. Маркс, Р. Дарендорф, Г. Зиммель, М. Вебер, Т. Парсонс, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм вкладывали в понятие «конфликт» определенный смысл, акцентируя внимание на различных аспектах его проявления. На современном этапе среди ученых также прослеживается различное понимание социального конфликта. Российский ученый А.В. Дмитриев, например, определяет социальный конфликт как «тот вид противостояния, при котором стороны стремятся захватить территорию либо ресурсы, угрожают оппозиционным индивидам или группам, их собственности или культуре таким образом, что борьба принимает форму ставки или обороны» [24, с. 54]. А.Г. Здравомыслов утверждает, что «конфликт – это... форма отношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противостоящими ценностями и нормами, интересами и потребностями» [25, с. 94]. Отечественный исследователь Е.М. Бабосов определяет социальный конфликт как «предельный случай обострения социальных противоречий, выражающийся в многообразных формах борьбы между индивидами и различными социальными общностями, направленной на достижение экономических, социальных, политических, духовных интересов и целей, нейтрализацию или устранение действительного или мнимого соперника и не позволяющей ему добиться реализации его» [26, с. 55].

Социальный конфликт в представлении ученых приобретает различное видение, что подтверждает сложность и многоаспектность изучаемого явления. Исследователи в своих определениях акцентируют внимание на различных сторонах конфликта, начиная от сферы, в которой он проявляется (сфера политики, экономики, культуры, семьи и т. д.), заканчивая формами такого проявления (противостояние, столкновение, борьба и т. д.). В то же время необходимо отметить, что при всем многообразии подходов к социальному конфликту первоначально обя-

зательно должны быть обнаружены четкие признаки, по которым можно было бы определить данное явление и отграничить его от других. Следует согласиться с Е.М. Бабосовым, что при исследовании социального конфликта важно определить признаки или компоненты социального конфликта, без которых последний теряет свою определенность [26, с. 52–53].

Первый признак социального конфликта – это наличие в его основе объективного общественного противоречия – в потребностях, ресурсах, интересах, целях, устремлениях, ожиданиях людей, групп, организаций, наций, государств, возникающего независимо от воли конфликтующих сторон. *Второй признак* – это вступление в противоборство друг с другом, совершение взаимонаправленных действий социальными субъектами (людьми, социальными группами, организациями и т. д.), что свидетельствует о переходе социальных противоречий в фазу конфликта. *Третий признак* усматривается в наличии как минимум двух субъектов конфликтного взаимодействия. *Четвертый признак* связан со стремлением сторон конфликта достичь целей, которые являются несовместимыми и взаимоисключающими, ввиду чего стороны и сталкиваются друг с другом: «достижение цели одной из конфликтующих сторон, как правило, блокирует, затрудняет, а то и просто делает невозможным достижение целей другой стороной» [26, с. 53]. Наиболее полно, на наш взгляд, указанные признаки нашли отражение в вышеприведенном определении социального конфликта Е.М. Бабосова, которое мы считаем приемлемым для использования в настоящей работе.

Социальный конфликт, таким образом, представляет собой одну из возможных форм проявления общественного противоречия. Возникнув на основе такого противоречия, он приобретает собственное суцностное содержание. Последнее характеризует наличием объективного общественного противоречия и возникшего на его основе столкновения между социальными субъектами, которое выражается в совершении ими взаимонаправленных действий по достижению каких-либо несовместимых положений.

Для выделения абстрактных признаков конфликта (понятия) в сфере семейно-бытовых отношений и приведения их в соответствующее определение попытаемся использовать рассмотренные выше общие положения конфликтологической теории. Как мы уже определили, для идентификации какого-либо взаимодействия субъектов как конфликтного необходимо наличие как минимум четырех признаков: 1) объективного общественного противоречия; 2) взаимонаправленных действий субъектов; 3) самих как минимум двух субъектов конфликта; 4) несовместимого положения, или, по-другому, ограниченного объекта интереса субъектов конфликта.

Относительно первого признака следует отметить, что он имеет прежде всего общеметодологическое значение и представляет собой

определенную мировоззренческую систему взглядов. Применительно к конфликтам между людьми речь следует вести о главной составляющей конфликта – противоречии. Анализ конфликта, равно как и административной деликтности, осуществляется нами в рамках диалектической методологии, которая позволяет сделать вывод о наличии объективных противоречий в действительности и существовании противоречивого механизма развития материи, который обуславливает представление о конфликте как об определенном этапе в развитии противоречия, и в сопоставлении противоречия и конфликта как общего и частного позволяет признавать объективный характер конфликта как явления в целом. Из данного положения следует, что общественное противоречие, порождающее каждый конкретный конфликт, является объективным и выступает необходимым звеном в механизме развития [27, с. 114; 28, с. 69; 29, с. 9; 30, с. 27]. Можно сказать, что конфликт вообще, равно как и случай семейно-бытового конфликта в частности, всегда сопутствует любой социальной системе и возникновение объективных общественных противоречий в сфере семьи и быта, таким образом, обуславливается самой спецификой такого рода социальных отношений (семейно-бытовых). Многие исследователи небезосновательно сосредотачиваются именно на познании данного признака – на общеметодологическом уровне анализируют причины проявления семейно-бытовых конфликтов [31, с. 60].

Вторым признаком семейно-бытового конфликта должно стать совершение взаимонаправленных действий субъектами данного конфликта. Именно с момента начала совершения взаимонаправленных действий потенциальный конфликт актуализируется, предконфликтная стадия сменяется собственно конфликтной. Что следует понимать под совершением взаимонаправленных действий субъектами семейно-бытового конфликта? Главное в этом признаке – взаимонаправленность конфликтного поведения (столкновение субъектов). При этом поведение не обязательно должно выражаться в непосредственном столкновении, в активных действиях. Это могут быть ссора, размолвка (с вербальным (скандал) и невербальным (прерывание общения) ее выражением), совершение различного рода поступков, как юридически значимых, так и безразличных для права (драка, демонстративное игнорирование супруга и т. д.), использование стороной другого лица (например, ребенка, родителей, друзей) для противоборства и т. д. Данный признак имеет важнейшее значение, поскольку именно он непосредственно определяет процесс трансформации (юридизации) обычного семейно-бытового конфликта в административное правонарушение или преступление.

Третьим признаком семейно-бытового конфликта являются его субъекты – те лица, которые поддерживают, несут собой содержание

конфликтного взаимодействия. Как правило, это проживающие совместно супруги, бывшие супруги, дети, пасынки, падчерицы, родители, отчимы, мачехи и другие родственники, соседи, знакомые. Для определения субъектов конфликта как конфликта семейно-бытового необходимо установление родственной связи между ними, приятельских, соседских и иных отношений, вытекающих из их повседневного общения (в быту). Помимо субъектов как непосредственных носителей конфликтного потенциала можно выделить и иных участников конфликта (соседи, друзья, пытающиеся разрешить конфликт, и т. д.), которые могут быть вовлечены в него одной из сторон.

Четвертый признак – наличие несовместимого положения или ограниченного объекта интереса субъектов конфликта. В семейно-бытовых конфликтах, влекущих нарушение правовых норм, объект конфликта фактически всегда является специфическим, поскольку он, как правило, не является действительным благом, ресурсом, что имеет место при любом другом конфликте. Кроме того, данный признак довольно сложно определить в семейно-бытовых конфликтах, что, однако, не исключает его обязательное присутствие. В отличие от иных видов социальных конфликтов (экономические, политические и т. д.) в семейно-бытовых отношениях, и в особенности в отношениях между супругами, реальный объект конфликта часто может только предполагаться, представлять собой различные личностные качества, чувства (честь, достоинство, гордость и т. д.), социально-психологические состояния (компенсация, несовместимость, неудовлетворенность и т. д.). Так, например, при расследовании убийства гражданином К. своей жены было установлено, что потерпевшая на протяжении ряда лет обвиняла мужа в половой слабости и неоднократно сравнивала его половые возможности с возможностями других мужчин, в том числе и общих знакомых. На почве этого между супругами возникали ссоры, сопровождавшиеся драками. В день убийства после распития спиртных напитков в присутствии гостей жена вновь стала обсуждать мужские достоинства своего супруга, а на его требование замолчать ответила смехом. После этого К. схватил со стола нож и ударил им жену в грудь [32, с. 110]. В данном случае, как видим, объектом всех предшествовавших преступлению ссор между К. и его супругой являлось чувство достоинства К., защищая которое, он собственно и совершил противоправное деяние, посягнув на жизнь (соответствующие правовые отношения) своей супруги. Во многих случаях, как мы уже отметили, объект конфликта лишь предполагается, хотя конфликтные действия субъектов по его поводу осуществляются (в основном конфликты, возникающие на почве ревности, недоверия и т. д.).

Анализ признаков конфликта в сфере семейно-бытовых отношений, таким образом, позволил нам выделить его субъектов, специфику про-

явления в нем объекта интереса сторон, характер поведения (взаимодействия) субъектов семейно-бытового конфликта, а также предположить о наличии объективного общественного противоречия, порождающего такой конфликт. Более тщательное исследование сущности конфликта в сфере семьи и быта, конечно, требует осуществления полного системно-структурного анализа данного явления в совокупности субъективных (субъект, субъективная сторона) и объективных (объект, объективная сторона) факторов, однако, поскольку такая цель не ставилась, ограничимся полученными выводами и обратимся к другому аспекту рассматриваемой проблемы.

При исследовании семейно-бытовых конфликтов важнейшим является вопрос о влиянии конфликтности на уровень совершаемых административных правонарушений и преступлений в сфере семейно-бытовых отношений. По-другому, по каким причинам совершение правонарушения в сфере семьи и быта, как правило, всегда связано с конфликтом (конфликт предшествует ему или оно осуществляется в форме конфликта)? Ответ на этот вопрос закономерно следует из криминологической характеристики подобного рода административных правонарушений и преступлений. Сфера семьи и практически неразрывно связанная с ней сфера быта уже объективно содержат предпосылки для возникновения конфликтов ввиду повседневного осуществления одних и тех же однотипных взаимодействий одними и теми же людьми, объективно сопровождаемых процессом психологической напряженности. Причина последней коренится в психике каждого отдельного человека, в ситуациях психологического дисбаланса, как правило, возникающих при совместном существовании людей, хотя в целом, независимо от субъективного фактора, конфликт всегда имеет объективную основу. Мы не будем останавливаться на известных криминологических аргументах о причинах семейно-бытовых конфликтов и их связи с совершением правовых нарушений – в литературе они подробно изложены: это и виктимное поведение одного из субъектов конфликта, и внутрибрачные противоречия на почве алкоголизма, экономические трудности супругов, в особенности молодых, неумение правильно вести хозяйство, планировать семейный бюджет и т. д. [33, с. 25–27; 34, с. 65]. Попытаемся общеметодологически обозначить проблему обусловленности правонарушений и преступлений семейно-бытовыми конфликтами, исходя из сущности последних.

Следует сказать, что сфера семьи и быта является сложнейшей областью человеческих отношений, в том числе и с позиции ее правового регулирования. Можно утверждать, что это самая интимная сфера отношений между людьми, в которой степень внешнего регулирования является весьма ограниченной. Видимо, справедливо считать, что право в сфере семьи и быта выступает не весьма адекватным регулятором

отношений, причем это не потому, что право несовершенно. Причина в другом: сфера отношений между близкими людьми (супругами, детьми, родителями, теми, кто обоснованно считает себя близкими, и т. д.) глубоко личностна и по механизму трансляции смыслов является внутренней – в порядке жизненных отношений она скрыта внутри каждой семейно-бытовой единицы. Это действительно так – сфера семейно-бытовых отношений неуловима, непрозрачна для всякого внешнего регулирования, сущность же ее осуществления заключается во внутреннем саморегулировании, в качестве которого обычно выступает нравственность. Именно нравственное должностное определяет степень гармоничности осуществления как конкретных семейно-бытовых отношений, так и цельного семейного благополучия в том или ином обществе. Остановимся на этом положении подробнее.

Возникновение конфликтов в сфере семьи и быта, таким образом, свидетельствует о дисгармонии либо полном отсутствии механизма нравственного должностного или его ненадлежащем функционировании. Само по себе наличие отношений в семье еще не означает наличия действительно должного отношения мужчины и женщины, детей и родителей, друзей, родственников в этой семье и бытовой обстановке, для онтологической реализации которого и предназначены семейные и смежные с ним союзы. «Истинный человеческий брак есть тот, который сознательно *направляется* к совершенному соединению мужчины и женщины, к созданию целого человека», – утверждал В.С. Соловьев, имея в виду прежде всего сущностное наполнение отношений между супругами любовью [3, с. 492]. Любовь человека здесь выступает как основной конституирующий стержень нравственного порядка отношений в сфере семьи. Любовь в таком аспекте следует понимать как то, что принципиально преодолевает эгоизм. Сегодня это звучит наивно, но именно такая наивность действительно позволяет определить предназначение, путь выхода каждого отдельного человека из состояния ложного самоутверждения. Именно эгоизм, как злое начало в человеке, объективно, с одной стороны, по справедливости обуславливает признание за собой абсолютного и безусловного значения, что в действительности присуще каждому человеку, но с другой – по несправедливости отказывает в этом всем другим: «признавая себя центром жизни, каков он и есть в самом деле, он других относит к окружности своего бытия, оставляет за ними только внешнюю и относительную ценность» [35, с. 506]. Конечно, всякий человек теоретически допускает равноправность других с собой, однако в конкретно-жизненном сознании, в своем внутреннем чувстве и на деле он утверждает бесконечную разницу, «совершенную несоизмеримость между собою и другими» [35, с. 506–507]. Но именно такое ложное осознание не дает возможности человеку стать на деле тем, кем он себя утверждает, не позволяет ему

раскрыться в своих абсолютных положительных качествах, а напротив, влечет бесконечные конфликты. Для каждого человека, прежде всего в семье, выход видится один – поиск должного основания отношений, которым выступает любовь.

Сущностное наполнение семейных отношений любовью, кроме того, позволяет воспитывать личностные добродетельные качества, из которых одними из важнейших, в том числе для предотвращения конфликтов, являются терпимость и жертвенность. Терпимость, основанная не на неосмысленном сдерживании себя (ибо это лишь эскалация конфликта), а на сознательном преодолении в себе чувства неприятия, вызванного инаковостью другого, есть личностное духовно-нравственное и психологическое умение, которое нельзя купить или заимствовать, его следует пережить и нажать личным жизненным опытом. Другое дело, что есть любовь? Здесь мы не акцентируем внимание на этом моменте, хотя уже из сказанного ясно, что под любовью, дополняя вышеприведенное определение В.С. Соловьева, мы понимаем отнюдь не экзальтированное переживание одного человека по отношению к другому, а нечто более существенное, претендующее на подлинную конститутивность и идентичность человека как такового (подробней о смысле любви в данном контексте см. нашу работу [36]).

Предпринятое философское отвлечение имело целью показать, что именно отсутствие либо ненадлежащее функционирование механизма нравственного регулирования является главной причиной семейно-бытовых конфликтов, которые и обуславливают нарушение собственно правовой сферы. Здесь, конечно, очевидно, что поскольку общество в целом находится в семейной области отношений далеко от состояния, описанного выше, а современное общество потребления максимально стремится сохранить такое положение дел, защита нарушенного субъектом семейно-бытового конфликта порядка отношений, оформленных правом, является необходимой. Причем средства защиты и восстановления правового порядка отношений должны быть в максимальной степени адекватны сущности этих частных отношений. Например, следует учитывать, что семейно-бытовой конфликт, который для права предстает как его нарушение, немедленно требующее реагирования на уровне санкции, в действительности может выполнять своего рода воспитательную функцию для его субъектов, может вскрывать существующие противоречия, но лишь при условии способности самих субъектов адекватно воспринимать данный опыт. Именно в этом смысле для охранительного правового регулирования в сфере семейно-бытовых отношений требуется максимальная степень адекватности. В этой связи заслуживают одобрения попытки государства, основанные на понимании приведенного нами положения, на уровне правового регулирования способствовать должному порядку семейно-бытовых отно-

шений. В Украине, например, действует закон «О предупреждении насилия в семье», ст. 11 которого предусматривает вынесение официальных предупреждений о недопустимости виктимного поведения относительно насилия в семье в случае систематического (трех и более случаев) виктимного поведения члена семьи, вследствие которого создается конфликтная ситуация на грани насилия. В основу данного документа положен модельный закон Организации Объединенных Наций. Аналогичные законы уже приняты в 36 государствах, и, как показывает статистика, там, где они действуют, количество фактов насилия, преступлений в сфере семейно-бытовых отношений значительно уменьшилось (в отдельных странах до 30 %).

Действующее законодательство Республики Беларусь пока не позволяет предупреждать и предотвращать случаи совершения семейно-бытового правонарушения из-за провоцирующего поведения потерпевшего. Вместе с тем следует сказать, что определенные шаги в решении данной проблемы делаются. В Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь вносился на рассмотрении проект закона «О предупреждении и пресечении насилия в семье», содержащий соответствующий комплекс норм, направленных на предупреждение насилия в семье. В настоящее время он находится в стадии доработки.

Исследование семейно-бытовых конфликтов и причин их связи с совершением административных правонарушений и преступлений позволяет сделать определенные выводы. Конфликт в сфере семьи и быта является разновидностью социального конфликта, представляет частный случай проявления общей ситуации конфликтного взаимодействия между людьми. В то же время особенность семейно-бытового конфликта, влекущего правонарушение, проявляется в специфическом объекте, который практически всегда не представляет реального блага (ресурса), на достижение которого направлены интересы сторон, а выступает предполагаемым объектом (честь, достоинство), притязания одной из сторон на который и обуславливаются различными психологическими причинами. Сами поступки по осуществлению притязаний на объект в семейно-бытовом конфликте имеют важнейшее значение – именно они свидетельствуют о трансформации (юридизации) семейно-бытового конфликта в конкретное административное правонарушение или преступление.

Важным выводом является положение об ограниченности возможности правового регулирования в частной сфере семейно-бытовых отношений, в том числе и по разрешению конфликтов. Основная регулятивная функция здесь должна принадлежать нравственности, в основе которой всегда должно находиться сущностное наполнение семейных отношений любовью, которая единственная преодолевает состояние

ложного самоутверждения человека (эгоизма), влекущего все следующие из него производные нарушения в межличностных отношениях.

В продолжение темы конфликтности следует сказать, что в последнее десятилетие в юридической науке она становится все более востребованной. На постсоветском научном пространстве в 90-х гг. XX в. были заложены основы для разработки целого междисциплинарного научного направления – юридической конфликтологии, которое по сей день находит своих новых исследователей. В эпистемологическом смысле юридическая конфликтология может быть отнесена к неклассическому научному направлению в рамках общетеоретической юриспруденции на стыке философии, общей теории и социологии права, поскольку в ее рамках осуществляется принципиальное переосмысление устоявшихся юридических концептов и меняется сама методологическая картина правовой реальности. В развитие юридической конфликтологии в Республике Беларусь автору в рамках диссертационного исследования одному из первых довелось разрабатывать основные положения этого междисциплинарного научного направления. Следующий раздел и далее целиком посвящен данной теме.

1. Проблемы общей теории права и государства : учеб. для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М. : Норма, 2004.
2. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / предисл. И.Ю. Козлихина. 2-е изд. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004.
3. Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. 2-е изд. Т. 1 / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги ; примеч. С. Л. Кравца и др. М. : Мысль, 1990.
4. Трубещкой Е.Н. Труды по философии права / вступ. ст., сост. и примеч. И.И. Евлампиева. СПб. : Изд-во РХГИ, 2001.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. Минск : Акад. МВД, 2011.
6. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984.
7. Шумихин В.Г. Квалификация преступлений – интегральное правовое понятие // Изв. вузов. Правоведение. 2006. № 3.
8. Лопатин Л.М. Статьи по этике. СПб. : Наука, 2004.
9. Левицкий Г.А. Квалификация преступлений : учеб. пособие. М. : Акад. МВД СССР, 1981.
10. Раюг А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002.
11. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2001.
12. Галаган И.А., Василенко А.В. К проблемам теории правоприменительных отношений // Государство и право. 1998. № 3.
13. Лазарев В.В. Применение советского права. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1972.
14. О приговоре суда [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. суда Респ. Беларусь, 28 сент. 2001 г., № 9 : в ред. постановлений пленума Верхов. суда от 22.12.2005 № 13, 19.12.2008 № 10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. О назначении судами уголовного наказания [Электронный ресурс] : постановление пленума Верхов. суда Респ. Беларусь, 26 марта 2002 г., № 1 : в ред. постановлений пленума Верхов. суда от 25.09.2003 № 11, 20.12.2007 № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. О некоторых вопросах применения уголовно-процессуального закона в суде первой инстанции [Электронный ресурс] : постановление пленума Верхов. суда Респ. Беларусь, 26 сент. 2002 г., № 6 : в ред. постановлений пленума Верхов. суда от 22.12.2005 № 13, 19.12.2008 № 11, 24.09.2009 № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Шеллинг Ф.В.Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Сочинения : в 2 т. : пер. с нем. Т. 2. М. : Мысль, 1989.
18. Зеньковский В.В. История русской философии. М. : Акад. проект, Раритет, 2001.
19. Ильин И.А. О сопротивлении злу силой. М. : ДАРЬ, 2005.
20. Апресян Р.Г. Ценности // Ценности гражданского общества и личность. Книга учителя / сост. А.И. Михайлова ; отв. ред. Р.Г. Апресян. М. : Гардарики, 2001.
21. Апресян Р.Г. Справедливость // Там же.
22. Нерсесянц В.С. Сократ. М. : Изд. группа ИНФРА-М – НОРМА, 1996.
23. Ильин В.В. Аксиология. М. : Изд-во МГУ, 2005.
24. Дмитриев А.В. Конфликтология : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2002.
25. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. 2-е изд., доп. М. : Аспект Пресс, 1995.
26. Бабосов Е.М. Конфликтология. Минск : Право и экономика, 1997.
27. Борщов С.Г. Противоречия, развитие, практика. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1966.
28. Георгиев Ф.И., Петровичева Л.Ф. Проблема противоречия. М. : Высш. шк., 1969.
29. Зеркин Д.П. Закон единства и борьбы противоположностей : лекция. Ростов : Изд-во Рост. ун-та, 1958.
30. Штракс Г.М. Социальное противоречие. М. : Мысль, 1977.
31. Шестаков Д.А. Семья как объект криминологического исследования // Изв. вузов. Правоведение. 1992. № 4.
32. Организация деятельности участковых уполномоченных милиции в вопросах и ответах : учеб. пособие / МАУ МВД России. М. : Щит-М, 2005.
33. Предупреждение преступлений, совершаемых на почве семейно-бытовых отношений : учеб. пособие / под ред. В.А. Кузнецова. Киев : НИИРЮ Киев. высш. шк. МВД СССР им. Ф.Э. Держинского, 1989.
34. Предупреждение семейно-бытовых правонарушений : учеб. пособие / под ред. А.Ф. Лопушанского. М. : Наука, 1989.
35. Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева ; примеч. С. Л. Кравца [и др.]. М. : Мысль, 1990.
36. Павлов В.И. Смысл любви в философии Вл. Соловьева и православной традиции: вопросы соотношения // Церковь перед вызовом глобальной цивилизации : материалы 13-й Междунар. Кирилло-Методиев. чтений, посвящ. Дням славян. письменности и культуры, Минск, 24–26 мая 2007 г. / Ин-т теологии им. св. Мефодия и Кирилла, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств ; отв. ред. и сост. А.Ю. Бендин. Минск : Ковчег, 2008.

---

6. ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ КАК НЕКЛАССИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ НАУКИ

После распада советского государства и полноценного включения русскоязычной науки в международное научно-исследовательское пространство стало возможным осваивать ранее неисследованные области гуманитарного знания. Вовлечение Беларуси и всех постсоветских республик в общеевропейские и мировые процессы повлекло за собой и некоторое объединение гуманитарного проблемного поля, осознание общности стоящих перед мировым научным сообществом проблем существования общества и государства. Одновременно с этим постсоветская действительность столкнулась с ранее не известным феноменом постсовременности ([пост]неклассичности), который к тому моменту уже был достаточно разработан в западноевропейской гуманитарной науке. Одним из производных элементов постсовременности в социальном плане выступил феномен конфликта, который в советской действительности считался отсутствующим и соответственно интеллектуально не разрабатывался. Западный же опыт социального бытия давно доказал научную состоятельность и нормальность конфликтной модели общества, а самому конфликту при определенных условиях придавалось позитивное значение в социальной жизни. В связи с этим в русскоязычном гуманитарном пространстве применительно к постсоветской специфике возникла потребность адекватной разработки теории социального конфликта для ее приложения в различных областях жизнедеятельности общества. Одной из наиболее значимых задач в этом смысле явилась разработка теории юридического конфликта, которая и была представлена юридической конфликтологией.

Юридическая конфликтология претендует на неклассический статус по отношению к классическому юридическому дискурсу, поскольку, как будет показано ниже, она связана с переосмыслением традиционных и устоявшихся юридических концептов, смещением привычных правовых смыслов, определенной сменой методологической картины видения правовой реальности. Ключевые моменты неклассического статуса юридической конфликтологии можно лаконично выразить в следующих положениях: 1) отрицание юридического изоляционизма; 2) определение социально значимой телеологии и онтологии в качестве ведущих критериев оценки правового регулирования отношений; 3) следующий за этим междисциплинарный синтез и понятийно-категориальный прорыв классических сугубо юридических понятий и категорий в направлении углубления их содержания за счет обналичивания условности юрицизма, а за ним и условной ценности юридической сущности как самодостаточной автономной структуры и выдвигения на первый план правовой реальности как таковой; 4) соответственно смена и дополнение методологического инструментария (составы, структуры, классификации, принципы построения категорий и т. д.) познания и описания правовой реальности в части правового поведения и правовых отношений субъектов права (правонарушение – юридический конфликт, спорное правоотношение – юридический конфликт, дополнение состава правонарушения структурой противоправного конфликта и т. д.).

В данном разделе рассмотрены основные проблемы становления и развития юридической конфликтологии на современном этапе. Первый параграф посвящен общему описанию юридической конфликтологии как нового научного направления и ее месту в системе традиционного юридического знания. Вопросы методологического переосмысления правоприменительной деятельности в контексте разрешения юридических конфликтов рассматриваются во втором параграфе. С учетом целей, которые ставит перед собой юридическая конфликтология (разрешение социальных (юридических) конфликтов и достижение замиренной социальной среды), предлагается модель (технология) правоприменительного разрешения юридических конфликтов, представляющая собой конфликтологическую модификацию классического правоприменительного процесса. В третьем и четвертом параграфах исследуются вопросы понятийно-категориального становления юридической конфликтологии в условиях ее корреляции с классическим юридическим дискурсом и его понятийно-категориальным аппаратом – осуществляется сравнительно-правовой анализ категорий «юридический конфликт – правоотношение» и «правовой интерес субъекта юридического конфликта – субъективное право, обязанность и законный интерес стороны правоотношения». Пятый параграф посвящен такому разрабатываемому сегодня в рамках юридической конфликтологии неклассическому для традиционного юридического процесса направлению разрешения юридических конфликтов, как альтернативные процедуры разрешения юридических конфликтов. Последние в качестве самостоятельного научно-юридического направления, а затем и практического движения («альтернативного движения») во второй половине XX в. возникли на Западе и явились своего рода адекватным средством досудебного реагирования на множество юридических конфликтов. С перенесением данного способа разрешения юридических конфликтов на отечественную почву помимо положительных ожиданий от использования альтернативных процедур возник ряд проблем, прежде всего методологического характера, связанных с местом и значением данного института в традиционном юридическом процессе, а также с его конкуренцией по отношению к последнему. Эти и некоторые иные вопросы нашли подробное отражение в заключительном параграфе настоящего раздела.

6.1. Юридическая конфликтология как новое научное направление и ее место в системе традиционного юридического знания

Юридическая (правовая) конфликтология является новым междисциплинарным научным направлением, претендующим на статус неотъемлемой структурной части современной социологии права и в то же время стремящимся к выделению в автономную область правовых исследований. Формирование юридической конфликтологии как самостоятельного научного направления пришлось на начало 90-х гг. XX в., когда с распадом СССР возникла насущная потребность разрешать различные конфликты (прежде всего, политические) правовыми средствами. В советский период в условиях фактического отсутствия методологического плюрализма и доминирования установки на бескон-

фликтность социалистического общества такого опыта у правоведов, да и не только, фактически не было, поэтому уже начиная с 1993 г. коллективом специалистов под руководством академика РАН В.Н. Кудрявцева впервые была предпринята попытка дать базовое представление о юридико-конфликтологической проблематике [1]. Существенное влияние на активизацию юридико-конфликтологических исследований оказал также проведенный в ноябре 1993 г. Институтом государства и права РАН научный семинар на тему «Юридическая конфликтология – новое направление в науке» [2]. В дальнейшем начиная с 1995 г. и по настоящее время защищаются диссертационные исследования по юридической конфликтологии, периодически выходят в свет научные статьи, касающиеся тех или иных юридико-конфликтологических проблем, юридическая конфликтология завоевывает свое место в учебной литературе [3–7].

Характерно, что именно в первой половине 90-х гг. XX в. в постсоветских республиках по известным причинам обострились различного рода социальные конфликты. Именно в данный период экономические, политические и иные социальные предпосылки, вызванные общим кризисом и переходным периодом развития постсоветского общества и государства, способствовали становлению юридической конфликтологии. Действительно, юридическая конфликтология зародилась как научное направление, призванное решить социальные проблемы правовыми средствами, как реакция на происходившие события в бывших советских республиках со стороны юридического научного сообщества. Но по прошествии более чем 10 лет с момента появления первых работ по юридической конфликтологии ситуация значительно изменилась, поскольку непосредственная причина, обусловившая зарождение юридической конфликтологии в 90-х гг., утратила актуальность. Вместе с тем актуальность и продуктивность конфликтологических исследований в праве сегодня не вызывает сомнений.

Юридическая конфликтология, будучи отраслью междисциплинарного знания, содержит в себе глубокий потенциал для исследования традиционных юридических проблем в их качественно новой постановке, под новым углом зрения благодаря возможности их познания с помощью междисциплинарных связей и комплексной научной методологии (юридической, социально-психологической, конфликтологической и др.). Совершенно прав в этой связи В.С. Жеребин в своем утверждении о том, что юридическая конфликтология изучает такое сущностное «своеобразие противоборства физических и юридических лиц, которое в полном объеме не рассматривают другие юридические науки» [8, с. 14]. Такая фундаментальная юридическая наука, как общая теория права, например, несмотря на достаточную широту предмета своего исследования, все же «не дотягивается» до тех важных

сущностных особенностей возможного конфликтного взаимодействия между субъектами права, которые способна вскрыть юридическая конфликтология. Традиционно выработанные понятия и категории общей теории права, с одной стороны, позволяют все более усовершенствовать уровень теоретического познания исследуемых явлений, с другой стороны, как бы ограничивают, сдерживают, не дают возможности проникнуть в глубь явления, поскольку и юридическое конфликта как такового для общей теории права сегодня не существует, она его просто не видит, а всегда имеет дело либо с правоотношением и его структурой, если в конфликтном отношении субъектов право не нарушено, либо с правонарушением и его составом, соответственно когда имеется факт нарушения правовой нормы. Отраслевые же юридические науки вроде бы и видят фактическое проявление юридического конфликта как такового, однако, основываясь на разработанных общетеоретических правовых положениях и отраслевом законодательстве и будучи в их рамках, ограничиваются исследованием различных видов правоотношений и правонарушений. И даже если отраслевой специалист и использует термины «конфликт», «конфликтный» и т. п. (как правило, это имеет место в уголовном праве при характеристике различных видов преступлений), то чаще всего такое использование представляет собой, по сути, синонимичную замену и не более того, и с такой позиции всякое преступление можно назвать «конфликтом», в который «вступил» преступник.

Юридическая конфликтология предлагает при разрешении соответствующего процесса конфликтного взаимодействия (правомерного или противоправного) между субъектами права не ограничиваться традиционным установлением внешних, формально-правовых критериев для признания того или иного факта преступлением или вынесением решения в пользу одной стороны правоотношения, а познавать и внутренние, глубинные, сущностные причины конфликтного правомерного или противоправного взаимодействия субъектов посредством рассмотрения каждого такого случая как юридического конфликта во всей системе его взаимосвязей и характеристик. С теоретической точки зрения происходит существенное обогащение понятийно-категориального аппарата, научной методологии как общетеоретических, так и отраслевых юридических дисциплин. С практической точки зрения правоприменитель получает дополнительную информацию, существенно влияющую на адекватность принимаемого им правоприменительного решения. В целом же все это направлено на достижение единой цели – повышения реальной (юридической и фактической) эффективности правового регулирования общественных отношений посредством не только формально-правового, но и действительного (последнее с предыдущим совпадает далеко не всегда) разрешения, снятия противоречий в индивидуальных конфликтных жизненных ситуациях.

Реализация познавательного потенциала юридической конфликтологии обусловила необходимость не только использования познавательных средств юридической науки, но и учета общеконфликтологических, социологических, психологических, нравственных аспектов проявления конфликтного взаимодействия между субъектами в процессе правового регулирования отношений, говоря по-другому, определила применение средств различных наук в системе единого комплексного междисциплинарного научного направления, которое исходя из своего предмета исследования наиболее органично и заняло свое место в системе социологии права. Последняя, также выступая междисциплинарной областью научного знания, благодаря объединению в себе познавательных ресурсов юридической науки как системы наук о праве и государстве и общей социологии как науки о закономерностях формирования, развития и функционирования общества оказалась наиболее приемлемой для органического включения в себя юридической конфликтологии.

Для успешного решения стоящих перед юридической конфликтологией задач необходимо определить единую систему методологических координат. В данном случае необходима четкая разработка понятий самой юридической конфликтологии как самостоятельного научного направления, ее предмета и методов исследования, истоков юридической конфликтологии в теориях социального конфликта, понятия юридического конфликта и его соотношения с конфликтом социальным, сущности, структуры (состава), динамики, типологии, механизмов разрешения юридических конфликтов, а также ряда иных вопросов методологического характера, связанных прежде всего с переосмыслением эпистемологического статуса традиционных юридических категорий и понятий для работы с ними в рамках теории юридического конфликта (правонарушение, правоотношение, правомерное/противоправное поведение, структура правоотношения и т. д.). В связи с этим понятно, что предлагаемый подход к исследованию конфликтного правового поведения по отношению к классическому юридическому дискурсу является своего рода неклассической методологической платформой (в следующих параграфах данного раздела это будет наглядно представлено на конкретных сопоставлениях), полноценная разработка которой находится пока на уровне теоретического освоения. Но в целом в рамках единого неклассического юридического дискурса, который, несмотря на свой становящийся характер, в последнее время вбирает в себя все новые исследования, уже сегодня есть успешные опыты апробации этой методологии применительно к юридической практике [9].

В юридической литературе до настоящего времени отсутствует единый подход к пониманию юридической конфликтологии как самостоятельного научного направления. Авторы первой коллективной мо-

нографии по юридической конфликтологии только констатируют, что юридическая конфликтология является новым междисциплинарным научным направлением, находящимся на стыке социологии, психологии и юриспруденции [10, с. 4]. Российский исследователь В.В. Лапаева указывает, что юридическая конфликтология представляет собой «направление исследований в рамках социологии права, формирующееся на стыке конфликтологии и юриспруденции» [7, с. 250]. Разумеется, попытки таким образом определить юридическую конфликтологию могут претендовать лишь на общую характерную особенность данной отрасли знания. Значительно содержательнее дефиниция, приводимая В.В. Касьяновым и В.Н. Нечипуренко, где юридическая конфликтология определяется как «область конфликтологии, предметом изучения которой является юридический конфликт, а также правовые нормы и акты, определяющие правовой статус индивидов, социальных общностей и групп, институтов и организаций в контекстной ситуации» [11, с. 425]. Но, во-первых, непонятно, по какой причине юридическая (правовая) конфликтология относится исследователями к области конфликтологии, а не социологии права, что было бы в данном случае гораздо логичнее, а во-вторых, при определении юридической конфликтологии через ее предмет последний не дает возможности отделить рассматриваемую отрасль знания от криминологии или, скажем, уголовного права. Отечественные авторы И.К. Галко и С.Ф. Сокол в своем курсе лекций вообще не приводят дефиниции юридической конфликтологии, ограничиваясь лишь указанием на то, что данная отрасль знаний «изучает и обобщает те социальные конфликты, которые характеризуют их с позиций или в аспекте права» [12, с. 134]. В.С. Жеребин отмечает, что «правовая (юридическая) конфликтология есть научная дисциплина, предметом которой является изучение конфликтов, их различных состояний, форм и видов проявления, возникающих, развивающихся, дифференцируемых и преодолеваемых в рамках действующей юридической системы общества» [8, с. 11]. Известный же российский конфликтолог-правовед Т.В. Худойкина указывает, что «юридическая конфликтология – это наука о закономерностях возникновения, развития, завершения юридического конфликта, способах его конструктивного разрешения и предупреждения» [6, с. 23]. Представляется, что последнее определение с методологической точки зрения более точно отражает понятие юридической конфликтологии, учитывая отмеченную автором предметную характеристику науки – выявление закономерностей конфликтов, а не просто сами конфликтные проявления.

Исходя из осуществленной выше характеристики юридической конфликтологии как нового направления исследования и структурного элемента социологии права, *юридическую конфликтологию* следует

определить как *комплексное междисциплинарное научное направление в рамках социологии права, изучающее закономерности возникновения, развития и завершения юридических конфликтов, правовые формы их предупреждения и завершения.*

Поскольку юридическая конфликтология рассматривается как структурная часть социологии права, то соответственно предмет социологии права охватывает и предмет юридической конфликтологии. Однако в силу конкретности объекта познания юридической конфликтологии в системе социологии права, ее сосредоточенности на юридических конфликтах и связанных с ним социально-правовых явлениях в рамках социологии права следует дать определение предмета юридической конфликтологии, полностью входящего в предмет социологии права.

Под *предметом юридической конфликтологии* следует понимать *закономерности возникновения, развития и завершения юридических конфликтов, правовые формы их предупреждения и завершения.* Именно о выявлении и познании закономерностей, как повторяющихся существенных связей, при проявлении юридических конфликтов следует вести речь в данном случае. Хотя Т.В. Худойкина, равно как и ряд других авторов, и определяет, что предметом юридической конфликтологии является «собственно юридический конфликт» [6, с. 11], однако, в сущности, если быть более точным, речь идет о выявлении закономерностей его проявления и построения на их основе научного аппарата (определения понятия, сущности, структуры, стадий развития, форм завершения юридического конфликта и т. д.), необходимого для достижения самой цели юридической конфликтологии – разработки теоретического и практического инструментария эффективного разрешения юридических конфликтов в процессе правового регулирования общественных отношений.

Проблема предмета юридической конфликтологии заключается в недостаточной разработанности понятия «юридический конфликт», что позволяет отдельным исследователям высказывать сомнения относительно возможности непротиворечивого выделения такого понятия и построения на его основе самостоятельного научного направления [2]. Основания для таких заявлений имеются, поскольку не только с юридическим конфликтом, но вообще с категорией «конфликт» у ученых имеются определенные сложности при попытке его единого определения.

От понимания юридического конфликта как предметообразующего понятия зависит понимание всего познавательного поля юридической конфликтологии, в том числе причин, сущности, видов, стадий развития, механизмов и последствий разрешения юридического конфликта, и как будет осмыслен последний, в таком же контексте и будут развиваться и исследоваться присущие ему характеристики. Но это отнюдь не означает, что понятию «юридический конфликт» можно придавать

любое значение, что одновременно непротиворечиво могут развиваться несколько направлений юридической конфликтологии, в которых конфликт понимается по-разному. Юридическая конфликтология не должна дублировать уже имеющиеся отрасли знания, но должна своим особым методологическим образом решать те междисциплинарные задачи, постановка и решение которых ранее не осуществлялись. Еще раз отметим, что речь идет о таком междисциплинарном срезе знания, на котором происходит рассмотрение правомерных или противоправных конфликтных взаимодействий между субъектами права сквозь призму категории юридического конфликта, т. е. об их анализе не просто как правового отношения или факта нарушения права, ограничивающегося выяснением формально-правовых признаков – субъективных юридических прав и обязанностей сторон правоотношения или элементов (признаков) юридического состава правонарушения, а как случая жизненного конфликта во всей системе его фактических характеристик (действительные причины, условия возникновения и т. д.), который законодатель, так сказать, юридицирует, т. е. заключает в заранее определенную правовую форму разрешения.

Предметное поле юридической конфликтологии независимо от методологической направленности дальнейшего развития данного научного направления в любом случае должно охватывать познание некоего минимума вполне определенного круга вопросов. Некоторые специалисты в сфере юридической конфликтологии предлагают все эти вопросы разделить на два уровня: теоретический и прикладной (технологическо-практический) [6, с. 11]. С такого рода делением предметного поля юридической конфликтологии в целом следует согласиться, поскольку данная отрасль знания своей конечной целью имеет все-таки разработку практических механизмов эффективного разрешения юридических конфликтов, достижение которой соответственно без догматического исследования закономерностей проявления юридического конфликта и их оформления в специальный научный аппарата невозможно. Встречаются и иные варианты членения предметного поля юридической конфликтологии. В частности, российский исследователь Р.А. Ромашов полагает, что «в системе юридической науки конфликтологию целесообразно рассматривать в единстве общетеоретического, отраслевого и прикладного аспектов». В общетеоретическом аспекте исследуются догматические положения, в отраслевом – «характерные особенности конфликтов, регламентированных нормами соответствующих отраслей (конфликты в сфере конституционного права, уголовного права, административного права и т. д.)», в прикладном – средства, способы и технологии, при помощи которых и в рамках которых осуществляется преодоление юридических конфликтов (к числу таких наук относятся криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-

розыскная деятельность и др.) [13, с. 11]. С таким подходом также можно согласиться, поскольку он соответствует системе юридического научного знания и вроде бы подтверждает триединое (теоретическое, отраслевое и прикладное) содержание предмета согласно междисциплинарному статусу юридической конфликтологии. Тем не менее выделение наряду с теоретическим и прикладным еще и отраслевого аспекта в предмете юридической конфликтологии, хотя таковое и допустимо, является излишним, поскольку разработка механизмов и рекомендаций разрешения юридических конфликтов на практическом уровне невозможна без учета специфических особенностей той или иной отрасли права и юридических конфликтов, в ней проявляющихся.

Не выделяя отдельно отраслевой срез предметного поля юридической конфликтологии, но распределяя его между теоретическим (закономерности проявления отраслевых юридических конфликтов) и соответственно практическим (особенности разрешения юридических конфликтов в отдельных отраслях права) уровнями, укажем те основные вопросы, которые и составляют два уровня познания предмета юридической конфликтологии.

Теоретический уровень:

понятие и сущность юридического конфликта и его признаки;
структура (состав) юридического конфликта;
классификация юридических конфликтов;
место юридического конфликта среди иных социально-правовых явлений;
функции юридического конфликта.

Практический уровень:

понятие динамики юридического конфликта;
возникновение, развитие и завершение юридического конфликта;
предупреждение юридического конфликта;
правовые и внеправовые формы разрешения юридического конфликта;
основы разработки механизмов (технологий, рекомендаций, процедур и т. д.) эффективного разрешения юридического конфликта;
особенности разрешения юридических конфликтов в различных отраслях права.

Представленный перечень вопросов является примерным, в процессе развития юридической конфликтологии он может дополняться, уточняться, однако сама взаимосвязь теоретического и практического уровней познания закономерностей проявления юридического конфликта, и более того, необходимая первичность догматического исследования с последующим его преломлением к исследованию практическому очевидна.

Вопрос о предмете исследования всегда взаимосвязан с характеристикой тех средств, приемов и способов, с помощью которых всякая

отрасль научного знания осуществляет познание своего предмета. Как справедливо заметил В.С. Нерсесянц, «в специфике предмета юридической науки выражена и специфика ее метода» [14, с. 14], поэтому сразу следует отметить, что методология юридической конфликтологии обусловлена своеобразием ее предмета.

Под *методологией юридической конфликтологии* следует понимать *системную совокупность особых приемов, способов, средств познания закономерностей возникновения, развития и завершения юридических конфликтов, правовых форм их предупреждения и завершения*. Юридическая конфликтология, исходя из сложившейся структуры методов научного познания, использует всю их системную совокупность. Согласно традиционному подходу к системе методов научного познания через три основные категории – всеобщего (философского, мировоззренческого), общенаучных и частнонаучных методов – применительно к юридической конфликтологии рассмотрим используемые ею методы научного исследования и их значение в познании предмета данной отрасли знания.

Всеобщий (философский, мировоззренческий) метод представляет собой такой способ познания, который определяет самые общие, принципиальные, отправные положения любой системы знания. Всеобщий метод еще часто называется *общеметодологической основой* исследования, поскольку он определяет исходную точку, некое цельное видение исследователем той проблемы, к исследованию которой он приступает. В качестве *общеметодологической основы* исследования (всеобщего метода) выступают различные философские и иные мировоззренческие направления, которые содержат в себе учение о должном порядке вещей. К ним относятся диалектика (материалистическая и идеалистическая), утилитаризм, позитивизм, христианское учение и др. Исследователь, приступая к изучению той или иной проблемы, как правило, уже является носителем определенной системы самых общих взглядов на бытие, которые принципиально определяют использование им частных методов познания. Интересным является то обстоятельство, что принятие ученым этих общих положений возможно только в условной, относительной форме, так сказать, на веру, поскольку доказанными в том смысле, в котором это предполагается в системе научного знания, они быть не могут.

Научное знание советского государства по известным причинам характеризовалось абсолютным доминированием на мировоззренческом уровне познания диалектико-материалистического метода, разработанного К. Марксом и Ф. Энгельсом и переработанного диалектиками советской школы. Диалектический подход остается доминирующим и по сей день, что объясняется достаточно развитым научным аппаратом, наличием богатой традиции исследования, ясности и относительной

простоты законов и категорий диалектики. Применительно к юридической конфликтологии использование диалектического подхода предполагает рассмотрение социального конфликта как объективного явления, возникающего в результате постоянного развития общества, в основе социального конфликта всегда находятся определенные социальные противоречия, которые и снимаются самим конфликтным актом, и т. д.

Всеобщий метод познания сам непосредственно не дает возможности познания юридических конфликтов – он, определяя самые общие положения, разворачивается затем от общего к частному в более конкретных методах исследования. Но при разработке научной теории, в частности теории социального или юридического конфликта, общеметодологическая основа выступает ключевым положением всякого исследования. Такие вопросы, как действительные причины социальных конфликтов (экономические, политические, культурные, юридические противоречия или недостаточность интеллектуального, нравственного, духовного уровня развития людей и т. д.), возможность или невозможность на этом основании абсолютного устранения конфликтов из жизни общества, позитивное или негативное значение конфликтов в целом в отношениях между людьми и ряд других, и составляют методологический каркас всякого конфликтологического учения. Анализируя ниже различные теории социального конфликта, мы посмотрим, как всеобщий метод, выступая парадигмой исследования, определяет все частные следствия той или иной концепции.

Общие методы научного познания представляют собой средства познания, которые используются во всех областях научного знания с учетом предметной специфики каждой из них. К ним относятся системный, структурно-функциональный методы, моделирование, анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение, эксперимент и ряд других.

Юридическая конфликтология при познании своего предмета действует практически всю систему общенаучных методов познания. Системный метод или подход представляет собой такой способ познания, который предполагает рассмотрение объектов как систем, что ориентирует на раскрытие целостности объекта, выявление в нем многообразных типов связей и сведение их в единый порядок. При системном подходе к исследованию юридических конфликтов вся совокупность социальных взаимодействий (юридических, политических, экономических и др.) представляется как некий единый порядок, выявляются взаимосвязи и взаимозависимости юридического конфликта с иными типами социальных взаимодействий, выясняется место юридического конфликта в этом порядке и т. д.

Структурно-функциональный метод предполагает познание юридического конфликта посредством изучения его внутреннего строения (структуры), рассмотрения составляющих его элементов и в то же вре-

мя выяснения места юридического конфликта как составного элемента другой, более общей структуры. Структурные элементы юридического конфликта (субъекты, объекты и др.) подлежат описанию с точки зрения их функциональной характеристики.

Моделирование как общенаучный метод в юридической конфликтологии находит, пожалуй, самое частое применение. Данный метод исходит из предположения о том, что между различными объектами могут устанавливаться взаимно однозначные соответствия, так что, зная характеристику одного из них (модели), можно с достаточной определенностью судить о другом (оригинале). На этом основании исследователи осуществляют построение теоретических моделей юридических конфликтов, технологий и механизмов их разрешения, занимаются их тщательным изучением, после чего распространяют полученные сведения на оригиналы, имеющие место в действительности, в том числе и посредством эксперимента – еще одного часто применяемого общенаучного метода познания. Моделирование не следует представлять как некое абсолютное отвлечение, напротив, построение модели всегда осуществляется на основе собранного эмпирического материала.

Анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение (аналогия) как общие формально-логические приемы, или методы, научного познания постоянно используются каждым ученым при аргументации научных положений, для исключения неточностей и противоречий, правильного и последовательного построения научной теории. В юридической конфликтологии, равно как и в любой иной отрасли знания, указанные общеизвестные методы познания находят свое широкое применение. Так, для установления сущности юридического конфликта необходимо провести его анализ, т. е. осуществить процесс выделения составляющих его частей, дойдя до первоначал – простейших элементов, после чего подвергнуть их изучению. Синтез же предполагает обобщение данных, полученных в ходе анализа юридического конфликта, с целью получения качественно нового знания о нем. Дедукция как способ нисхождения от общих положений к частным выводам предполагает, например, на основе знания основ теории социального конфликта делать частные выводы о конфликте юридическом. Индукция как восхождение от частных фактов к общим выводам полагает возможным на основании изучения каких-либо особенностей проявления отраслевых юридических конфликтов сделать общие выводы о юридических конфликтах в целом.

Все общенаучные методы познания тесно взаимосвязаны друг с другом, в процессе исследования они используются в едином познавательном комплексе.

Частные (специальные) методы научного познания – такие средства, способы и приемы исследования, которые вырабатываются и при-

меняются только одной наукой, в нашем случае социологией права либо ее научным направлением – юридической конфликтологией. На вопрос о том, выработала ли на сегодняшний день юридическая конфликтология какой-либо свой специальный метод исследования, следует, пожалуй, ответить отрицательно. Дело здесь не в том, что юридическая конфликтология не способна это сделать, а в том, что такая задача перед данной отраслью знания не стоит. Юридическая конфликтология – междисциплинарное научное направление, и задача ее заключается прежде всего в обогащении юридической науки за счет методологических положений социологии, психологии, нравственной философии и ряда других смежных дисциплин, дабы расширить и углубить познавательные границы юриспруденции. Следует согласиться с мнением Т.В. Худойкиной о том, что «комплексность исследования юридического конфликта предполагает его изучение с применением комплексной методологии и средств различных наук как целого явления» [6, с. 12]. Отсутствие специального юридико-конфликтологического метода несколько не умаляет познавательных способностей направления в целом. Возможно, со временем юридической конфликтологией и будет разработан какой-либо специальный научный инструмент для познания исключительно закономерностей возникновения, развития и завершения юридических конфликтов, но сущности познавательных задач и способностей дисциплины он значительно не изменит.

Некоторые социологи права все же ведут речь о специальном методе юридических социологических и следовательно конфликтологических исследований. В частности В.В. Лапаева, поддерживая мнение В.С. Нерсесянца, отмечает, что «основным методом юридического познания, в том числе и в сфере социологии права, является та или иная концепция правопонимания, применяемая для исследования и объяснения правовых явлений и правовых аспектов социальной жизни», причем этот «основной метод» именуется «специфическим юридическим методом познания» [7, с. 29]. Но если концепция правопонимания и допустима для использования в качестве познавательного научного инструмента социологии права, то, во-первых, она должна использоваться как всеобщий (мировоззренческий) метод, а во-вторых, для юридической конфликтологии как направления все-таки конкретно-юридического вопроса правопонимания является второстепенным.

Подводя итог рассмотрению методологии юридических конфликтологических исследований, отметим, что от правильности использования системы методов научного познания зависит и достоверность полученных научных результатов. Еще раз укажем, что для юридической конфликтологии особо важен всеобщий, мировоззренческий метод, который позволяет прежде всего верно увидеть проблему, обозначить общие положения ее разрешения, от чего практически всегда зависит

реализация конкретной задачи. Неверная общеметодологическая установка может определить неверное направление исследования, исказить полученные результаты. Общенаучные и частнонаучные методы исследования должны только конкретизировать, раскрывать через себя всеобщий метод и занимать соответствующее иерархическое положение в методологической системе. Изменение порядка применяемых методов, игнорирование всеобщего метода и фактическая подмена его каким-либо иным, например методом социологических исследований или эксперимента, может привести к ошибочным выводам.

Как мы уже отмечали выше, количество исследований в рамках неклассического юридического дискурса в последнее десятилетие становится все большим, причем степень их конкретно-правовой отдачи тем эффективнее, чем тщательнее разработан теоретический аппарат и общие методологические установки. В следующем параграфе мы представим общеметодологический каркас юридической конфликтологии на основе деятельности по применению правовых норм, т. е. в той области, на которую в принципе и рассчитаны юридико-конфликтологические разработки.

6.2. Методологическая модификация правоприменительной деятельности в контексте разрешения юридических конфликтов

Перед тем как непосредственно приступить к изложению общеметодологических основ юридической конфликтологии на основе деятельности по применению правовых предписаний, следует вновь хотя бы бегло вернуться к описанию социокультурных и связанных с ними методологических предпосылок возникновения юридической конфликтологической теории как на исследовательских просторах бывшего СССР, так и в мировом научном пространстве.

Как мы уже отмечали, с начала 90-х гг. XX в. на постсоветском пространстве как самостоятельный научный феномен стал активно исследоваться юридический конфликт. Полноценная традиция изучения юридических конфликтов – их сущности, разновидностей, особенностей возникновения и развития, механизмов разрешения и т. д. – в советской науке отсутствовала. Советская идеологема постулировала бесконфликтную социальную модель, своеобразно интерпретируя теорию социального конфликта К. Маркса, хотя последний на Западе всегда считался одним из родоначальников конфликтного функционализма. Идеологическое признание конфликтности общества произошло на рубеже 80-х и 90-х гг. XX в., когда конфликтный функционализм был принят бывшими советскими республиками на общегосударственном уровне, причем принят априорно, в сущности, в качестве догмы. Конфликтологическое направление в социологии (Г. Зиммель, Р. Дарен-

дорф, Л. Козер и др.), которое и осуществило разработку конфликтной модели общества, между тем стало доминирующей доктриной в Западной Европе и Северной Америке только в 60–70-х гг. XX в. Причем вытеснение на Западе функционального направления в социологии (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс), которое основывалось на положении об относительно стабильной и интегрированной природе общественного устройства и патологическом характере социального конфликта, происходило естественно по мере так называемого усложнения западноевропейских обществ как открытых социальных систем (появление культуры потребления, стремительная экспансия масс- и медиакультуры, создание виртуализированных средств финансовых расчетов, развитие высоких технологий и внедрение их в различные сферы жизнедеятельности общества и т. д.) и было тесно связано с невозможностью нормативного контролирования социальных процессов, в них происходящих. Непосредственно с этим и связана разработка социологии сложных социальных систем на Западе. Немецкий социолог XX в. Н. Луман, перенеся нейробиологические принципы аутопойезиса на социальные системы, отстаивал положение, согласно которому в сложных (современных) обществах социальные системы «непрерывно интегрируются и дезинтегрируются, связываются лишь на мгновения и тотчас же вновь высвобождаются для самостоятельных операций подключения» [15, с. 16]. Сегодня конфликтный функционализм как социологическое направление, разработанное на эмпирической базе западных обществ, претендует на топологическую универсальность, причем его основная задача заключается в прогнозировании, предупреждении и разрешении социальных конфликтов исходя из предполагаемых аутопойетических свойств общества как сложной самовоспроизводящейся и саморегулирующейся социальной системы.

Развитие советского и постсоветского общества происходило по иной логике, и полноценного приживания западных социологических моделей на нашей почве не произошло. Одна из причин такого положения дел заключается в инаковости социальной структуры, определяемой культурными, политическими, хозяйственными, ментальными и нравственно-религиозными особенностями народов бывшего СССР (в особенности России, Беларуси, Казахстана, Украины), которые в значительной степени воспроизводятся на уровне коллективного бессознательного. В связи с этим огромную важность приобретает вопрос об универсальности социальной конфликтологической модели, предлагаемой западной социологией, а соответственно об универсальности положения об исторически обязательном усложнении всех обществ. Характеризуя вышеприведенные взгляды Н. Лумана, современный российский философ Ф.И. Гиренок, например, говорит, что «у Н. Лумана нечеловеческий взгляд на мир... человек-кочевник выводится за пре-

делы общества... он не является частью общества» [16, с. 216]. И действительно, в сложном обществе нет места человеку, социология сложных обществ видит только «акторов», «аттракторов», «институты», «связи», «подключения», «системы», «подсистемы» и т. д., по своей сути она неантропологична. Еще одной немаловажной характеристикой функционально-конфликтной социологии является то, что ее разработка осуществлялась посредством анализа процессов усложнения развитых западных обществ в XX в., имевших в своей основе прежде всего внешнее, материальное, техническое усложнение, в то время как развитие и дореволюционного, и советского общества в первую очередь полагалось на внутреннем факторе – идее, на которую и «назывались» внешние социальные атрибуты.

Краткое описание процесса социолого-методологических трансформаций на постсоветском пространстве, с которого мы начали данный параграф, имеет важное значение, поскольку раскрывает социокультурные и методологические предпосылки, необходимые для верного понимания возросшего после распада СССР интереса к юридико-конфликтологическим исследованиям и преломлению традиционных правоприменительных процедур в контексте задач юридической конфликтологии. В частности, приведенная выше ретроспекция дает понимание методологических истоков такого нового междисциплинарного научного направления, как юридическая конфликтология, раскрывает процесс популяризации на постсоветском пространстве таких нетрадиционных для отечественной юридической практики способов реагирования государства и общества на правонарушения, как альтернативные процедуры разрешения конфликтов (Alternative Dispute Resolution, общеупотребительная в мировой практике аббревиатура ADR) – медиация, негосударственная, сделка о признании вины и др., объясняет исследовательский интерес к феномену юридического конфликта и в некоторой степени характеризует тенденцию вытеснения традиционной юридической категории «правонарушение» новой категорией «юридический конфликт». В то же время эта характеристика дает понимание неоднозначности использования ADR на постсоветском пространстве, обнаруживает сложности приживания и проблемы правоприменительной реализации новых правовых институтов (присяжные заседатели, третейский суд, посредничество и др.), методологически основанных на понимании правонарушения как юридического конфликта и претендующих на подмену традиционного публично-правового правоприменительного производства внеправовой процедурой. Нередко в современных русскоязычных исследованиях, посвященных юридико-конфликтологической проблематике, общая методологическая картина развития западной конфликтно-функциональной модели общества на пространстве бывшего СССР и ее влияния на тра-

диционную правовую систему даже не анализируется и принимается как закономерный и естественный процесс. Вместе с тем, как мы полагаем, такое положение дел не является удовлетворительным: методологические истоки, причины включения новой конфликтной парадигмы в отечественный правовой дискурс должны обязательно всецело учитываться, в случае необходимости – соответствующим образом преломляться, приспособляться под традиционный образ функционирования национальной правовой системы.

Привнесение в отечественную правовую традицию элементов западной конфликтологической доктрины, несмотря на изначально иную направленность и расположение ее базовых принципов по отношению к национальному праву, тем не менее, дает нам возможность критически пересмотреть правовые средства, наибольшим образом влияющие на конечную эффективность регулирования общественных отношений, и попытаться осмысленно приложить, адаптировать конфликтологическую методологию к национальной правовой материи. Данное положение в полной мере относится к деятельности по применению правовых норм, которая помимо традиционных для отечественной юридической науки функций в контексте конфликтологической методологии может приобрести более широкое социально-инструменталистское значение. Речь идет о том, что правоприменительная деятельность наряду с юрисдикционной функцией может выступать прямым средством разрешения юридических конфликтов, представляющих собой, в сущности, социальные конфликты, редуцированные, сведенные, как выражаются специалисты-конфликтологи, юридизированные в соответствующую (юридическую) форму их разрешения.

Традиционно в отечественной науке правоприменительный процесс рассматривается в качестве формально-юридической процедуры, основной задачей которой является специальная государственно-властная деятельность, направленная либо на нормальное возникновение, развитие и завершение конкретных правовых отношений, либо на разрешение правонарушений. Иными словами, цель правоприменительной деятельности сводится к достижению юридической эффективности правоприменения – к правильному применению правовой нормы и вынесению соответствующего правоприменительного решения по делу. Правоприменитель (судья, прокурор, следователь, дознаватель, участковый инспектор милиции и т. д.) нередко полагает, что единственной и самодостаточной целью его профессиональной деятельности является *юридически* верное и обоснованное решение и не более. И это действительно так, но лишь отчасти. Социальные внеюридические факторы неизменно сцеплены, казалось бы, с чисто юридической ситуацией, с юридическим конфликтом, но если тщательно рассмотреть природу последнего, то обнаружится, что юридическое является лишь,

как правило, следствием указанной нами выше юридизации и не более того. Сущность правового спора всегда конкретно социальна (экономические интересы, политические мотивы, нравственные претензии, психологические противоречия и т. д.), и она нередко дает о себе знать в процессе его разрешения. Юридический конфликт сопровождается целым комплексом внеюридических смыслов: прямых (проявленных, вербализированных, эксплицированных – речь, жест, мимика и т. д.) и фоновых (дословных, подразумеваемых, имплицированных – скрытых в интонации, психологическом настрое (так называемые скрытые трансакции, «субъективно-подразумеваемый смысл» Вебера)), которые опытный и высокопрофессиональный правоприменитель практически всегда использует для формально-юридического разрешения дела, хотя, как правило, *придать этим смыслам качество формально-юридической информативности не представляется возможным*. Несколько условно применяя терминологию М. Фуко, можно сказать, что деятельность по правоприменительному разрешению юридических конфликтов представляет собой синхронно разворачивающийся публичный (формально-правовой, государственно-властный) и скрытый (неявный, внеформальный, конфликтный) дискурс. Конечно, опытный и высокопрофессиональный правоприменитель действительно работает синхронно на двух уровнях, но, во-первых, это объективно является уделом немногих профессионалов, фанатов своего дела, и, во-вторых, данный процесс инструментально остается за рамками правоприменения, поскольку в правовой теории на сегодняшний день он не входит в правоприменительный комплекс. Более же часто имеют место ситуации, когда юридический «вход» (принятие дела к производству) и юридический «выход» (вынесение правоприменительного акта), казалось бы, состоялись, но конфликт по существу разрешен не был – юридически эффективно, а социально безрезультативно. Задача юридической конфликтологии в связи с этим, если обозначить ее кратко и лаконично, заключается в обналичивании скрытого правоприменительного дискурса и включении его в структуру правоприменительной теории.

Надо сказать, что в литературе все чаще высказывается мнение о необходимости расширения телеологии правоприменительной деятельности. Например, Л.А. Алексеева, проведя комплексное исследование социальной и юридической эффективности правоприменительной деятельности органов внутренних дел, отмечает, что «подход к оценке эффективности правоприменительной деятельности органов внутренних дел должен диалектически сочетать юридическую и социальную эффективность. Юридическая эффективность во многом связана с основной целью правоприменения – разрешение дела и вынесение соответствующего акта. Социальная эффективность правоприменительной деятельности связана с отдаленными целями и характеризует-

ся позитивными изменениями, происходящими в обществе в результате правоприменения». И далее: «В современных условиях ранее выработанные критерии оценки эффективности правоприменительной деятельности органов внутренних дел нуждаются в существенной корректировке, поскольку они не в полной мере учитывают соотношение юридической и социальной эффективности» [17, с. 6]. Однако, несмотря на подобные, безусловно, научно состоятельные предложения, правоприменительная практика, по нашему мнению, «не сдвинется» с места, пока не будет сделан *догматический акцент на методологической модификации целей правоприменительной деятельности и этот акцент в окончательно разработанной теоретической форме (модели) не будет апробирован и перенесен на практику*. Объективно правоприменителю в практической деятельности предпринимать самостоятельные усилия по синхронному отслеживанию наряду с юридической показателей социальной эффективности правоприменения очень сложно и обременительно, тем более когда оценка его деятельности производится на основании только результата *de jure*. *Здесь действительно необходима целостная модификация, всеохватывающий поворот правоприменения в сторону оценки его результатов с позиции социальной значимости*.

Указанная нами конфликтологическая методология, ставшая доступной в результате перенесения достижений западной конфликтофункциональной социологической модели на постсоветское пространство на рубеже 80-х и 90-х гг. XX в. и во многом явившаяся фактором, обусловившим зарождение на постсоветском пространстве такого нового междисциплинарного направления, как юридическая конфликтология, дает возможность своеобразно приспособить ее отдельные положения для модификации традиционной правоприменительной деятельности. Акцентируем внимание на том обстоятельстве, что речь не идет о механическом перенесении целостной юридической парадигмы с существенным преобладанием элементов ADR, вытеснением публично-правовых начал частноправовыми и т. д. Задача заключается в синхронном обогащении, дополнении традиционного юридического инструментария, используемого в процессе применения права, внеюридическими методологическими комплексами (социология, конфликтология, психология, теория нравственности), которые, не являясь юридическими, тем не менее оказывают существенное влияние на действительную эффективность правоприменительного решения. Те внеюридические моменты, о которых мы упомянули выше, на основании конфликтологической методологии должны определяться перед правоприменителем не просто в качестве наличествующей событийности, данности, в лучшем случае характеризующей личность, ту или иную правоприме-

нительную ситуацию, но как *за-данность* или *за-дание*, которое обязывает субъект правоприменения постигнуть цепь смыслов происшедшего юридического конфликта, напрямую связанных с социальной эффективностью предстоящего правоприменительного решения по делу.

Конечно, в дальнейшем по мере общеметодологического продвижения неклассического юридического дискурса (разработки в правовых исследованиях дискурсивной методологии М. Фуко, теории юридического поля П. Бурдьё и др.) в русскоязычных исследованиях постепенно будет осуществлен полноценный переход на иные методологические основания, что повлечет изменение ключевых положений правоприменительной теории, и в этом случае возникнет необходимость разработки новой правоприменительной модели-стратегии. Однако в связи с тем, что это дело отдаленной перспективы, сегодня за основу мы берем традиционную модель правоприменительного процесса, дополняя ее новыми конфликтологическими компонентами, которые ранее находились за пределами классической юридической мысли. На основании использования комплексной юридико-конфликтологической методологии мы разработали теоретическую модель правоприменительной деятельности по разрешению юридических конфликтов, учитывающую все те моменты, о которых мы сказали выше. Условно она получила название *«технология правоприменительного разрешения юридического конфликта»*.

Обращение к методологии юридической конфликтологии для модификации правоприменительной деятельности уже имело место в литературе. Причем отдельные научные подходы к разрешению юридических конфликтов основываются на использовании как конфликтологического, так и юридического инструментария, т. е. в общем виде следуют той логике, которую мы изложили выше применительно к предлагаемому нами подходу. Так, например, Ю.А. Тихомиров с этой целью ввел даже специальный термин «правовой режим предотвращения и устранения юридических коллизий (конфликтов)», под которым согласно авторской позиции понимается совокупность правовых институтов, нормативного массива со своими специфическими методами воздействия на коллизионные (конфликтные) процессы и ситуации [18, с. 143]. Режим, по мнению исследователя, должен включать в себя такие составные элементы, как легальное признание юридических конфликтов как явлений, возникающих, существующих и проявляющихся в различных формах, точное определение субъектов отношений, возникающих в конфликтных ситуациях и процессах, выявление причин юридических конфликтов (установление юридических противоречий), ориентация на предотвращение противоборств и ряд иных [18, с. 143–146]. Здесь явно прослеживается обращение к внеюридическим компонентам при формулировании «правового режима».

Известный специалист в области юридической конфликтологии Т.В. Худойкина сформулировала «общую технологию разрешения юридических конфликтов», включающую в себя подготовительную стадию, стадию применения способа разрешения конфликта и стадию выхода из конфликта [6, с. 40–41]. К заслугам автора можно отнести попытку осуществления синтеза юридического и конфликтологического знания в деле разрешения противоборств в правовой сфере, использования конфликтологического инструментария для разрешения юридических конфликтных инцидентов. Т.В. Худойкина предложила использовать элементы консенсуса, переговоров, посредничества при разрешении юридических конфликтов. При этом исследователь исходила из того, что «технология разрешения противоборств должна ориентироваться на согласование интересов, на компромисс как признание конфликтующими сторонами правомерности притязаний их оппонентов, а также, по возможности, на консенсус» [19, с. 143].

Необходимо отметить, что разработка и «правового режима предотвращения и устранения юридических конфликтов» (Ю.А. Тихомиров), и «общей технологии разрешения юридических конфликтов» (Т.В. Худойкина) представляет собой значительное достижение юридической науки в целом и правовой конфликтологии в частности. Здесь вполне находят подтверждение слова Д.А. Керимова о том, что сегодня благодаря слиянию и объединению юриспруденции со смежными науками и их познавательным инструментарием возникает множество новых и оригинальных методологических направлений именно на стыке наук, перспективность которых не должна вызывать сомнений [20, с. 21, 24]. Авторы, сделавшие первые попытки совместить конфликтологическое и юридическое знание посредством разработки комплексных механизмов разрешения юридических конфликтов, актуализировали данную проблему на теоретико-методологическом уровне и обозначили пути ее решения. Вместе с тем, несмотря на важную научную ценность, которую представляют описанные выше подходы, они все же имеют ряд принципиальных недостатков.

Во-первых, следует признать, что предлагаемые модели разрешения юридических конфликтов имеют весьма общий характер. Причина в том, что исследователи ставят своей задачей объять юридические конфликты во всех сферах и на основании этого создать единый (общий) механизм их разрешения. С общеметодологических позиций такой подход приемлем, однако не следует забывать, что юридическая конфликтология в большей мере является дисциплиной, ориентирующейся на практические задачи, главная из которых – предупреждение и разрешение юридических противоборств в конкретных сферах правовой действительности. Разработка же теоретических моделей разрешения конфликтов, как представляется, должна иметь конечной целью их

эффективное применение на практике в конкретном поле юридических противоборств. Ситуативность разрешения юридических конфликтов и их разнообразие предполагают разработку конкретно-определенных действий и операций, направленных на эффективное разрешение конфликта в той или иной правовой сфере.

Во-вторых, не должно оставаться без внимания и положение о том, что соединение юридического и конфликтологического инструментария для разрешения юридических конфликтов, как мы уже указывали выше, должно производиться не механически, а органично, посредством сознательного учета и эффективного взаимодополнения научных положений о юридических конфликтах и правовых средствах их разрешения, что в рассмотренных выше концепциях нашло лишь частичное отражение. Применение комплексной методологии должно исходить из четкого представления о специфичности явления юридического конфликта и возможно допустимой степени смешения юридического и внеюридического элементов в правоприменительной деятельности.

В силу указанных причин в процессе построения предлагаемой нами технологии правоприменительного разрешения юридических конфликтов мы использовали научные положения, во-первых, о социальном и юридическом конфликте как самостоятельных феноменах и специфической взаимосвязи между ними, во-вторых, об особенностях трансформации (юридизации) социального конфликта в процессе правоприменительной деятельности в юридическую форму его разрешения и его бытийной специфике уже в сугубо правоприменительном пространстве, в-третьих, о формально-организационных, тактических, коммуникативных, психологических, нравственных, эстетических и иных аспектах проявления и разрешения юридических конфликтов в правоприменительном процессе. Указанные научные положения, как мы уже упоминали, с элементами конкретно-социологического анализа были специально изучены нами в рамках диссертационного исследования [21].

Центральная идея технологии правоприменительного разрешения юридических конфликтов основывается на методологической посылке, согласно которой конфликт в правоприменительной деятельности представляет собой комплексное, цельное и в то же время сложное полиструктурное социально-правовое явление с наличием в нем, с одной стороны, противоречия реальных жизненных интересов сторон конфликта, имеющих юридическое значение (правовых интересов), зафиксированных на уровне конфликтной мотивации, с другой – формально-юридического противоречия субъективных юридических прав, обязанностей и охраняемых законом интересов. Если последнее противоречие актуализируется и непосредственно разрешается в правовых отношениях между субъектами конфликта, то противоречие правовых интересов на уровне мотивации также синхронно сопутствует юриди-

ческому противоречию, развивается и практически всегда присутствует (имплицитно или внешне выражено) в конфликтном процессе, влечет различного рода нравственные, психологические противостояния (оскорбления, недовольства, скрытые межличностные игры, противоборства и т. д.), существенно влияющие на эффективность правоприменительного разрешения конфликта. Данное доюридическое, или внеюридическое, противоречие жизненных интересов, имеющих для сторон конфликта в конечном счете юридическое значение, однако напрямую не поддающееся юридическому артикулированию, для достижения действительной эффективности правоприменительного решения также требует своего разрешения в процессе применения права.

Очевидно, что задача разрешения конфликта выходит за пределы правоприменительной необходимости и наряду с правильным применением норм права к конкретным ситуациям требует от правоприменителя совершения комплекса дополнительных действий, направленных на снятие противоречия правовых интересов, т. е. на цельное разрешение юридического конфликта, в то время как в классической правоприменительной теории (процессуальной теории) такая задача не ставилась. Это, в свою очередь, предполагает осуществление наряду с правовым и внеправового (конфликтологического) воздействия на юридические конфликты в процессе применения права. 72 % проанкетированных нами правоприменителей (судей и сотрудников органов уголовного преследования МВД Республики Беларусь) согласились с такой позицией и подтвердили необходимость принимать активное участие в преодолении нравственных, психологических и иных внеюридических противоборств в юридических конфликтах.

Следует отметить то обстоятельство, что правоприменительная практика ввиду постоянного проявления юридических конфликтов в той или иной степени всегда следовала конфликтологическим рекомендациям по разрешению конфликтных ситуаций. В частности, в правоохранительной правоприменительной деятельности выработаны и применяются тактико-криминалистические приемы и способы преодоления конфликтов при расследовании уголовных дел, изучаются особенности развития конфликтных следственных ситуаций и т. д. [22, с. 126–128]. Однако идеи о необходимости использования конфликтологического подхода не только в узкоотраслевых рамках, ограниченных задачей преодоления противодействия подозреваемого (обвиняемого), но и в правоприменении в целом для повышения эффективности правового регулирования посредством снятия конфликтных ситуаций и достижения общественного согласия практически не разрабатывались в таком контексте и стали появляться лишь в последние годы в связи с разработкой проблем юридической конфликтологии. Данная задача и решается нами посредством использования юридико-

конфликтологической методологии, нашедшей отражение в технологии правоприменительного разрешения юридических конфликтов. Последняя может быть определена как *комплекс последовательно совершаемых правоприменителем действий и операций, направленных на разрешение юридических конфликтов и сгруппированных по соответствующим стадиям правоприменительного процесса*.

В юридической науке нет единства мнений относительно количества правоприменительных стадий и их наименований, однако, как верно отмечается в литературе, «сущность процесса применения права от различия в количестве и названиях теоретически выделяемых стадий не изменяется» [23, с. 39]. Применительно к технологии разрешения юридических конфликтов считаем наиболее целесообразным взять за основу развитие правоприменительного процесса в трех классических стадиях: установления фактических обстоятельств (фактической основы) дела, выбора и уяснения смысла (анализа) правовой нормы (установления юридической основы дела), вынесения правоприменительного решения по делу (хотя, конечно, реальное наличие и значение иных правоприменительных стадий (например, стадии реализации правоприменительного решения) также может быть подвергнуто анализу сквозь призму технологии разрешения конфликтов).

Правоприменительный процесс начинается с исследования фактических обстоятельств, подлежащих урегулированию посредством правоприменения. Правоприменение следует там, где создалась, по словам В.В. Лазарева, «фактическая ситуация, заставляющая пульсировать правовой порядок», которая и является «реальным основанием начала процесса применения норм» [23, с. 40].

Предлагаемый методологический подход, как мы уже упоминали, заключается в оптимальном сближении правового и конфликтологического, что имеет целью достижение максимальной эффективности правоприменительной деятельности в разрешении конфликта. Отсюда следует, что на стадии установления фактических обстоятельств, равно как и на последующих стадиях, необходим комплекс действий, направленных одновременно на разрешение формально-юридических и нравственных, психологических и иных противоречий, состоящий соответственно из двух блоков – юридического и конфликтологического. Юридический блок складывается из правоприменительных действий и операций, направленных на разрешение юридического конфликта с правовых позиций, конфликтологический – из действий и операций, направленных на разрешение юридического конфликта в его социально-психологической составляющей. Следует, однако, помнить, что разделение данных блоков носит условный характер, поскольку совершаемые в практической деятельности правоприменителем действия конфликтологического блока осуществляются в основном одновременно в

неразрывной связи с правоприменительными действиями юридического блока.

Юридический блок правоприменительных действий по разрешению конфликта является обязательным компонентом любого правоприменительного процесса. На стадии установления фактических обстоятельств он предполагает совершение правоприменителем действий, направленных:

на установление нахождения фактических обстоятельств в сфере нормативного правового регулирования, т. е. определение того, является ли жизненная проблема юридическим фактом, влекущим возникновение, изменение или прекращение правовых отношений;

познание юридической значимости исследуемых обстоятельств и конкретного места в предмете регулирования соответствующей отрасли права;

доказывание, т. е. собирание, анализ, оценку доказательств и их представление в ходе процесса и при вынесении правоприменительного акта.

Перечисленные и ряд других вопросов юридического блока разрешаются в комплексе и полностью диктуются процессуально-определенной необходимостью действий по их выяснению. «Если выбор, анализ нормы права и принятие решения по делу являются в большей мере внутренним интеллектуально-волевым процессом, – отмечает Н.Н. Вопленко, – то выяснение фактических обстоятельств находится как бы „на поверхности“ всего процесса правоприменения, облекается в форму фактических и организационных отношений» [24, с. 60].

Осуществить эффективное разрешение конфликта невозможно без деятельности, входящей во второй, конфликтологический блок правоприменения. Следует согласиться с мнением А.В. Полякова, что на стадии установления фактической основы дела необходимо установить «все обстоятельства, имеющие значение для разрешения правовой коллизии» [25, с. 794], в связи с чем уяснение вопросов, касающихся конкретного конфликта и его сущности, представляется обязательным для его эффективного разрешения.

Конфликтологический блок действий правоприменителя по разрешению конфликта на стадии установления фактических обстоятельств, таким образом, требует:

выявления (диагностики) конфликта, т. е. установления всех его элементов – определения противоборствующих сторон (основных субъектов конфликта), иных участников (заинтересованных лиц) и установления их нравственных, психологических и иных характеристик; объекта – не формально-юридического, но конкретного блага (материального, духовного, психологического), того, из-за чего в действительности между сторонами возникло реальное противоречие жизненных

интересов; объективной стороны – внешней формы выражения конфликта, осознанного взаимонаправленного поведения субъектов и степени соответствия его скрытым (нравственным, психологическим) формам противодействия сторон; субъективной стороны – мотивации, причины и конкретной подлинной цели конфликтного поведения сторон;

познания социальной значимости конфликта, его конкретного места в системе общественных отношений (прежде всего, в ряду нравственных отношений), стадии развития и степени обострения;

определения реальных регулятивных возможностей права в разрешении конфликта, достижении социальной справедливости в конфликте и степени возможности правоприменительно восстановить нарушенную социальную гармонию, баланс социальных интересов, привести эскалированную ситуацию к замиренному социальному состоянию;

общего прогнозирования конфликта, предполагающего разработку различных вариантов развития конфликта с точки зрения удовлетворения правовых интересов каждой из сторон; прогнозирования позитивных и негативных последствий возможных вариантов развития конфликта для каждого из его субъектов и для правоприменительного процесса в целом;

определения наилучшего соотношения тактических, психологических и иных приемов и средств воздействия на конфликт в процессе применения права, позволяющего прийти к его наиболее эффективно разрешению, формированию определенной линии, или стратегии, поведения по разрешению конкретного конфликта в правоприменительном процессе.

Как видим, вопросы, подлежащие выяснению в конфликтологическом блоке, не затрагивают формально-юридических процедурных аспектов, находятся в сфере интеллектуально-волевых возможностей правоприменителя и *практически полностью зависят от его личностных качеств*. Они исключительно направлены на отыскание социального среди правового, на вскрытие пласта доюридизированной, или внеюридической, информации, как правило и несущей в себе основной конфликтный код. Обращаясь к своего рода параллельному информационному уровню сопровождения социального конфликта, который в правоприменении был юридизирован в специальную форму его разрешения – конфликт юридический, правоприменитель приобретает возможность дотянуться до подлинных причин и условий происшедшего конфликта и, обнаружив их, получить возможность наиболее эффективно разрешить юридическое, а в итоге и социальное жизненное противоборство. Это, несомненно, способствует достижению не только юридической, но и социальной эффективности правоприменения и правового регулирования в целом.

Наглядным примером совершения действий конфликтологического блока является деятельность такого специфического правопримени-

тельного органа, как Республиканский трудовой арбитраж. При предупреждении и разрешении коллективных трудовых конфликтов как на стадии работы примирительной комиссии (ст. 380 Трудового кодекса Республики Беларусь), посредника (ст. 382), так и в арбитражном процессе (ст. 385) трудовой арбитр в первую очередь производит полную диагностику конфликта и иные необходимые действия, направленные на его разрешение. В то же время это не исключает обязанность арбитра четко следовать арбитражно-процессуальной форме, закрепленной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 августа 1999 г. № 1340, однако необходимость осуществления действий конфликтологического блока при вынесении правоприменительного решения арбитражем очевидна. Законодатель в соответствии со специфическим назначением арбитража – разрешать трудовые конфликты – сознательно допускает и даже обязывает его организовывать и осуществлять методическое руководство процедурами их разрешения, изучать причины и условия возникновения конфликтов в социально-трудовой сфере и т. п. (п. 3 Положения о Республиканском трудовом арбитраже, утвержденного указом Президента Республики Беларусь от 29 июня 1999 г. № 348). Думается, что внедрение в правоприменительную практику традиционных юрисдикционных органов действий конфликтологического блока также позволит оптимально воздействовать на юридические конфликты и принимать эффективные правоприменительные решения.

Таким образом, сущность первой стадии технологии правоприменительного разрешения конфликта заключается в установлении фактических обстоятельств, имеющих как юридическое, так и конфликтологическое значение. Причем если установление сугубо юридических обстоятельств облекается в форму фактических и организационно-правовых отношений, то установление обстоятельств конфликтологического блока полностью охватывается и обеспечивается интеллектуально-волевой направленностью деятельности правоприменителя.

Выбор подлежащей применению правовой нормы (или установление юридической основы дела) составляет вторую стадию правоприменительного процесса. На данной стадии осуществляется поиск нормативно-правового материала, необходимого для разрешения рассматриваемой фактической ситуации. Следует отметить, что данный поиск неразрывно связан с исследованием фактических обстоятельств дела. «Такая неразрывность процессов познания фактической и юридической природы рассматриваемого дела, – утверждает Н.Н. Вопленко, – даже в какой-то мере дает основание для объединения этих двух стадий правоприменительной деятельности в одну, которую можно было бы назвать стадией исследования фактических и юридических обстоятельств дела» [24, с. 60]. С.С. Алексеев в данной связи указывает на

взаимопроникновение и взаимопереплетение познания фактической и юридической основы дела, на необходимость постоянного обращения правоприменителя то к фактам, то к юридическим нормам: «на основе анализа норм возникает необходимость более глубоко исследовать фактические обстоятельства; анализ же фактических обстоятельств вынуждает вновь обратиться к нормам, уточнить отдельные юридические вопросы и т. д.» [26, с. 233]. Тем не менее при раскрытии сущности правоприменительного процесса посредством теоретического анализа целесообразно различать две данные стадии, два объекта юридического познания – факты в жизни и нормы права. Юридические нормы – это то, что применяется, тогда как обстоятельства дела – это то, к чему применяется, т. е. по существу объект применения [26, с. 251]. Более того, если первая стадия процесса, как мы уже отмечали, облекается в форму фактических и организационно-правовых отношений, то выбор подлежащей применению правовой нормы, по сути, полностью охватывается интеллектуальной, исключительно мыслительной деятельностью субъекта правоприменения.

Юридически обязательным (юридический блок) на данной стадии является осуществление правоприменителем деятельности, включающей в себя:

- выбор нормы материального права, подлежащей применению к конкретным обстоятельствам дела;

- проверку подлинности и юридической значимости данной правовой нормы, ее действия во времени, в пространстве и по кругу лиц;

- проверку правильности текста соответствующей правовой нормы; уяснение смысла и содержания правовой нормы.

Данная деятельность правоприменителя по установлению юридической основы дела направлена на достижение главной цели правоприменительной деятельности, заключающейся в целом в содействии реализации права [23, с. 47]. Однако наряду с отмеченными видами деятельности на данной стадии правоприменитель также отыскивает своего рода обслуживающий нормативно-правовой инструментарий, призванный способствовать успешному применению основной нормы. Данная деятельность включает в себя также:

- определение всех тех норм, которыми придется руководствоваться в течение всего процесса применения права и на отдельных его стадиях, в том числе выбор норм процессуального права, обслуживающих применение материально-правовой нормы;

- нахождение и проверку имеющих юридическое значение актов толкования применяемой нормы и норм, указанных в предыдущем пункте;

- нахождение средств решения дела, когда конкретная норма, подходящая к установленным обстоятельствам, в законодательстве отсутствует, а отказывать в решении под этим предлогом запрещено.

Решение всех указанных выше вопросов преследует цель обеспечения правильной юридической квалификации.

В случае когда конфликт выступает в качестве фактического основания, на стадии установления юридической основы дела при применении технологии правоприменительного разрешения конфликтов дополнительно требуется осуществление также следующих операций:

помимо непосредственного нахождения правовой нормы, которую следует применить для разрешения ситуации, соизмерение данной конкретной нормы, ее регулятивной способности относительно возможности эффективно воздействовать на конкретное конфликтное поведение сторон, выступить инструментом урегулирования конкретного конфликтного отношения. В данной связи задача правоприменителя при разрешении конфликта заключается в адекватном выборе правовой нормы – материально-правовой основы разрешения конфликта, что, в свою очередь, невозможно сделать без качественного совершения указанных выше действий (полная диагностика конфликта, правильное толкование правовой нормы, проверка ее подлинности, юридической значимости и т. д.);

выбор норм процессуального права. В процессе правоприменения он не менее важен, чем выбор материальной правовой нормы. От оптимальности выбора процессуально-правовой основы разрешения юридического конфликта зависит исключительная точность осуществления правоприменительных действий, «перевода» материально-правовых предписаний в поведение конфликтующих сторон. Данное положение особенно важно при возникновении так называемых внутривидовых конфликтов, которые возникают уже в процессе урегулирования основного материально-правового конфликтного инцидента (между следователем и подозреваемым (обвиняемым), свидетелем и подозреваемым (обвиняемым) и др.);

сопоставление и анализ конфликта с материально- и процессуально-правовыми нормами, выбранными для его разрешения. Это необходимо ввиду того, что в процессе разрешения конфликта различные его элементы часто подвергаются изменению (изменяются стороны, возникают иные противоречивые интересы, совершаются те или иные деяния и т. д.). А.С. Козлов в данной связи обращает внимание на необходимость выделения в правоприменительном процессе наряду с традиционными стадиями правоприменительного процесса стадии «получения знания о правовых последствиях наступления юридически значимой фактической ситуации», состоящей в совершении правоприменителем действий по моделированию («выведению операций») наступления юридически значимой фактической ситуации, о содержании конфликтного правоотношения и его динамике в процессе. Как отмечает исследователь, данная стадия направлена на формирование «ин-

формационной базы решения», откуда следует верный вывод о том, что «получение информации о правовой ситуации является интеллектуальным элементом правоприменительных действий» [27, с. 46; 28];

прогнозирование как юридической, так и социальной эффективности правоприменительного решения в разрешении конфликта. В случае если имеются основания предполагать о последующей неэффективности предполагаемого к вынесению правоприменительного акта и соответствующая возможность, то следует избрать иной вариант разрешения конфликта (по возможности использовать альтернативные способы разрешения, разъяснить сторонам целесообразность такого решения).

Точное и адекватное определение материально-правовой и в особенности процессуально-правовой основы для эффективного разрешения юридического конфликта является сложной и в то же время важной задачей для правоприменителя. Так, весьма затруднительно правильно выбрать процессуально-правовые нормы для эффективного разрешения конфликта без совершения действий по его диагностике. В частности, весьма сложно избрать адекватную меру пресечения подозреваемому (обвиняемому), порядок, время и способ проведения необходимого процессуального действия без анализа конфликта. Выбор материально-правовой нормы не менее важен. Адекватная и своевременная юридическая квалификация с учетом конкретной конфликтной ситуации способна предотвратить назревающий и эффективно разрешить существующий конфликт. Известна практика правоохранительных органов, в частности в уголовном процессе, по квалификации деяния по принципу «последующего исключения», т. е. вменения обвиняемому максимального количества уголовно наказуемых деяний с учетом последующего исключения отдельных эпизодов обвинения в судебном заседании. Такая ситуация не вызывает одобрения, она не только усложняет правоприменительный процесс, но и, как правило, усложняет юридический конфликт и провоцирует в дальнейшем ряд новых процессуальных конфликтов.

Наконец, выбор материально-правовой нормы для разрешения конфликта должен осуществляться непосредственно с прогнозированием юридической и социальной эффективности такого разрешения конфликта. Особенно это касается частноправовых конфликтных отношений, где помимо правового регулирования существенная роль принадлежит иным социальным регуляторам (нормам нравственности и т. д.). В частности, вряд ли следует утверждать об эффективности разрешения семейного конфликта при вынесении правоприменительного решения о расторжении брака, когда семья юридически распалась, а фактически продолжает существовать под одной крышей. В этом случае большое значение и приобретает конфликтология разрешения юридических конфликтов в правоприменительном процессе. Прогнозируя

отсутствие социального эффекта от предстоящего решения на основании нормы права, правоприменитель (судья, сотрудник загса) должен предпринять определенные меры. Исследователь С.А. Чернышева, например, в качестве таких конфликтологических мер предлагает судье обязательную беседу с супругами, выяснение их отношения к конфликту, использование убеждения и внушения для преодоления негативных последствий конфликта и т. д. [29, с. 100–101]. Возможно и желательно в данном случае привлечение психолога. Перспективным в этом смысле представляется также участие церкви в разрешении семейного конфликта, в особенности, если стороны конфликта верующие люди (беседа со священником, духовником при соответствующих условиях (согласие супругов)).

Вторая стадия правоприменительной технологии разрешения конфликта, таким образом, заключается в интеллектуальной деятельности правоприменителя по установлению юридической основы разрешения конфликта, которая сочетается с одновременным нахождением материально-правовой основы разрешения конфликта, соблюдением процессуально-правовой основы разрешения конфликта и прогнозированием эффективности разрешения юридического конфликта.

Принятие окончательного правоприменительного решения и его документальное оформление – это центральный момент правоприменения. Как отмечается в литературе, вынесение правоприменительного акта представляет собой «своеобразный социальный и юридический итог всей предшествующей деятельности по познанию фактической и правовой основы рассматриваемого дела и квалификации общественного отношения» [24, с. 62]. На данной стадии осуществляется окончательное соотношение установленных фактических обстоятельств жизненного случая и его юридической квалификации, выражаясь словами известного дореволюционного юриста Е.В. Васильковского, происходит «подведение частных случаев жизни под предусматривающие их в общей форме постановления» [30, с. 297].

Почти все современные правоведы признают, что сущность разрешения правоприменительного дела не ограничивается формально-логическим подведением жизненных обстоятельств под общее условие нормы. «Это творческая деятельность, предполагающая интеллектуально-волевой процесс индивидуализирования объективного права» [23, с. 55], причем такой интеллектуально-волевой процесс по принятию правоприменительного решения «вызывает» постепенно. Совершенно прав В.В. Лазарев, отмечая, что в самом начале процесса создается как бы проект будущего акта-решения, а затем постепенно с уточнением юридической квалификации и обстоятельств дела происходит «непрерывная умственная работа над этим проектом» [23, с. 54–55]. Таким образом, осуществляется своего рода переход от знания к воле,

от мышления к практике, к принятию государственно-властных решений. Возникает как бы обратное преобразование, обратный процесс по сравнению с тем, который происходил при создании нормы, – происходит движение от абстрактных правил к конкретной действительности.

Стадия принятия правоприменительного решения является определяющей, поскольку именно здесь юридический конфликт находит свое правовое разрешение. В формально-организационном аспекте уже само вынесение развернутого мотивированного правоприменительного решения на завершающей фазе процесса должно благоприятствовать разрешению конфликта. Однако недостаточно просто соблюсти процессуальную форму и выработать юридически правильное правоприменительное решение. Эффективное разрешение юридических конфликтов предполагает прежде всего наиболее оптимальное использование правоприменителем всей совокупности приемов и средств осуществления процессуальной деятельности для достижения в результате вынесения решения глубоких социальных целей, заключающихся в максимально возможном снятии посредством юридической формы реальных социальных противоречий. Правоприменительное усмотрение, толкование норм права, преодоление пробелов в праве, разрешение различных правовых коллизий в правоприменительном процессе позволяют в той или иной мере дифференцированно подходить к разрешению конкретных жизненных ситуаций в рамках правовых норм и достигать указанных целей. В частности, показательным является значение использования правоприменительного усмотрения при вынесении решения по делу.

В литературе справедливо отмечается, что одного умения формального оперирования установленными фактами и доказательствами явно недостаточно для успешного, конструктивного, полного разрешения жизненной ситуации [24, с. 56]. Редко можно встретить ситуацию, когда субъект, применяющий правовую норму, не будет вынужден поступить «по усмотрению», т. е. проявить известную степень свободы в определенных законом рамках [30, с. 51]. Как говорит Н.Н. Вопленко, «усмотрение правоприменителя как психологическая, нравственная и правовая проблема имеет место всюду, где возникает необходимость в применении права» [24, с. 78]. Данное положение объясняется принципиальной невозможностью законодателя учесть в правовых нормах все специфические особенности конкретных обстоятельств каждого случая и в то же время указывает на *принципиальную ограниченность права* как инструмента регулирования отношений между людьми. Право ввиду своей природы имеет определенные пределы регулирования, которые определяются не столько шириной охвата общественных отношений, сколько глубиной и степенью проникновения правовой нормы (правила поведения) в мотивационную ткань человеческого по-

ступка. Правильное понимание этого важного момента имеет существенное значение как для недопущения тотальной гегемонии юридика и надежды на *правовое* (в буквальном смысле) государство как на совершенный и конечный идеал развития общества, так и для преодоления тенденции неоправданной нигилизации правового регулирования общественных отношений. Следует иметь в виду, что при разработке правовых предписаний объективно возможно нормативно зафиксировать лишь до определенной степени конкретизированные и «схваченные» законодателем модели развития тех или иных регулируемых правом общественных отношений. Отсюда закон практически всегда предоставляет лицам, его применяющим, известную возможность в определенных им рамках самостоятельно изыскивать пути для его наиболее правильного, оптимального, целесообразного и следовательно эффективного применения.

Наличие такой возможности для принятия правоприменительного решения, направленного на эффективное разрешение юридического конфликта, трудно переоценить. В процессе интеллектуально-волевой деятельности по выработке и принятию правоприменительного решения субъект правоприменения: а) на основе информации, полученной в результате предшествующей деятельности на предыдущих этапах технологии разрешения конфликта (о сторонах конфликта и совершаемых ими действиях, степени обострения противоречия правовых интересов между ними т. д.), б) посредством прогнозирования регулятивных возможностей применяемой нормы, в) преследуя цель наиболее максимально, оптимально, эффективно разрешить конфликт и добиться соответственно юридической и социальной эффективности от правоприменения, г) а также получить (в идеале) личное профессиональное и нравственное удовлетворение – что немаловажно для качественного правоприменения с точки зрения нравственно-психологических особенностей любой профессиональной деятельности, – соответственно и должен использовать предоставленную ему степень усмотрения, а именно окончательно решить и определить, какой из вариантов правоприменительного решения будет наиболее максимально способствовать эффективному разрешению конфликта (например, судья в рамках правовой нормы решает вопрос о размере подлежащего возмещению материального и морального ущерба с целью разрешить конфликт). На основании определения наиболее целесообразного, оптимального варианта разрешения конфликта правоприменитель конкретизирует общие требования правовых норм применительно к конкретному юридическому конфликту посредством определения субъективных юридических прав и обязанностей.

Следует, конечно, сказать, что, несмотря на наличие свободы усмотрения, правоприменитель действует все же в рамках норм и при их

несовершенстве не может выйти за их пределы, поэтому абсолютизировать данные возможности нельзя. Тем не менее во многих случаях именно усмотрение – одно из главных оснований для эффективного принятия решения. В этой связи колоссальный потенциал, на наш взгляд, содержит исследование А.И. Овчинникова, выполненное на базе герменевтической методологии, в котором правоприменительное усмотрение-понимание представляется как главный фактор успешной правореализации и правового регулирования в целом [32]. Успех выработки наиболее оптимального варианта правоприменительного решения посредством усмотрения и следовательно разрешения юридического конфликта зависит от грамотности взвешивания, соизмерения не только сугубо юридических обстоятельств, но и указанных нами в конфликтологическом блоке вопросов (о причине и объекте противоречия правовых интересов, мотивационной стороне развития конфликта и др.). Это в очередной раз подтверждает, что лишь посредством использования в правоприменительной деятельности комплексной, юридико-конфликтологической методологии можно достичь *действительного* осуществления (реализации) права в разрешении противоречия правовых интересов.

Большое, если не первостепенное значение в реализации положений технологии правоприменительного разрешения конфликтов имеет личность правоприменителя. Помимо сугубо профессиональных качеств судьи, прокурора, следователя, вытекающих из их лидирующего правового статуса (властность полномочий, представительство и действие от имени государства, роль организатора и руководителя процесса и т. д.), в контексте конфликтологической ориентации правоприменительной деятельности едва ли не равное по важности значение приобретает необходимость наличия у правоприменителя определенных внеюридических качеств, а также способностей к конфликтологической (нравственной, психологической, тактической, организационной и т. д.) практике по разрешению им жизненной ситуации. Не каждое лицо обладает такими качествами, не каждое имеет способности к их приобретению, поэтому и не всегда правоприменитель как специалист-правовед, своего рода техник может оказаться хорошим конфликтологом. Среди этих качеств следует указать на коммуникативную компетентность и конфликтологическую квалификацию, заключающуюся в интуитивном чувствовании, распознавании эмоционально-психологической напряженности между конфликтующими сторонами, умение передавать и убеждать в своих представлениях о фактах и праве, ненавязчиво рекомендовать сторонам конфликта средства критической самооценки и саморегулирования, непрестанно бороться с профессиональным привыканием и связанным с ним душевным огрублением,

видеть за каждым конфликтом живых людей с их переживанием и представлением и т. д. В связи с этим представляется, что особые требования на современном этапе должны предъявляться не только к профессиональным, но и к личностным, нравственным, психологическим качествам судей, сотрудников следственных подразделений, прокурорских работников и т. д. Тема действующего в правовой реальности человека (правового человека), в особенности правоприменителя, представляет собой еще одну, самостоятельную линию разворачивания неклассического юридического дискурса. К ней мы обратимся в следующем, заключительном разделе настоящего исследования.

Подводя итог рассмотрению проблемы методологической модификации правоприменительной деятельности в контексте разрешения юридических конфликтов, следует сказать, что идея внедрения конфликтологической методологии для совершенствования правоприменительной деятельности находится пока в стадии становления. Безусловно, существуют отдельные проблемы синтеза традиционной юридической методологии и неюридических методологических средств, предлагаемых конфликтологами. Тем не менее, как нам представляется, о чем мы уже упоминали, идея учета в правоприменительном разрешении конфликтной ситуации достижений нравственной теории, психологической науки, конфликтологического, ситуационно-тактического знания всегда, во многом неартикулированно, присутствовала в арсенале средств опытных профессионалов-правоприменителей. Усложнение современных общественных отношений, высокая степень их подвижности, пересечения и накладывания различных видов взаимоотношений между людьми требуют адекватной реакции государства по поддержанию баланса социальных интересов, достижению замиренной социальной среды. В этом отношении расширение целевого назначения правоприменительной деятельности посредством придания ей операциональной функции по разрешению социальных (юридических) конфликтов представляется оправданным, а предлагаемая технология правоприменительного разрешения юридических конфликтов, будем надеяться, в качестве вводного элемента внесет определенный вклад в решение этой задачи. Но для полноценной реализации и дальнейшего продвижения конфликтологического знания необходима теоретическая кристаллизация юридико-конфликтологической теории и ее внедрение в методологический арсенал классической теории правоприменения. Одним из аспектов такой кристаллизации является проблема различения понятий и категорий классического и нового, неклассического юридического дискурса. Первое, с чем сталкивается юридический конфликт в пространстве классической теории правоприменения, – это категория правового отношения.

6.3. Юридический конфликт и правоотношение: теоретико-методологические вопросы соотношения

Как мы уже неоднократно отмечали, теоретическая и практическая значимость юридической конфликтологии заключается в выявлении закономерностей возникновения, развития и завершения юридических конфликтов, а также разработке на основе данных выявленных закономерностей средств эффективного восстановления нарушенного порядка осуществления правовых отношений. Как новое междисциплинарное научное направление, возникшее на стыке общей теории права, социологии права, психологии и общей конфликтологии, юридическая конфликтология позволяет при разрешении юридических конфликтных взаимодействий между субъектами права познавать внутренние, глубинные, сущностные причины конфликтного правомерного или противоправного взаимодействия субъектов посредством рассмотрения каждого такого случая сквозь призму комплексной научной категории «юридический конфликт». С теоретической точки зрения это дает возможность существенно обогатить понятийно-категориальный аппарат, научную методологию как общетеоретических, так и отраслевых юридических дисциплин. С практической точки зрения правоприменитель получает информацию, существенно влияющую на адекватность принимаемого им решения по делу. В целом же все это направлено на достижение единой цели – повышения эффективности правового регулирования общественных отношений посредством не только формально-правового, но и действительного (последнее с предыдущим совпадает далеко не всегда) разрешения, снятия противоречий в индивидуальных конфликтных жизненных ситуациях.

Перед тем как непосредственно приступить к сравнительному анализу юридического конфликта и правового отношения, следует дать определение юридического конфликта и в нескольких словах охарактеризовать его сущность. *Юридический конфликт – это основанное на противоречии правовых (юридически значимых) интересов субъектов права, актуализирующееся в рамках правовых отношений по установлению, изменению, прекращению и защите субъективных юридических прав, обязанностей и законных интересов с использованием правовых средств для достижения поставленных целей.* Такое определение хотя и не является бесспорным, однако вмещает в себя суть юридического конфликта и указывает на смысл, которым обусловлена разработка и внедрение в юридическую науку данной междисциплинарной научной категории.

Юридический конфликт сам по себе не является синонимом ни правового отношения, ни правонарушения, хотя при определенных условиях может выступать как в форме первого, так и в форме второго. Ценность выделения категории «юридический конфликт», если под-

вергнуть анализу вышеприведенное определение его понятия, заключена в первой половине дефиниции – это прежде всего *основанное на противоречии правовых (юридически значимых) интересов субъектов права*. Эта первая часть определения может быть названа собственно конфликтологической, поскольку именно в ней содержится указание на наличие конфликта – *противоборство субъектов права* и на его основание – *противоречие правовых (юридически значимых) интересов*. То взаимодействие субъектов права, которое с конфликтологической и социологической точек зрения описывается как *социальный (межличностный) конфликт*, с точностью отражается в приведенной части определения конфликта юридического.

Следует сказать, что ни одна отраслевая юридическая наука, за исключением разве что разрабатываемых частных тактико-криминалистических приемов и способов преодоления противодействия подозреваемого, обвиняемого при расследовании уголовных дел в рамках уголовного процесса, вопрос о конфликте в предлагаемом контексте не ставит. Однако, по сути, процесс правового регулирования общественных отношений всегда определяет для правоприменителя¹ необходимость стремления не только к формально-правовому разрешению конфликта посредством одного лишь признания (непризнания) лица виновным в совершении того или иного правонарушения или признания (непризнания) действий той или иной стороны в определенном правоотношении правомочными, но и к надправовому, социально значимому, реальному разрешению юридического конфликта как жизненной проблемы, неизменно связанной с состоянием благополучия всего социума. Разумеется, речь идет именно о конфликтах, т. е. таких взаимодействиях, которые включают в себя все признаки социального конфликта, и именно в связи с этим для нас важны средства и приемы, которые выработаны конфликтологической наукой для снятия подобных противоборств, но которые практически не используются в процессе правового регулирования общественных отношений.

Анализ правоотношения или правонарушения как юридического конфликта (при наличии в них признаков такового) полезен именно с той точки зрения, что он, во-первых, показывает нам суть и истоки возникшего конфликтного юридического взаимодействия – теперь уже противоборства субъектов конкретного правоотношения, во-вторых, позволяет установить реальные правовые (юридически значимые) интересы сторон и истинную причину их противоречия (а не только те права и законные интересы, посредством которых стороны и добива-

---

¹ В данном случае речь идет о разрешении юридических конфликтов правоприменительным органом, хотя только правоприменительным разрешением юридических конфликтов эта деятельность не ограничивается.

ются в юридическом конфликте своего) и, в-третьих, помогает определить наилучший вариант правоприменительного разрешения данной жизненной ситуации. Конечно, сам процесс разрешения юридического конфликта осуществляется (либо содержит предпосылки осуществления¹) только в форме правовых отношений и, в сущности, во второй части нашего определения юридического конфликта как противоборства, *актуализирующегося в рамках правовых отношений по установлению, изменению, прекращению и защите субъективных юридических средств для достижения поставленных целей*, мы попытались, насколько это возможно, в дефинитивной форме отразить эту особенность. Но с методологической точки зрения здесь важно то, что форма разрешения юридического конфликта – «в правоотношении» – нами не отождествляется с самим юридическим конфликтом как реальным противоборством сторон. Можно даже сказать, что фактическое, реальное отношение между субъектами, выражающееся в столкновении их юридически значимых интересов, здесь рассматривается как самостоятельное и первичное явление, которое и обуславливает вторичное – юридический, формально-правовой способ его разрешения в правовом отношении. И снова необходимо упомянуть о том, что все это имеет целью *не превращать функционирование юридического механизма разрешения конфликта в самодостаточную цель, но полагать конечный результат за его пределами, определяя и оценивая его по реальной степени снятия конфликтной жизненной ситуации в целостной структуре социальных отношений и эффективности юридических механизмов в достижении этой цели*.

Развитие юридической конфликтологии в первой половине 90-х гг. XX в. на уровне ее догматического становления сразу же выявило одну из значимых теоретических проблем нового научного направления – проблему соотношения конфликтологических категорий, и прежде всего категории «юридический конфликт», и традиционного понятийно-категориального аппарата юридической науки. Упомянутый выше вопрос о взаимодействии юридического конфликта и правового отношения при анализе дефиниции первого уже показывает необходимость серьезного решения подобных теоретических вопросов и подтверждает право юридической конфликтологии на собственный понятийно-категориальный аппарат.

Достаточно хорошо разработанный советской юридической научной школой категориальный аппарат на уровне самостоятельных теорий (теории правонарушения, теории правомерного поведения, теории

---

¹ Имеется в виду использование альтернативных процедур разрешения юридических конфликтов самими конфликтующими сторонами или третьими лицами (переговоры, посредничество, арбитраж и т. д.).

правоотношения) поставил задачу определения места теории юридического конфликта среди этих теорий, можно сказать, уже ставших классическими. И эта задача объективно потребовала и в некотором смысле требует своего однозначного решения до сих пор, поскольку дальнейшее развитие юридиико-конфликтологических исследований без решения этого теоретико-методологического вопроса, а он, безусловно, имеет характер принципиально методологический, представляется затруднительным.

Существует несколько основных направлений, в рамках которых вопрос о соотношении традиционных теорий и формирующейся теории юридического конфликта с общеметодологической точки зрения решается по-разному. Первое направление представлено учеными-социологами, представителями общей конфликтологии, психологии, которые рассматривают юридический конфликт как однопорядковое с экономическим, политическим, культурным и иными видами конфликтов социальное явление, отличающееся лишь специфической сферой его проявления. Поскольку ученые этой группы не являются профессиональными правоведами, догматические юридические вопросы как таковые ими не ставятся, а юридический конфликт как объект исследования включается в общую теорию конфликта и исследуется посредством неюридических методологических концептов [33–38].

Второе направление представлено теми авторами, которые разрабатывают вопросы теории юридического конфликта исключительно в рамках традиционных теорий правового отношения и правонарушения, не придавая теории юридического конфликта самостоятельного статуса. Как правило, в эту категорию входят авторы отраслевых исследований юридических конфликтов, которые, по сути, просто именуют всякое разрешаемое в правоприменительном производстве правовое отношение или правонарушение соответствующим конфликтом (преступление – уголовно-правовой конфликт, административное правонарушение – административно-правовой конфликт, неисполнение гражданско-правовых обязательств – гражданско-правовой конфликт и т. д.) [39–44]. Пытаясь углубиться в механизм разрешения подобного рода «конфликтов» посредством простого наименования этих юридических фактов конфликтами, ученые отраслевых дисциплин встречают естественную и закономерную методологическую преграду, выражающуюся в отсутствии самостоятельной юридиико-конфликтологической теории и оставляющую их нелогичные попытки назвать всякое правонарушение или проблемное правоотношение конфликтом на соответствующем уровне. Если быть последовательным в развитии такого методологического пути, то переименование правонарушения или нереализовавшегося правоотношения в юридический конфликт просто не имеет смысла и, по существу, ничего не дает. К этой группе следует также отнести

некоторых исследователей общетеоретических вопросов юридических конфликтов, которые, несмотря на попытку выявления самостоятельного места юридического конфликта, все же остались в рамках классических теорий правонарушения и правоотношения [45–47].

Третья группа ученых предпринимают попытку определения действительного места юридического конфликта среди устоявшихся юридических категорий, исходя прежде всего из методологической, теоретической и практической значимости юридической конфликтологии как самостоятельного направления исследования. В частности, одни из первых серьезных работ подобного рода представлены В.Н. Кудрявцевым [10], В.С. Жеребиным [8], Т.В. Худойкиной [6], И.Л. Чулюкиным [48]. Не всегда четко и ясно осуществляя в своих исследованиях соизмерение юридического конфликта и иных правовых категорий, тем не менее авторы смотрят на проблемы выделения юридической конфликтологии прямо и непосредственно, с различных точек зрения предпринимая попытки определения подлинного категориального статуса юридического конфликта как предпосылки его самостоятельного научного значения. Полагаем, что если серьезно вести речь о развитии юридической конфликтологии в дальнейшем, то именно этот методологический путь является наиболее верным.

Основная проблема методологического характера в вопросе соотношения категории «юридический конфликт» и устоявшихся юридических конструкций является проблемой «конфликт – правоотношение». Под правовым отношением в юридической литературе понимается возникающая на основе правовых норм и вследствие наступления определенных юридических фактов связь субъектов права, обладающих взаимными субъективными правами и обязанностями [14, с. 366; 49, с. 440; 50, с. 330]. Различные взгляды исследователей на структуру правоотношения, на определение его содержания и формы, тем не менее, не исключают самого главного и принципиального положения соответствующей теории, в котором сходятся практически все ученые: правовое отношение является основной формой реализации права, которая заключается в оформлении фактического, жизненного отношения правовой нормой; оно характеризуется наличием у его сторон взаимных субъективных юридических прав и обязанностей, которые и возникают из прав и обязанностей объективного, статутного права; поведение субъектов правового отношения имеет сознательный, волевой характер, а следовательно такой же характер приобретает и само правовое отношение.

Исходя из указанных выше определяющих признаков правоотношения, осуществим его сравнение с юридическим конфликтом.

1. С позиции методологических различий сразу следует сказать, что правовое отношение представляет собой исключительно монона-

учную категорию, используемую учеными в качестве общетеоретической конструкции в рамках общей теории права. Данная конструкция за рамки субъективного и объективного права не выходит, она воздействует и позволяет оценивать правовую действительность своего рода «сверху», т. е. сквозь призму субъективных юридических прав и обязанностей. Во всяком правовом отношении главным и своего рода самодостаточным является установление субъективных юридических прав и обязанностей и их должное осуществление в правовой связи субъектов. Юридический конфликт же хотя и может иметь место в форме правоотношения, мононаучной категорией не является и представляет собой полинаучную междисциплинарную конструкцию. Юридический конфликт позволяет оценивать процесс правового регулирования не только «сверху», но и «снизу», т. е. как с точки зрения нарушенных или приостановленных его возникновением субъективных юридических прав и обязанностей субъектов, так и с позиции реальных, жизненных, но в конечном счете юридически значимых интересов сторон конфликта, которые находятся в состоянии противоречия. Данная возможность позволяет расширить познавательные пределы оценки правового регулирования общественных отношений и интегрировать в этот процесс, равно как и в процесс непосредственного правового воздействия на общественные отношения, социологические, психологические, конфликтологические методы. В сущности, это самое общее и главное методологическое различие между сравниваемыми категориями и оно обуславливает все остальные.

2. Всякое правоотношение всегда возникает только на основании правовых норм. Правовое отношение призвано реализовать норму права, в этом заключается его смысл. Юридический конфликт же как явление не всегда возникает на основе правовых норм и, как правило, не реализует нормы права (хотя в некоторых случаях способствует их реализации), а нарушает их. Разумеется, конфликты-правоотношения, которые представляют собой случаи непосредственного спора, когда субъекты конфликта, не нарушая правовых норм, не могут прийти к согласию по поводу определенных прав и обязанностей, ввиду чего полное, нормальное развитие регулятивного правоотношения невозможно (юридические конфликты по поводу раздела имущества между супругами, определения доли в наследстве, разногласий по договору и т. д.), возникают на основе правовых норм. Но конфликты-правонарушения, в которых одна из сторон своим поведением нарушает право, а именно нормальное, упорядоченное существование и развитие конкретных правовых отношений (социальный конфликт перерастает в правонарушение – оскорбление, причинение телесных повреждений, совершение хулиганских действий и т. д.), имеют в своей основе два иных основания: материальное (вредное для общества деяние) и формальное (противо-

речащее норме права). Хотя, если говорить строго, формальное основание возникновения юридического конфликта является уже не чем иным, как правовой формой его разрешения, – как охранительное материально-правовое отношение, оно влечет за собой возникновение и развитие охранительных процессуально-правовых отношений, завершающиеся реализацией нормы материального права и следовательно осуществлением субъективных юридических прав и обязанностей сторон.

3. Правоотношение всегда выступает сознательным волевым актом его субъектов. Юридический конфликт же может иметь место и в тех случаях, когда сторона конфликта не обладает правосубъектностью. Например, если в ходе разрешения конфликта-преступления устанавливается, что в момент совершения общественно опасного деяния лицо находилось в состоянии невменяемости, в отношении его прекращается уголовное преследование на основании п. 2 ч. 1 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. Юридический конфликт в данном случае (между подозреваемым (обвиняемым) и органом уголовного преследования, потерпевшим), безусловно, мог иметь место и в этом случае завершился бы в соответствии с нормами уголовно-процессуального права. Как верно отмечают В.Н. Кудрявцев и В.П. Казимирчук, отсутствие сознательного волевого поступка лица отнюдь не исключает юридической значимости и определенных юридических последствий от его внеправового физического поведения [51, с. 165].

Отмеченные выше различия указывают на главную особенность в вопросе соотношения правоотношения и конфликта – правовое отношение представляет собой конструкцию преимущественно догматического значения, юридический конфликт же помимо догматического заключает в себе и немалый практический элемент. Конечно, и правовое отношение с позиции авторов, которые включают в его структуру фактическое (реальное) поведение сторон отношения [49, с. 442, 455–457], также содержит этот практический компонент как определение соответствия фактического содержания правоотношения его юридической форме. Но все-таки в правовом отношении ядром являются субъективные юридические права и обязанности, которые выполняют роль индикатора правомерности/неправомерности разворачивания социальной действительности, и главное здесь – их должное осуществление. В юридическом же конфликте само социальное столкновение субъектов, противоречие между их юридически значимыми интересами является ядром и конфликтообразующим фактором, а субъективные юридические права и обязанности сторон конфликта оцениваются как производное средство разрешения конфликта.

Надо сказать, что в развитии юридической конфликтологии этот момент является и положительным и отрицательным одновременно. Положительным он является потому, что анализ противоречия между

субъектами «снизу», т. е. на фактическом, жизненном уровне, своего рода связывает теорию с практикой, области формально-юридического и жизненно-практического, причем делает такую связь необходимой, не дает конфликтологической теории остаться только на уровне отвлеченных рассуждений, что в некоторой степени, следует признать, имеет место в теории правоотношения. Отрицательный же момент заключается в том, что существует объективная необходимость связывать различные познавательные инструменты, методологические каркасы различных теорий (теории правоотношения, теории правонарушения, теории социального конфликта и т. д.) в ситуации их абсолютной научной дифференциации. Но как бы ни было сложно осуществлять процесс взаимопроникновения различных теорий, в контексте юридической конфликтологии он является необходимым условием достижения первичной цели правового регулирования – максимально эффективно осуществления отношений в обществе посредством правовой регламентации. Без учета данного положения вести речь о самостоятельности теории юридического конфликта не имеет смысла.

Кстати, похожую идею выразила еще Р.О. Халфина в своей известной монографии, когда вела речь о необходимости рассмотрения теории правового отношения в контексте эффективности правового регулирования. «Включение анализа правоотношений в общий комплекс исследований эффективности правового регулирования, – отмечала она, – ставит ряд новых задач и перед теорией правоотношения, раскрывает новые аспекты ее взаимосвязи с практикой, что, в свою очередь, не может не отразиться и на развитии самой теории. Такие проблемы, как значение воли и интереса в осуществлении прав, формы взаимосвязи прав и обязанностей, эффективность санкций и др., должны получить более глубокое освещение, помогая раскрыть новые формы воздействия на поведение и его мотивацию» [52, с. 49–50]. Очень показательным обращением внимания Р.О. Халфиной на волю и интерес сторон в осуществлении прав и обязанностей в правоотношении, а также на необходимость познания новых форм воздействия на поведение и мотивацию. Но теория правоотношения в том виде, в котором она сформировалась в советской и уже современной нам, постсоветской юридической науке, фактически ни с волей сторон, ни с интересом, ни с их мотивацией дела не имеет – это понятия, которые выходят за ее пределы. Тем не менее именно ориентация теории правового отношения на вопросы эффективности правового регулирования закономерно обуславливает междисциплинарные исследования, которые в своей части и представлены юридической конфликтологией.

Дореволюционные правоведы также ясно сознавали необходимость методологической связи теории правовых отношений с конкретными социальными исследованиями. В частности, Н.М. Коркунов ука-

зывал на юридические отношения лишь как на способ оформления фактических отношений между людьми: «...человеческая жизнь складывается из ряда самых разнообразных отношений к другим людям. Сами по себе эти отношения имеют чисто фактический характер, представляя собою фактическую зависимость и основанную на ней фактическую же возможность воздействовать друг на друга. Но насколько люди в своей деятельности руководствуются юридическими нормами, это приводит к превращению фактических отношений в юридические, фактической зависимости – в юридическую обязанность, фактической возможности воздействия – в право, правомочие» [53, с. 178]. В юридическом конфликте как раз и отражается этот процесс превращения, трансформации фактического в юридическое, поэтому юридическая конфликтология своим междисциплинарным подходом отличается от теории правоотношения включением в свое познавательное поле как конфликта социального, так и юридической формы его разрешения – конфликтного отношения как правового.

Полноценный сравнительный анализ правового отношения и юридического конфликта невозможен без сопоставления их структурно-теоретических моделей. На примере структурных сопоставлений можно ясно увидеть разницу методологии исследования теории правового отношения и теории юридического конфликта.

В юридической литературе в структуру правоотношения обычно включаются субъекты правоотношения, субъективные юридические права и обязанности сторон правоотношения, объекты (объект) правоотношения (некоторые авторы выделяют также фактическое (реальное) поведение субъектов правоотношения) [25, с. 759–776; 49, с. 442, 455–457]. Проблемы самой теории правоотношения относительно содержания, количества, видов указанных структурных элементов мы рассматривать не будем, а сразу обратимся к структуре юридического конфликта.

Юридический конфликт, как мы уже отмечали, всегда является актом взаимодействия субъектов, фактическим отношением между ними. Именно фактический, жизненный, конкретно социальный компонент является главным и первичным в определении юридического конфликта. Важен анализ существа самого конфликтного взаимодействия, а потом уже его правовой формы, хотя нередко первое – сам конфликт и второе – правовая форма его разрешения совпадают, содержатся одновременно в одном акте (насильственные преступления с внезапно возникшим умыслом на почве бытового конфликта), а то и само первое может одновременно являться вторым (конфликты между участниками судебного процесса). Но все-таки комплексность методологического подхода самой юридической конфликтологии одновременно *требует анализа структуры юридического конфликта и как отношения фактического, и как отношения юридически значимого (правового отношения и (или) правонарушения).*

Структура юридического конфликта как фактического отношения между субъектами разработана в рамках общей теории конфликта и представляет собой совокупность субъективных и объективных признаков конфликтного взаимодействия. Ее образуют четыре элемента:

субъекты конфликта;

объект конфликта;

внутренняя, мотивационная сторона конфликта (можно именовать ее субъективной стороной конфликта, но не следует смешивать с субъективной стороной правонарушения);

внешняя сторона конфликта (также можно именовать ее объективной стороной, но это не то же, что объективная сторона правонарушения).

Следует отметить, что структура юридического конфликта не относится к разряду положений, подлежащих обязательному установлению в процессе осуществления юридических процедур, как это имеет место, например, с составом правонарушения, где определение того или иного общественно вредного (опасного) деяния как правонарушения осуществляется именно доказыванием наличия состава правонарушения. В юридическом конфликте обязательного установления и доказывания наличия всех элементов его структуры отнюдь не требуется, хотя таковое и может быть осуществлено. Но не в этом заключено назначение структуры юридического конфликта. Ближе по смыслу к структуре юридического конфликта находится структура правоотношения, но, снова же, значение познания последней и первой полностью не совпадает. Структура правоотношения и, главное, его форма, предполагают необходимость выяснения соответствия фактического отношения субъективным юридическим правам и обязанностям сторон и другим элементам структуры, т. е. выполняют, если можно так выразиться, эталонную функцию. Структура юридического конфликта иногда также может выполнять функцию оценки соответствия фактического отношения его юридической модели, но главное значение определения структурных элементов юридического конфликта как фактического отношения в каждом конкретном случае заключается в уяснении правоприменителем либо иным субъектом, разрешающим конфликт, в том числе и самими конфликтующими сторонами, действительных причин, условий, оснований возникшего конфликта с последующим использованием данных знаний непосредственно в процессе его разрешения (в том числе правоприменительного).

С этой точки зрения все четыре элемента структуры юридического конфликта как фактического отношения представляют определенную ценность, но особое значение имеет выяснение внутренней (мотивационной) стороны юридического конфликта. Субъекты, объект и объективная сторона конфликта как структурные элементы в той или иной степени уже описаны в классических юридических теориях: в правона-

рушении это субъект правонарушения, объект правонарушения и его объективная сторона, в правоотношении – субъекты правоотношения, объекты (объект) правоотношения и фактическое (реальное) поведение сторон правоотношения (содержание правоотношения). Но внутренняя сторона конфликта как интеллектуально-волевой, психологический процесс возникновения и развития мотивационных процессов субъектов конфликта на уровне противоречия их юридически значимых интересов вплоть до момента их фактической актуализации в собственно конфликтном акте юридической наукой исследуется недостаточно.

В теории правомерного поведения хотя и исследуется субъективная сторона соответствующего правовым нормам поступка, но, во-первых, цель установления мотивации правомерных деяний в юриспруденции не акцентирована и, видимо, акцентирована быть не может (т. е. она напрямую не связана с эффективностью правового регулирования, да и в этом смысле она никем из правоведов серьезно не обозначалась), во-вторых, речь все же идет о реализации права и соответственно, как предполагается, о нормальном осуществлении фактических отношений, поэтому конфликты остаются вне познавательного поля теории правомерного поведения. В теории правоотношения такой вопрос вовсе не ставится, в теории же правонарушения субъективная сторона формулирует вопрос «какая форма вины, каковы мотив и цель?», но вопрос «почему?» не ставится. А для разрешения всякого конфликтного взаимодействия, в том числе юридически значимого, вопросы «почему, по каким причинам возник конфликт?», «какие интересы сторон оказались в состоянии противоречия?» должны быть поставлены в первую очередь – без ответа на них избрать соответствующие средства разрешения конфликта и достичь эффективного снятия противоречия между конфликтующими сторонами практически невозможно. Разумеется, данное положение верно лишь при предлагаемой методологической установке относительно эффективности правового регулирования, ведь в ином случае можно ограничиться так называемой чистой юридической эффективностью и остаться на тех позициях, что правовая норма применяется с соблюдением формально-правовых предписаний, и этого достаточно. Но каков эффект от такого применения – вопрос совсем иной.

Подробное описание мотивационной стороны юридического конфликта и алгоритма ее познания здесь мы производить не будем (данному вопросу посвящен следующий параграф). Укажем лишь исследуемые признаки внутренней стороны юридического конфликта как осуществляющегося процесса мотивации конфликтного поведения сторон. Ученые-психологи, конфликтологи, социологи в различных формах описывают признаки мотивационного процесса конфликтного акта, однако содержание данного процесса во всех случаях остается

практически неизменным: 1) формирование мотива на основе потребности, интереса, установки; 2) определение цели; 3) непосредственные конфликтные действия (волевой акт) [36, с. 73–88; 38, с. 100–105; 54, с. 210–212].

Таким образом, структура юридического конфликта как фактического отношения включает в себя четыре элемента, среди которых за рамками классических юридических теорий остается внутренняя мотивационная сторона юридического конфликта. Рассмотрим теперь структуру юридического конфликта как юридически значимого отношения.

Структура юридического конфликта *как юридически значимого отношения*, а точнее, элементы данной структуры достаточно исследованы в традиционных юридических теориях. Это структурные элементы правонарушения и структурные элементы правоотношения. Все эти элементы достаточно изучены правоведами, отдельно на них здесь мы также останавливаться не будем. Однако юридическая конфликтология, и в этом снова проявляется ее междисциплинарная методологическая направленность, использует данные исключительно юридические по своему характеру элементы в своей комплексной теории специфическим образом. В частности, для разрешения юридического конфликта важен *вопрос о взаимосвязи противоречащих юридически значимых интересов конфликтующих сторон (мотивационной стороны конфликта) и субъективных юридических прав и обязанностей (реализующихся либо нарушающихся)*. Другими словами, здесь важно взаимоотношение «фактическое – юридическое», воздействие права на формирующиеся интересы и установки сторон, и наоборот, влияние мотивов в конфликте на должную реализацию нормы права. Ю.Г. Ткаченко правильно отмечает, что отношения, подвергаемые регулированию со стороны права, с функциональной позиции действительно можно называть правовыми, однако само такого рода регулирование не изменяет характера социальных отношений (экономических, политических, духовных) [55, с. 30, 100–102]. Юридические конфликты представляют собой «специфическое правовое инобытие общественного отношения» [56, с. 21], поэтому, разрешая юридический конфликт, нельзя ограничиваться только фактическим или только юридическим – необходимо их взаимодополнение, в том числе на уровне познания структурных элементов. Если же рассматривать структурную модель юридического конфликта только как фактического отношения либо только как отношения юридически значимого, т. е. изолированно друг от друга, целостной картины не будет, что соответственно негативно отразится на процессе разрешения конфликта.

Возвращаясь к вопросу о взаимосвязи формирующегося противоречия внутренних интересов сторон конфликта (их мотивации) и субъективных юридических прав и обязанностей их носителей, следует

сказать, что для законодателя первое – мотивация сторон – здесь является ведомым, а второе – субъективные юридические права и обязанности – ведущим, главным элементом, хотя очевидно, что далеко не всегда субъективные юридические права и обязанности опосредуют процесс формирования внутренних субъективных интересов конфликтующих сторон. Поэтому в идеале законодатель стремится, так сказать, к совершенному регулированию, основанному не только на правомерности поведения с внешней стороны – на основании одного лишь факта реализации субъективных юридических прав и обязанностей, но и на правомерности поведения на более глубоком, личностном уровне, на уровне мотивации и формирующегося отношения к совершаемому внешне правомерному акту. С этой точки зрения очевидно, что процесс формирования юридически значимых интересов сторон юридического конфликта не ограничивается лишь опосредованием субъективными юридическими правами и обязанностями, а находится под более широким правовым воздействием. Это можно выразить в ряде аспектов.

Во-первых, право в целом как регулятивный механизм воздействует на мотивацию субъекта, что, безусловно, сказывается на содержании формирующегося правового интереса. Это воздействие отображается прежде всего на правовом сознании субъектов конфликта. Неслучайно известный дореволюционный мыслитель И.А. Ильин в данной связи отмечал, что «право не только уполномочивает, но и связует. Разумея свои *права*, человек призван разуметь и свои *обязанности*, он должен разуметь и то, что ему *запрещено*, чего он не смеет» [57, с. 125]. От глубины отражения в сознании субъекта юридической действительности, знания права как регулятора общественных отношений и его особенностей будет зависеть содержание правового интереса в юридическом конфликте. С.С. Алексеев объясняет феномен духовного, идеологического воздействия права на сознание субъектов как дополнительный к правовому регулированию результат влияния всей системы правовых средств, который основан «на особенностях права как формы общественного сознания» [58, с. 9–24]. В.Н. Протасов в развитие рассматриваемого положения высказывает соображение о существовании еще более широкого, чем правовое воздействие, явления, своего рода правового излучения, охватывающего все социальные последствия существования в обществе права [59, с. 78–79].

Во-вторых, предполагается, что установленные законодателем в правовых нормах статутные юридические права и обязанности, а также так называемые охраняемые законом интересы оказывают воздействие на формирование субъективно направленных интересов стороны в конфликте при совершении конфликтных действий в конкретном правоотношении. Объективно выраженный законодателем интерес («охраняемый законом интерес») в отличие от субъективного внутреннего

интереса здесь следует понимать как «отраженное в объективном праве либо вытекающее из его общего смысла и в определенной степени гарантированное государством простое юридическое дозволение [60, с. 62]. А.В. Малько отмечает, что охраняемые законом интересы «предполагают удовлетворение собственных интересов личности, выступая своеобразными юридическими средствами (инструментами) реализации данных интересов, способами их правового оформления» [60, с. 63].

И в-третьих, субъективные юридические права, обязанности и конкретные охраняемые законом интересы непосредственно определяют направления реализации субъективных интересов субъектов юридического конфликта уже в рамках конкретно-определенного правового отношения. Именно субъективные юридические права, обязанности и конкретные охраняемые законом интересы конфликтующих субъектов определяют правовые параметры возникновения, развития и завершения юридического конфликта как конкретного правового отношения. Истец, ответчик, потерпевший, подозреваемый, свидетель, эксперт, специалист, понятой и иные возможные субъекты юридического конфликта реализуют свои субъективные внутренние интересы посредством субъективных юридических прав, обязанностей и законных интересов в конкретном конфликтном правовом отношении. Так, согласно ч. 1 ст. 20 УПК Республики Беларусь «все лица, участвующие в уголовном процессе, равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту их прав и законных интересов». «Заинтересованное лицо вправе в установленном порядке обращаться в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права либо охраняемого законом интереса», – гласит ч. 1 ст. 6 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь.

Не следует забывать, что приобретение субъективных юридических прав и обязанностей, а также использование нормативно закрепленных охраняемых законом интересов не исключает их употребление субъектом конфликта для реализации своих противоправных интересов, равно как и не исключает реализацию данных противоправных интересов в обход нормативных моделей поведения. Особое значение данное положение приобретает сегодня, когда право в условиях общества постмодерна превращается в предмет потребления, а его отдельные положения нередко подвергаются симуляции с выхолащиванием смыслов. Для определения таких случаев, а в юридических конфликтах в первую очередь, всегда необходимо сопоставление фактического и юридического, определение соответствия первого второму, в том числе посредством комплексного системно-структурного анализа.

Традиционная юридическая теория и юридическая конфликтология направлены на достижение единой цели – постоянного совершенствования процесса правового регулирования общественных отношений.

Это невозможно осуществить без точных ориентиров, критериев, которыми являются юридическая и в конечном счете фактическая эффективность правового регулирования. Взаимодополнение теории правового отношения и теории юридического конфликта, проникновение данных научных концептов в познавательное поле друг друга способствует и достижению названной цели, и одновременно дальнейшей разработке своих теоретических положений. Поскольку, как мы показали, именно внутренняя мотивационная сторона юридического конфликта остается за пределами внимания классической юридической теории правового поведения, в следующем параграфе мы обратимся к подробному сопоставлению данного структурного элемента юридического конфликта с юридическим правом, обязанностью и законным интересом.

6.4. Соотношение правового интереса субъекта юридического конфликта и юридического права, обязанности, законного интереса

Проблема интереса в праве всегда будет актуальной, поскольку определение социально полезных интересов людей и их адекватное отражение в правовых нормах представляет одну из важнейших задач правового регулирования. В ситуации удовлетворения социально полезных интересов субъектов права посредством положительной правореализации право как социальный регулятор предстает перед нами в регулятивном рабочем состоянии, и в таком случае проблема интересов в праве актуализируется лишь на уровне этой самой адекватности отражения законодателем интересов в нормах права. Однако не меньшую значимость указанная проблема приобретает в ситуации неудовлетворения либо ненадлежащего удовлетворения уже отраженных в праве интересов людей – непосредственно при нарушении права либо в случае невозможности его должной реализации.

Взаимодействие между людьми, а по сути, между их интересами представляет для права наиглавнейший предмет регулирования. Интересно в связи с этим представление А.В. Поляковым права как своего рода коммуникации, специфика которой заключается в юридических коммуникативных средствах и формах, т. е. в правовых текстах и опосредующих их нормативных правах и обязанностях участников социального взаимодействия. Разрыв (прерывание) такой правовой коммуникации, должного порядка правового общения представляет собой, как правило, сугубо негативное явление, выступающее катализатором защитной, охранительной, а точнее, коммуникативно-восстановительной реакции механизма правового регулирования. Юридический конфликт представляет собой одно из непосредственных оснований такого разрыва

ва, нарушения позитивного правового регулирования, поэтому деятельность по предотвращению и разрешению юридических конфликтов не нуждается в обосновании.

Как мы уже отмечали, в основе юридического конфликта всегда потенциально находятся определенные мотивационные структуры, которые категориально определены нами как социально-психологическое противоречие правовых (юридически значимых) интересов субъектов права. Данное противоречие правовых (юридически значимых) интересов сторон конфликта является внутренней, в сущности, неартикулируемой для права структурой, которая, тем не менее, при соответствующих условиях актуализируется уже в конкретном правовом отношении и находит свое выражение в юридическом противоречии формально-определенных субъективных юридических прав, обязанностей, законных интересов конфликтующих субъектов. Вводя в научный оборот юридической конфликтологии понятие правовых (юридически значимых) интересов, необходимо, конечно, осуществить их сопоставление с юридическим правом, обязанностью, законным интересом и обосновать саму эту необходимость.

Юридическая наука, в некотором смысле, всегда занималась изучением конфликтов между субъектами правового общения и способов их правового разрешения. Каждая отраслевая дисциплина сформировала свой особый взгляд, выработала собственный инструментарий выявления и преодоления конфликтов, будь то разрешение гражданских, хозяйственных споров, разбирательство административных правонарушений или расследование преступлений. Вместе с тем, разрабатывая традиционные для себя отраслевые способы разрешения указанных конфликтов, юриспруденция, если можно так выразиться, все более сосредоточивалась на познании формально-правовых элементов, ввиду чего постепенно понимание и гражданско-правового спора, и административного правонарушения, и преступления как проявляющегося во всех случаях *общего процесса конфликтного взаимодействия в социуме* (если такое, разумеется, имеет место) отдалилось на задний план и было аксиологически редуцировано до их формально-правовых аналогов. Однако социальная ценность права сохраняется до тех пор, пока само право ориентируется на социальную среду, соизмеряет с ней свои средства регулирования, видит за каждым юридическим делом человека, жизненную ситуацию, от успешности разрешения которой зависит состояние гармонии в обществе. Поэтому для эффективного разрешения юридического конфликта немаловажное значение имеет выяснение общих закономерностей протекания конфликтных отношений, причин и стадий их развития, сущности и внутренней природы. Этому активно способствует взаимосвязь познавательного инструментария смежных дисциплин в так называемом междисциплинарном подходе, который и представляет юридическая конфликтология.

Вообще практически любой междисциплинарный подход при должном его использовании способен постоянно открывать перед исследователем множество новых углов рассмотрения традиционных проблем; он позволяет подниматься на более высокие уровни обобщения, когда проблема предстает перед ученым во все более целостном виде с проявлением всех ее взаимосвязей и взаимозависимостей. Думается, то же происходит и в случае с междисциплинарным исследованием процессов правового общения между людьми посредством использования категории юридического конфликта, когда ученый, владея традиционно сложившимся юридическим знанием о предмете, соотносит это знание с социологическим, психологическим взглядом на него, вследствие чего и происходит расширение познавательного горизонта, взаимообогащение и поднятие на новый уровень, который диалектически снимает предыдущий и уже сам требует своего снятия в новом познавательном акте.

Интерес со времен Р. Иеринга всегда был связующим междисциплинарным звеном-кирпичиком для социологов, психологов, правоведов. Должное удовлетворение социально-полезных интересов людей всегда являлось основой психологического равновесия общества, исток нормальных коммуникативных процессов между субъектами права, базой для гармоничного развития государства. Юридический конфликт же, в данном случае, есть в некотором роде нарушение, прерывание и первого, и второго, и третьего, это действительно разрыв всех коммуникационных связей – и социальных, и психологических, и юридических, и именно по этой причине так называемый чисто юридический подход, подход формы, далеко не всегда способен оказать должное воздействие на содержание. Отсюда познание юридического конфликта, выступающего своеобразным связующим звеном между социологическим, психологическим и юридическим, дает нам возможность осуществить в его рамках триединый анализ взаимодействия интересов людей посредством рассмотрения: а) содержания такого взаимодействия (конкретно-социальной среды); б) его социально-психологической составляющей; в) правовой формы протекания.

Мы детально остановимся на соотношении положений, обозначенных прежде всего в п. «б» и «в», имея в виду, что формирование правовых интересов субъектов юридического конфликта неразрывно связано с юридической формой последнего – с юридическим конфликтным отношением, а точнее, с субъективными юридическими правами, обязанностями и законными интересами субъектов конфликта в таком отношении. Вопрос же соотношения социально-психологической составляющей юридического конфликта и правовой формы его разрешения практически целиком находится в области исследования психологического механизма, или субъективной (мотивационной) стороны юридического конфликта.

Субъективная (мотивационная, внутренняя) сторона конфликтного взаимодействия, как мы уже отмечали, находится в неразрывной связи с субъективными юридическими правами и обязанностями конфликтного правоотношения. Сразу оговоримся, что ниже мы рассматриваем мотивационную сторону юридического конфликта, выступающего именно в форме правового отношения, и не касаемся субъективной стороны юридического конфликта-правонарушения, которая подробно разбирается в науке уголовного права.

Детальное рассмотрение психологического механизма юридического конфликта для юридической конфликтологии представляет особую важность еще и по следующим причинам. Во-первых, задавшись вопросом разрешения юридического конфликта, невозможно на него дать ответ без выяснения общего механизма психологической детерминации конфликтного поведения. Во-вторых, именно анализ субъективной стороны позволяет раскрыть наиболее важные вопросы природы юридического конфликта, взаимодействия и взаимовлияния психологических и юридических компонентов, влияющих на юридический конфликт, их соотношение, степень взаимного воздействия правовой среды и психологического механизма. В-третьих, именно исследование психологического механизма юридического конфликта способствует определению юридического конфликта с позиции его сущности и разграничению его со смежными правовыми явлениями. А.М. Яковлев в данной связи указывает, что, только выделив и описав конкретные черты взаимодействия субъектов, установив их структуру, возможно проникнуть в глубь конкретного явления, «заглянуть далее „явной очевидности“ конкретных фактов, устанавливая их внутреннюю связь и взаимозависимость» [61, с. 27].

Конфликт, как правильно отмечает В.И. Сперанский, всегда сопровождается определенными социально-психологическими процессами, происходящими в сознании субъектов конфликта [62, с.160]. Субъективная сторона юридического конфликта как раз и характеризует эти процессы, а точнее, сложный социально-психологический механизм, выступающий в качестве мотивационной системы конфликтного поведения. Ученые в различных формах описывают процесс мотивации в конфликте, однако во всех случаях содержание данного процесса остается неизменным – формирование мотива на основе потребности, интереса, установок; определение цели; непосредственные конфликтные действия (волевой акт) [36, с. 73–88; 38, с. 100–105; 54, с. 210–217].

Под мотивом (от лат. *moveo* – двигаю) обычно понимается материальный или идеальный предмет, который побуждает и направляет деятельность или поступок и ради которого они совершаются [63, с. 237; 64, с. 203]. В конфликте мотив конкретизирует действия и направляет конфликтное поведение субъекта. Однако конкретизация мотива в цель

конфликтных действий опосредована интересом, который, в свою очередь, порождается некоторой потребностью. Потребность представляет собой объективное состояние нехватки чего-либо, что индивид, организация стремятся получить (удовлетворить потребность) [63, с. 232–233; 65, с. 572]. Человеку потребности присущи объективно, и при стремлении к их удовлетворению у него формируются определенные интересы, заключающиеся в осознании своих потребностей, а также общих условий и средств, способствующих их удовлетворению [66, с. 48–49]. «Исследовать интересы – значит рассматривать пути, формы, возможности оптимального удовлетворения потребностей», – отмечает А.И. Экимов [67, с. 7]. Потребность, таким образом, является сущностью интереса и объективно обуславливает его появление. Сам же интерес направляет субъекта на значимые для него объекты для удовлетворения некоторой потребности. В данной связи еще Р. Иеринг, ссылаясь на своего современника А. Шопенгауэра, доказывал, что «интерес необходимо предполагается при всяком деянии» [68, с. 42]. В.В. Лазарев также связывает достижение определенной цели и удовлетворение тем самым соответствующей потребности с реализацией интересов субъекта [69, с. 118]. Реализуется же интерес в деятельности субъекта по осознанию и достижению целей в отношениях между людьми. Именно в отношениях субъект реализует свой интерес, именно в отношениях интерес «ориентирует и индивидуализирует своего носителя (субъект)» [70, с. 88].

Сопоставляя интерес и потребность в конфликте, А.Г. Здравомыслов отмечает, что оба они представляют собой стремления людей, которые непосредственно воздействуют на их поведение. Однако если потребности ориентируют поведение людей на обладание благами, которые жизненно необходимы и являются первичными, то интересы – это те стимулы действия, которые проистекают из взаимного отношения людей друг к другу [38, с. 114–115]. Предмет социального интереса, таким образом, – это не само благо как таковое, а те позиции, которые обеспечивают получение этого блага в общественных отношениях. Польские правоведы-конфликтологи занимают аналогичную позицию по данному вопросу и при этом подчеркивают, что интерес определяет тип, интенсивность и форму действий в той или иной системе общественных отношений для приобретения благ, удовлетворяющих потребности [71, s. 167].

Итак, в общественных, а равно и в правовых отношениях именно посредством реализации интереса наиболее адекватно удовлетворяются потребности субъектов юридического конфликта. «Значимый субъективный интерес требует для своего удовлетворения общественного отношения, правоотношения», – справедливо отмечает Е.Я. Мотовиловкер и делает вывод «об обязательности правоотношения для реализации

юридически значимых интересов» [72, с. 44]. Именно интерес «определяет субъективное право и обязанность и сцепляет индивидов в правоотношении», является той основой, «которая делает возможным существование правоотношения как целостного явления» [72, с. 49]. Это еще раз подтверждает положение о необходимости правового отношения для удовлетворения интересов субъектов юридического конфликта.

При анализе интереса в праве важно иметь в виду, что данное понятие может отражать два хотя и взаимосвязанных, однако все-таки различных явления – *интерес как явление общественного бытия людей* (условно назовем его объективным интересом) и *интерес как предикат их сознания* (условно назовем его субъективным интересом). Объективная категория интереса выражает то, что объективно способствует упрочению и позитивному изменению социального положения субъекта общественных отношений. Анализ законодательства Республики Беларусь обнаруживает использование понятия «интерес» в качестве объективного явления (отечественный законодатель использует такие терминологические конструкции, как «интерес», «законный интерес», «охраняемый законом интерес», «защищаемый законом интерес», «охраняемый законодательством интерес»). Это происходит в случаях, когда наряду с субъективным юридическим правом объектом правовой охраны и критерием правомерности действий субъектов закон признает интерес – «имеющее характер стремления юридическое дозволение, не обеспеченное конкретной юридической обязанностью» [60, с. 63–64], однако подлежащее правовой защите наряду с субъективным юридическим правом. Такое использование категории интереса обнаруживается, например, в ст. 22 Конституции Республики Беларусь: «все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов». Правовая охрана интересов общества и отдельных граждан, безусловно, не может быть поставлена в зависимость от правильности и степени их осознания конкретным носителем интереса либо субъектом, ограничивающим данные интересы, поэтому интерес, как объект правовой охраны, предстает как объективная категория. Следовательно интерес как явление сознания людей (субъективный интерес) не является и не может быть объектом правовой охраны. Вместе с тем имеются правовые нормы, существенное значение придающие осознанности или неосознанности того, что действия одного субъекта противоречат интересам другого субъекта. Так, осознанность проявляется в умысле, наличие которого влечет более жесткие последствия для правонарушителя по сравнению с неосторожной формой вины.

Р.Е. Гукасян, рассуждая о данной проблеме, предлагает наряду с объективно выраженными интересами, представляющими результат целенаправленных правовых установлений государства в форме право-

вой охраны, различать отличные от последних *правовые интересы*, «возникающие в сфере правовых отношений и удовлетворяемые с помощью правовых средств» [73, с. 113]. Предпосылки существования таких интересов усматриваются, во-первых, в правовом регулировании общественных отношений, во-вторых, в наличии иных по содержанию интересов, удовлетворению которых в итоге служат правовые интересы. Как отмечает исследователь, для признания интереса правовым достаточно, чтобы он мог быть удовлетворен с помощью правовых средств, хотя конкретно-правовая норма, содержащая предпосылку для возникновения субъективного юридического права, опосредующего конкретно данный интерес, может и отсутствовать [73, с. 113]. Вместе с тем Р.Е. Гукасян указывает на объективность правового интереса и независимость от осознания его лицом.

В целом, соглашаясь с мнением Р.Е. Гукасяна, полагаем, что в юридическом конфликте *правовой (юридически значимый) интерес* предстает не как объективный, не зависящий от осознания лица интерес, а именно как описанный нами выше субъективный интерес, т. е. как феномен сознания, существенный элемент мотивации, направленный на удовлетворение юридически значимых потребностей. Особенно это прослеживается в случае выражения в правовом интересе противоправной субъективной направленности на совершение того или иного действия в конфликте. Данное положение подтверждается также и очевидностью того факта, что наряду с поощряемыми запрещенные законом интересы при существовании правового запрета на них все равно возникают и являются стимулами к действию. «Правовые интересы – порождение противоречивой социальной действительности, они, как и любые иные интересы, могут быть противозаконными» [73, с. 116]. Например, противоправный субъективный интерес стороны в гражданском судопроизводстве уклониться по каким-либо причинам от дачи правдивых показаний, безусловно, носит правовой характер (имеет юридическое значение) и выражается в правовом интересе, реализуемом посредством дачи ложных показаний суду, хотя непосредственно правовая норма, позволяющая давать стороне ложные показания, разумеется, отсутствует. Прав В.Н. Кудрявцев, когда говорит, что «правовая норма... моделирует лишь внешнюю деятельность субъекта, а не его мыслительные процессы или эмоциональные переживания» [66, с. 42–43], поэтому из проведенного анализа следует заключить, что *правовой (юридически значимый) интерес как явление сознания приобретает самостоятельное значение и выступает важнейшей доминантой поведения сторон в юридическом конфликте*.

Таким образом, для анализа мотивационной стороны юридического конфликта интерес прежде всего имеет значение как явление сознания (субъективный интерес), который мы обозначили термином «правовой

(юридически значимый) интерес», поскольку именно в таком контексте можно говорить о волевой направленности интереса субъекта на удовлетворение потребности в конфликте. Однако, как замечает А.Я. Курбатов, интерес в сознании в той или иной степени отражает объективно данные интересы: «прежде чем существовать в сознании, интерес существует в социальной действительности» [74, с. 256]. Соответственно же интереса в действительности интересу в сознании зависит от уровня осознания первого, причем интерес в сознании обладает относительной самостоятельностью (что проявляется, например, в его направленности на реализацию объективно данного интереса). Отсюда необходимо заключить, что интерес как объективная категория существует независимо от его осознания и проявляется лишь в общественном бытии людей. Интерес же как субъективная категория существует в сфере сознания. Вместе с тем при анализе такой специфической разновидности конфликта, как конфликт юридический, необходимо учитывать взаимосвязь объективных и субъективных интересов. А.И. Экимов по данному поводу справедливо отмечает, что «если игнорировать объективный характер интересов, то сущность права, его роль... и другие сопряженные с ними проблемы неизбежно предстанут в искаженном виде. <...> С другой стороны, если не считаться с субъективными интересами, невозможным станет выяснение во всей полноте мотивов поведения отдельных индивидов» [67, с. 9].

Как мы убедились, выделенные нами правовые (юридически значимые) интересы выступают основой формирования мотива на совершение тех или иных конфликтных действий и в юридическом конфликте в состоянии противоречия являются *главным конфликтообразующим фактором*. В таком значении *правовые (юридически значимые) интересы* могут быть определены как *субъективно выраженные и осознанные ориентации субъектов конфликта, направленные на удовлетворение юридически значимых потребностей в конфликтных юридических отношениях*. Первоначально сформировавшись на мотивационном уровне как социально-психологическое противоречие, указанные правовые интересы проявляются в последующем на уровне конкретного конфликтного правового отношения в юридическом противоречии при осуществлении субъективных юридических прав, обязанностей и законных интересов. Следовательно в юридическом конфликте противоречие, с одной стороны, проявляется в социально-психологической форме, а именно в противоречии правовых интересов субъектов конфликта на уровне мотивации, с другой – оно проявляется в юридической форме – в субъективных юридических правах, обязанностях и законных интересах на уровне конкретного конфликтного правоотношения.

Возвратимся к развитию мотивационного процесса юридического конфликта. После того как на основе правового интереса сформиро-

вался мотив на совершение конфликтных действий, он конкретизируется в цели, которая заключается в достижении конечного результата – в реализации мотива. С соединением же осознаваемых внутренних переживаний (потребности, правового интереса, мотива и цели) в воле субъекта конфликта необходимо говорить о процессе перехода к реальному конфликтному поведению. Л.С. Явич в данной связи отмечает, что «без интереса нет волевых действий; без волевых действий не удовлетворить интереса» [75, с. 187]. Воля, таким образом, представляет собой способность человека действовать в направлении сознательно поставленной цели [64, с. 54]. Волевое поведение, характеризующееся внутренним интеллектуальным планом, выполняющим функцию сознательной регуляции деятельности, как правило, и присуще юридическому конфликту.

Субъективная сторона юридического конфликта, таким образом, предстает в сложной социально-психологической системе трансформации потребности в правовой (юридически значимый) интерес, который актуализируется в мотиве и, конкретизируясь в целях субъектов конфликта, непосредственно реализуется в конфликтных правовых отношениях между ними.

Проведенный системно-структурный анализ субъективной (мотивационной) стороны юридического конфликта позволил определить понятие правового (юридически значимого) интереса, его место и значение в структуре юридического конфликта, а также отношение к юридическому праву, обязанности и законному интересу. Если правовые (юридически значимые) интересы формируются в сознании и выступают внутренними ориентациями субъектов конфликта, которые направлены на удовлетворение юридически значимых потребностей в конфликтных юридических отношениях, то юридическое право, обязанность и законный интерес являются возможными формально-правовыми средствами реализации сторонами конфликта своих внутренних интересов и установок. Как правило, формирование правовых (юридически значимых) интересов происходит раньше возникновения у субъекта прав, обязанностей и законных интересов, в таком случае первое обуславливает второе. При этом если юридическое право, обязанность и законный интерес являются нормативными установлениями, которые в форме объективного права закреплены в законодательстве и в форме субъективного права становятся принадлежностью субъектов с обязательным элементом правовой защиты государства, то правовые (юридически значимые) интересы нормативными установлениями не являются, а целиком принадлежат сфере сознания, хотя впоследствии и реализуются через элементы субъективного права. При этом правовой (юридически значимый) интерес, как мы уже отметили, в структуре юридического конфликта является *главным конфликтообразующим фактором*.

Для юридической конфликтологии и современного правопедения в целом обращение внимания на правовой (юридически значимый) интерес как на феномен правового сознания является очень важным. Такое обращение прежде всего дает возможность в процессе правового познания ориентироваться на те аспекты правового взаимодействия, которые традиционно не находились в поле зрения классической юриспруденции, однако очень серьезно определяют всякое правовое поведение, в особенности поведение сторон в юридическом конфликте. Если говорить строго, то эффективное разрешение юридического конфликта без обращения к правовому (юридически значимому) интересу как главному конфликтообразующему фактору невозможно, поскольку в этом случае механизм разворачивания правоотношения конфликтного типа в своей существенной части остается скрытым.

Разработка понятийно-категориального аппарата юридической конфликтологии, сравнение и определение понятий традиционных юридических теорий и теории юридического конфликта наряду с представленной нами в настоящем разделе технологией правоприменительного разрешения конфликтов намечают контуры развития юридической конфликтологии как неклассического направления правовой науки. Однако сегодня на фоне развития национальной правовой системы наиболее радикальный ход в сторону неклассического видения и работы с правовой реальностью юридическая конфликтология делает своей теорией альтернативного разрешения юридических конфликтов.

6.5. Альтернативные процедуры разрешения юридических конфликтов в структуре национальной правовой системы: современное состояние и перспективы развития

За несколько последних десятилетий практически во всех сферах жизнедеятельности общества произошло существенное увеличение количества социальных изменений. Это связано как с развитием самой структуры современного общества, так называемого общества постмодерна, так и со значительным повышением роли информационных технологий, их чрезмерной социализацией, многоплановым воздействием на социальные системы. В политике, экономике, культуре процессы интеграции-дифференциации обретают количественно более интенсивный и одновременно качественно менее фиксируемый для самих субъектов социального взаимодействия характер. Те закономерности развития социальных систем XX и начала XXI в., о которых говорили и которые прогнозировали еще М. Вебер, Т. Парсонс, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Р. Дарендорф, Л. Козер, Н. Луман и другие социологи прошлого столетия, сегодня можно наблюдать более очевидно, чем это

было, скажем, еще 30–40 лет назад. Так называемые сложные общества, которые можно отождествить с понятием «современные общества», требуют совершенно особенных механизмов контроля и руководства за их функционированием. Как отмечает Н. Луман, в сложных (современных) обществах социальные системы «непрерывно интегрируются и дезинтегрируются, связываются лишь на мгновения и тотчас же вновь высвобождаются для самостоятельных операций подключения» [76, с. 16].

В этой связи важное значение приобретает анализ конфликтности процессов, происходящих в современных социальных системах. Если обратиться к исследовательской традиции социального конфликта, то следует отметить, что представители конфликтологического направления в социологии (Г. Зиммель, Р. Дарендорф, Л. Козер, Н. Луман и др.) активно отстаивали позицию о позитивной, функциональной роли конфликтов в современных обществах. Данное направление стало особенно популярным только с 70–80-х гг. XX в., когда функционирование сложных социальных систем (прежде всего, обществ Западной Европы и США) фактически не могло быть объяснено функциональным направлением в социологии. Представители последнего (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс) основывались на положении об относительно стабильной и интегрированной природе общественного устройства, в котором социальный конфликт рассматривался как патология в функционировании социальных систем. Положение о патологичности социального конфликта в развитии общества содержало в себе соответственно установку на абсолютное устранение данного явления из социальных сред либо создание и эффективное функционирование механизмов, способных выполнять такую функцию. В связи с этим огромное значение уделялось выработке рациональных способов разрешения социальных конфликтов. Надо сказать, что и К. Маркс, которого традиционно относят к представителям функциональной школы, несмотря на придание одного из определяющих значений конфликтному антагонизму классовых противоречий, тем не менее свою социальную систему также завершал фактическим нивелированием социального конфликта. Советская социологическая школа полностью основывалась на данной установке.

Социология равновесия, или социологический функционализм, таким образом, ориентировался на идею бесконфликтности и социального согласия, но, как мы уже сказали, рассмотрение конфликта как отклонения от нормы во второй половине, а точнее, ближе к концу XX в. перестало соответствовать фактической действительности происходящих в мире процессов. Отклонения стали встречаться слишком часто, чтобы рассматривать их как исключение из правила, поэтому альтернативная социологическая школа предложила так называемую теорию

социального изменения, или конфликта, которая является доминирующей по настоящее время. Основная задача теоретиков конфликтного направления – максимально полно исследовать социальный конфликт, а начиная с Л. Козера, – обнаружить его позитивные функции с целью выявления его конструктивной роли в функционировании общества.

Юридический конфликт как особая форма социального конфликта стал объектом самостоятельного научного исследования под влиянием функциональной конфликтологической школы начиная с 80-х гг. XX в. Сегодня во многих постсоветских республиках, особенно в России, активно проводятся исследования юридических конфликтов и способов их разрешения. Надо сказать, что междисциплинарное направление – юридическая конфликтология, которое зародилась именно в период распада СССР, является уникальным исследовательским явлением в рамках практически всего мирового научного сообщества. Можно предположить, что тотальный отказ советского общества в признании его конфликтным как крайность вызвал ответную, не менее сильную реакцию «броситься» в изучение юридических конфликтов. В связи с этим при любом изучении юридических конфликтов и способов их разрешения чрезвычайно важно определить основные методологические ориентиры в исследовании самих юридических конфликтов, различных способов их разрешения, в особенности когда речь идет о приложении полученных результатов к конкретной национальной правовой системе. В настоящем параграфе поэтому будут рассмотрены теоретико-методологические особенности возможности и перспективы использования альтернативных способов разрешения юридических конфликтов в национальной правовой системе.

Надо сказать, что изучение альтернативных способов (процедур) разрешения юридических конфликтов для отечественной юридической науки является относительно новым аспектом исследования. На рубеже 80-х и 90-х гг. XX в. данное направление исследования было заимствовано из западноевропейской социологической мысли. В традиционной советской науке собственно о юридическом конфликте в том виде, как его представляет конфликтологическая школа (Г. Зиммель, Л. Козер), речь вообще не велась. Столкновение интересов субъектов правового общения рассматривалось в категориях «правомерное поведение», «неправомерное поведение». Считалось, что последнее как правонарушение никакой положительной функции в правовой либо иной социальной системе не выполняло, поэтому в отношении правонарушений советскими социологами охранительного права (криминологами) использовался термин «борьба», предполагающий их полное устранение из социальной системы. Термин «конфликт» использовался в советской науке (например, криминалистическая методика расследования преступлений, криминальная психология [40]) весьма ограни-

ченно, приоритет отдавался терминам «преступление», «правонарушение», «проступок», сам конфликт считался явлением патологическим.

Однако после распада СССР идеологические установки практически всех советских республик изменились на противоположные, что в научной мысли выразилось в принятии конфликтной модели развития общества. Конфликт стал считаться условно нормальным явлением социальной системы, более того, столкновения интересов на уровне правовой системы стали рассматриваться уже не только как односторонний акт нарушения права, но и как конфликт – определенное социальное взаимодействие, которое может иметь и некоторые свои позитивные стороны в функционировании правовой системы, так сказать, свой смысл. Концепт «борьба с преступностью», которая предполагает наличие вертикально-властного отношения и самого государственно-властного субъекта, ее осуществляющего, и которая направлена на устранение преступности как таковой (конфликтности общества), сменяется «сдерживанием, противодействием преступности», а по существу разрешением юридического конфликта (подразумевается в некотором смысле нормальность его присутствия в социальной системе). Несмотря на неотрефлексированность данного общеметодологического положения многими специалистами, занимающимися отраслевыми юридическими исследованиями, оно является очевидным и фактически подтверждается современным полем исследования конфликтологической проблематики.

Общеметодологическая переориентация восприятия социальных столкновений с негативного на позитивное дала возможность отыскивать иные способы повышения эффективности функционирования правовой системы. Современное белорусское общество, несмотря на имеющий место разумный консерватизм, по степени сложности протекающих в нем социальных процессов и по мере включенности его в европейскую и мировую социальные системы объективно может быть признано сложным обществом, для контролирования и регулирования которого традиционная парсоновская бесконфликтная установка представляется недостаточной. Решение задачи эффективного функционирования национальной правовой системы позволило обратить внимание на альтернативные традиционному способу разрешения различных правовых ситуаций процедуры, которые были разработаны и уже использовались достаточно длительное время во многих западноевропейских и североамериканских правовых системах.

В настоящее время тема альтернативных способов разрешения юридических конфликтов находит все большее отражение в общетеоретических исследованиях, в частности в общей теории права, юридической конфликтологии, социологии права [3, с. 115–150; 10, с. 210–232; 46, с. 67–88; 77, с. 97–119; 78, с. 268–271; 79, с. 512–519]. Пред-

метное же рассмотрение альтернативных способов разрешения конфликтов наблюдается в отраслевых дисциплинах – в уголовном [41; 80–85], гражданском [86–89] процессуальном праве и в ряде других отраслевых дисциплин. Несмотря на конфликтолого-позитивную установку (функциональную установку), лежащую у истоков исследований альтернативных процедур разрешения юридических конфликтов в национальной правовой системе, по своему существу это принципиально не повлияло на направленность и конечные цели правового регулирования конфликтных общественных отношений – целью правового регулирования осталось их устранение. Юридические исследования альтернативных процедур разрешения конфликтов менее всего касаются выявления позитивных функций последних в функционировании правовой системы, основное внимание направлено на поиск новых эффективных способов получения замиренной, согласованной правовой среды посредством эффективного предупреждения и разрешения юридических конфликтов. И в этом смысле, как отмечает один из современных исследователей альтернативных способов разрешения конфликтов в уголовном процессе Л.В. Головкин, альтернативные способы разрешения юридических конфликтов «представляют собой правомерную замену основных традиционных элементов реакции государства на преступление, в соответствующем случае подлежащих столь же правомерному применению при отказе от использования альтернатив или при отсутствии оных в правовой системе» [41, с. 20–21].

Непосредственно обращаясь к проблеме альтернативных способов разрешения юридических конфликтов, следует сказать, что сам термин «альтернативы» (от лат. *alter* – один из двух) в отношении к традиционным процессуальным производствам должен рассматриваться как минимум с двух позиций, что не всегда делается в литературе: с одной стороны, альтернативными способами разрешения юридических конфликтов могут выступать различного рода досудебные, внеправовые процедуры, основанные на использовании переговорных (*negotiation*), посреднических (*mediation*) и иных методик, которые по своей природе не являются правовыми [6, с. 41–46]. В данной связи представляется справедливым замечание российского цивилиста Е.И. Носыревой о том, что альтернативное разрешение споров возникло и развивается по двум основным направлениям – в рамках действующей судебной системы и вне ее [87, с. 9, 52]. Именно в последнем, внеправовом значении термин «альтернативы» и находит свое точное определение. С другой стороны, употребление термина «альтернативы» к традиционным процессуальным производствам весьма условно и демонстрирует лишь отклонение хода процесса от классического порядка разрешения дела. В таком значении под альтернативным разрешением конфликтов понимается совокупность разнообразных процессуальных процедур, не

относящихся к так называемому традиционному правоприменительному процессу [87, с. 8]. Однако не должно быть сомнений в том, что данные альтернативные процедуры развиваются в рамках юридического процесса и являются его неотъемлемой частью. Поскольку часть является принадлежностью целого, то с логической закономерностью должно вытекать, что телеология, принципы и иные общие положения развития той или иной традиционной юридической процедуры (уголовного, гражданского, хозяйственного процессов) неизменно должны распространяться и на альтернативные способы разрешения юридических конфликтов. Этому требует логика развития системы права и иерархии ее элементов. Именно в этом смысле мы будем рассматривать альтернативные способы разрешения юридических конфликтов.

Для более конкретного анализа альтернативных способов разрешения юридических конфликтов в последнем упомянутом нами смысле обратимся к законодательству Республики Беларусь и дадим общую характеристику альтернатив на примере двух наиболее типичных отраслей частного и публичного права – соответственно гражданского и уголовного права.

Частноправовая природа большинства гражданско-правовых конфликтов, разрешаемых в рамках гражданского процесса, изначально предполагает наличие альтернативных способов разрешения споров и соответственно обуславливает большие альтернативные возможности в разрешении конфликтов по сравнению с уголовным процессом. В последнее время предложения о внедрении в данную сферу регулирования альтернативных элементов разрешения гражданско-правовых конфликтов стали появляться все чаще. Среди ученых-цивилистов дискусируется вопрос о возможности признания доминирующим в гражданском процессе диспозитивного метода гражданско-процессуального регулирования: «гражданское правосудие диспозитивно по своей природе и назначению» [90, с. 48]. Вместе с тем отмечается и зажатость состязательного начала при традиционной гражданской процедуре, указывается на недостаточность сотрудничества сторон конфликта в процессе [91]. Думается, что создание диспозитивного гражданского правосудия как новой этической парадигмы, материализация идеи гармонично нормализующего правосудия относятся хотя и к сложно реализуемым, однако при последовательном реформировании к возможным и необходимым преобразованиям.

Гражданское законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации в соответствии с современными тенденциями в области гражданского правосудия постепенно выстраивает такие модели процесса, в рамках которых предоставляется все больше возможностей приходиться к принятию согласованных решений, соотносимых с законом, выработанных в свободном обсуждении сторон совместно с судь-

ей. Как верно отмечает Е.И. Носырева, развитая система альтернативных процедур отвечает приоритетам любого государства, таким, как создание эффективной судебной системы, снижение объема судебных дел и затрат, связанных с их рассмотрением, обеспечение быстрого разрешения конфликтов и предотвращение их отрицательных последствий, поощрение такого разрешения конфликтов, которое соответствует интересам сторон, обеспечение доступности и разнообразия процессуальных форм, вытеснение неправомερных, силовых способов разрешения конфликтов [87, с. 52–53].

На сегодняшний день в отечественной правовой системе, равно как и в российской, можно выделить ряд альтернативных способов разрешения гражданско-правовых конфликтов. Прежде всего к ним относятся претензионный порядок урегулирования споров и третейский суд.

Претензионный порядок урегулирования споров предусматривает разрешение конфликта непосредственно сторонами без участия третьих лиц. По сравнению с западными аналогами претензионного порядка разрешения конфликтов отечественный имеет ряд специфических особенностей. Так, в частности, в американском представлении претензионный порядок рассматривается как предварительный этап переговоров, целью которого является выяснение позиций сторон в конфликте [87, с. 54]. Нашему же представлению соответствует понимание претензионного порядка как самостоятельной, завершенной процедуры. В советский период претензионный порядок урегулирования хозяйственных споров между сторонами имел широкое распространение. Он предшествовал разбирательству в любом органе, разрешающем хозяйственный спор, носил всеобщий и обязательный характер. Не принимая во внимание ряд негативных моментов в советской системе предъявления претензий, следует отметить ее ценные качества, связанные с направленностью на быстрое разрешение конфликтов, недоедением до суда незначительных и мелких конфликтов. Ранее действовавший Гражданский кодекс в ст. 243, 260, 378, 544, 549 предусматривал правовые основания для претензионного порядка урегулирования споров.

В настоящее время гражданское законодательство Республики Беларусь не содержит требования об обязательном претензионном порядке урегулирования конфликтов в качестве общего правила (за исключением ст. 751 ГК Республики Беларусь «Претензии и иски по перевозкам грузов»). Вместе с тем Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь в ч. 3 ст. 6 определил необходимость прохождения претензионного производства, если законодательными актами для определенной категории споров установлен досудебный (претензионный) порядок урегулирования спора и если договором установлен досудебный (претензионный) порядок урегулирования спора. Для прокурора, государственных органов, органов местного управле-

ния и самоуправления, иных органов делается исключение из правила об обязательности соблюдения претензионного порядка по вышеуказанным основаниям в случае необходимости защиты государственных и общественных интересов, а также интересов юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, организаций, не являющихся юридическими лицами (в том числе коллективов работников) и граждан (ч. 4 ст. 6).

Относительно первого основания следует отметить, что применение досудебных процедур, в частности претензионного порядка, весьма ограничено ввиду небольшого количества законодательных актов, содержащих указание на необходимость применения досудебного порядка. Использование на практике второго основания относительно претензионного порядка весьма затруднительно, поскольку всякий раз у сторон возникает необходимость согласования конкретных процедурных вопросов, связанных с обменом и рассмотрением претензий, но ни нормативной регламентации, ни отработанной претензионной практики нет.

В целом следует отметить, что устранение в новом белорусском законодательстве обязательности применения претензионного порядка в виде общего правила явилось важным шагом на пути совершенствования данного способа разрешения конфликтов. Однако думается, нет оснований отказываться от самой идеи легитимации претензионного порядка в сложившихся новых экономических условиях, внедрения ее в правовую ткань на качественно новых условиях. Так, разработка Положения о претензионном (досудебном) порядке разрешения гражданско-правовых и хозяйственно-правовых конфликтов с приданием ему статуса модельного рекомендательного акта способствовала бы созданию единой альтернативной процедуры, способной быстро, гибко, с наименьшими материальными и временными затратами конструктивно разрешить юридический конфликт. Вместе с тем все зависит от гражданско-правовой и хозяйственно-правовой практики, которую во многом формирует государство, а точнее, позиция Верховного и Высшего хозяйственного судов Республики Беларусь. Практика показывает, что в последнее время позиция высших судебных инстанций республики основывается на более активном внедрении в законодательство досудебных процедур. Так, в конце 2008 г. Высший хозяйственный суд издал специальное разъяснение «О досудебном (претензионном) порядке урегулирования спора» [92].

Третейское разбирательство выступает в правовой системе Республики Беларусь как сугубо частноправовой способ разрешения конфликтов. Особая потребность в такой альтернативной форме разрешения конфликтов возникла в связи с переходом Республики Беларусь к рыночным отношениям. Исключительная важность третейского разбирательства объясняется его тесной связанностью с принципами организации и деятельности государственных судов. В сфере разрешения

гражданско-правовых конфликтов третейский суд выступает классическим образцом квазиюридического, альтернативного способа урегулирования, являющегося частью правовой системы и вместе с тем осуществляющего защиту субъективных юридических прав в общественной форме [93, с. 213].

Включенное законодателем в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь положение о третейском суде представляет собой нормативно-правовую основу создания и функционирования данного альтернативного института. По сути, данный институт был без изменений заимствован из Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь 1964 г. Он, к сожалению, не получил дальнейшего развития в других правовых актах.

Несмотря на все положительные моменты, связанные с введением института третейского суда в Республике Беларусь, следует отметить недостаточную регламентированность деятельности третейских судов и определенную пробельность законодательства в данной сфере. Так, ощущается отсутствие нормативного правового акта, который бы детализировал общие нормы положения о третейском суде. В Российской Федерации, например, действует федеральный закон «О третейских судах в Российской Федерации» от 24 июля 2002 г., который устранил ряд пробелов в сфере функционирования третейского правосудия. Думается, появление в Республике Беларусь подобного акта существенно ускорило бы процесс внедрения третейского разбирательства в гражданско-правовую практику.

В связи с этим следует отметить, что в последние годы предпринимаются активные меры по развитию третейского правосудия. Значимым событием стало принятие в июне 2010 г. Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь в первом чтении законопроекта о третейских судах в Республике Беларусь. Он, в частности, устанавливает, что третейские суды могут разрешать споры между гражданами, гражданами и юридическими лицами, а также между юридическими лицами. Планируется законодательно закрепить правовой статус таких судов в виде постоянно действующих либо образованных для решения конкретного спора. Первый из них создается в виде некоммерческой организации или может быть образован юридическим лицом и действовать при нем. Второй формируется спорящими сторонами и прекращает свою деятельность по окончании разбирательства. Ожидается, что компетенция третейского суда в Беларуси будет расширена. Он сможет разрешать любые споры, возникающие между сторонами, заключившими третейское соглашение, за исключением случаев, когда затрагиваются интересы третьих лиц.

Кроме претензионного порядка и третейского разрешения конфликтов в цивилистике применяются и так называемые чистые альтернати-

вы традиционному процессу, т. е. внеправовые способы разрешения юридических конфликтов, – *переговоры* и *посредничество*. Однако, как показывает практика, переговоры в качестве квазипроцедуры не находят должной реализации, причиной чему служит неспособность квалифицированного ведения переговоров ввиду отсутствия представлений о данной процедуре как эффективном способе разрешения конфликта и навыков ведения переговоров [87, с. 53]. Устранение данной причины видится в постепенном изменении правосознания и в достижении качественно иного уровня правовой культуры. Так же весьма продуктивной представляется разработка отечественной концепции переговорного процесса по разрешению юридических конфликтов, а за ней и включение целого соответствующего правового института в гражданско-правовое и хозяйственно-правовое законодательство. При этом важно отметить, что переговоры могут выступать частью любого иного способа разрешения юридического конфликта, в том числе и правоприменительного.

Посредничество (медиация) представляет наиболее перспективный внеправовой способ разрешения юридических конфликтов. Преимущества посредничества по сравнению с переговорами, претензионным порядком связаны с участием третьего лица – посредника в разрешении конфликта, что облегчает достижение соглашения между сторонами конфликта. В отличие от третейского разбирательства посредничество исключает властность лиц, его осуществляющих, и принудительность исполнения решения: «в данной форме минимизируются недостатки других процедур» [87, с. 56]. В отечественной хозяйственно-правовой практике институт посредничества регламентируется главой 17 ХПК Республики Беларусь. Разъяснение Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь от 29 апреля 2008 г. № 03-30/902 «Об урегулировании споров в порядке посредничества» подчеркивает важность посреднической процедуры в качестве альтернативного способа разрешения хозяйственных споров. Как отмечает Высший хозяйственный суд в данном документе, процедура посредничества позволит сторонам «уйти от потери времени в судебных разбирательствах, от дополнительных и непредсказуемых расходов и урегулировать спор без участия судьи. Посредничество является конфиденциальным процессом, в котором нейтральная третья сторона – посредник (хотя и назначается из числа должностных лиц хозяйственного суда) помогает разрешить конфликт, способствуя выработке добровольного соглашения между конфликтующими сторонами, ищет продуктивное решение проблемы, предоставляя возможность сторонам прийти к соглашению самостоятельно. У каждой из сторон есть возможность в любой момент выйти из этой процедуры и перейти к судебному разбирательству».

В последние годы в связи с все более активным включением Республики Беларусь в транснациональное правовое поле, в особенности

после мирового финансового кризиса 2008 г., была активизирована работа по более активной институционализации медиативных процедур в национальном законодательстве. Так, в августе 2008 г. по инициативе Высшего хозяйственного суда Республики Беларусь была создана межведомственная рабочая группа (в ее состав вошли представители системы государственных судов, адвокатского сообщества, научных кругов, а также практикующие юристы), решающая проблемы внедрения медиативных и иных досудебных процедур в национальное законодательство и юридическую практику. Возглавила работу комиссии известный практикующий белорусский юрист Л.В. Власова, член центрального совета Союза юристов, кандидат юридических наук, посредник Палаты посредников Международного центра по урегулированию споров при Экономическом суде СНГ, старший партнер юридической фирмы «Власова, Михель и партнеры».

15 апреля 2009 г. Высшим хозяйственным судом Республики Беларусь были утверждены Методические рекомендации по урегулированию экономических споров в порядке посредничества. Как отмечает суд в своем постановлении, в период с августа 2008 г. по 10 апреля 2009 г. «хозяйственными судами Республики Беларусь урегулирование споров в порядке посредничества проводилось более чем по 2000 делам, завершено более 1800 дел, из них более чем по 1500 делам стороны заключили соглашение о разрешении дела без судебного разбирательства. Текущий год отмечен активным и динамичным применением института посредничества. С начала 2009 года урегулирование споров в порядке посредничества проводилось по 1688 делам, завершено 1424 процедуры, из них по 1206 делам (85 %) стороны заключили соглашение о разрешении дела без судебного разбирательства» [94]. Понятно, что такая статистика делает институт досудебного урегулирования споров более чем привлекательным.

Основные функции по продвижению медиации в Республике Беларусь сегодня выполняет созданный в июне 2010 г. Центр разрешения конфликтов Белорусского республиканского Союза юристов [95]. Его руководителем назначена Л.В. Власова.

Значение альтернативных способов в разрешении гражданско-правовых конфликтов в современном белорусском праве постепенно возрастает. Законодатель посредством внедрения альтернативных правовых норм, таким образом, выражает свое отношение к юридическим конфликтам, которое заключается в признании необходимости более быстрого и менее затратного разрешения юридических противоборств.

В сфере уголовно-правовых отношений, несмотря на значительно меньшие возможности внедрения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в связи с публично-правовой природой права и процесса, тем не менее, также прослеживается тенден-

ция усиления диспозитивных начал [96; 97]. Совершенствование форм противоправной деятельности в уголовно-правовой сфере, появление все большего числа острых юридических противоборств не могут не вызывать к жизни нормативно-правовые новации, имеющие в своей основе элементы альтернативы, компромисса.

В отечественной и российской науке активно дискутируется вопрос об эффективности и допустимости внедрения в уголовно-правовую сферу альтернативных способов разрешения конфликтов, имеются как сторонники [98–100; 101, с. 283–285; 102; 103], так и противники [104; 105] таких преобразований. Один из первых на концептуальном уровне обосновал необходимость использования альтернативных способов разрешения конфликтов в уголовно-правовой сфере Х.Д. Аликперов в своей докторской диссертации «Проблема допустимости компромисса в борьбе с преступностью» [106]. Главным тезисом-основанием внедрения альтернативных механизмов разрешения юридических конфликтов в уголовно-правовой сфере явилось положение о необходимости интерпретации «в сферу уголовной политики социологической и социально-психологической теории компромисса как средства решения или смягчения социальных и индивидуальных конфликтов» [106, с. 7].

Уголовный закон Республики Беларусь традиционно закрепляет альтернативные способы разрешения конфликтов посредством регламентации института освобождения от уголовной ответственности – условно его также можно называть альтернативой традиционному завершению уголовного процесса.

Наряду с основаниями освобождения от уголовной ответственности отечественный законодатель, а равно законодатель Российской Федерации существенно расширили перечень норм, предусматривающих такое освобождение, закрепленных в Особенной части новых уголовных законов, причем в качестве условий применения данных норм предлагается позитивное посткриминальное поведение: активное способствование раскрытию преступления, полное возмещение ущерба, явка с повинной, добровольное заявление о содеянном (например, п. 5 примечания к гл. 24, примечания к ст. 235, 289, 291, 295, 328 УК Республики Беларусь). Данная тенденция, как отмечает Л.В. Головкин, является одной из основных в развитии уголовно-правовой и процессуальной наук и соответствующего законодательства нашего времени, причем ее основная цель заключается в поиске оптимальных способов разрешения уголовно-правового конфликта [41, с. 14]. В уголовно-правовых и процессуальных исследованиях данная проблема часто актуализируется в вопросе об уголовно-правовом компромиссе и его значении для эффективного разрешения уголовно-правовых конфликтов, причем перспективность и актуальность данного направления исследования не вызывает сомнений [103; 107].

Дискуссионным в уголовном праве является вопрос о возможности использования такого альтернативного способа разрешения уголовно-правового конфликта, как соглашение о признании вины в уголовном процессе. Российский законодатель в данном случае осуществил более радикальные преобразования, предусмотрев в УПК главу «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» (гл. 40), которая многими исследователями сравнивается с американским и континентальным аналогом так называемой сделки о признании (plea bargaining) [80; 100; 102]. Сделка о признании, успешно практикуемая в англосаксонской системе права, выступает своего рода альтернативным механизмом разрешения юридического конфликта, своеобразной внесудебной упрощенной примирительной процедурой разбирательства уголовных дел. В США, например, смысл сделок о признании выражается в поощряемом судом заключении между обвинением и защитой особого соглашения, в соответствии с которым обвинитель обязуется переqualифицировать деяние на менее тяжкое, а обвиняемый – признать в нем свою виновность, причем более 90 % уголовных дел разрешается на основе данного института [84, с. 17]. Относительно же российского аналога особого порядка в сравнении с западными прототипами отмечается его некоторая ущербность [41, с. 396–402]. Однако, не касаясь процессуальных несовершенств института, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, следует признать, что законодатель определенно сделал шаг к оптимальному разрешению юридического конфликта. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, в сущности, закрепил в данном плане менее радикальное положение, предусмотрев в ст. 326 сокращенный порядок судебного следствия в случае признания обвиняемым своей вины. Таким образом, альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов также постепенно занимают все большее место в национальной правовой системе.

Итак, и в частных, и в публичных отраслях права отечественный законодатель пытается постепенно интегрировать западноевропейский опыт по функционированию альтернативных процедур разрешения юридических конфликтов, реагируя тем самым на ускорение различных интеграционных и дезинтеграционных процессов в белорусском обществе. И с позиции эффективности функционирования национальной правовой системы это верно. Вместе с тем очень важно определить пределы внедрения в национальную правовую систему альтернативных процедур, обозначить их место в системе сложившегося традиционного правоприменительного производства, поскольку идейная основа, на которой фундированы ADR (альтернативные способы разрешения конфликтов), представляет собой в сущности признание постоянного столкновения и конфликтности общества явлением нормальным,

что не соответствует той правовой, а шире – социокультурной традиции, в которой сформировалось коллективное мировоззрение белорусского общества, которое на сегодняшний день пока является актуальным.

Основываясь на данном положении следует отметить, что среди тенденций развития современных способов разрешения юридических конфликтов небезосновательно выделяются такие, как влияние процессов глобализации и изменение сферы правового регулирования [108, с. 137–139; 109], причем определяющее значение первой тенденции и ее очевидное влияние на вторую не вызывает сомнений. Глобализационные процессы активно воздействуют на все компоненты правовой системы, в том числе и на процессуальные процедуры, в особенности на ее организационные уровни, что, по мнению ряда ученых, выражается в совершенствовании организации и деятельности самих правоприменительных институтов, в обеспечении их соответствия общепризнанным моделям [109]. Вместе с тем события последнего десятилетия существенно актуализировали проблему исторических судеб государств постсоветского пространства, поставили на первое место решение тех теоретических и практических проблем, которые являются приоритетными для поступательного и гармоничного развития национальных правовых систем в контексте глобализации [110, с. 56]. В данной связи нет сомнений в том, что глобальный цивилизационный контекст требует решения вопроса о целесообразности *абсолютной* ориентации в развитии правовой системы Беларуси на западный образец [110, с. 57].

Относительно проблемы альтернативных способов разрешения юридических конфликтов следует отметить, что в силу объективных причин правовая система Беларуси не может не испытывать влияние альтернативных способов разрешения конфликтов как правового института, сформировавшегося в западноевропейских правовых системах и претендующего на наднациональную рецепцию. Более того, наличие реальных положительных результатов функционирования альтернативных способов разрешения юридических конфликтов в западноевропейских правовых системах свидетельствует об их перспективности. Представляется, что в данной связи для Республики Беларусь весьма важным является рассмотрение возможности разумного внедрения в правовую ткань тех или иных альтернативных механизмов, поиск соответствующих оснований и предпосылок в действующем праве, исследование ряда иных важных вопросов, связанных с перспективами использования ADR.

Такие научные изыскания должны в полной мере иметь место в рамках отдельных отраслей права и правовых институтов (в уголовном, гражданском праве и т. д.). Данные вопросы также должны найти глубокое осмысление и на общетеоретическом уровне, с общефило-

софских, мировоззренческих позиций. Создание *общеметодологической концепции, определяющей направление развития правовой политики относительно ADR, позволило бы во многом избежать ошибок и просчетов в реформировании национального законодательства, защитить его от необдуманных и поспешных решений относительно использования западноевропейского опыта. При разработке такой концепции необходимо акцентировать внимание прежде всего на факторах, которые являются определяющими при решении проблемы приживания альтернативных способов разрешения конфликтов в национальной правовой системе.* Одним из таких факторов является сам процесс появления альтернативного движения на Западе, который требует глубокого осмысления.

Альтернативное движение, как известно, стало популярным в развитых западноевропейских странах в связи с кризисом традиционной системы правосудия [41, с. 225–226; 111, р. 217; 112]. Усложнение структуры западного общества, его чрезмерная функциональная дифференциация и распад на различные подсистемы постепенно привели к нарушению баланса между индивидуальными и общественными интересами, в восстановлении которого традиционные юридические инструменты уже не были вполне эффективны [113, р. 264]. Следует иметь в виду, что данный процесс на Западе начался еще в эпоху буржуазных революций конца XVIII в., когда демонтажу были подвергнуты базовые социальные структуры традиционного западноевропейского общества. Как отмечает польский профессор Л. Моравский, в западном обществе универсальный юридический процесс уже не соответствовал потребностям управляемых им социальных подсистем; объективированный и жестко определенный нормами материального права он зачастую был не в состоянии «дотянуться» до истинных причин конфликтов [114, с. 16–17]. На данной почве постепенно и возникла проблема поиска оптимальных, эффективных институтов разрешения социальных конфликтов, поиска новых форм рациональности, справедливости в контексте западноевропейской правовой традиции. Разрешение данной проблемы произошло посредством выработки новых онтологических оснований эпохи постмодерна, где рациональность представляла собой «своеобразную многолинейную интерпретацию, основанную на плюрализме», подразумевающую «осуществление множества выбора и возможностей в рамках дисциплины разума» [115, с. 31]. ADR, соответствующие данному типу рациональности, и выступили в качестве замены традиционного процесса, привнеся новые возможности по сравнению с традиционной системой правосудия. Прежде всего это оперативность разрешения конфликта, экономическая целесообразность, возможность конфликтующих сторон достичь справедливости на локальном уровне (так называемой справедливости в поня-

тии сторон конфликта), благодаря чему, собственно, и происходит эффективное разрешение конфликта [114; 116].

Альтернативные способы разрешения юридических конфликтов, таким образом, возникли в иностранном, прежде всего в западноевропейском праве в условиях кризиса классических способов разрешения юридических конфликтов и кризиса западноевропейского типа рациональности эпохи модерна. Это первый аспект.

Второй аспект рассматриваемой проблемы обнаруживается на уровне цивилизационно-культурных отличий западного и восточнохристианского мира, что, по мнению ряда ученых, определяет соответствующие различия в концепциях построения и функционирования государства и права [110, с. 56–57; 117, с. 95; 118, с. 33–35]. В данном случае, как нам представляется, следует вести речь о необходимости учета исторически сложившихся национальных особенностей белорусской правовой системы и белорусского социума в целом при заимствовании западных эталонов. С позиции цивилизационных различий социокультурная идентичность восточнохристианских цивилизаций должна основываться на сохранении «духовных основ социального порядка и духовных целей общественного развития», на утверждении национальных традиций при сохранении ценностного содержания жизни [83]. Применительно к правовой системе Республики Беларусь данная идея конкретизируется в суждении отечественного исследователя С.А. Калинина о том, что при реформировании национальной правовой системы учет базовых ценностей белорусов, отражение в праве общественных потребностей белорусского общества позволят не только сохранить и продолжить «доминирующие ценности, определенные национальным мировоззрением», но и в максимальной степени увеличить социальную эффективность правового регулирования в государстве [117, с. 101]. Весьма показательны в данной связи высказывания одного из известных критиков современной западной правовой традиции Г.Дж. Бермана о том, что современная («социальная») теория права «должна продвинуться далее, от изучения западных систем права и западной правовой традиции к изучению систем и традиций права, не принадлежащих Западу, к изучению того, каким образом встречаются западное и незападное право и как вырабатывается общий правовой язык человечества. Ибо только в этом направлении лежит путь к выходу из кризиса правовой традиции Запада в конце XX века» [119, с. 58].

Можно выделить и ряд других аспектов, которые необходимо учитывать при институционализации в национальной правовой системе в качестве альтернативных способов разрешения юридических конфликтов западноевропейских правовых институтов (это и существенные различия в принципах юридического процесса, и особенности национального правового сознания, и др.). Однако, делая вывод из подобно-

го анализа, следует сказать, что *альтернативные институты в их чисто западном варианте трудно реципируемы в национальную правовую систему, поскольку, импортированные из иного цивилизационно-культурного контекста, они могут вступить в противоречие с цивилизационно-культурной и государственно-правовой традицией белорусского народа* [120, с. 37]. Более того, сегодня среди самих западных ученых преобладает мнение о том, что мода на альтернативные способы разрешения конфликтов глубоко конъюнктурна [41, с. 227–228]. Также справедливо подчеркивается, что одной из основных проблем альтернативных способов разрешения юридических конфликтов является отсутствие общей теории альтернативных методов и их общей классификации: «речь идет о практике, которая находится в поисках теории» [41, с. 205], в чем заключается едва ли не основная сложность функционирования подобных институтов, а тем более их наднациональной институционализации. Не следует также забывать, что уровень правопорядка в странах Западной Европы, США в последнее десятилетие, как показывает практика, оставляет желать лучшего.

В данной связи представляется необходимым отметить, что базовыми и доминирующими способами разрешения юридических конфликтов в национальной правовой системе должны оставаться традиционные правовые способы, в частности процессуальные правоприменительные производства. *Сосредоточение внимания на совершенствовании традиционных способов разрешения юридических конфликтов исключительно на собственной традиционной почве будет способствовать последовательному и гармоничному подходу к совершенствованию белорусского права.* Не должен подлежать сомнению тот факт, что в национальной правовой системе классический юридический процесс должен оставаться приоритетным, фундаментальным и в определенном значении конечным механизмом разрешения конфликтов. Показательны рассуждения французского исследователя Ж.-Л. Берজেя о том, что, не умаляя роли альтернативных процедур, именно традиционный процесс должен «обеспечивать подавление правовых нарушений и разрешать на правовой основе и силой законной истины спорные дела, которые возникают в связи с существованием или применением юридических правил» [121, с. 530].

Вместе с тем отмеченное положение отнюдь не означает, что законодатель должен игнорировать позитивный опыт других государств в сфере разрешения юридических конфликтов. Нахождение новых эффективных средств разрешения юридических конфликтов, в том числе посредством институционализации альтернативных способов разрешения конфликтов, безусловно, должно осуществляться, причем не без учета отмеченных выше факторов. Альтернативные способы разрешения конфликтов должны внедряться последовательно, с учетом сло-

жившихся правовых традиций и специфики национального права, и главное в этом случае – это определение точки баланса, «точных и правильно рассчитанных пределов, в рамках которых должны существовать альтернативы» [41, с. 513]. *В национальной правовой системе определение данных пределов должно осуществляться с учетом не только правовых, но и духовных, нравственных, экономических, политических и иных составляющих особенностей нации. Этому вполне будет способствовать общеметодологическая концепция отношения к альтернативам. Думается, что для современной Беларуси альтернативные способы регулирования должны выступать локальным дополнением к традиционному правоприменительному воздействию на юридические конфликты* [41, с. 229]. Институционализированные таким образом ADR будут способствовать эффективному разрешению конфликтов, их разрешению в тех сферах, где право не дорабатывает, не способно дотянуться до истинных причин конфликта и эффективно разрешить социальную проблему. При этом эффективность правоприменительного разрешения юридических конфликтов будет зависеть во многом от того, насколько адекватно потребностям белорусской правовой системы законодатель будет определять так называемую альтернативную сферу правового регулирования. Именно в таком значении альтернативные способы разрешения юридических конфликтов призваны выступить в качестве фактора совершенствования деятельности по разрешению юридических конфликтов в структуре национальной правовой системы.

Юридическая конфликтология, которая представлена нами как неклассическое направление правовой науки, несмотря на ее отличную от традиционной юридической установки направленность на осмысление и диагностику правового поведения, тем не менее, в значительной степени использует классический методологический ресурс. На примере технологии правоприменительного разрешения юридических конфликтов мы увидели, что пока по отношению ко всем традиционным юридическим производствам конфликтологические разработки в юриспруденции представляют лишь своего рода методологическое дополнение, посредством которого происходит обогащение традиционной юриспруденции, расширение ее познавательных границ. Однако сама юридическая конфликтология работает на ресурсах классической эпистемологии, вне которой ее существование затруднительно.

Радикальный разрыв с классической эпистемологией, который выражается уже не в обогащении и дополнении традиционного юридического знания, а в принципиальном переосмыслении базовых, основополагающих структур, на которых основывается весь методологический каркас правоведения, представлен в настоящем исследовании другим неклассическим направлением современного гуманитарного знания –

синергичной антропологией. Полноправно претендуя на создание альтернативных эпистемологических оснований для всего гуманитарного знания, и для юриспруденции в том числе, синергичная антропология отличается прежде всего своим антропологически фундированным характером, темой человека, которая в классической эпистемологии как таковая отсутствовала. Ввиду отсутствия и в классическом юридическом дискурсе темы человека (как действующего в правовой реальности цельного человека, а не как субъекта права) есть все основания полагать, что в последующем синергичная антропология может стать самостоятельным эпистемологическим основанием для разворачивания неклассического юридического дискурса. Что представляет собой синергичная антропология и какие перспективы открываются при переходе на предлагаемые ею методологические позиции в юридических исследованиях, мы рассмотрим в следующем разделе.

1. Юридическая конфликтология : в 3 ч. / Рос. акад. наук, Центр конфликтол. исслед. ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М. : ИНИОН, 1993–1995.
2. Юридическая конфликтология – новое направление в науке : [круглый стол журн. «Государство и право» / подгот. к печати Л.А. Морозова] // Государство и право. 1994. № 4.
3. Астахов П.А. Динамика разрешения юридических конфликтов (теоретико-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Моск. ун-т МВД России. М., 2002.
4. Афонин М.В. Правовые аспекты разрешения конфликтов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Казан. гос. ун-т. Казань, 2002.
5. Богданов В.Е. Юридические конфликты и виды правосудия // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В.Н. Бибило (отв. ред.) [и др.]. Минск : Беларус. гос. ун-т, 2003. Вып. 14.
6. Худойкина Т.В. Юридический конфликт (теоретико-прикладное исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Нижегород. акад. МВД России. Н. Новгород, 2002.
7. Лапаева В.В. Социология права : крат. учеб. курс / под ред. В.С. Нерсисянца. М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2000.
8. Жеребин В.С. Проблемы правовой конфликтологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Нижегород. акад. МВД России. Н. Новгород, 2001.
9. Масловская Е.В. Суд присяжных в современной России: юридический дискурс и социологический анализ // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 4.
10. Юридическая конфликтология / Бойков О.В. [и др.] ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М. : Инст-т государства и права РАН, 1995.
11. Касьянов В.В., Касьянов В.В., Нечипуренко В.Н. Социология права. Ростов н/Д : Феникс, 2001.
12. Галко И.А., Сокол С.Ф. Социология права : лекцион. материалы. Барановичи : Баранов. укр. тип., 1999.
13. Ромашов Р.А. Юридическая конфликтология : учеб. пособие / МВД России, Санкт-Петербург. ун-т. СПб. : Астерион, 2006.
14. Проблемы общей теории права и государства : учеб. для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. М. : Норма, 2004.
15. Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратов. М. : Логос, 2006.
16. Гиренок Ф.И. Этнос глобализма // Удовольствие мыслить иначе. М. : Акад. Проект, 2008.
17. Алексеева Л.А. Соотношение социальной и юридической эффективности правоприменительной деятельности (на примере органов внутренних дел) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Акад. упр. МВД РФ. М., 2002.

18. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право : учеб. и науч.-практ. пособие. М. : Юриформцентр (Тихомиров), 2000.
19. Худойкина Т.В. Юридический конфликт: динамика, структура, разрешение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Нижегород. акад. МВД России. Саранск, 1996.
20. Керимов Д.А. Философия и философия права // Право и образование. 2002. № 5.
21. Павлов В.И. Юридические конфликты: теоретико-методологические аспекты разрешения в процессе применения права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Беларус. гос. ун-т. Минск, 2006.
22. Питерцев С.К., Степанов А.А. Тактика допроса. СПб. : Питер, 2001.
23. Лазарев В.В. Применение советского права. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1972.
24. Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права / под ред. М.И. Байтина. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1983.
25. Поляков А.В. Общая теория права : Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций. СПб. : Изд. дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2004.
26. Алексеев С.С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Т. 2. Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1973.
27. Козлов А.С. К вопросу об объективной реальности правовых явлений // Проблемы советского государства и права : межвуз. темат. сб. / Иркутск. гос. ун-т ; редкол.: О.В. Иванов (гл. ред.) [и др.]. Иркутск, 1977. Вып. 13.
28. Козлов А.С. Место и роль судов общей юрисдикции в механизме правового регулирования // Сибир. юрид. вестн. [Электронный ресурс]. 1999. Режим доступа: <http://lawinstitut.ru/science/vestnik/19992/kozlov.html> (дата обращения: 04.05.2009).
29. Юридическая конфликтология : в 3 ч. / Рос. акад. наук, Центр конфликтол. исслед. ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. Ч. 2 : Юридический конфликт: сферы и механизмы. М. : ИНИОН, 1994.
30. Теория государства и права : хрестоматия : в 2 т. / авт.-сост.: В.В. Лазарев, С.В. Липень. Т. 2. М. : Юрист, 2001.
31. Гончаров В.Б., Кожевников В.В. Проблема усмотрения правоприменяющего субъекта в правоохранительной сфере // Государство и право. 2001. № 3.
32. Овчинников А.И. Правовое мышление : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Краснодар, 2004.
33. Анцупов А.Ф., Шипилов А.И. Конфликтология : учеб. для вузов. М. : ЮНИТИ, 1999.
34. Бабосов Е.М. Конфликтология. Минск : Право и экономика, 1997.
35. Герасименко И.Я., Юсупов Р.М. Социометрия конфликта. СПб. : С.-Петербург. ин-т информатики и автоматизации, 1994.
36. Дмитриев А. В. Конфликтология : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2002.
37. Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт (политологический анализ) / отв. ред. В.А. Шпак. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1992.
38. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. 2-е изд., доп. М. : Аспект Пресс, 1995.
39. Асаенко Б.В. Преодоление противодействия расследованию преступлений: криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Акад. МВД Респ. Беларусь. Минск, 2003.
40. Баев О.Я. Конфликты в деятельности следователя (вопросы теории). Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1981.
41. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002.
42. Крохина Ю.А. Юридический конфликт в финансовой сфере: причины, сущность и процедуры преодоления // Журн. рос. права. 2003. № 9.
43. Побережный С.К. Криминалистические средства разрешения конфликтов и конфликтных ситуаций на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Калинингр. юрид. ин-т МВД Рос. Федерации. Калининград, 2000.

44. Пряхина Т.М. Конституционные конфликты // Государство и право. 2004. № 11.
45. Афонин М.В. Правовые аспекты разрешения конфликтов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Казан. гос. ун-т. Казань, 2002.
46. Литвинцев М.Г. Нормативно-правовые аспекты разрешения конфликтов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 1996.
47. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия. М. : Манускрипт, 1994.
48. Чулюкин И.Л. Социальные конфликты и применение права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Казань, 2001.
49. Вишневский А.Ф., Горбатов Н.А., Кучинский В.А. Общая теория государства и права : учеб. пособие / под общ. ред. В.А. Кучинского. Минск : Амалфея, 2002.
50. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права : учеб. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Спарк, 2000.
51. Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права : учеб. для вузов. М. : Юрист, 1995.
52. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М. : Юрид. лит., 1974.
53. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 2-е изд. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004.
54. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб. : Питер, 2000.
55. Ткаченко Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений. М. : Юрид. лит., 1980.
56. Синоков В.Н. Роль юридических фактов в процессе правореализации // Актуальные вопросы советского права (теория и практика). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1985.
57. Ильин И.А. О монархии и республике // Вопр. философии. 1991. № 4.
58. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. Т. 2. М. : Юрид. лит., 1982.
59. Протасов В.Н. Что и как регулирует право : учеб. пособие. М. : Юрист, 1995.
60. Малько А.В. Субъективное право и законный интерес // Изв. вузов. Правоведение. 1998. № 4.
61. Яковлев А.М. Теоретические проблемы социологии права // Проблемы социологии права : сборник / Вильн. гос. ун-т, юрид. фак. ; отв. ред.: В.Н. Кудрявцев, А.Б. Чяпас. Вильнюс, 1970.
62. Сперанский В.И. Конфликт: сущность и особенности его проявления // Соц.-полит. журн. 1995. № 3.
63. Леонтьев А.Н. Философия психологии : Из научного наследия / под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994.
64. Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Педагогика-Пресс, 1996.
65. Энциклопедический социологический словарь / Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. иссл. ; общ. ред. Г. В. Осипова ; ред.-сост. А. В. Кабыша. М. : ИСПИ РАН, 1995.
66. Кудрявцев В.Н. Криминологическое значение потребностей // Совет. государство и право. 1973. № 7.
67. Экимов А.И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984.
68. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб. : Изд. Н.В. Муравьева, 1881.
69. Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982.
70. Михайлов С.В. Интерес как общенаучная категория и ее отражение в науке гражданского права // Государство и право. 1999. № 7.
71. Groszyk H., Korybski A. Konflikt interesów i prawo. Warszawa : COMSNP, 1990.
72. Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990.
73. Гукасян Р.Е. Правовые и охраняемые законом интересы // Совет. государство и право. 1973. № 7.
74. Курбатов А.Я. Теоретические основы сочетания частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности // «Черные дыры» в рос. законодательстве. 2001. № 1.
75. Явич Л.С. Общая теория права. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976.
76. Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратова. М. : Логос, 2006.
77. Кузьмина М.Н. Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов : учеб. пособие. Ставрополь : Ставрополь сервиз-шк., 2001.
78. Социология права : учебник / В.М. Сырых [и др.] ; под ред. В.М. Сырых. 3-е изд., стер. М. : Юрид. дом «Юстицинформ», 2004.
79. Теория государства и права : учебник / под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Право и закон, 2002.
80. Александров А.С. Основание и условие для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением // Государство и право. 2003. № 12.
81. Аликперов Х.Д. Преступность и компромисс / Азерб. НИИ проблем судеб. экспертизы, криминалистики и криминологии. Баку : ЭЛМ, 1992.
82. Бибило В.Н. Нормативное и ненормативное регулирование в генезисе правосудия по уголовным делам // Право и демократия : сб. науч. тр. / отв. ред. В.Н. Бибило. Минск : БГУ, 1999. Вып. 10.
83. Калиновский К.Б. Уголовное судопроизводство как сфера использования положений конфликтологии // Юрид. мысль. 2002. № 1.
84. Махов В., Пешков М. Сделка о признании вины // Рос. юстиция. 1998. № 7.
85. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб. : Наука, 2000.
86. Носырева Е.И. Посредничество в урегулировании правовых споров: опыт США // Государство и право. 1999. № 1.
87. Носырева Е.Н. Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2001.
88. Папкова О.А. Пределы судейского усмотрения в гражданском процессе // Журн. рос. права. 1998. № 2.
89. Писарева И. Концепция альтернативного разрешения споров в России // Хоз-во и право. 1998. № 9.
90. Сахнова Т.В. Гражданское процессуальное право России: перспективы развития // Государство и право. 1999. № 12.
91. Мурадян Э.М. Диспозитивное правосудие как этическая парадигма будущего // Соврем. право. 2000. № 4.
92. О досудебном (претензионном) порядке урегулирования спора [Электронный ресурс] : разъяснение Высш. Хозяйств. Суда Респ. Беларусь, 25 нояб. 2008 г., № 03-29/2541 // Белорус. правовой портал. Режим доступа: <http://www.pravovy.info/docum09/part03/akt03472.htm> (дата обращения: 10.10.2010).
93. Тихиня В.Г. Гражданское процессуальное право Республики Беларусь. Особенная часть. Минск : Молодеж. науч. о-во, 2002.
94. Об утверждении Методических рекомендаций по урегулированию экономических споров в порядке посредничества [Электронный ресурс] : постановление Президиума Высш. Хозяйств. Суда Респ. Беларусь, 15 апр. 2009 г., № 24 // Белорус. правовой портал. Режим доступа: <http://www.pravovy.info/docum09/part01/akt01677.htm> (дата обращения: 10.10.2010).
95. Медиация [Электронный ресурс] // Правовой интернет-портал. Режим доступа: <http://www.mediacia.by> (дата обращения: 10.10.2010).
96. Гаджиева А.А. Диспозитивные нормы в уголовном праве // Государство и право. 2003. № 11.
97. Хомич В. На пути формирования эффективной уголовной политики // Суд. весн. 2001. № 4.
98. Аликперов Х.Д., Курбанова К.Ш. УК РФ и некоторые проблемы освобождения от уголовной ответственности // Государство и право. 2000. № 1.
99. Кушнарев В.А. Проблемы толкования норм уголовного права о деятельном раскаянии // Рос. следователь. 2001. № 1.
100. Морозова И., Анненков А., Дадонов С. Сделка о признании вины как вариант мирового соглашения // Рос. юстиция. 2000. № 10.

101. Мытник П.В. Уголовный процесс: судебные стадии : лекции. Минск : Тесей, 2001.
102. Пономаренко С.Е. Сделки о признании вины в российском уголовном процессе // Изв. вузов. Правоведение. 2001. № 5.
103. Семин А.А. Развитие идей компромисса в отечественной уголовно-правовой науке и законодательстве // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2001. № 1.
104. Михайлов П. Сделки о признании вины – не в интересах потерпевших // Рос. юстиция. 2001. № 5.
105. Петрухин И. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Рос. юстиция. 2001. № 5.
106. Аликперов Х.Д. Проблема допустимости компромисса в борьбе с преступностью : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. М., 1992.
107. Усатий Г.О. Компроміс як засіб вирішення кримінально-правового конфлікту : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Нац. акад. внутр. справ України. Київ, 1999.
108. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. М. : НОРМА, 2003.
109. Воздействие глобализации на правовую систему России / С.В. Поленина [и др.] // Государство и право. 2004. № 3.
110. Яхно В.Н. Возможные варианты развития белорусского общества в геополитических условиях XXI века // Беларуская грамадства ў геапалітычных умовах пачатку XXI стагоддзя: прававыя, эканамічныя і сацыякультурныя праблемы : матэрыялы Міжнароднага навука.-практ. канф. праф.-выкладчыц. саставу, аспірантаў, магістрантаў і спецыялістаў-практыкаў, Мінск, 10 снеж. 2004 г. / пад рэд. С. Ф. Сокала. Мінск : БП-С Плюс, 2004.
111. Abel R. A comparative theory of dispute institutions // Law a. Soc. Rev. 1974. Vol. 8, № 2.
112. Alternative Rechtsformen und Alternativen zum Recht / Hrsg.: E. Blankenburg, E. Klaus, H. Rottleuthner. Opladen : West-dt. Verl., 1980.
113. Petev V. A socio-axiological concept of law // Ratio Juris. 1999. Vol. 12, № 3.
114. Morawski L. Proces sądowy a instytucje alternatywne (na przykładzie sporów cywilnych) // Państwo i prawo. 1993. № 1.
115. Усовская Э.А. Постмодернистский тип рациональности // Перспективы рациональности в XXI веке : материалы конф. молодых ученых, Минск, 25 апр. 2002 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии ; редкол.: А.С. Михайлович [и др.]. Минск : Экоперспектива, 2002.
116. Gmurzyńska E. Alternatywne metody rozwiązywania sporów // Temidium. 2003. № 4.
117. Калинин С.А. Проблемы социальной эффективности права в Республике Беларусь // Jurisprudencija. 2004. Т. 54 (46).
118. Мельник В.А. О цивилизационной идентичности Беларуси // Беларуская грамадства ў геапалітычных умовах пачатку XXI стагоддзя: прававыя, эканамічныя і сацыякультурныя праблемы : матэрыялы Міжнароднага навука.-практ. канф. праф.-выкладчыц. саставу, аспірантаў, магістрантаў і спецыялістаў-практыкаў, Мінск, 10 снеж. 2004 г. / пад рэд. С.Ф. Сокала. Мінск : БП-С Плюс, 2004.
119. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994.
120. Наумов Д.И. Изменение сущностных основ рациональности в политической культуре трансформирующегося социума // Перспективы рациональности в XXI веке : материалы конф. молодых ученых, Минск, 25 апр. 2002 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии ; редкол.: А.С. Михайлович [и др.]. Минск : Экоперспектива, 2002.
121. Бертель Ж.-Л. Общая теория права : пер. с фр. / под общ. ред. В. И. Даниленко. М. : Издат. дом «NOTA BENE», 2000.

---

7. СИНЕРГИЙНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ НЕКЛАССИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: НА ПУТИ К СИНЕРГИЙНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВА

В настоящем разделе рассматривается такое современное неклассическое направление гуманитарной мысли, как синергийная антропология, в его приложении к юридическому знанию. С учетом степени радикальности, с которой синергийная антропология изменяет подходы к решению актуальных проблем социальной действительности прежде всего за счет выдвижения на первый план темы человека, а также за счет методологического вовлечения в свое поле неаристотелианского энергийного антропологического дискурса, своими основаниями уходящего в восточнохристианскую духовную традицию, данное неклассическое направление на той стадии, на которой оно находится в настоящий момент, используется нами в качестве эпистемологического основания для продвижения к построению неклассической синергийно-антропологической концепции права. Ключевые темы, которые должны быть переосмыслены в самом начале этого сложного пути, естественно, связаны с действующим в правовой реальности человеком и его [право]сознанием. Соответственно настоящий раздел посвящен этим проблемам.

В первом параграфе в постановочной форме изложена проблема правового сознания в синергийно-антропологической перспективе. На фоне оценки традиционной теории правосознания намечаются методологические задачи по переосмыслению данного феномена. Для этого необходимо, во-первых, сместить акценты, методологически перевести все поддающиеся переводу сферы правовой действительности на антропологический язык (разумеется, эта работа должна сопровождаться деконструкцией классического понятийно-категориального аппарата и его смыслов); во-вторых, освоить аутентичные цивилизационно-культурные содержания, определяющим образом влияющие на формирование правового дискурса (традиционно укорененные в коллективном [право]сознании образы, привычки, стереотипы, представления, ожидания, ценности и пр.); в-третьих, осуществить «инъекцию» полученных цивилизационно-культурных содержаний в складывающийся правовой дискурс антропологического типа.

Второй параграф посвящен теме классического субъекта права и необходимости его переосмысления с позиции складывающегося неклассического правового дискурса. Основная задача, которая ставится здесь нами, заключается в изменении подхода к пониманию действующего в правовой реальности человека – в рассмотрении его не как редуцированного субъекта права, обладающего атрибутированными ему юридическими качествами и свойствами, но как цельного правового человека, действующего в правовой реальности из ресурсов всей системы своих личностных структур – личностной конституции и идентичности. Цель подобной проблематизации состоит в возможности увидеть человека как такового, во всей совокупности его конститутивных признаков, которые и определяют его правовое поведение в современном мире.

Третий, заключительный параграф посвящен описанию контуров эпистемологического ядра возможной неклассической синергийно-антропологической концепции права посредством обоснования необходимости взаимодействия богословского и юридического дискурсов. Предлагается выделить три блока (общеметодологический, или синергийно-антропологический, юриди-ко-антропологический и общеправовой) и в их рамках последовательно разрабатывать синергийно-антропологическую концепцию права. Центральными темами этой работы должны стать: 1) раскрытие энергийного образа правового человека в отличие от сущностно-фундированного субъекта права; 2) обоснование личностной конституции и идентичности в качестве базовых структур формирования личности и ее правового поведения; 3) описание цивилизационно-культурных обусловленностей личностной конституции и идентичности того или иного общества доминирующим типом духовной практики («практики себя»). В качестве аргументов, на основе которых предлагается столь радикальное переосмысление темы субъекта права на основе синергийно-антропологического синтеза богословского и юридического дискурсов, выдвигаются следующие положения: во-первых, возможность междисциплинарного использования юриспруденцией богатого опыта наблюдения за человеком и его поведением, который накоплен в духовных практиках и отражен в богословском дискурсе; во-вторых, обоснование необходимости для глубокого анализа правового поведения и последующего правового воздействия на него изучать внутренний контекст, мотивации, *telos* внутренних и внешних поведенческих актов, которые, в свою очередь, опосредованы ресурсами личностной конституции и идентичности, полноценно раскрываемыми и описываемыми только в богословском дискурсе; в-третьих, и это самое главное для отечественной правовой мысли положение, обращение к аутентичной восточнохристианской традиции построения и осмысления жизненных стратегий, в пространстве которых отчетливо вычлняются и юридические практики с присутствием в них мощного духовно-практического элемента, который и сегодня незримо присутствует в национальной правовой жизни.

7.1. Синергийно-антропологическая концепция правового сознания: к постановке проблемы

В современной политико-правовой ситуации несложно убедиться, что от формирования правового сознания зависят фундаментальные основания существования правовой системы и государственно организованного общества в целом. Цветные революции в Восточной Европе, twitter-революции в Северной Африке и на Ближнем Востоке, доминирование в государственно-правовой сфере политических технологий, повсеместная симуляция социальных структур, дезориентация, потерянности человека и всего общества, выражающиеся в тревоге и неуверенности, хаотических реакциях на последствия финансовых кризисов, глобальных эпидемий, распространение различного рода вирусов (так называемые «птичий грипп», «свиной грипп» и т. д.), иные следствия симулятивных проектов практически неуправляемого медийного пространства свидетельствуют об одном очевидном факте – с сознанием

современного человека происходят серьезные изменения. Даже поверхностный анализ социальной практики показывает, что прошедшие постсоветские десятилетия в качественно-динамическом плане на порядок опередили их количественно-темпоральное развитие: такой интенсивности фундаментальных изменений социальной реальности за каких-то 15–20 лет мы не знали на протяжении предшествующих 100–150 лет, если не более. Современное правовое сознание, равно как и сознание человека в целом, сегодня разворачивается не в пространстве свободы, а в пространстве ее симуляции, в области тотально выстроенных рамок и условий, в которых достучаться до себя, до своей аутентичности, обратиться к своему сознанию чрезвычайно сложно. Практически все исследователи согласны во мнении, что в современном мире происходит очень серьезное изменение не столько социальных институтов (право, государство, политика, экономика, идеология, информационная сфера), сколько самого человека. Известный исследователь С.С. Хоружий отмечает, что центральным антропологическим событием современности является исчезновение твердого центра Человека. «Глядя в себя самого, – говорит ученый о современном человеке, – я больше не вижу, перестал видеть, кто я и что я... <...> Из опыта современности проступает некоторый новый облик человека, новая антропологическая реальность, лишенная неизменяемого сущностного ядра. Этот облик в корне расходится с традиционными европейскими представлениями о человеке. Человека рубежа тысячелетий, времени психоанализа и интернета, недавнего тоталитарного опыта, радикальных психотехнических, психоделических, виртуальных практик, гендерных революций – этого человека нельзя считать прежним классическим субъектом европейской антропологии и метафизики» [1, с. 14].

Одновременно с политической дезориентацией, во многом обусловленной медийной симуляцией социальной реальности, существенно понижается и нравственный уровень общества, что особенно характерно для западноевропейского региона. Кажется, эти два процесса находятся в тесной взаимосвязи. Как подметил относительно этого Г.Д. Джемаль, «постмодернизм есть спровоцированный кризис культуры, разрушение того инструментария, с помощью которого можно формулировать концептуальные макропроекты» [2]. Концептуальный же макропроект, по его словам, позволяет обществу сохранять свою коллективную идентичность и транслировать исходные, традиционные ценностные содержания, лежащие в основаниях той или иной культуры, той или иной цивилизации, в лоне которых и зародилось данное общество. Именно опираясь на эти концептуальные основания, цивилизация и выстраивает систему своих социальных предикатов – хозяйственную сферу, быт, образование, искусство, политику, право и государство. Утрата цивилизационно-культурных скреп означает, в сущно-

сти, и утрату себя, измену себе, измену всем тем, кто своей жизнью переносил, передавал во времени эти начала. Практически для всего восточнославянского мира таким концептуальным макропроектом, метафизическим вместилищем бытия, абсолютных смысложизненных ориентаций исторически всегда являлась *христианская духовная традиция*, которая и питала культурно-цивилизационный организм во всем его разнообразии. Не раскрывая до времени содержание самого концепта «духовная традиция», обозначим исходную методологическую установку, носящую для нас аксиоматичный характер: *жизненные силы цивилизации, общества и соответственно государства и права этого общества принципиально зависят от духовной традиции как источника, конституирующего цивилизационно-культурный организм¹, в котором формируются и существуют право и государство.*

В приведенной посылке содержатся три утверждения: 1) общество, право и государство являются частью цивилизационно-культурного организма; 2) цивилизационно-культурный организм конституируется духовной традицией; 3) духовная традиция, следовательно, является вместилищем некоего специального рода опыта, способного принципиально поддерживать движение цивилизационно-культурного организма и всех его составляющих, в том числе права и государства. Данные утверждения, в особенности второе и третье, не являются ординарными для гуманитарной мысли, поскольку они сходятся на положении о том, что духовная традиция является истоком и двигателем цивилизационно-культурного организма. Но сразу возникают следующие вопросы. Почему именно какая-то духовная традиция, одна, в одиночку выполняет эту, можно сказать, определяющую для любой цивилизации функцию, хотя обычно речь идет о сложном составе того или иного цивилизационного образования (совокупности его политических, экономических, религиозных, культурных и иных особенностей)? Что такое содержит в себе духовная традиция, что на нее возлагается столь серьезная задача? Наконец, какое отношение духовная традиция имеет к формированию индивидуального и коллективного сознания в целом и правового сознания в частности? Эти правомерные вопросы ждут ответов. Мы в постановочной форме попытаемся четко сформулировать эти вопросы в качестве научных проблем и описать контуры их решения.

Данный параграф мы начали с констатации ситуации антропологического кризиса. Современная гуманитарная мысль, прежде всего философия и психология, склонна квалифицировать основные проблемы

---

¹ Под цивилизационно-культурным организмом (цивилизацией, локальной цивилизацией) мы понимаем целостное органическое образование, включающее в себя духовную, экономическую, политическую, правовую, социальную и иные подсистемы, образующие в своей совокупности историческое целое, обладающее определенным пространственно-временным постоянством.

человеческого общества как антропологические. В то же время западная социология, приобретающая в последнее время все большую популярность в западноевропейском регионе и США, все больше и больше понимает реальность как функционирование социальных единиц – систем, нивелируя антропологический фактор, т. е. фактор сознания, или, если говорить обобщенно, фактор человека. Человек растворяется, нивелируется в социальных системах, и уже сами системы становятся более значимыми предикатами социальной реальности, чем человек, их составляющий. Действительно, для подобного рода анализа есть свои основания, но они как раз и связаны с фундаментальным изменением сознания современного человека. Более того, то, что происходит с современным человеком во всех сферах социальной реальности сегодня, в особенности на Западе, не может заставить забыть о человеке и полностью переключить свое внимание только на социальные системы. Проблема человека, и мы это отчетливо наблюдаем в жизни современного общества, остается нерешенной, а адекватного научного описания этой ситуации просто нет.

Научная речь о человеке, в том числе правовом человеке, который в области юридического традиционно выступает как субъект права, в гуманитарном дискурсе остается классической. В юридической науке сегодня тема субъекта права не является самостоятельной. В общей теории права, например, субъект права рассматривается в парадигме отношения (юридически значимого отношения) и включается в соответствующие дисциплинарные блоки в качестве элемента правомерно поведения, правоотношения и правонарушения. Центральными теоретико-правовыми проблемами остаются проблемы сущности, ценности права, его понимания, в то время как проблема человека в правовом пространстве в том виде, в котором мы ее имеем сегодня, как будто не существует для правоведа. Учебные темы «Правовое сознание», «Право. Государство. Личность» излагаются традиционно, не претендуя на анализ актуального правового бытия человека. Однако современный опыт подсказывает, что ввиду происходящих с человеком и его сознанием процессов (формирование деструктивных субкультур в молодежной среде (готы, эмо, толкинисты), утрата половой идентичности (операции по изменению пола, однополые браки), попытка вторгнуться в саму природу человека, в его генокод (клонирование, использование эмбриональных стволовых клеток для омоложения, искусственного продления жизни и т. д.)) для юриспруденции *главным объектом внимания должны стать не сами по себе государственно-правовые структуры (государство, политическая система общества, правовой порядок, законность и т. д.), а правовое бытие человека в них, или разворачивание его сознания как правового сознания в этих структурах.* Классическая методологическая установка юриспруденции, и в первую очередь фундаментальных юридических наук, должна

подвергнуться антропологической ревизии. Но на каком основании возможно ее осуществление, как по-новому выстроить, описать, например, государственно-правовую историю? Ведь традиционно она выстраивалась как история классов, партий, групп, элит, слоев и т. д., и это, несомненно, имело серьезный объяснительный потенциал и свою познавательную ценность. Следовательно антропологический фактор как изначально фактор индивидуального, а затем и коллективного опыта сознания (правового сознания) для использования его в качестве методологического основания должен также иметь свою достоверную объясняющую схему. *Такой объясняющей схемой, методологической площадкой антропологического прочтения правовой реальности должна стать духовная традиция, которая является антропологически образующим основанием формирования сознания как правового сознания человека и движения целого цивилизационно-культурного организма, поставленного в зависимость от состояния этого сознания, в свою очередь зависящего от самой духовной традиции.*

Исходя из такого понимания процесса исторического движения общества, права и государства в составе более широкого цивилизационно-культурного образования на основании его взаимодействия с духовной традицией, способности последней определять и формировать сознание (правовое сознание) и резюмируя общую оценку современной антропологической ситуации, а также доминирующего в современной юриспруденции дискурса о правовом сознании и праве в целом, сформулируем главную постановочную задачу предлагаемого нами подхода: *это юридиколо-антропологическое переосмысление правовой реальности прежде всего с позиции анализа [право]сознания современного человека, т. е. прочтение всего проблемного государственно-правового поля не с классической позиции устоявшихся жестких опорных юридических структур (право, государство, законность, правопорядок и пр.), а с позиции реально функционирующего сегодня [право]сознания. Такая задача предполагает выработку на данной основе стратегий реанимации, воспроизводства, реализации в этом сознании аутентичных цивилизационно-культурных начал, питающихся от такого же аутентичного для той или иной цивилизации, однако уже [мета]цивилизационно-культурного источника – духовной традиции.*

По своему замыслу сформулированная задача является сверхзадачей, поскольку для ее решения необходимо выполнить целую серию операций, которые условно мы разделили на три.

Во-первых, для начала решения поставленной задачи необходимо исследовательски собрать, методологически сфокусировать все сферы социальной жизнедеятельности с целью их методологического перевода на антропологический язык, изменить видение с политического, экономического, культурного, идеологического, наконец, правового на антрополого-политическое, антрополого-экономическое, антрополого-

культурное, антрополого-идеологическое, антрополого-правовое, тем самым придать всем познавательным областям новый эпистемологический статус, осуществить их новое прочтение. От такого прочтения политическое, экономическое или государственно-правовое не перестает быть таковыми, однако в таком познавательном срезе мы уже будем видеть, например, не государство и право в их отвлеченном смысле (как политико-территориальное образование, систему норм, принципов, концепций и т. п.), а *государственно-правовое бытие человека, определяемое его конкретным сознанием и личностным проживанием данных явлений.* Изменение угла зрения, своеобразная рефокусировка – так можно охарактеризовать это методологическое действие, приводящее к открытию целых пластов правовой реальности, которые ранее были вне методологического поля зрения классической теории права, в том числе теории правового сознания. По сути, можно вести речь о преодолении субъект-объектного познания, которое до настоящего времени остается доминирующим в юриспруденции. Методологическая рефокусировка происходит посредством собирания социальной действительности не в отдельных разрозненных объектах познания (механизм государства, его политико-правовые формы, гражданское общество, правопорядок и т. д.), а в одной цельной точке – в сознании, правовом сознании человека, как оно есть, а если говорить еще шире – во внутреннем мире человека. Ведь именно от того, каково в целом сознание человека той или иной цивилизации того или иного периода, мы и можем определять, характеризовать всю социальную реальность, складывающуюся из совокупности единичных сознаний. Можно говорить, например, об античном – полисном, варварском, средневековом западноевропейском, средневековом азиатском, византийском, новоевропейском, советском и прочем человеке и его сознании соответственно, а ведь каково сознание, таково и общество, так оно воспринимается, фиксируется и отображается в источниках, в том числе и в тех, через которые мы и познаем это самое общество. Точно так же корректно говорить о современном человеке и его сознании, которое, безусловно, несет на себе отпечаток современной эпохи и в то же время саму ее делает таковой. Современный российский правовед И.Л. Честнов, решая подобные методологические задачи в области истории политических и правовых учений, констатирует, что «современная историческая наука находится в стадии перехода от социальной методологии к культурологической („ментальной“» [3, с. 9]. Исследователи политико-правовых аспектов теории М. Фуко, который один из первых предложил такую методологию – методологию антропологических практик, или так называемых «практик себя» (методологию исследования реальности «от сознания» и реального смыслопорождения), отмечают, что при таком подходе к изучению, например, оснований государственной власти «надо заниматься не простой регистрацией отдельных

событий, а сведением единичных практик к смысловому образу и роли власти в той или иной эпохе, конкретном социуме, реконструировать главные центры, смыслонаполняющие ее образ и властную практику, и выйти в конечном итоге к особым политико-правовым типам, *стилям мыследеятельности индивидов в конкретном ментальном поле*» (курсив наш. – В. П.) [4]. Итак, резюмируя содержание первой задачи, следует сказать, что она заключается в методологической рефокусировке.

Вторая задача, пожалуй, из разряда самых сложных: для ее решения необходимо дескриптировать, описать и ввести в современный правовой дискурс конкретные содержания того самого концептуального макропроекта, цивилизационно-культурную начинку, которая и составляет ценностную основу конкретного общества, и, что главное, акцентировать внимание именно на тех содержаниях, которые определяющим образом влияют на формирование правового дискурса. Но для такого описания согласно той логике, которую мы обозначили в сверхзадаче, необходимо обращение к духовной традиции, которая является смысловым, если угодно, трансцендентным истоком и жизнеутверждающим вместилищем цивилизационно-культурного организма. Соответственно и сама духовная традиция должна быть подвергнута акту рефлексии. Понятно, что если говорить о восточнохристианском мире, то философская концептуализация должна пытаться максимально, насколько это возможно приблизиться к пониманию и раскрытию *православной духовной традиции*, для чего необходим совершенно специальный метод, принципиально отличный от позитивистски-описательного языка [1, с. 130]. Это же касается и Беларуси с той лишь оговоркой, что православная духовная традиция должна здесь описана в догматическом и цивилизационно-культурном сравнении с синхронно развивающимися католической, протестантской и униатской духовными традициями для их последующей дифференциации и определения степени влияния каждой из них на социальную практику как в историческом контексте, так и на современном этапе.

Третья предлагаемая нами задача также не из числа простых – она заключается в «инъекции» цивилизационно-культурного содержания, основанного на духовной традиции (полученного в результате решения второй задачи), в складывающийся новый правовой дискурс (полученный в процессе решения первой задачи). Понятно, что новый правовой дискурс должен иметь уже некую неклассическую, нетрадиционную структуру и в качестве опорной методологической позиции – не исторический и диалектический материализм, не либеральную методологическую платформу, не феноменологическую философию и даже не методологию психологической школы права, но *правовую антропологию – дискурсивную речь о человеке (правовом человеке) и его сознании (правовом сознании соответственно) на базе духовной традиции*. Конечно, отдельные элементы тех или иных философских систем вполне

могут и должны быть использованы в правовой антропологии такого типа (в особенности разработки феноменологической, герменевтической, психологической школ), однако основное отличие обычного юридино-антропологического подхода, основывающегося на совмещении современных герменевтических, феноменологических, коммуникативных и иных направлений западноевропейской мысли [5; 6], актуализировавших в последние десятилетия исследование человека и его сознания, заключается в том, что в качестве базового элемента, основания дискурса правового сознания используется концепт «духовная традиция», который представляет собой совершенно специфическую речь о человеке. Поскольку духовная традиция является центральным концептом нового дискурса о правовом сознании и именно на ее основе и предлагается осуществлять построение синергийно-антропологической концепции правового сознания, следует сделать обязательное отступление и хотя бы в общем, с учетом постановочного характера разбираемой темы, сказать о духовной традиции и самой логике такого методологического подхода.

Духовная традиция формируется как сердцевина религиозной традиции определенного цивилизационно-культурного организма и в самом общем виде может быть представлена как воспроизведение и трансляция содержаний специфического антропологического опыта – опыта внутреннего энергийного бытия отдельного человека (и в итоге всего общества в целом) в его общении (отношении) с Инобытием. Ценность духовной традиции, которая, как мы уже отмечали, конституирует весь цивилизационно-культурный организм, обусловлена воспроизведением и трансляцией в ее лоне специфического антропологического опыта (практики), не свойственного ни одной другой сфере социальной жизни. Именно этот опыт – духовный опыт, а не какой-либо иной (правовой, политический, экономический, идеологический и т. д.) предполагает осуществление и трансляцию неких принципиально значимых для человека и цивилизации содержаний, утрата которых приводит к тем проблемам, которые мы имеем в обществе сегодня. Речь идет об энергийном, а точнее, синергийном опыте духовной жизни, формирующем подлинную и целостную конституцию личности, ее идентичность, а следовательно и идентичность общества в целом, что, собственно, для современного социума становится все более проблематичным. «С точки зрения социума, – отмечает С.С. Хоружий, – его жизненных, духовных, ценностных установок цели и опыт духовной практики обладают высокой ценностью и притягательностью. Это объясняется особым характером опыта духовной практики: *данный опыт конститутивен, в духовной практике формируется конституция человека, структуры его самости и идентичности. Вследствие этого в социуме возникают разного рода промежуточные формы – такие антропологические практики и стратегии, которые ориентируются на*

духовную практику и заимствуют, воспроизводят те или иные ее стороны, части, элементы» (курсив наш. – В. П.) [7]. Претензия на конститутивный характер духовной традиции обусловлена обращением человека, в ней находящегося, к Инобытию как единственной действительной возможности онтологической реализации, принципиально связанной неизменным предикатом человеческого существования, а точнее, его завершения – смертью, неизменно присутствующей в горизонте нашего сознания: «тема онтологической трансформации, стремления к перемене горизонта бытия, онтологического статуса возникает из самого „основоустройства“ (Grundverfassung) человеческого существования: она коренится в смертности человека, в изначальной природе его отношений со смертью» [1, с. 24].

Акцент на внутреннем антропологическом опыте отсылает нас к понятию «духовная практика», близкому по смыслу понятию «практика себя», подробно исследованному М. Фуко в его работе «Герменевтика субъекта» [8], а также к нашему понятию «сознание», которое, являясь идеальной структурой, для использования в рамках концепта «духовная традиция» адекватно может быть охарактеризовано не в эссенциальных (сущностных) категориях, как это всегда делала классическая философия человека и классическая философия сознания, а в энергийных, характеризующих внутренний опыт человека, прежде всего опыт его сознания. Последнее открытие принадлежит С.С. Хоружему и созданной им школе синергийной антропологии [1, с. 13–57].

Таким образом, на индивидуальном, а равно, как следствие, и на коллективном уровне формирование человека и всего общества обуславливается антропологической практикой специфического рода – духовной практикой, способной конституировать индивидуальный и социальный организм, а следовательно всю внешнюю сторону жизнедеятельности человека и общества, государственно-правовую жизнь в том числе. *Это происходит посредством выстраивания особого рода общения (отношений) человека и социума с Инобытием, и на этой синергийно-трансцендентной основе и формулируются базовые цивилизационно-культурные основания, прежде всего базовые социальные ценности того или иного общества.* Фиксируя тот или иной преобладающий вид духовной практики в конкретном обществе в конкретное время, мы имеем возможность описать доминирующий тип человека, обобщая и выводя необходимые юридические характеристики и качества его правового сознания.

Данная методология, как мы уже упомянули выше, была предложена С.С. Хоружим и его школой синергийной антропологии. Наш подход к исследованию правового сознания, по сути, и является попыткой приложения синергийной антропологии к области правового сознания, именно поэтому рабочее название такого подхода «синергийно-антропологическая концепция правового сознания».

Итак, третий этап на пути решения сверхзадачи складывается из цельного синтеза результатов, полученных на первом и втором этапах. Если первым шагом является работа по деконструкции классического багажа теории правосознания, вторым – рефлексивное освоение цивилизационно-культурных содержаний на основе освоения духовной традиции, то третий шаг заключается в оформлении полноценно нового – антропологического учения о правовом сознании на платформе синергийной антропологии. Исследовательская реализация и практическое осуществление этих шагов, в отличие от их предварительного теоретического моделирования и постановки, в действительности должны иметь не последовательный, а синхронный характер.

Следует сказать, что предлагаемый нами методологический подход к исследованию правового сознания не является абсолютно новым. В современной юридической науке последних лет, в особенности в России, сходные по замыслу методологические попытки уже имели место. Центральными понятиями новой (антропологизированной) теории правосознания, через которые исследователи правового сознания и пытаются наполнить правовой дискурс цивилизационно-культурным содержанием, являются «духовно-культурное правосознание», «правовая духовность», «эйдос правосознания», «правовое чувство» (Р.С. Байниязов [9]), «религиозное правосознание» (В.Н. Синюков, Ю.А. Дружкина [10]), «правоментальные проявления» («аттитюды», «представления», «образы»), «архитектонические структуры правовой ментальности» (А.Ю. Мордовцев [11]), «правовой дух», «духовно-психологический инвариант права» (Г.Д. Гриценко [12]), «духовный опыт правосознания», «правоверие как духовный инвариант правосознания» (А.А. Чупрова [13]) и ряд других. Как видим, работа по включению цивилизационно-культурного содержания в дискурс правового сознания в той или иной степени имеет место, причем следует отметить, что ученые особенно настойчиво пытаются выстроить новый категориальный ряд на базе таких понятий, как «дух», «духовность», «религия», что в общем-то весьма симптоматично для правовой традиции, фундированной на восточнохристианской почве. Разумеется, эта работа должна, более того, вынуждена одновременно сопровождаться деконструкцией доминирующей сегодня понятийно-категориальной структуры и всего смыслового поля классической теории правосознания, что пока имеет место в незначительной степени. Относительно самой деконструкции, которая опять же для классического юридического дискурса является понятием экстравагантным, философ-деконструктивист Р. Сальдивар отмечает, что она представляет собой «демонтаж старой структуры, предпринятый с целью показать, что ее претензии на безусловный приоритет являются всего лишь результатом человеческих усилий и, следовательно, могут быть подвергнуты пересмотру» [14, с. 186]. Другой деконструктивист, американский философ Дж.Х. Миллер, в данной связи

весьма точно дополняет, что «деконструкция – это не демонтаж структуры текста, а демонстрация того, что уже демонтировано» [14, с. 186].

Действительно, отечественная, российская правовые традиции, имевшие в своей основе качественно отличный тип рациональности, сложившийся благодаря уникальной цивилизационно-культурной почве, *в настоящее время имеют возможность использовать достижения [пост]неклассической философии в актуализации самобытного восточнохристианского цивилизационно-культурного опыта для решения проблем, связанных и с преодолением длящегося еще сегодня советско-позитивистского подхода к теории правосознания, и с переплавкой категориальных смыслов, механически заимствованных с Запада в 90-х гг. XX в.* Как отмечает исследователь [пост]неклассических тенденций российской и западной правовых традиций правовопонимания Т.Л. Воротилина, деконструктивный потенциал [пост]неклассической философии «состоит в переосмыслении популярных идей западной метафизики права... на уровне познания „слоев права“ предлагает практическое переосмысление классических концепций правоприменения, формальных юридических категорий, социальной структуры, семиотических свойств права» [15, с. 9]. Нетрудно заметить, что в вышеприведенных примерах как раз и отражается сочетание достижений западной и отечественной мысли (с одной стороны – архетип, эйдос, аттитюд, с другой – духовность, религия, правоверие, нравственность).

Сформулированная эпистемологическая задача (сверхзадача) через описание ее трех составляющих в рамках предлагаемого подхода к изучению правового сознания претендует на более широкий и высокий по уровню обращения методологический статус. По существу, здесь может идти речь о *новой методологической платформе теории права в целом* наподобие того, как С.С. Хоружий разрабатывает синергичную антропологию для использования в качестве нового подхода к методологии всего гуманитарного знания [16]. Вместе с тем такую задачу мы не ставили, а старались сконцентрироваться на решении обозначенной сверхзадачи только в тех рамках, которые обозначены в названии параграфа, а именно в области теории правового сознания. Но здесь мы сталкиваемся, с одной стороны, с неожиданной, а с другой – с весьма показательной вещью. *Решение сформулированной нами сверхзадачи в теории права в целом парадоксальным образом сходится не на классических фундаментальных проблемах правовой догматики – теории сущности права, правового государства, гражданского общества, законности, прав человека и др., а как раз на теории правосознания, поскольку антропологическое измерение государственно-правового пространства подразумевает прежде всего видение права и государства с позиции действующего в них человека, его сознания, которое, как зеркало, воспринимает, фиксирует, оценивает государственно-правовые явления.* Тем более, что сегодня, как мы уже отмечали, имен-

но антропологическая проблема, проблема человека и его сознания, а для нас в первую очередь правового сознания, является концентрированным выражением проблемы нашего времени. Также следует учитывать, что конечная, можно сказать, идеальная цель правового регулирования общественных отношений заключается не просто в достижении того или иного состояния правового и социального порядка, как бы нам это представил классический, эссенциальный подход к вопросу, а в достижении соответствующей практики не фиксируемой правовыми средствами *внутренней, энергичной правовой жизни*, которая, тем не менее, является истоком всякого внешнего юридически фиксируемого факта.

Здесь мы возвращаемся к той исследовательской линии в теории права, которая была зачата психологической школой права на рубеже XIX и XX вв. Однако в отличие от той работы, которая проводилась основателями правового психологизма и заключалась в изучении психологических особенностей восприятия права его субъектом, мы осуществляем тотальное методологическое смещение, оптическую смену, суть которой состоит не в психологизировании правовых явлений, придании им психологической сущности через умозрительное переоткрытие их состава – этот состав у нас как раз остается неизменным, а в восприятии и исследовании правовой действительности, отталкиваясь не от нее самой, а от правового сознания, формируемого этой действительностью и самого, в свою очередь, формирующего ее. Правовое же сознание мы описываем посредством обращения к тем структурам, которые ранее фундаментально не помещались в центр методологической оптики правоведения, хотя нередко, особенно в последние годы, рассматривались в качестве юридически значимых факторов. Уже понятно, что мы имеем в виду цивилизационно-культурный организм, в рамках которого и развивается конкретное право и государство, который рассматривается нами в самом базовом пласте его функционирования – на уровне духовной традиции как вместилища специфического антропологического опыта, конституирующего человеческую индивидуальность и через нее дающего возможность уже всему обществу самоидентифицироваться, понимать самого себя, осмысленно выстраивать все тело своей социальности.

Таким образом, *синергично-антропологическая теория правового сознания становится своего рода эпистемологическим зачатком антропологического подхода к праву в целом.* Реализация же последнего тесно связана с переосмыслением места и образа человека в правовой реальности. Иными словами, поскольку антропологический поворот в неклассических правовых исследованиях выдвигает на первый план проблему правового сознания, последняя не может быть удачно разрешена вне контекста проблемы субъекта права. Однако возможно ли приступить к антропологизации правовой реальности, оставаясь на

классических позициях понимания человека в правовой реальности (как субъекта права), либо следует продвигаться по пути отказа от субъект-объектной парадигмы и осваивать те стороны правового бытия человека, которые ускользали от классического юридического дискурса? Следующий параграф как раз и посвящен этой теме.

7.2. Смерть субъекта права, или О необходимости разработки новой концепции правового человека

В наше время юриспруденция, равно как и весь корпус гуманитарного знания, находится в достаточно сложной эпистемологической ситуации. Вопрос о методологической определенности является сегодня, пожалуй, самым актуальным для юридической науки, и это ощущается по публикациям последних лет в ведущих юридических журналах [17–19]. Во многом современная методологическая ситуация была подготовлена развитием юриспруденции в советский период.

В советском правоведении, как известно, методологическое кодирование юридического знания осуществляла общая теория государства и права. Диалектико-материалистическая методология, преломляясь через концептуальный аппарат общеправовой теории, последовательно и достаточно успешно реализовывалась в отраслевых юридических дисциплинах. В таком юридическом дискурсе, как специфическом закрытом языковом поле, ориентирующемся на описание модели советского общества, до определенного времени вопросов методологического плана не возникало. После распада СССР гуманитарная наука оказалась свободной и в то же время вынужденной осваивать громадное поле зарубежных исследований. Если отраслевые юридические дисциплины в этой ситуации фактически продолжали использовать методологический потенциал, накопленный в советское время (объективно сразу «переписать» все законодательство было невозможно), а специалисты-отраслевые продолжали работать над различными правовыми институтами по старым исследовательским схемам с фрагментарным внедрением новых идей, то теоретики права оказались перед куда более сложной задачей. Во-первых, само выделение и автономное существование общей теории в том виде, в котором она сложилась в советской правовой науке, ставило вопрос о месте и предмете данной дисциплины в корпусе постсоветского юридического знания. Во-вторых, перед теоретиками права встала проблема разработки нового методологического основания для дальнейшего развития всей юриспруденции. Определенность по этим вопросам, о чем свидетельствует состояние общетеоретического правоведения, отсутствует до сих пор.

Первый вопрос – вопрос о месте и предмете общей теории государства и права в корпусе юридического знания – остается нерешенным, о

чем свидетельствуют продолжающиеся по сей день дискуссии о роли общей теории в современном юридическом знании [20]. И.Ю. Козлихин, например, анализируя, пожалуй, самые серьезные в постсоветские десятилетия попытки построить альтернативные марксистской теории права концепции на базе достижений современной (западноевропейской) философской мысли (герменевтическая теория права А.И. Овчинникова, диалогическая концепция права И.Л. Честнова, феноменолого-коммуникативная теория права А.В. Полякова), полагает, что это, в сущности, занятие бесперспективное, связывая свое убеждение с тем, что «общая теория права и государства себя изжила», а взамен ее должен быть образован теоретико-методологический корпус дисциплин «философия права – социология права – догма права» [21, с. 40], в котором, по-видимому, определяющую методологическую нагрузку должна нести именно философия права. Несмотря на радикальность заявления И.Ю. Козлихина о смерти общей теории государства и права, тем не менее полагаем, на это есть определенные основания.

Общая теория государства и права в том виде, в котором она сформировалась в советской юриспруденции, была, по сути, закрытой технической дисциплиной, предназначенной для наложения на уже разработанный методологический стержень. Она была не разработчиком, а проводником методологии (и идеологии) в живую ткань юридической жизни и выйти за отведенные для нее границы не могла. Разработанный советскими философами диалектико-материалистический подход позволил теоретикам права сформировать строгую общую теорию государства и права, отшлифовать вопросы догматического и технического плана (классификации, формы, структуры, составы и т. д.). Но лишившись поставщика методологии, общая теория оказалась в простой ситуации: технические достижения остались и, надо сказать, сегодня небезуспешно используются и развиваются в соответствующих (прикладных) областях юридического знания, однако методологическая функция общей теории остается под большим вопросом.

Решение второго вопроса, касающегося методологической определенности в юридическом пространстве, для общей теории также остается затруднительным. Новая (постсоветская) общеправовая теория должна уметь давать методологические ответы на вызовы времени, предлагать объяснительные схемы движения правового субстрата, однако в том автономном статусе, в котором в советской науке заявила себя эта дисциплина и в основном по сей день еще продолжает себя позиционировать, дать адекватные ответы на эти вопросы она вряд ли сумеет.

Описание методологического положения общей теории государства и права постсоветских десятилетий, с которого мы начали данный параграф, является одним из условий понимания заявленной темы. Разговор о необходимости переосмысления места человека в юридическом

дискурсе (правового человека) можно адекватно понять только в контексте разговора о методологической переориентации юридической мысли в целом, которая сегодня постепенно изменяется вместе со всей областью гуманитарного знания.

Как уже отмечалось нами, причиной изменений и ключевой проблемой наук об обществе и человеке сегодня является кризис классических оснований гуманитарного дискурса, которые были заложены новоевропейской мыслью. Речь идет о кризисе классической рациональности, которая выступила фундаментом всего современного гуманитарного знания, в том числе и юридического. Главной проблемой этого дискурса является отсутствие в нем проблемы человека. Центральным событием критики классических эпистемологических оснований стал концепт «смерть субъекта», который был заявлен и теоретически обоснован М. Фуко в 1966 г. в его работе «Слова и вещи», а затем развит другими представителями постструктурализма и постмодернизма (Ж. Деррида, Ж. Лакан, Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Делез и др.). Как отмечал М. Фуко, «классическая *эпистема* расчленяется по таким линиям, которые никак не позволяют выделить особую, специфическую область человека... уже само понятие человеческой природы и характер его функционирования исключали для классической эпохи возможность науки о человеке» [22, с. 330]. Уточняя эту мысль, следует сказать, что новоевропейский дискурс не то чтобы исключил антропологию как таковую, но выстроил совершенно специфическую речь о человеке. Как показал в своих работах С.С. Хоружий, эта речь основывалась на концептуальной антропологической триаде новоевропейской мысли «*сущность – субстанция – субъект*», которая была подвергнута капитальной критике и которая в последнее время все настойчивее выносится за пределы современной антропологии [16]. Н.С. Автономова в связи с этим также поясняет, что в тезисе о смерти субъекта подразумевается не натуралистическая смерть последнего, но познание причин фундаментальных переломов в понимании человека в истории западноевропейской культуры Нового времени и что именно поэтому «Фуко „ниспровергает“ человека, или, точнее, констатирует его „низвергнутость“ с гуманистического пьедестала культуры не с точки зрения абстрактной человеческой природы, но с позиций той эпистемы, той социальной и познавательной структуры, в которой он находится и которая принимает именно этот образ человека» [23, с. 23].

Одной из причин критики классической гуманитарной эпистемологии стало непонимание ею тех коренных изменений, которые начали происходить с человеком во второй половине XX в. Так, в новоевропейской правовой мысли радикально ставилась задача обоснования общечеловеческих гуманистических идеалов, разработки идеальных форм человеческого общежития, институтов гражданского общества, нормативно-правового закрепления идеи прав, свобод и достоинства

человека и т. д., однако сам человек, во имя которого все это и предпринималось, оказался нереальным, своего рода надындивидуальным субъектом, что наглядно подтвердил опыт XX в. По словам В.Ю. Инговатова, «конкретный человек с его индивидуальными заботами, желаниями, правами и обязанностями подменялся теоретическими построениями о человеке как таковом, о сущности человека как такового и т. п.» [24]. На рубеже XX и XXI вв. антропологическая, а с ней и социокультурная ситуация начали испытывать настолько глубокие изменения, что под вопрос были поставлены уже не социальные статусы и роли человека в современном обществе, но сама природа, биологическая основа человека: «сама основа основ, генетическая программа человека, еще едва познанная, становится полем для экспериментов, и подобные эксперименты могут, в принципе, вызвать самые фантастические и губительные эффекты», при этом современный человек все больше и больше выступает сегодня «как „существо преступающее“, имеющее тягу, одержимое желанием и влечением преступить все возможное, любую черту, которую перед человеком провела реальность или даже сама его природа; и преступание как таковое возводится в фундаментальную антропологическую характеристику» (курсив наш. – В. П.) [25].

По отношению к этой панораме антропологических событий юриспруденция не является сторонним наблюдателем, поскольку они прямо касаются той области, в которой разворачивается право. Более того, сегодня не только предельные антропологические проявления (галлюциногенная и наркотическая релаксация, игровое отношение к правонарушению, виртуальная («сетевая») жизнь и т. д.), но и обыденные, бытовые антропологические практики часто не поддаются классическому юридическому прочтению. Например, типичные правонарушения (хулиганство, кража, грабеж, разбой и т. д.) нередко совершаются по таким мотивам, как демонстративное нарушения норм морали с культивированием ценностей определенных субкультур (готы, эмо, толкинисты, кислотники), акты религиозной профанации и кощунства, культовая символизация суицида, получение острых ощущений, маргинальное отношение к правопорядку как условие принадлежности к определенной группе и т. д. Особенно это характерно для молодежи, которая в наибольшей степени подвержена воздействию антропологических процессов, формируемых современной культурой, однако не только о молодежи идет речь. Повсеместная тяга к преступанию границ обычного, классического существования человека сегодня весьма велика, чтобы на нее не обратить внимание. Более того, наряду с девиантными формами поведения происходят серьезные изменения и в механизмах функционирования так называемого нормального сознания, которое прямо не ориентировано на правонарушение, однако симулирует область юридического, превращая ее просто в систему норматив-

ных знаков, не имеющих связи с реальной жизнью, либо приспособляет правовые предписания, подгоняя и интерпретируя правовые смыслы под выгодные для себя утилитарные цели, лишая, таким образом, право властно-принудительной регулятивной способности и превращая его в сугубо конвенциональное образование. Для правового регулирования такая ситуация означает системный сбой, поскольку ключевой юридической код «право – обязанность» оказывается смещенным со смысловой позиции, на восприятие в рамках которой он и был рассчитан, а право утрачивает свою социальную ценность.

Современная антропологическая ситуация все более свидетельствует об одном очевидном факте: с сознанием современного человека происходят серьезные изменения, итогом которых для юридической науки должно стать *развенчание классического субъекта права*. Рациональный правовой человек – субъект права, с которым привыкло иметь дело классическое правоведение и на которого были рассчитаны традиционные схемы правового воздействия, сознательно воспринимающий правовые установления, формирующий свою правовую позицию, поддающийся правовому воспитанию, все больше и больше перестает являться таковым. Такое классическое свойство субъекта права, как способность адекватно воспринимать (объективно, аподиктично постигать, объяснять и предсказывать) мир и себя в мире и на основе этого истинного знания рационально действовать, постепенно исчезает с антропологического горизонта [26 с. 23–24].

Юриспруденция же, прежде всего в лице ее общей теории, пока еще остается на позициях классических установок о субъекте права и продолжает прежний путь познания и воздействия на правовую действительность посредством выстраивания внешних логоцентристских барьеров (правовое воспитание, правовое информирование, разработка новых составов правонарушений, манипулирование с юридизацией/деюридизацией отношений и т. д.) неклассически мыслящему и действующему человеку XXI в. Мы не хотим сказать, что традиционные способы правового регулирования должны быть отброшены, но полагаем, что главный акцент в современной методологической ситуации необходимо делать на разработке средств правового воздействия, рассчитанных на формирующегося нового неклассического правового человека. Необходимо акцентировать внимание на создании таких познавательно-юридических конструкций, которые дали бы возможность понимать сложные механизмы формирования внутренних структур современного человека по отношению к правовой реальности – *личностной конституции и идентичности*, которые явно не вмещаются в классический (рационалистический) эпистемологический дискурс о правовом человеке как субъекте права, однако которые самым серьезным образом определяют стили правовой мыследеятельности и реальные модели правового поведения

человека. Это самое важное положение формирования нового юридико-антропологического дискурса, которое волей-неволей предстоит осваивать юридической науке XXI в., поскольку оно связано с уходом со сцены новейшей рационалистической картины мира. И эта работа должна начинаться с методологической переориентации юриспруденции, в частности ее теоретико-методологического блока.

Для адекватного ответа на современные антропологические вызовы юридическая наука, прежде всего в лице ее общетеоретической части, должна, во-первых, отказаться от классической новейшей европейской эпистемологии *как ведущей* методологической линии, фактически исключая проблему человека, во-вторых, разработать такой дискурс, который позволил бы ей заглянуть за пределы классических эссенциальных юридических конструкций (гражданское общество, правовое государство, законность, правопорядок и т. д.), якобы претендующих на сущностное постоянство, а значит на аутентичность и универсальность их описательных качеств применительно к современному обществу. В полном соответствии с описанными выше современными тенденциями в области гуманитарного знания (антропологический кризис) следует отвлечься от эссенциалистского прочтения правовой реальности через указанные теоретические понятия и обратиться к генеалогии современного правового человека как он есть и его правового поступка с той целью, чтобы понять, что собой представляют и как сегодня реально функционируют эти самые концепты (гражданское общество, правовое государство, законность, правопорядок и т. д.), какие стили правовой мыследеятельности выработались по отношению к ним в обществе, как они воспроизводятся, транслируются, моделируются, симулируются, как происходит их адаптация, интерпретация, смысловое смещение в различных юридически значимых ситуациях и т. д. Очевидно, что в таком случае в правовом познании происходит замена классического эссенциального дискурса *дискурсом энергийным*, причем центром и основанием последнего, от которого и отталкивается подобного рода исследовательская работа, является уже не традиционный категориальный ряд (хотя он окончательно не исключается из нового эпистемологического поля), а человек и его [право]сознание, которые, в свою очередь, определяются не традиционными концептами правовой идеологии, психологии, морали, а, как мы уже говорили, структурами личностной конституции и идентичности. Исходя из этих задач становится понятным, что новый теоретико-правовой дискурс должен стать человекомерным, для эффективного правового воздействия на социальную действительность он прежде всего должен быть способен объяснять современного человека.

Пока, конечно, сложно говорить о том, каким должно быть конкретное наполнение антропологически ориентированной методологии,

это дело дальнейших исследований. Однако для нас очевидно, что антрополого-правовая методология, разрабатываемая в развитие неклассического правового дискурса, должна включать в себя те аспекты правового бытия современного человека, которые отсутствовали в классической антропологической модели. Это прежде всего не только и не столько наблюдение юридически значимого поведения (правомерное и противоправное поведение через их классический структурно-правовой анализ) и отстраивание от него способов правового регулирования, сколько – и здесь мы повторимся в который раз – *изучение специфики механизмов формирования личностной конституции и идентичности современного человека в границах того значения, которое они имеют для правовой реальности*. Основанием же включения этих внеюридических (в классическом прочтении) конструкций в юридическую область является их решительное влияние на правовую сторону личностного бытия. Прежнее (в классической эпистемологии) вынесение за рамки анализа, например, проблем внутренней жизни человека, особенностей его личностной конституции, иррациональных аспектов ее формирования, господствующих в обществе стилей мыслительности, их влияния на человека, отношения человека к правовой реальности в зависимости от доминирующего типа социального бытия, влияния экономических, культурологических, религиозных, информационных и иных факторов и их серьезного воздействия на внешне выраженные, юридически значимые поступки и привело к методологическому кризису, неспособности понимать правового человека таким, какой он есть на самом деле. Классический субъект права если и рассматривался с этих позиций, то лишь отчасти и в отношении только того юридически значимого поведения, которое считалось исключением из правила (девиация). Сегодня же речь идет о том, чтобы антропологические факторы рассматривать как значимые для правового поведения в целом, при этом не оставляя их исследование общей антропологии, психологии, а непосредственно встраивать в новую модель правового человека. Понятно, конечно, что это чрезвычайно сложная задача, связанная с фундаментальным изменением традиции классического понимания правового бытия человека (организации) как субъекта права – физического или юридического лица, наделенного соответствующими юридическими качествами и свойствами. Однако мы убеждены, что без ее решения своевременная и адекватная реакция юриспруденции на современные социальные вызовы невозможна.

Антропологически ориентированная методология юридической науки делает еще один важный неклассический шаг в познании правовой реальности: она перемещает внимание правоведа в сферу субъективности, хотя традиционное юридическое прочтение субъективности является исключительно негативным (субъективный – значит непод-

линный, необъективный). Субъективация правовой реальности дает возможность изучать не искусственно отдифференцированного правового индивида с внешне атрибутированными ему правовыми свойствами, но цельного правового человека, действующего в правовом пространстве исходя из ресурсов своей внутренней жизни, личностной конституции, особенностей формирования идентичности, проблем государственно-правового бытия, определяемого индивидуальным сознанием, личностным проживанием данных явлений и воздействием на него всего фона социокультурной среды. Такое методологическое смещение, разумеется, связано с серьезными изменениями всей картины правового видения и правового воздействия на реальность, и в антропологическом аспекте, перефразируя знаменитый тезис Р. Барта [27, с. 391], можно сказать, что за рождение нового правового человека придется заплатить смертью классического субъекта права. Иными словами, прежний классический концепт «субъект права» должен быть переосмыслен и антропологизирован, а за формально-правовыми атрибутами субъектности мы должны суметь увидеть человека как такового, во всей совокупности его конститутивных признаков, которые и определяют его правовое поведение в современном мире.

Увидеть правового человека таким, какой он есть, по эту сторону классического правоведения фактически невозможно, поскольку прорывы к внутренним структурам человеческого бытия, которые, несомненно, существенно влияют на правовые поступки, тесно связаны с необходимостью отказа от юридической дисциплинарной изоляции и привлечения в новое исследовательское поле правоведения опыта иного рода, который ранее считался субъективным, бесполезным и не имеющим отношения к области юридического. Выше мы уже говорили о том, что попытки полноценной антропологизации юридического дискурса только в рамках классической модели субъекта права как исключительно юридически идентифицируемой единицы вряд ли следует признать состоятельными. Неклассический же юридический дискурс, в основе которого находится событие антропологического поворота, призывает к открытости и междисциплинарным взаимодействиям с одной лишь целью – понять и адекватно осмыслить, что представляет собой современный правовой человек. Такая задача в одной из возможных ее вариаций может быть поставлена на границе взаимодействия юридического опыта познания человека и опыта более глубокого порядка – религиозного опыта, как раз и обращающегося к недоступным классической юриспруденции антропологическим структурам – личностной конституции и идентичности. Вопросу о том, каким образом может быть выстроено взаимодействие богословского и юридического дискурсов и возможно ли на этой основе осуществить построение неклассической концепции права, посвящен следующий параграф.

7.3. О взаимодействии богословского и юридического дискурсов, или О возможности синергийно-антропологической концепции права

Сегодня мы находимся в весьма интересной и в то же время важнейшей для правоведения ситуации, когда принципиально решается вопрос о стратегии движения всего юридического знания. Речь идет о методологических основаниях правовой науки, которые всегда задают формат и определяют общие контуры развития всех юридических исследований. Несмотря на отсутствие консолидированной позиции относительно необходимости пересмотра методологии юриспруденции, становится все более очевидным, что познавательный потенциал классической методологии практически исчерпан. Анализ отечественных исследований по проблемам теоретико-методологического характера, а также учебной литературы по таким методологически ориентированным дисциплинам, как общая теория права и государства, социология и философия права, показывает, что мы еще используем советские методологические наработки. Последние, каким бы образом они ни подвергались внешней модификации, представляют собой отражение нормативно-дисциплинарной парадигмы правового мышления, которая досталась нам в наследство от советско-марксистского дискурса. Можно констатировать, что этот дискурс парадоксальным образом воспроизводится (о чем наглядно свидетельствует содержание учебной литературы по правоведению), хотя самих отношений (советская политика, советское государство и право и т. д.), вокруг которых он изначально формировался, уже нет. Просоветские интеллектуально-юридические практики, в той или иной степени воспроизводящие прежний социокультурный и интеллектуально-волевой фон правового познания, значительно предопределяют уже современную логику исследования и отношения к новой правовой реальности, таким образом изначально имплицитно задавая ориентиры всего исследовательского поля. Причины такого положения дел заключаются в различных факторах, начиная от поддерживаемого государством определенного типа юридической рациональности до главенства в научном пространстве позиций представителей прежней юридической доктрины.

Такому радикальному заключению об имплицитном советско-марксистском сопровождении современных технологий юридического познания, казалось бы, можно противопоставить декларацию о постсоветской деидеологизации (либерализации) гуманитарного знания, включение с начала 90-х гг. XX в. в его состав достижений западной теории и философии права. Однако эти доводы могли бы быть приняты лишь в том случае, если, во-первых, отождествить декларацию с ее реализацией, во-вторых, не учитывать состояния и тенденций развития гуманитарного знания на самом Западе, которые однозначно указыва-

ют на эпистемологический кризис. Кризис классических оснований новоевропейской рациональности, на которых была построена западная научная доктрина, делает для нас обращение к академической системе западноевропейского юридического знания малопродуктивным. Более того, у советской и западной классической эпистемологии пусть в различных вариациях (материалистическое – идеалистическое, коллективное – индивидуальное и т. д.), однако в некотором смысле доминирует общая познавательная линия, заключающаяся в ориентации на классическую (эссенциальную), формально-нормативную заданность познавательных процессов. В связи с этим, как верно отмечает Т.Л. Воротилина, кризис современной юридической науки и юридического мышления является не чем иным, как «порождением центрирующего сознания европейской культуры», а сами классические модели познания в итоге оказались «глубоко отчуждены от реальных процессов функционирования и развития права как реального явления» [15, с. 6]. Такие известные концепты западной мысли XX в., как «преодоление метафизики» (М. Хайдеггер) и «смерть субъекта» (М. Фуко), и были направлены против классической логоцентрической методологической линии.

Таким образом, оценивая современное состояние отечественной и всей постсоветской юриспруденции, можно уверенно сказать, что сегодня происходят постепенное осмысление необходимости отказа от классической логоцентрической традиции в правоведении (особенно это видно в российской юридической науке [21; 26; 28]) и поиск новых [пост]неклассических оснований развития юридического знания в XXI в. Отметим еще раз, что, несмотря на слабую акцентуацию этой темы в отечественной юриспруденции, рано или поздно для получения адекватного результата мы будем вынуждены уже не только говорить об этом, но и решать предстоящие проблемы неклассическим путем. Претензия, которая в свое время предъявлялась к западной юридической рациональности М. Хайдеггером, М. Фуко, Р. Бартом, Ж. Делезом, П. Бурдьё, в настоящее время аналогично может быть предъявлена к отечественному правовому дискурсу в смысле его возможностей отражать реальное состояние дел в правовом пространстве, адекватно описывать причины, стратегии, механизмы происходящих изменений в правовой системе, общую динамику как в поле правовой нормативности, так и в области юридической практики. Полагаем, что решение этих вопросов возможно лишь при принципиально ином, отличном от классического взгляде на правовую реальность, который предполагает неклассический познавательный жест. Как мы уже неоднократно говорили, развитие неклассического юридического дискурса видится нами в *перенесении познавательного акцента с проблем сущности права и государства, теории правового государства и гражданского общества и т. д. в антрополого-юридическое поле на проблему действующего в правовой реальности человека*, причем понимание этого человека долж-

но выстраиваться в совершенно отличном от классического дискурсе. Повторимся еще раз: речь должна идти не о прежнем картезианско-кантианском субъекте права, обладающем только атрибутированными ему юридическими качествами и свойствами, статусами и положениями, позволяющими ему вступать в правовые отношения, не о некоей искусственно отдифференцированной нормативной модели человека, зафиксированной в текстах правовых актов (что и составляло классическую модель субъекта права), но о действующем в правовом пространстве цельном человеке (правовом человеке), человеке как таковом со своей личностной конституцией и идентичностью, целостным правовым взглядом и правовым поступком. Неслучайно М. Фуко и иные европейские критики классической эпистемы сосредоточились именно на обосновании концепта «смерть субъекта», имея в виду завершение классической эпистемологии. Характерно, что в конце XX – начале XXI в. на фоне происходящих изменений не столько в политике, экономике, культуре и т. д., сколько в области антропологии при наблюдении за человеком, его сознанием, телом стало очевидно, что наука не понимает и не может описать ею же заданного человека, искусственно выстроенного субъекта экономических, политических, культурных и наряду с ними и правовых отношений, хотя такой результат был изначально запрограммирован на заре новоевропейской рациональности.

Обращение к проблеме правового человека как центральной методологической проблеме современной юриспруденции не является искусственно рожденной гносеологической вариацией в русле постмодернистской западноевропейской мысли, как могут возразить нам критики. Казалось бы, что может измениться в правовой реальности? Люди как вступали так по-прежнему и вступают в разнообразные правовые отношения (гражданско-правовые, трудовые, жилищные и т. д.), существует государство, устанавливающее и определяющее тип юридической рациональности, функционируют правоохранительные органы, суды и т. д. Однако за всеми этими юридическими обыкновениями скрываются фундаментальные юридические изменения, которые можно разглядеть только под определенным методологическим углом зрения, одной из вариаций которого выступает *дискурсивная методология*. Последняя дает возможность правового познания не через систему отвлеченных, логически выстроенных концептов («демократия», «законность», «правопорядок» и др.), а через «социокультурный и интеллектуально-волевой фон, опосредующий правовую и политическую жизнь общества, влияющий на формирование конкретных государственно-правовых институтов и логики развития публично-правовых отношений в обществе» [29, с. 5]. И с этой точки зрения своего ответа требуют следующие вопросы: каково отношение современного человека к политико-правовой реальности; какие изменения произошли в восприятии человеком государства, права, юридической рационально-

сти в конце XX – начале XXI в.; какое место в смыслодеятельности человека сегодня занимают эти правовые явления; воспринимается ли сегодня право и государство как эталон справедливости либо только как модель welfare state; выполняет и должно ли выполнять сегодня право идеологическую функцию; соответствует ли действительности дифференциация политико-правовых режимов на демократические и недемократические (на легитимные и нелегитимные)? Только теоретические разработки М. Фуко о публичном и скрытом политико-правовом дискурсе, публичных иллюзиях, симуляциях («демократия», «гражданское общество», «государство благосостояния»), идеологических клише, стратегиях насильственного потребления свободы и т. д. представляют огромный потенциал для адекватного описания и понимания современной правовой реальности. Все эти вопросы, не вмещающиеся в классический юридический дискурс, являются тем не менее реальным фактором эффективности правового регулирования общественных отношений, и практически все они своим истоком имеют проблему человека.

В связи с этим следует сказать, что сегодня в юриспруденции все чаще предпринимаются попытки разработки неклассически ориентированных методологий, имеющих целью компенсировать недостатки классической модели за счет в первую очередь актуализации проблемы человека. Наиболее значительными попытками использования таких схем познания являются уже отмечавшиеся нами выше герменевтическая теория права А.И. Овчинникова, диалогическая концепция права И.Л. Честнова и феноменолого-коммуникативная теория права А.В. Полякова. Воздерживаясь от оценки этих концепций, заметим, что исследование указанных ученых действительно вскрыли огромный пласт проблем современной правовой реальности. Большинство оригинальных и продуктивных диссертационных исследований на постсоветском пространстве сегодня выполняются в основном в развитие этих проблем, хотя в то же время в системе юридического образования продвижение данных идей затруднительно.

Поскольку в центр внимания правоведов сегодня все больше и больше помещается именно действующий в правовой реальности человек, постольку в юриспруденции имеет смысл использовать все возможные продуктивные человекомерные дискурсы. Использование в этой связи методологических разработок западных исследователей – коммуникативной, феноменологической, герменевтической и иных теорий – очень продуктивно прежде всего с позиции стратегии, средств и способов выражения, понятийно-категориального описания исследуемой реальности. Однако, как нам представляется, *для юриспруденции сегодня существует и иная возможность неклассического обращения к теме правового человека, а именно посредством апелляции к конститутивному опыту цивилизационно-культурного организма, в*

лоне которого возникла и доминирующее время формировалась наша правовосударственность. Речь идет о специфическом опыте – опыте духовного характера в рамках восточнохристианской (православной) традиции, которая в свое время послужила колыбелью государства и права и выступила духовным проспектом для исторического движения всего цивилизационно-культурного организма. Главное – это то, что в данной, по сути вненаучной традиции также существуют полноценный образ, картина человека и стратегия его бытия, причем человека, действующего не только в церкви, в области обряда (как это, к сожалению, принято считать сегодня), но в мире как таковом, т. е. во всем разнообразии общественных отношений, в том числе и правовых. Поэтому этот опыт для юридической науки представляет собой колоссальный познавательный ресурс. Другое дело, что он категориально не освоен, не переведен на язык юриспруденции. Как бы там ни было, но вопрос о взаимодействии богословского и юридического дискурсов сегодня представляется весьма актуальным, поскольку он дает возможность использовать в юридической науке исторически укорененный опыт духовных практик и, что главное, освещать на его основе те аспекты бытия человека, которые ускользали от классической антропологической мысли.

Одна из самых значительных попыток современного научного освоения богословского дискурса представлена уже упоминавшейся нами школой синергийной антропологии, возглавляемой ее основателем профессором Сергеем Сергеевичем Хоружим [1; 30]. Смысл исследований данной школы заключается в разработке модели неклассической антропологии на базе опыта реконструкции и научного освоения (на выработываемом под эти цели специальном языке) восточнохристианской (православной) практики исихазма как способа действительного конституирования человека с привлечением дискурса современной западной философии. Синергийно-антропологические исследования проводятся в рамках работы Института синергийной антропологии [31] и ряда иных научных институций. Отсылая читателя к указанным источникам синергийно-антропологических исследований, сосредоточимся на интересующей нас проблеме возможности взаимодействия богословского и юридического дискурсов, основываясь на исследовательском потенциале данной школы.

С.С. Хоружий отмечает, что сегодня «науки о человеке проходят период кардинальных перемен, вызванных, с одной стороны, резкими изменениями духовной и антропологической ситуации, с другой – кризисом классических оснований научного дискурса, а в значительной мере и богословского дискурса, который также в немалой степени использовал фундамент аристотелианского эссенциализма» [34]. Новоевропейская традиция окончательно маргинализовала неаристотелианский богословский дискурс о человеке, который транслировался в не-

драх восточнохристианской (византийской) богословско-аскетической традиции. На примере проблемы соотношения естественной теологии («познание тварного мира ведет к познанию Творца») и теологии Откровения в западной мысли С.С. Хоружий показывает, что уже начиная с псевдо-Дионисия (автор раннесредневекового трактата *Cogrus Aegoragiticum*) антропология Откровения как подлинная, неэссенциальная речь о человеке вытесняется на периферию и в западной философии, и в западной теологии: «познание Бога в рамках „внешней науки“, посредством „естественного разума“, „размышлений и силлогизмов“, на основе „общих понятий“ и т. п. – все более представляется как полноценная и (само)достаточная установка» [32]. Со временем в западноевропейской мысли начинается процесс поиска альтернативных теологических моделей человека. Как известно, в конце концов такая модель была найдена в лице картезианского субъекта, в правоведении представленного И. Кантом в качестве трансцендентально-этического субъекта права.

В восточнохристианской же традиции развитие антропологического дискурса шло иным путем. Если на Западе лейтмотив культуры – «гуманистический пафос широких горизонтов познания, бесконечных возможностей совершенствования человека, то на Востоке – необходимость постоянной внутренней работы – покаяния, преодоления и изменения ветхого себя в устремлении к соединению со Христом» (курсив наш. – В. П.) [32]. При этом эссенциализация антропологического дискурса на христианском Востоке была отвергнута еще отцами-каппадокийцами¹, а формирование энергийного антропологического дискурса о человеке было закреплено в XIV в. в период исихастских споров в богословии св. Григория Паламы. У св. Григория, как и у других исихастов, очень часто повторяется простое положение, азбучная истина аскетического сознания: «Истинное знание, единение с Богом и уподобление Ему достигается лишь через соблюдение заповедей». Иным словами, в контексте познавательной активности это означает, что «для „истинного знания“ о Боге человек должен меняться сам» [32].

Данная православная установка является краеугольным камнем типа познания, развивавшегося в восточнохристианском мире и пронизывавшего все области жизнедеятельности. На Западе же она изначально была отброшена и полноценно заменена картезианской метафизикой субъекта, субъект-объектной парадигмой познания. Как мы уже сказали, сегодня данная парадигма в самой западной философии испы-

¹ Отцы-каппадокийцы, или Великие каппадокийцы, – крупнейшие богословы христианского Востока (Греции) IV в. – Василий Великий (ок. 329–379), Григорий Нисский (ок. 335 – ок. 394) и Григорий Богослов (Григорий Назианзин) (ок. 330–390), которые завершили оформление догмата Святой Троицы, строго разграничив понятия «сущность» и «ипостась», придав новый смысл понятию «лицо» и фактически создав новое понятие «личность».

тывает тяжелейший кризис, преодоление которого многие западные мыслители связывают с полным отказом от нее. Альтернативой, следовательно, должна выступить концепция познания, предполагающая изменение самого субъекта познания, который в точном смысле слова уже субъектом и не является. Такой путь предложил М. Фуко в своей теории «практик себя» – антропологических практик, в которых человек проявляет заботу о себе в целях целенаправленного преобразования самого себя, всего своего существа. Однако обращение французского философа к восточнохристианской антропологической практике – исихазму – не состоялось. Выстраивание такой методологической линии сегодня представлено синергичной антропологией.

Какие возможности для юридической науки дает этот путь познания правовой реальности, столь специфичный путь, обращенный к человеку, причем не к привычному субъекту права, а к цельному человеку, да еще в контексте его измерения инструментарием неких духовных практик?

Во-первых, богатый духовный опыт наблюдения за человеком и его поведением, который накоплен в духовных практиках и отражен в богословском дискурсе, будет использован на благо правовой науки прежде всего при определении стратегии нормативно-правового моделирования и прогнозирования правового поведения, что найдет отражение в принципиальном изменении методик и критериев правотворческой деятельности и в повышении эффективности реализации права. Для этого, разумеется, следует отказаться от эссенциального антропологического дискурса как в науке, так и в теологии, что исключит дальнейшую конфронтацию между этими областями знания. С.С. Хоружий, например, так описывает эту возможность: «В парадигме антропологизации православное богословие выступает как опытный дискурс, с собственной и весьма реальной опытной почвой. Понятно, что для него никаких оснований принимать защитную позицию по отношению к научным дискурсам, не имеющим касательства к данной почве; а с теми дискурсами, что к этой почве причастны, оно совместно обращается zur Sachen selbst – вступает в рабочие, предметные отношения сопоставления методов и выводов. И эти отношения, освобожденные от пресса идеологии, могут быть обоюдно полезны и плодотворны» [32]. Разумеется, к причастным православному богословию человекомерным дискурсам следует отнести и общетеоретическую юриспруденцию.

Во-вторых, наряду с иными человекомерными дискурсами (психология, философия, история, социология) правоведение в своей центральной части, вращающейся вокруг правового поведения (это проблемы реализации права, правовых отношений, правосознания и правовой культуры, правомерного поведения, правонарушения и юридической ответственности, правового регулирования общественных от-

ношений и все другие проблемы, за исключением проблем технико-юридического характера), для своего продуктивного развития, развития вглубь нуждается в анализе богословского опыта, связанного с поведением человека, поскольку «только в богословском дискурсе передаются внутренний контекст, мотивации, цель (телос) опыта и другие необходимые моменты» [32]. Одновременно богословский дискурс привлекает понятия и методы юридической науки, что, например, наглядно видно из анализа принятых в последние годы Русской Православной Церковью программных документов («Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000), «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» (2008).

В-третьих, и это самое главное, для отечественной правовой мысли обращение к аутентичной восточнохристианской традиции построения и осмысления жизненных стратегий, в пространстве которых отчетливо вычлняются и юридические практики с присутствием в них мощного духовно-практического элемента, что имеет место и в настоящем законодательстве и юридической практике, является не только плодотворным, но и в некотором смысле единственно возможным. Западная мысль сегодня движется в этом же направлении с той лишь разницей, что цивилизационно-культурный опыт Запада позволяет ему увидеть только те особенности, которые были обусловлены процессом зарождения и развития самой западной культуры.

Данные три положения отражают нашу позицию относительно вопроса о том, необходимо ли взаимодействие богословского и юридического дискурсов. Следующий за ним вопрос касается *предложения альтернативной стратегии познания правовой реальности, и мы видим ее в обосновании положения о возможности синергично-антропологической концепции права.*

Как мы уже указали, основные положения неклассического подхода к познанию государственно-правовой действительности должны строиться на отказе от классической юридической речи, что, вероятно, можно пытаться делать различными способами. Однако, на наш взгляд, наибольшую продуктивность представляет именно неклассический антропологический (синергично-антропологический) подход, решающий сразу несколько задач:

- 1) преодоление кризиса новоевропейской эпистемологии и субъект-объектной парадигмы познания правовой реальности;
- 2) учет и вбирание в синергично-антропологическую доктрину права потенциала конструктивной критики на платформе западноевропейских концептов «смерть субъекта» и «преодоление метафизики»;
- 3) вовлечение в складывающийся новый юридический дискурс богословского дискурса за счет вовлечения достижений его собственной антропологии восточнохристианского типа (исихастской антропологии);

4) возвращение на аутентичную (восточнохристианскую) почву собственных мыслительных моделей и практик юридического познания, естественно складывавшихся в нашей государственно-правовой традиции;

5) разработка собственного аутентичного понятийно-категориального аппарата, базовых концептов юридической науки, служащих критерием адекватности/неадекватности оценки правовой реальности, сопровождающаяся переосмыслением доминирующих сегодня концептов («правовое государство», «демократическое государство», «авторитарное государство», «правовая культура» и др.).

В связи с этим следует хотя бы в общих чертах представить *рабочие наброски, описать контуры эпистемологического ядра новой синергично-антропологической теории права*, которые мы предлагаем условно разделить на три блока:

блок общеметодологический, или синергично-антропологический, включающий в себя общетеоретические положения синергичной антропологии;

блок юридикно-антропологический, представляющий собой приложение положений синергичной антропологии к антрополого-правовой реальности (к правовому человеку);

блок общеправовой, включающий в себя производные от второго блока положения и следствия применения юридизированного (т. е. освоенного на юридическом материале) синергично-антропологического инструментария к иным проблемам правовой реальности (учение о государстве, политической системе общества, нормотворческой технике и т. д.).

В исходном блоке должны быть изложены положения:

о энергичном образе правового человека на основе раскрытия принципа энергичности;

предельности правового человека на основе раскрытия принципа предельности, в соответствии с которым среди всех многочисленных проявлений человеческого бытия (внутренние психические процессы, мысли, речь, деятельность в системе разнообразных социальных практик и т. д.) выделяются предельные антропологические проявления, которые отвечают за конституирование человека, – именно в данных проявлениях формируется конституция человеческого существа, базовые структуры его личности и идентичности, следовательно выявляется ключевой фактор правового поведения (как правомерного, так и противоправного);

личностной конституции и идентичности как действительных базовых структурах формирования человека;

цивилизационно-культурных связях и обусловленности этих концептов антропологической практикой определенного рода – духовной

практикой в рамках определенного государственно-правового пространства.

Второй блок составят положения:

о методологическом различии энергичного образа правового человека и эссенциального субъекта права. Лейтмотив такого различия заключается в том, что правовой человек никогда не является субъектом права в собственном смысле, а всегда действует в правовом пространстве исходя из энергичных ресурсов цельной личности, которые в эссенциальном дискурсе не поддаются описанию;

центрировании энергичного образа правового человека в качестве методологического ключа переосмысления узловых проблем правовой реальности. Например, одной из таких проблем (ее придется решать в первую очередь) является проблема правового сознания, которая в классическом дискурсе решалась исключительно эссенциально. Предлагаемый же подход предполагает рассмотрение правосознания не как формы общественного сознания, но как комплексного энергичного образования, полностью фундированного на структурах личностной конституции и идентичности, которые, в свою очередь, определяются типом осуществляемой «практики себя» и обуславливаются направлением движения, осознанного либо неосознанного прорыва человека к определенной области предельных антропологических проявлений. Разумеется, в этом случае влияние внешних факторов (общественное сознание, идеология и др.) остается, однако сама методология их исследовательского прочтения и представление стратегии их проникновения в правосознание уже определяются иначе, а именно не однозначно, в зависимости от состояния личностной конституции и идентичности как глубинных личностных структур;

взаимосвязи имеющегося сегодня правового человека с превалирующими на современном этапе формой, типом, особенностями процесса личностного конституирования и соответственно с доминирующими типами «практик себя» в рамках той или иной государственно-правовой традиции.

Положения третьего блока должны раскрывать влияние способа конституирования правового человека (т. е. превалирующих сегодня типов правового человека в зависимости от различных критериев социального маркирования) на эффективность, стратегию и способы осуществления властно-публичной и правовой деятельности. Здесь будут переосмыслены традиционные проблемы общей теории государства – проблемы возникновения, сущности и реализации государственной власти, механизма, функций, формы государства, его места в политической системе общества – с позиции дискурсивной методологии, т. е. с позиции реального осуществления государственных стратегий по реализации политической власти (будут переосмыслены диады «правовое/неправовое, демократическое/недемократическое, либеральное/то-

талитарное государство», «демократический/недемократический режим» и др.). Также будут переработаны классические проблемы общей теории права. В частности, упоминавшиеся нами классические концепты в интерпретации М. Фуко («демократия», «гражданское общество» и др.), а также такие классические концепты, как «разделение властей», «приоритет международного права», «верховенство права», «общепризнанные правовые ценности» и др., будут подвергнуты методологической ревизии.

В заключение следует сказать, что юридическое обращение к богословскому дискурсу и привлечение таких сложных и, казалось бы, далеких от классического правоведения пластов знания может показаться простым дилетантством и очередной инновационной спекуляцией. Однако, как показывает направление развития западноевропейской мысли, а также внимательный анализ становления цивилизационно-культурных организмов Запада и Востока, сегодня как раз имеет смысл обратиться к аутентичной духовной традиции как комплексной «практике себя», конституирующей не только персонально-антропологический уровень реальности, но и весь цивилизационно-культурный фон, в том числе и его государственно-правовую область. Попытки 90-х гг. XX в. использовать западноевропейский опыт в чистом виде и последовавшее за этим повсеместное обращение к своему духовному наследию однозначно доказывают верность такого пути, едва ли не единственного. По крайней мере, такой попыткой мы делаем шаг навстречу пониманию современного человека и всего спектра его жизнедеятельности, в том числе в области права и государства.

1. Хоружий С.С. Очерки синергийной антропологии. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
2. Джемаль Г.Д. Манипулируемый хаос [Электронный ресурс] // Арктогея : философ. портал. 2009. Режим доступа: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1523> (дата обращения: 23.11.2009).
3. Честнов И.Л. Современное состояние науки истории политических и правовых учений // История государства и права. 2009. № 7.
4. Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Мишель Фуко: поиск оснований государственной власти [Электронный ресурс] // Методологическая лаборатория при Таганрогском институте управления и экономики. 2009. Режим доступа: <http://metodologlab.narod.ru/power/st1.htm> (дата обращения: 23.11.2009).
5. Рулан Н. Юридическая антропология : учеб. для вузов : [пер. с фр.] / отв. ред. и авт. предисл. к рус. изд. В.С. Нерсисянц. М. : НОРМА, 1999.
6. Ковлер А.И. Антропология права : учеб. для вузов. М. : НОРМА, 2002.
7. Хоружий С.С. От синергийной антропологии к социальной философии, или Диалог с Максмом Вебером [Электронный ресурс] // Институт синергийной антропологии : сайт. 2009. Режим доступа: http://synergia-isa.ru/?page_id=4301#H (дата обращения: 23.12.2009).
8. Фуко М. Герменевтика субъекта : курс лекций, прочит. в Коллеж де Франс в 1981/82 учеб. году / [пер. с фр. А.Г. Погоняйло]. СПб. : Наука, 2007.
9. Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Саратов. юрид. ин-т МВД РФ. Саратов, 2006.

10. Дружжина Ю.А. Религиозное правосознание : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Саратов. гос. акад. права. Саратов, 2007.
11. Мордовцев А.Ю. Российская государственность в ментально-правовом измерении : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 23.00.02 / Ростов. юрид. ин-т МВД РФ. Ростов н/Д, 2004.
12. Гриценко Г.Д. Право как социокультурное явление (философско-антропологическая концепция) : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13. Ставрополь, 2003.
13. Чупрова А.А. Становление духовного опыта российского правосознания : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01. Иркутск, 2004.
14. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М. : Интрада, 1996.
15. Воротилина Т.Л. Постнеклассические тенденции в западной и российской традициях правовопонимания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Нижегород. гос. ун-т. Н. Новгород, 2002.
16. Хоружий С.С. Синергийная антропология как новый подход к методологии гуманитарного знания [Электронный ресурс] // Институт синергийной антропологии : сайт. 2009. Режим доступа: http://synergia-isa.ru/?page_id=4301#H (дата обращения: 11.05.2009).
17. Байтин М.И. О методологическом значении и предмете общей теории государства и права // Государство и право. 2007. № 4.
18. Мальцев Г.В. Право и «смена вех» в научной методологии // История государства и права. 2009. № 22.
19. Шиенок В.П. Методологические проблемы современной криминологии // Юстиция Беларуси. 2006. № 11.
20. Марченко М.Н. Философия права и общая теория права: взаимосвязь и взаимодействие // Изв. вузов. Правоведение. 2009. № 3.
21. Козлихин И.Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Изв. вузов. Правоведение. 2006. № 1.
22. Фуко М. Слова и вещи : Археология гуманитарных наук : пер. с фр. СПб. : А-сад : АОЗТ «Талисман», 1994.
23. Автономова Н.С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» // Фуко М. Слова и вещи : Археология гуманитарных наук : пер. с фр. СПб. : А-сад : АОЗТ «Талисман», 1994.
24. Инговатов В.Ю. Антропологический поворот: характеристика европейского сознания XX столетия [Электронный ресурс] // Библиотека Алтайского государственного университета им. И.И. Ползунова. 2009. Режим доступа: http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/2000-02/30/pap_30.html (дата обращения: 24.02.2010).
25. Хоружий С.С. Современная антропологическая ситуация в свете синергийной антропологии [Электронный ресурс] // Институт синергийной антропологии : сайт. 2009. Режим доступа: http://synergia-isa.ru/?page_id=4301#H (дата обращения: 30.12.2009).
26. Честнов И.Л. Субъект права: от классической к постклассической парадигме // Изв. вузов. Правоведение. 2009. № 3.
27. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы : Семиотика : Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М. : Прогресс, 1989.
28. Овчинников А.И. Правовое мышление : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Рост. юрид. ин-т МВД РФ. Краснодар, 2004.
29. Доровских В.И. Государственно-правовые взгляды Мишеля Фуко : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Рост. юрид. ин-т МВД РФ. Ростов н/Д, 2009.
30. Мельников Д.А. Синергийная антропология как современная интерпретация исихазма : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Южный федер. ун-т. Ростов н/Д, 2009.
31. Официальный сайт Института синергийной антропологии. 2009. Режим доступа: <http://synergia-isa.ru> (дата обращения: 27.04.2010).
32. Хоружий С.С. Естественная теология в свете исихастского боговидения [Электронный ресурс] // Институт синергийной антропологии : сайт. 2009. Режим доступа: http://synergia-isa.ru/?page_id=4301#H (дата обращения: 27.04.2010).

Итак, становление неклассического юридического дискурса на сегодняшний день происходит одновременно по различным направлениям. Как мы показали в работе, а также как это следует из проанализированных научных публикаций последних лет, в настоящее время происходит поиск новых эпистемологических оснований правовых исследований, который связан с радикальным переосмыслением, а если говорить точнее, с постепенным отказом от классической парадигмы правового мышления. Разумеется, сегодня это звучит очень резко, поскольку классические юридические представления, господствующая юридическая рациональность, закодированная в юридическом образовании и институционализированная в правовой теории и практике, просто пока не готовы принять этот опыт. Специалисты отраслевых дисциплин, погруженные во внутриотраслевые проблемы, занятые бесконечным совершенствованием, теоретическим обоснованием новых правовых институтов, нередко просто не понимают той методологической ситуации, которая сложилась в правоведении, а ведь именно на конкретно-правовом, отраслевом уровне правовой жизни проявляются негативные тенденции, связанные с методологическим кризисом. Справедливо будет отметить и то обстоятельство, что сам современный этап развития неклассического юридического мышления характеризуется как поисково-постановочный.

Переосмысление правовой реальности, сконструированной классической традицией, требует огромных интеллектуальных усилий, что выдвигает весьма серьезные требования к самой юридической мысли, ее качеству и глубине. Для ее полноценной реализации необходимо освободиться от классического фрейма – мышления классического образца, привыкшего работать с правовыми сущностями и константами. Во многом такому освобождению способствует междисциплинарная юриспруденция: сегодня изолированное мышление не только в юриспруденции, но и в любой области знания более не является продуктивным. Междисциплинарность дает возможность обогащения познавательной деятельности за счет расширения контекстуализации. Однако междисциплинарный тип познания, пока он не институализирован и не переведен в традицию, требует от исследователя значительных личных усилий.

Взамен классической, эссенциальной познавательной позиции, отталкивающейся при изучении любого правового явления от жестко заданной его сущностной (как правило, нормативной) основы, которая принимается за ведущий критерий существования данного явления, должен использоваться неэссенциальный парадигмальный подход, ра-

ботающий с динамически разворачивающимися юридическими компонентами в ситуации реальной правовой жизни. Продуктивными в этом смысле являются постструктуралистские разработки дискурс-анализа, который может успешно применяться к правовой реальности, а также предложенная школой синергичной антропологии энергичная (в нашей терминологии – энергично-правовая) модель правовой реальности, основанная на правовой антропологии особого типа и переносящая гносеологический и онтологический акцент на действующего в государственно-правовом пространстве человека (правового человека).

Неклассическая мысль движется в направлении разрыва не только междисциплинарных, но и самих научных барьеров, восстанавливая онтологический статус вненаучных ресурсов и комплексов, имеющих с юридической наукой общие области соприкосновения. Для отечественной традиции такой областью является опыт восточнохристианских духовных практик, дающий колоссальный ресурс познания человека, его сознания, внутреннего мира, идентичности и личностной конституции как определяющих для различных моделей правового поведения факторов через свой специфический инструментарий. Однако для адекватного научного проектирования в этом случае требуется достаточная степень погружения в эти ненаучные сферы, опытного вживания в них для внутреннего, живого видения познаваемого правового явления. Такая практика будет способствовать декомпозиции, распрямлению жестких структур классического правового мышления для их мыслительного прорабатывания и последующей сборки на иных, уже неклассических методологических основаниях. Постановочный опыт подобной работы представлен в последнем разделе настоящего исследования.

Надеемся, что рассмотренные в очерках проблемы будут востребованы и послужат дальнейшему развитию обширного поля неклассических исследований в праве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аверьянов, В.В. Традиция и традиционализм в научной и общественной мысли России (60–90-е гг. XX века) / В.В. Аверьянов // *Обществ. науки и современность*. 2000. № 1. С. 68–77.

Автономова, Н.С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» / Н.С. Автономова // Фуко М. Слова и вещи : Археология гуманитарных наук : пер с фр. СПб. : А-сад : АОЗТ «Талисман», 1994. С. 7–27.

Александров, А.С. Основание и условие для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением / А.С. Александров // *Государство и право*. 2003. № 12. С. 43–45.

Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. Т. 2. М. : Юрид. лит., 1982. 359 с.

Алексеев, С.С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Т. 2. Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1973. 401 с.

Алексеева, Л.А. Соотношение социальной и юридической эффективности правоприменительной деятельности (на примере органов внутренних дел) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Л.А. Алексеева ; Акад. упр. МВД РФ. М., 2002. 19 с.

Аликперов, Х.Д. Преступность и компромисс / Х.Д. Аликперов ; Азерб. НИИ проблем судеб. экспертизы, криминалистики и криминологии. Баку : ЭЛИМ, 1992. 195 с.

Аликперов, Х.Д. Проблема допустимости компромисса в борьбе с преступностью : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Х.Д. Аликперов. М., 1992. 300 с.

Аликперов, Х.Д. УК РФ и некоторые проблемы освобождения от уголовной ответственности / Х.Д. Аликперов, К.Ш. Курбанова // *Государство и право*. 2000. № 1. С. 54–60.

Анцупов, А.Ф. Конфликтология : учеб. для вузов / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. М. : ЮНИТИ, 1999. 551 с.

Апресян, Р.Г. Одухотворенность [Электронный ресурс] / Р.Г. Апресян // *Человек*. 1996. № 4. Режим доступа: http://ihtik.lib.ru/philosarticles_21dec2006/philosarticles_21dec2006_794.rar. Дата доступа: 01.02.2008.

Апресян, Р.Г. Справедливость / Р.Г. Апресян // *Ценности гражданского общества и личность. Книга для учителя* / сост. А.И. Михайлова ; отв. ред. Р.Г. Апресян. М. : Гардарики, 2001. С. 143–149.

Апресян, Р.Г. Ценности / Р.Г. Апресян // *Ценности гражданского общества и личность. Книга для учителя* / сост. А.И. Михайлова ; отв. ред. Р.Г. Апресян. М. : Гардарики, 2001. С. 168–164.

Асаенко, Б.В. Преодоление противодействия расследованию преступлений: криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Б.В. Асаенко ; Акад. МВД Респ. Беларусь. Минск, 2003. 16 с.

Астахов, П.А. Динамика разрешения юридических конфликтов (теоретико-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / П.А. Астахов ; Моск. ун-т МВД России. М., 2002. 185 с.

Афонин, М.В. Правовые аспекты разрешения конфликтов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / М.В. Афонин ; Казан. гос. ун-т. Казань, 2002. 21 с.

Бабайцев, А.Ю. Смысл и значение / А.Ю. Бабайцев // *Новейший философский словарь. Постмодернизм* / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Минск : Современ. литератор, 2007. С. 621–622.

Бабосов, Е.М. Конфликтология / Е.М. Бабосов. Минск : Право и экономика, 1997. 360 с.

Баев, О.Я. Конфликты в деятельности следователя (вопросы теории) / О.Я. Баев. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. 159 с.

Байниязов, Р.С. Правосознание и правовой менталитет России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Р.С. Байниязов ; Саратов. юрид. ин-т МВД РФ. Саратов, 2006. 53 с.

Байтин, М.И. О методологическом значении и предмете общей теории государства и права / М.И. Байтин // *Государство и право*. 2007. № 4. С. 5–9.

Барт Р. Смерть автора / Р. Барт // *Избранные работы : Семиотика : Поэтика* : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. С. 384–391.

Бержель, Ж.-Л. Общая теория права : пер. с фр. / Ж.-Л. Бержель ; под общ. ред. В.И. Даниленко. М. : Изд. дом «NOTA BENE», 2000. 576 с.

Берк, Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию / Э. Берк. М. : Рудомино, 1993. 144 с.

Берман, Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. / Г.Дж. Берман. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. 592 с.

Бибило, В.Н. Нормативное и ненормативное регулирование в генезисе правосудия по уголовным делам / В.Н. Бибило // *Право и демократия* : сб. науч. тр. / отв. ред. В.Н. Бибило. Минск : БГУ, 1999. Вып. 10. С. 284–296.

Богданов, В.Е. Юридические конфликты и виды правосудия / В.Е. Богданов // *Право и демократия* : сб. науч. тр. / редкол.: В.Н. Бибило (отв. ред.) [и др.]. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2003. Вып. 14. С. 253–268.

Борщов, С.Г. Противоречия, развитие, практика / С.Г. Борщов. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1966. 228 с.

Братусь, Б.С. Нравственное сознание личности : (Психологическое исследование) / Б.С. Братусь. М. : Знание, 1985. 64 с.

Буева, Л.П. Духовность и проблемы нравственной культуры / Л.П. Буева // *Духовность, художественное творчество, нравственность* : [круглый стол журн. «Вопр. философии»] // *Вопр. философии*. 1996. № 2. С. 3–9.

Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые ; пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко ; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб. : Алетейя ; М. : Ин-т эксперимент. социологии, 2001. 562 с.

Василевич, Г.А. Современное белорусское государство и право и процессы глобализации / А.Г. Василевич // *Юстиция Беларуси*. 2004. № 1. С. 30–32.

Васильев, А.А. История Византийской империи (время до Крестовых походов) / А.А. Васильев. СПб. : АЛЕТЕЙЯ, 1998. 490 с.

Вебер, М. Избранное / М.В. Вебер ; пер. с нем.: М.И. Левина, П.П. Гайденко, А.Ф. Филиппов. М. : РОССПЭН, 2006. 648 с.

Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учеб. пособие / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. Минск : Амалфея, 2002. 656 с.

Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. М. : Изд-во деловой и учеб. лит., 2004. 640 с.

Воздействие глобализации на правовую систему России / С.В. Поленина [и др.] // Государство и право. 2004. № 3. С. 5–15.

Вопленко, Н.Н. Социалистическая законность и применение права / Н.Н. Вопленко ; под ред. М.И. Байтина. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1983. 184 с.

Воротилина, Т.Л. Постнеклассические тенденции в западной и российской традициях правопонимания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т.Л. Воротилина ; Нижегород. гос. ун-т. Н. Новгород, 2002. 24 с.

Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. 2009. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/declarat/declhr.htm>. Дата доступа: 14.03.2009.

Гаджиева, А.А. Диспозитивные нормы в уголовном праве / А.А. Гаджиева // Государство и право. 2003. № 11. С. 97–98.

Галаган, И.А. К проблемам теории правоприменительных отношений / И.А. Галаган, А.В. Василенко // Государство и право. 1998. № 3. С. 12–19.

Галко, И.К. Социология права : лекц. материалы / И.А. Галко, С.Ф. Сокол. Барановичи : Баранов. укрупн тип., 1999. 268 с.

Генон, Р. Восток и Запад Р. Генон ; [пер. с фр. Т.Б. Любимова]. М. : Беловодье, 2005. 240 с.

Генон, Р. Индивидуализм / Р. Генон // Апокалипсис смысла : сб. работ запад. философов XX–XXI вв. М. : Алгоритм, 2007. С. 133–212.

Генон, Р. Кризис современного мира / Р. Генон // Кризис современного мира / Р. Генон. М. : Эксмо, 2008. С. 5–140.

Генон, Р. Царство количества и знамения времени / Р. Генон // Кризис современного мира / Р. Генон. М. : Эксмо, 2008. С. 443–712.

Георгиев, Ф.И. Проблема противоречия / Ф.И. Георгиев, Л.Ф. Петровичева. М. : Высш. шк., 1969. 214 с.

Герасименко, И.Я. Социометрия конфликта / И.Я. Герасименко, Р.М. Юсупов. СПб. : С.-Петербург. ин-т информатики и автоматизации, 1994. 76 с.

Гижа, А.В. Интерпретация и смысл : (Структура понимания гуманитарного текста) [Электронный ресурс] : монография. Харьков : Коллегиум, 2005. 404 с. // Библиотека Гумер. Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/Linguist/gizha/index.php>. Дата доступа: 24.10.2010.

Гиренок, Ф.И. Почему мысль приводит слова в замешательство? [Электронный ресурс] / Ф.И. Гиренок // Федор Иванович Гиренок. 2009. Режим доступа: <http://www.fedorgirenok.narod.ru/warum.htm>. Дата доступа: 14.03.2009.

Гиренок, Ф.И. Удовольствие мыслить иначе / Ф.И. Гиренок. М. : Акад. проект, 2008. 235 с.

Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. Т. 1 : Эпоха Сярэднявечча / В.Б. Евароўскі [і інш.] ; рэдкал.: В.Б. Евароўскі [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. Мінск : Беларус. навука, 2008. 574 с.

Головко, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головко. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 544 с.

Гончаров, В.Б. Проблема усмотрения правоприменяющего субъекта в правоохранительной сфере / В.Б. Гончаров, В.В. Кожевников // Государство и право. 2001. № 3. С. 51–60.

Гофф, Ж. Ле. Рождение Европы / Ж. Ле Гофф ; пер. с фр. А.И. Поповой ; предисл. А.О. Чубарьяна. СПб. : Александрия, 2007. 398 с. (Становление Европы).

Гофф, Ж. Ле. С небес на землю / Ж. Ле Гофф // Одиссей. Человек в истории. М. : Наука, 1991. С. 25–44.

Грабски, А. Фернан Бродель: вопросы методологии истории цивилизаций / А. Грабски // Цивилизации. М. : Наука. 1992. Вып. 1. С. 178–185.

Грицанов, А.А. Знак / А.А. Грицанов // Новейший философский словарь. Постмодернизм / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Минск : Современ. литератор, 2007. С. 165–166.

Гриценко, Г.Д. Право как социокультурное явление (философско-антропологическая концепция) : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13 / Г.Д. Гриценко. Ставрополь, 2003. 407 с.

Гришина, Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. СПб. : Питер, 2000. 464 с.

Гукасян, Р.Е. Правовые и охраняемые законом интересы / Р.Е. Гукасян // Совет. государство и право. 1973. № 7. С. 113–116.

Гуревич, А.Я. Избранные труды. Средневековый мир / А.Я. Гуревич. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 560 с.

Джемаль, Г.Д. Манипулируемый хаос [Электронный ресурс] / Г.Д. Джемаль // Арктогея : философ. портал. 2009. Режим доступа: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=1523>. Дата доступа: 23.11.2009.

Дмитриев, А. В. Конфликтология : учеб. пособие / А.В. Дмитриев. М. : Гардарики, 2002. 318 с.

Доровских В.И. Государственно-правовые взгляды Мишеля Фуко : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.И. Доровских ; Рост. юрид. ин-т МВД РФ. Ростов н/Д, 2009. 27 с.

Дробязко, С.Г. Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы / С.Г. Дробязко // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В.Н. Бибило (отв. ред.) [и др.]. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2003. Вып. 14. С. 15–34.

Дробязко, С.Г. Общая теория права : учеб. пособие / С.Г. Дробязко, В.С. Козлов. Минск : НО ООО «БИП-С», 2003. 336 с.

Дружкина, Ю.А. Религиозное правосознание : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ю.А. Дружкина ; Саратов. гос. акад. права. Саратов, 2007. 22 с.

Дугин, А. Постмодерн или ультрамодерн? / А.Г. Дугин // Философия х-ва. 2003. № 3. С. 14–19.

Дугин, А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / А.Г. Дугин. СПб. : Амфора, 2007. 382 с.

Дугин, А.Г. Обществоведение для граждан Новой России / А.Г. Дугин. М. : Евраз. движение, 2007. 784 с.

Дугин, А.Г. Трансформация политических структур и институтов в процессе модернизации традиционных обществ : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / А.Г. Дугин. Ростов н/Д, 2004.

Дугин, А.Г. Философия традиционализма / А.Г. Дугин. М. : Арктогея-Центр, 2002. 624 с.

Еремина, О.Ю. О правовом мониторинге / О.Ю. Еремина // Журн. рос. права. 2006. № 3. С. 157–160.

Жеребин, В.С. Проблемы правовой конфликтологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В.С. Жеребин ; Нижегород. акад. МВД России. Н. Новгород, 2001. 51 с.

Жинкин, С.А. Некоторые проблемы исследования психологических факторов эффективности норм права / С.А. Жинкин // История государства и права. 2007. № 22. С. 4–5.

Запрудский, Ю.Г. Социальный конфликт (политологический анализ) / Ю.Г. Запрудский ; отв. ред. В.А. Шпак. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1992. 120 с.

Звонарева, О.С. Власть и право (цивилизационно-культурный анализ) / О.С. Звонарева. Минск : Беларус. наука, 2006. 93 с.

Здравомыслов, А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / А.Г. Здравомыслов. 2-е изд., доп. М. : Аспект Пресс, 1995. 320 с.

Зеньковский, В.В. История русской философии. М. : Акад. Проект, Раритет, 2001. 880 с.

Зеркин, Д.П. Закон единства и борьбы противоположностей : лекция / Д.П. Зеркин. Ростов : Изд-во Рост. ун-та, 1958. 36 с.

Зинченко, В.П. Размышления о душе и ее воспитании / В.П. Зинченко // Вопр. философии. 2002. № 2. С. 119–136.

Знаков, В.В. Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры / В.В. Знаков // Вопр. психологии. 1998. № 3. С. 104–114.

Ивин, А.А. Философия истории : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. специальностям и направлениям / А.А. Ивин. М. : Гардарики, 2000. 525 с.

Иеринг, Р. Цель в праве / Р. Иеринг. Т. 1. СПб. : Изд. Н.В. Муравьева, 1881. 412 с.

Ильин, В.В. Аксиология / В.В. Ильин. М. : Изд-во МГУ, 2005. 216 с.

Ильин, И.А. О монархии и республике / И.А. Ильин // Вопр. философии. 1991. № 4. С. 108–151.

Ильин, И.А. О сопротивлении злу силой / И.А. Ильин. М. : «ДАРЪ», 2005. 464 с.

Ильин, И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. М. : Интрада, 1996. 253 с.

Инговатов, В.Ю. Антропологический поворот: характеристика европейского сознания XX столетия / В.Ю. Инговатов // Библиотека Алтайского государственного университета им. И.И. Ползунова [Электронный ресурс]. 2009. Режим доступа: http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/2000-02/30/pap_30.html. Дата доступа: 24.02.2010.

Калинин, С.А. О православном понимании идеи прав человека / С.А. Калинин // Всеобщей декларации прав человека 60 лет: генезис, эволюция и проблемы современного прочтения : сб. науч. тр. / под ред. А.Ф. Вишневого (отв. ред.), В.А. Кучинского и С.Е. Данилюка ; М-во внутрен. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2009. С. 134–154.

Калинин, С.А. Проблемы социальной эффективности права в Республике Беларусь / С.А. Калинин // Jurisprudencija. 2004. Т. 54 (46). S. 94–107.

Калиновский, К.Б. Уголовное судопроизводство как сфера использования положений конфликтологии / К.Б. Калиновский // Юрид. мысль. 2002. № 1. С. 111–119.

Кара-Мурза, С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. М. : Эксмо, 2001. 830 с.

Кара-Мурза, С.Г. Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней / С.Г. Кара-Мурза. М. : Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004. 768 с.

Карбонье, Ж. Юридическая социология / Ж. Карбонье ; пер. и вступ. ст. В.А. Туманова. М. : Прогресс, 1986. 350 с.

Касьянов, В.В. Социология права / В.В. Касьянов, В.Н. Нечипуренко. Ростов н/Д : Феникс, 2001. 480 с.

Кашинский, Ю.И. Диалектика правовой информатизации [Электронный ресурс] / Ю.И. Кашинский // Современные компьютерные технологии в системах правовой информации (правовая информатизация – 2002) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21–22 нояб. 2002 г. // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. 2002. Режим доступа: http://www.ncpi.gov.by/conf/Report/r_07.htm. Дата доступа: 26.10.2008.

Келле, В.Ж. Интеллектуальная и духовная составляющая культуры / В.Ж. Келле // Вопр. философии. 2005. № 10. С. 38–54.

Керимов, Д.А. Философия и философия права / Д.А. Керимов // Право и образование. 2002. № 5. С. 4–26.

Ковлер, А.И. Антропология права : учеб. для вузов / А.И. Ковлер. М. : НОРМА, 2002. 480 с.

Кодекс Республики Беларусь об образовании. Минск : Акад. МВД, 2011. 332 с.

Козлихин, И.Ю. О нетрадиционных подходах к праву / И.Ю. Козлихин // Изв. вузов. Правоведение. 2006. № 1. С. 31–40.

Козлов, А.С. К вопросу об объективной реальности правовых явлений / А.С. Козлов // Проблемы советского государства и права : межвуз. темат. сб. / Иркут. гос. ун-т ; редкол.: О.В. Иванов (гл. ред.) [и др.]. Иркутск, 1977. Вып. 13. С. 46–51.

Козлов, А.С. Место и роль судов общей юрисдикции в механизме правового регулирования [Электронный ресурс] / А.С. Козлов // Сибир. юрид. вестн. 1999. Режим доступа: <http://lawinstitut.ru/ru/science/vestnik/19992/kozlov.html>. Дата доступа: 04.05.2009.

Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов ; предисл. И.Ю. Козлихина. 2-е изд. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 430 с.

Крохина, Ю.А. Юридический конфликт в финансовой сфере: причины, сущность и процедуры преодоления / Ю.А. Крохина // Журн. рос. права. 2003. № 9. С. 68–76.

Крусс, В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы / В.И. Крусс // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–50.

Кудрявцев, В.Н. Криминологическое значение потребностей / В.Н. Кудрявцев // Совет. государство и право. 1973. № 7. С. 41–51.

Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. 2-е изд., перераб. и дополн. М. : Юристъ, 2001. 304 с.

Кудрявцев, В.Н. Современная социология права : учеб. для вузов / В.Н. Кудрявцев, В.П. Казимирчук. М. : Юристъ, 1995. 303 с.

Кузьмина, М.Н. Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов : учеб. пособие / М.Н. Кузьмина. Ставрополь : Ставрополь сервис-шк., 2001. 272 с.

Курбатов, А.Я. Теоретические основы сочетания частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности / А.Я. Курбатов // «Чер. дыры» в рос. законодательстве. 2001. № 1. С. 255–301.

Куринов, Б.А. Научные основы квалификации преступлений / Б.А. Куринов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 180 с.

Кушнарв, В.А. Проблемы толкования норм уголовного права о деятельном раскаянии / В.А. Кушнарв // Рос. следователь. 2001. № 1. С. 12–16.

Лаврик, М.А. К теории соматических прав человека [Электронный ресурс] / М.А. Лаврик // Сибир. юрид. вестн. 2005. № 3 // Юридическая Россия : федер. правовой портал. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1229707>. Дата доступа: 30.03.2009.

Лазарев, В.В. Применение советского права / В.В. Лазарев. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1972. 199 с.

Лазарев, В.В. Социально-психологические аспекты применения права / В.В. Лазарев. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. 143 с.

Лазарев, В.В. Теория государства и права : учеб. для вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень. 2-е изд., испр. и доп. М. : Спарк, 2000. 511 с.

Лао Цзы. Дао дэ цзин / Лао Цзы. СПб. : Азбука, 1999. 181 с.

Лапаева, В.В. Социология права : крат. учеб. курс / В.В. Лапаева ; под ред. В.С. Нерсесянца. М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2000. 287 с.

Лафитский, В.И. Принцип верховенства права в этико-правовом измерении / В.И. Лафитский // Журн. рос. права. 2007. № 9. С. 53–58.

Левицкий, Г.А. Квалификация преступлений : учеб. пособие / Г.А. Левицкий. М. : Акад. МВД СССР, 1981. 47 с.

Лекторский В.А. Духовность и рациональность / В.А. Лекторский // Духовность, художественное творчество, нравственность : [круглый стол журн. «Вопр. философии»] // Вопр. философии. 1996. № 2. С. 3–40.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / А.Н. Леонтьев. 3-е изд., доп. М. : Смысл, 2007. 511 с.

Леонтьев, А.Н. Философия психологии: из научного наследия / А.Н. Леонтьев ; под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1994. 328 с.

Литвинцев, М.Г. Нормативно-правовые аспекты разрешения конфликтов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / М.Г. Литвинцев. М., 1996. 153 с.

Лопатин, Л.М. Статьи по этике / Л.М. Лопатин. СПб. : Наука, 2004. 357 с.

Лоргус, А. Душа и дух: природа и бытие / А. Лоргус // Православное учение о человеке : сб. избр. ст. М. ; Клион : Христиан. жизнь, 2004. С. 168–188.

Лосский, В.Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие / В.Н. Лосский. Киев : Изд-во им. святителя Льва, папы Рим. 2004. 504 с.

Лукашева, Е.А. Социалистическое правосознание и законность / Е.А. Лукашева. М. : Юрид. лит., 1973. 344 с.

Лукьянова, Е.Г. Теория процессуального права / Е.Г. Лукьянова. М. : НОРМА, 2003. 240 с.

Луман, Н. Дифференциация / Н. Луман ; пер. с нем. Б. Скуратов. М. : Логос, 2006. 320 с.

Луман, Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман ; пер. с нем. И.Д. Газиева ; под ред. Н.А. Головина. СПб. : Наука, 2007. 642 с.

Малько, А.В. Субъективное право и законный интерес / А.В. Малько // Изв. вузов. Правоведение. 1998. № 4. С. 58–70.

Мальцев, Г.В. Право и «смена вех» в научной методологии / Г.В. Мальцев // История государства и права. 2009. № 22. С. 44–47.

Марков, Б.В. Культура повседневности : учеб. пособие / Б.В. Марков. СПб. : Питер, 2008. 352 с.

Мартышин, О.В. Нравственные основы теории государства и права / О.В. Мартышин // Государство и право. 2005. № 7. С. 5–12.

Марченко, М.Н. Философия права и общая теория права: взаимосвязь и взаимодействие / М.Н. Марченко // Изв. вузов. Правоведение. 2009. № 3. С. 6–13.

Масловская, Е.В. Суд присяжных в современной России: юридический дискурс и социологический анализ / Е.В. Масловская // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 4. С. 244–248.

Махов, В. Сделка о признании вины / В. Махов, М. Пешков // Рос. юстиция. 1998. № 7. С. 17–19.

Медиация [Электронный ресурс] // Правовой интернет-портал. Режим доступа: <http://www.mediacia.by>. Дата доступа: 10.10.2010.

Мейендорф, И. Жизнь и труды св. Григория Паламы. Введение в изучение. / И. Мейендорф ; пер. Г.Н. Начинкина ; под ред. И.П. Медведева и В.М. Лурье. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Византинороссика, 1997. 480 с.

Мельник, В.А. О цивилизационной идентичности Беларуси / В.А. Мельник // Беларускаяе грамадства ў геапалітычных умовах пачатку XXI стагоддзя: прававыя, эканамічныя і сацыякультурныя праблемы : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. праф.-выкладчыц. саставу, аспірантаў, магістрантаў і спецыялістаў-практыкаў, Мінск, 10 снеж. 2004 г. / пад рэд. С.Ф. Сокала. Мінск : БПП-С Плюс, 2004. С. 33–35.

Мельников, Д.А. Синергичная антропология как современная интерпретация исихазма : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Д.А. Мельников ; Юж. федер. ун-т. Ростов н/Д, 2009. 30 с.

Михайлов, П. Сделка о признании вины – не в интересах потерпевших / П. Михайлов // Рос. юстиция. 2001. № 5. С. 37–38.

Михайлов, С.В. Интерес как общенаучная категория и ее отражение в науке гражданского права / С.В. Михайлов // Государство и право. 1999. № 7. С. 86–92.

Можейко, М.А. Феномен аксиологического эклектизма в современной культуре: методологические основания идейно-воспитательной работы / М.А. Можейко // Вест. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2004. № 2 (8). С. 22–25.

Мордовцев, А.Ю. Мишель Фуко: поиск оснований государственной власти [Электронный ресурс] / А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев // Методологическая лаборатория при Таганрогском институте управления и экономики. 2009. Режим доступа: <http://metodologlab.narod.ru/power/st1.htm>. Дата доступа: 23.11.2009.

Мордовцев, А.Ю. Российская государственность в ментально-правовом измерении : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 23.00.02 / А.Ю. Мордовцев ; Ростов. юрид. ин-т МВД РФ. Ростов н/Д, 2004. 53 с.

Морозова, И. Сделка о признании вины как вариант мирового соглашения / И. Морозова, А. Анненков, С. Дадонов // Рос. юстиция. 2000. № 10. С. 37.

Мотовиловкер, Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права / Е.Я. Мотовиловкер. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 126 с.

Музыкантский, А. Теория противоречивости бытия: 75 лет теореме Геделя [Электронный ресурс] / А. Музыкантский // В мире науки. 2007. № 3. Режим доступа: <http://www.sciam.ru/2007/3/matematika.shtml>. Дата доступа: 10.01.2008.

Мурадян, Э.М. Диспозитивное правосудие как этическая парадигма будущего / Э.М. Мурадян // Соврем. право. 2000. № 4. С. 43–47.

Мытник, П.В. Уголовный процесс: судебные стадии : лекции / П.В. Мытник. Минск : Тесей, 2001. 288 с.

Насевіч, В.Л. Мікрагісторыя: мінулае ў чалавечым вымярэнні / В.Л. Насевіч // Беларускі гістарычны агляд. Т. 6. Сп. 1–2 (10–11). Снежань 1999. С. 133–151.

Наумов, Д.И. Изменение сущностных основ рациональности в политической культуре трансформирующегося социума / Д.И. Наумов // Перспективы рациональности в XXI веке : материалы конф. молодых ученых, Минск, 25 апр. 2002 г. / Нац. акад. наук Беларуси ; Ин-т философии ; редкол.: А. С. Михайлович [и др.]. Минск : Эксперспектива, 2002. С. 34–38.

Нерсесянц, В.С. Сократ / В.С. Нерсесянц. М. : Изд. группа ИНФРА-М – НОРМА, 1996. 312 с.

Нормография: теория и методология нормотворчества : учеб.-метод. пособие / под ред. Ю.Г. Арзамасова. М. : Акад. Проект : Трикта, 2007. 560 с.

Носырева, Е.И. Посредничество в урегулировании правовых споров: опыт США / Е.И. Носырева // Государство и право. 1999. № 1. С. 109–114.

Носырева, Е.И. Альтернативное разрешение гражданско-правовых споров в США : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Е.И. Носырева ; Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2001. 65 с.

О досудебном (претензионном) порядке урегулирования спора [Электронный ресурс] : разъяснение Высш. хоз. суда Респ. Беларусь, 25 нояб. 2008 г., № 03-29/2541 // Белорус. правовой портал. Режим доступа: <http://www.pravoby.info/docum09/part03/akt03472.htm>. Дата доступа: 10.10.2010.

О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь : указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2002. № 46. 1/3636.

О назначении судами уголовного наказания [Электронный ресурс] : постановление пленума Верхов. суда Респ. Беларусь, 26 марта 2002 г., № 1 : в ред. постановлений пленума Верхов. суда от 25.09.2003 № 11, 20.12.2007 № 19 // КонсультантПлюс : Беларусь. Версия Проф / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2010.

О некоторых вопросах применения уголовно-процессуального закона в суде первой инстанции [Электронный ресурс] : постановление пленума Верхов. суда Респ. Беларусь, 26 сент. 2002 г., № 6 : в ред. постановлений пленума Верхов. суда от 22.12.2005 № 13, 19.12.2008 № 11, 24.09.2009 № 8 // КонсультантПлюс : Беларусь. Версия Проф / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2010.

О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361 : ред. от 15.07.2008 // КонсультантПлюс : Беларусь. Версия Проф / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2008.

О приговоре суда [Электронный ресурс] : постановление пленума Верхов. суда Респ. Беларусь, 28 сент. 2001 г., № 9 : в ред. постановлений пленума Верхов. суда от 22.12.2005 № 13, 19.12.2008 № 10 // КонсультантПлюс : Беларусь. Версия Проф / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2010.

Об утверждении Методических рекомендаций по урегулированию экономических споров в порядке посредничества [Электронный ресурс] : постановление Президиума Высш. хоз. суда Респ. Беларусь, 15 апр. 2009 г., № 24 // Белорус. правовой портал. Режим доступа: <http://www.pravoby.info/docum09/part01/akt01677.htm>. Дата доступа: 10.10.2010.

Овчинников, А.И. Правовое мышление : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12. 00.01. / А.И. Овчинников ; Рост. юрид. ин-т МВД РФ. Краснодар, 2004. 48 с.

Овчинников, А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме : монография / А.И. Овчинников ; науч. ред. П.П. Баранов. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 2002. 285 с.

Организация деятельности участковых уполномоченных милиции в вопросах и ответах : учеб. пособие / МАУ МВД России. М. : Щит-М, 2005. 216 с.

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь, Московский Патриархат. 2007. Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?mid=90>. Дата доступа: 31.03.2007.

Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека [Электронный ресурс] // Московский Патриархат Русской Православной Церкви. Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?mid=463>. Дата доступа: 06.04.2009.

Официальный сайт Института синергийной антропологии. 2009. Режим доступа: <http://synergia-isa.ru>. Дата доступа: 27.04.2010.

Павлов, В.И. Смысл любви в философии Вл. Соловьева и православной традиции: вопросы соотношения / В.И. Павлов // Церковь перед вызовом глобальной цивилизации : материалы 13-й Междунар. Кирилло-Мефодиев. чтений, посвящ. Дням славян. письменности и культуры, Минск, 24–26 мая 2007 г. / Ин-т теологии им. св. Мефодия и Кирилла, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств ; отв. ред. и сост. А.Ю. Бендин. Минск : Ковчег, 2008. С. 320–327.

Павлов, В.И. Юридические конфликты: теоретико-методологические аспекты разрешения в процессе применения права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.И. Павлов ; Белорус. гос. ун-т. Минск, 2006. 121 с.

Панарин, А.С. Философия истории : учеб. пособие / А.С. Панарин ; под ред. А.С. Панарина. М. : Гардарики, 1999. 432 с.

Папкова, О.А. Пределы судейского усмотрения в гражданском процессе / О.А. Папкова // Журн. рос. права. 1998. № 2. С. 99–107.

Перепелица, Е.В. Права человека и ценности восточнославянской цивилизации / Е.В. Перепелица. Минск : Белорус. наука, 2006. 230 с.

Петрухин, И. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету / И. Петрухин // Рос. юстиция. 2001. № 5. С. 35–37.

Писарева, И. Концепция альтернативного разрешения споров в России / И. Писарева // Хоз-во и право. 1998. № 9. С. 28–34.

Питерцев, С.К. Тактика допроса / С.К. Питерцев, А.А. Степанов. СПб. : Питер, 2001. 160 с.

Платонов, Г.В. Проблема духовности личности (состав, типы, назначение) / Г.В. Платонов, А.Д. Косичев // Вест. Москов. ун-та. Сер. 7, Философия. 1998. № 3. С. 16–33.

Пляхимович, И.И. О мерах по обеспечению доступности законодательства в Республике Беларусь / И.И. Пляхимович // Проблемы правовой информатизации. 2006. № 2. С. 88–91.

Побережный, С.К. Криминалистические средства разрешения конфликтов и конфликтных ситуаций на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.К. Побережный ; Калинингр. юрид. ин-т МВД Рос. Федерации. Калининград, 2000. 24 с.

Поляков, А.В. Общая теория права : Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций / А.В. Поляков. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 864 с.

Пономаренко, С.Е. Сделки о признании вины в российском уголовном процессе / С.Е. Пономаренко // Изв. вузов. Правоведение. 2001. № 5. С. 131–135.

Предупреждение преступлений, совершаемых на почве семейно-бытовых отношений : учеб. пособие / под ред. В.А. Кузнецова. Киев : НИИРИО Киев. высш. шк. МВД СССР им. Ф.Э.Держинского, 1989. 96 с.

Предупреждение семейно-бытовых правонарушений : учеб. пособие / под ред. А.Ф. Лопушанского. М. : Наука, 1989. 235 с.

Проблемы общей теории права и государства : учеб. для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М. : Норма, 2004. 832 с.

Проблемы права и справедливости в условиях глобализации : 22-й Всемир. конгр. по философии права и социал. философии / подгот. к печати С.И. Максимов // Изв. вузов. Правоведение. 2007. № 1. С. 237–245.

Программа II Международной научно-практической конференции «Информационные технологии и право» (Правовая информатизация – 2004) [Электронный ресурс] // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. 2004. Режим доступа: <http://law.by/work/speakers.nsf/Razdel/35?OpenDocument>. Дата доступа: 26.10.2008.

Протасов, В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. 2-е изд., перераб. и доп. / В.Н. Протасов. М. : Юрайт-М, 2001. 346 с.

Протасов, В.Н. Что и как регулирует право : учеб. пособие / В.Н. Протасов. М. : Юристъ, 1995. 96 с.

Пряхина, Т.М. Конституционные конфликты / Т.М. Пряхина // Государство и право. 2004. № 11. С. 19–25.

Психологический словарь / под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Педагогика-Пресс, 1996. 439 с.

Рарог, А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 304 с.

Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр ; пер. с фр. и вступит. ст. И. Вдовиной. М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2002. 624 с.

Розин, В.М. Генезис и современные проблемы права: методологический и культурологический анализ [Электронный ресурс] / В.М. Розин. М., 2001 // Научный фонд им. Г.П. Щедровицкого. Режим доступа: <http://www.fondgp.ru/lib/mmk/31>. Дата доступа: 06.10.2010.

Ромашов, Р.А. Юридическая конфликтология : учеб. пособие / Р.А. Ромашов ; МВД России, Санкт-Петербург. ун-т. СПб. : Астерион, 2006. 226 с.

Рулан, Н. Юридическая антропология : учеб. для вузов : [пер. с фр.] / Н. Рулан ; отв. ред. и авт. предисл. к рус. изд. В.С. Нерсесянц. М. : НОРМА, 1999. 301 с.

Сахнова, Т.В. Гражданское процессуальное право России: перспективы развития / Т.В. Сахнова // Государство и право. 1999. № 12. С. 31–37.

Семенов, В.М. Принципы советского социалистического общественного права [Электронный ресурс] / В.М. Семенов // Изв. вузов. Правоведение. 1964. № 1. С. 16–26 // Юридическая Россия : федер. правовой портал. 2009. Режим доступа: <http://law.edu.ru/magazine/article.asp?magID=5&magNum=1&magYear=1964&articleID=1130097>. Дата доступа: 09.12.2008.

Семин, А.А. Развитие идей компромисса в отечественной уголовно-правовой науке и законодательстве / А.А. Семин // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2001. № 1. С. 158–160.

Сидельников, И.П. Доступность закона: правовое информирование граждан / И.П. Сидельников ; под ред. В.А. Круталевича. Минск : Наука і тэхніка, 1992. 125 с.

Сидельников, И.П. Проблемы доступности советского законодательства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И.П. Сидельников. М., 1985. 205 с.

Сильченко, Н.В. Проблемы верховенства закона : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Н.В. Сильченко ; Белорус. гос. ун-т. Минск, 1993. 52 с.

Синченко, Г.Ч. Философско-правовые облики человека : монография / Г.Ч. Синченко. Омск : Ом. акад. МВД России, 2001. 239 с.

Синюков, В.Н. Роль юридических фактов в процессе правореализации / В.Н. Синюков // Актуальные вопросы советского права (теория и практика). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1985. 165 с.

Смирнов, А.В. Модели уголовного процесса / А.В. Смирнов. СПб. : Наука, 2000. 224 с.

Соколова, А.А. Социальные аспекты правообразования / А.А. Соколова. Минск : Европ. гуманитар. ун-т, 2003. 160 с.

Соловьев, В.С. Сочинения : в 2 т. / В.С. Соловьев. 2-е изд. Т. 2. М. : Мысль, 1990. 822 с.

Социология права : учебник / В. М. Сырых [и др.] ; под ред. В.М. Сырых. 3-е изд., стер. М. : Юрид. дом «Юстицинформ», 2004. 464 с.

Сперанский, В.И. Конфликт: сущность и особенности его проявления / В.И. Сперанский // Соц.-полит. журн. 1995. № 3. С. 152–161.

Степин, В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В.С. Степин. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.

Сугрей, Л.А. Традиционализм в контексте социально-философского анализа : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Л.А. Сугрей. Ставрополь, 2003. 397 с.

Теория государства и права : учебник / под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Право и закон, 2002. 576 с.

Теория государства и права : хрестоматия : в 2 т. / авт.-сост.: В.В. Лазарев, С.В. Липень. Т. 2. М. : Юристъ, 2001. 604 с.

Тихиня, В.Г. Гражданское процессуальное право Республики Беларусь. Особенная часть / В.Г. Тихиня. Минск : Молодежн. науч. о-во, 2002. 231 с.

Тихомиров, Ю.А. Юридическая коллизия / Ю.А. Тихомиров. М. : Манускрипт, 1994. 140 с.

Тихомиров, Ю.А. Коллизионное право : учеб. и науч.-практ. пособие / Ю.А. Тихомиров. М. : Юринформцентр (Тихомиров), 2000. 394 с.

Ткаченко, Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений / Ю.Г. Ткаченко. М, 1980. 176 с.

Трубецкой, Е.Н. Труды по философии права / Е.Н. Трубецкой ; вступ. ст., сост. и примеч. И.И. Евлампиева. СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. 543 с.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. 272 с.

Усатий, Г.О. Компроміс як засіб вирішення кримінально-правового конфлікту : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Г.О. Усатий ; Нац. акад. внутр. справ України. Київ, 1999. 16 с.

Усовская, Э.А. Постмодернистский тип рациональности / Э.А. Усовская // Перспективы рациональности в XXI веке : материалы конф. молодых ученых,

Минск, 25 апр. 2002 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии ; редкол.: А.С. Михайлович [и др.]. Минск : Экоперспектива, 2002. С. 31–32.

Фадеева, Т.М. Социальные революции и традиции: точка зрения консерваторов / Т.М. Фадеева // Социолог. исследования. 1991. № 12. С. 26–38.

Фуко, М. Слова и вещи : Археология гуманитарных наук : пер. с фр. / М. Фуко. СПб. : А-сэд : АОЗТ «Талисман», 1994. 405 с.

Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. СПб. : Унив. кн., 1997. 573 с.

Фуко, М. Рождение клиники / М. Фуко. М. : Смысл, 1998. 307 с.

Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. М. : Ad Marginem, 1999. 478 с.

Фуко, М. Герменевтика субъекта : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981/82 учеб. году / М. Фуко ; [пер. с фр. А.Г. Погоняйло]. СПб. : Наука, 2007. 676 с.

Хабибулин, А.Г. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории / А.Г. Хабибулин, Р.А. Рахимов // Государство и право. 1999. № 3. С. 11–20.

Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. М. : Юрид. лит., 1974. 351 с.

Хардт, М. Империя : пер. с англ. / М. Хардт, А. Негри ; под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М. : Праксис, 2004. 440 с.

Хвостова, К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма / К.В. Хвостова. СПб. : Алетейя, 2009. 207 с.

Хомич, В. На пути формирования эффективной уголовной политики / В. Хомич // Суд. вестн. 2001. № 4. С. 53–55.

Хоружий, С.С. Современная антропологическая ситуация в свете синергической антропологии [Электронный ресурс] / С.С. Хоружий // Институт синергической антропологии : сайт. 2009. Режим доступа: http://synergia-isa.ru/?page_id=4301#Н. Дата доступа: 30.12.2009.

Хоружий, С.С. Естественная теология в свете исихастского боговидения [Электронный ресурс] / С.С. Хоружий // Институт синергической антропологии : сайт. 2009. Режим доступа: http://synergia-isa.ru/?page_id=4301#Н. Дата доступа: 27.04.2010.

Хоружий, С.С. Кризис классической европейской этики в антропологической перспективе / С.С. Хоружий // Этика науки. М. : ИФРАН, 2007. С. 85–97.

Хоружий, С.С. Опыты из русской духовной традиции / С.С. Хоружий. М. : Парад, 2005. 445 с.

Хоружий, С.С. От синергической антропологии к социальной философии, или Диалог с Максом Вебером [Электронный ресурс] / С.С. Хоружий // Институт синергической антропологии : сайт. 2009. Режим доступа: http://synergia-isa.ru/?page_id=4301#Н. Дата доступа: 23.12.2009.

Хоружий, С.С. Очерки синергической антропологии / С.С. Хоружий. М. : И-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с.

Хоружий, С.С. Синергическая антропология как новый подход к методологии гуманитарного знания [Электронный ресурс] / С.С. Хоружий // Институт синергической антропологии : сайт. 2009. Режим доступа: http://synergia-isa.ru/?page_id=4301#Н. Дата доступа: 11.05.2009.

Худойкина, Т.В. Юридический конфликт (теоретико-прикладное исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Т.В. Худойкина ; Нижегород. акад. МВД России. Н. Новгород, 2002. 55 с.

Худойкина, Т.В. Юридический конфликт: динамика, структура, разрешение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Нижегород. акад. МВД России / Т.В. Худойкина. Саранск, 1996. 189 с.

Цыпин, В. Концепция права в свете христианской антропологии / В. Цыпин // Православное учение о человеке : избран. ст. М. ; Клин : Христиан. жизнь, 2004. С. 388–401.

Чаплин, В. Нравственность в церкви и вне ее / В. Чаплин // Православное учение о человеке : сб. избран. ст. М. ; Клин : Христиан. жизнь. 2004. С. 402–414.

Честнов, И.Л. История политических и правовых учений: теоретико-методологическое введение : учеб. пособие / И.Л. Честнов. СПб. : ИВЭСЭП, Знание, 2009. 279 с.

Честнов, И.Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности / И.Л. Честнов. СПб. : С.-Петерб. юрид. ин-т Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2000. 103 с.

Честнов, И.Л. Современное состояние науки истории политических и правовых учений / И.Л. Честнов // История государства и права. 2009. № 7. С. 8–12.

Честнов, И.Л. Субъект права: от классической к постклассической парадигме / И.А. Честнов // Изв. вузов. Правоведение. 2009. № 3. С. 22–30.

Чулюкин, И.Л. Социальные конфликты и применение права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И.Л. Чулюкин. Казань, 2001. 175 с.

Чупрова, А.А. Становление духовного опыта российского правосознания : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / А.А. Чупрова. Иркутск, 2004. 136 с.

Шеллинг, Ф.В.Й. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах / Ф.В.Й. Шеллинг // Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1989. С. 86–158.

Шестаков, Д.А. Семья как объект криминологического исследования / Д.А. Шестаков // Изв. вузов. Правоведение. 1992. № 4. С. 60–65.

Шиенок, В.П. Методологические проблемы современной криминологии / В.П. Шиенок // Юстиция Беларуси. 2006. № 11. С. 20–26.

Шиханцов, Г.Г. Социальный механизм действия права / Г.Г. Шиханцов // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (отв. ред.) [и др.]. Минск : Белорус. гос. ун-т, 2003. Вып. 14. С. 57–65.

Шмитт, К. Номос Земли и право народов *Jus publicum euroraem* / К. Шмитт. СПб. : Владимир Даль, 2008. 670 с.

Шмитт, К. Политическая теология [Электронный ресурс] / К. Шмитт. М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 336 с. // Славянская библиотека. 2009. Режим доступа: <http://slav.olegem.net/search.php?stypе=d>. Дата доступа: 06.03.2009.

Штёкль, К. Постсекулярная субъективность в западной философской дискуссии и православное богословие [Электронный ресурс] / К. Штёкль // Науч. богослов. портал. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/863182.html>. Дата доступа: 09.06.2010.

Штракс, Г.М. Социальное противоречие / Г.М. Штракс. М. : Мысль, 1977. 158 с.

Шумихин, В.Г. Квалификация преступлений – интегральное правовое понятие / В.Г. Шумихин // Изв. вузов. Правоведение. 2006. № 3. С. 120–126.

ПАВЛОВ Вадим Иванович

ОТ КЛАССИЧЕСКОГО
К НЕКЛАССИЧЕСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ДИСКУРСУ

Очерки общей теории и философии права

Редактор Л.М. Романовская
Технический редактор А.В. Мозалевская
Компьютерный набор И.В. Бачила
Корректор М.Н. Колотуха

Подписано в печать 26.09.2011. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 18,60. Уч.-изд. л. 21,69.
Тираж 150 экз. Заказ 224.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
ЛИ № 23330/0150245 от 08.04.2008.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.

Щедровицкий, Г.П. Избранные труды / Г.П. Щедровицкий. М. : Шк. культур. политики, 1995. 800 с.

Щедровицкий, П.Г. Изменение мышления на рубеже XXI столетия: социокультурные вызовы / П.Г. Щедровицкий // Вопр. философии. 2007. № 7. С. 36–54.

Экимов, А.И. Интересы и право в социалистическом обществе / А.И. Экимов. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 134 с.

Энциклопедический социологический словарь / Рос. акад. наук, Ин-т соц.-полит. исслед. ; общ. ред. Г. В. Осипова ; ред.-сост. А. В. Кабыща. М. : ИСПИ РАН, 1995. 939 с.

Юридическая конфликтология – новое направление в науке : [круглый стол журн. «Государство и право» / подгот. к печати Л. А. Морозова] // Государство и право. 1994. № 4. С. 3–23.

Юридическая конфликтология / Бойков О.В. [и др.] ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М. : Ин-т гос. и права РАН, 1995. 316 с.

Юридическая конфликтология : в 3 ч. / Рос. акад. наук, Центр конфликтолог. исслед. ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М. : ИНИОН, 1993–1995.

Явич, Л.С. Общая теория права / Л.С. Явич. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 287 с.

Яковлев, А.М. Теоретические проблемы социологии права / А.М. Яковлев // Проблемы социологии права : сб. Вильн. гос. ун-т. юрид. фак. ; отв. ред.: В. Н. Кудрявцев, А. Б. Чяпас. Вильнюс, 1970. С. 26–34.

Яхно, В.Н. Возможные варианты развития белорусского общества в геополитических условиях XXI века / В.Н. Яхно // Беларускае грамадства ў геапалітычных умовах пачатку XXI стагоддзя: прававыя, эканамічныя і сацыякультурныя праблемы : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. праф.-выкладчыц. саставу, аспірантаў, магiстрантаў і спецыялістаў-практыкаў, Мiнск, 10 снеж. 2004 г. / пад рэд. С.Ф. Сокала. Мiнск : БiП-С Плюс, 2004. С. 56–57.

Abel, R. A comparative theory of dispute institutions / R. Abel // Law a. Soc. Rev. 1974. Vol. 8, № 2. P. 217–347.

Abolishing corporal punishment of children [Электронный ресурс] // Совет Европы : сайт. Режим доступа: <http://www.coe.int/t/transversalprojects/children>. Дата доступа: 04.10.2010.

Alternative Rechtsformen und Alternativen zum Recht / Hrsg.: E. Blankenburg, E. Klaus, H. Rottleuthner. Opladen : West-dt. Verl., 1980. 501 S.

Capra, D. La. Rethinking Intellectual History and Reading Texts / D. La Capra // History and Theory. 1980. Vol. 19. P. 245–276.

Gmurzyńska, E. Alternatywne metody rozwiązywania sporów / E. Gmurzyńska // Temidium. 2003. № 4. S. 20–25.

Groszyk, H. Konflikt interesów i prawo / H. Groszyk, A. Korybski. Warszawa : COMSNP, 1990. 180 s.

Luhmann N. Konflikt und Recht / N. Luhmann // Ausdifferenzierung des Rechts: Beiträge zur Rechtssoziologie und Rechtstheorie. Frankfurt, 1981. S. 92–112.

Morawski, L. Proces sądowy a instytucje alternatywne (na przykładzie sporów cywilnych) / L. Morawski // Panstwo i prawo. 1993. № 1. S. 12–24.

Petev, V. A socio-axiological concept of law / V. Petev // Ratio Juris. 1999. Vol. 12, № 3. P. 263–273.